

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 3, № 11

Подписано к публикации: 24.11.2023

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2023

Содержание

Омакаева Э.У., Салыкова В.В., Пюрбеев Г.Ц., Харчевникова Р.П., Монраев М.У. Эпический лексикон как экспликатор лингвокультурных кодов монгольских языков: на материале эпоса «Джангар»	6-10
Фань Юаньюань Омонимия в лингвистике: механизмы образования и семантические особенности	11-14
Марковский Е.И. Многомерность художественного мира И.Г. Марковского	15-19
Ци Цишу Исследование языковых игр в русском рекламном дискурсе	20-25
Сакалова З.М. Историзм малой прозы Б.Х. Зязикова	26-29
Стебунова Е.И. К вопросу о возможностях текстового анализа и его роли в формировании межкультурного диалога на занятиях по изучению русского языка как иностранного	30-33
Валипур Алиреза, Салехи Мохаммади Хабиб К вопросу об аккомодации и диссимилиации звуков в русском и персидском языках	34-38
Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта, Чечикова Е.П. Языковая политика как основа укрепления мировой значимости России в контексте современной геополитической ситуации	39-42
Алыев Э.Ф. Приемы создания комического эффекта в юмористическом кинодискурсе (на материале англоязычного кинотекста)	43-48
Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид Цветосемантика как лингвокультурологический метод анализа текста в русском и арабском языках	49-56
Лю Юйсинь Концептуальное определение дипломатического дискурса с точки зрения институционального дискурса	57-64
Рябкова Ю.Е. Возможности категоризации пространственных отношений средствами словообразовательного уровня (на материале современного русского языка)	65-71
Семенова М.Г. Традиции качественного глянца о моде в отечественном издании The Symbol	72-77
Синявский А.А. Создание рекламного слогана в практике преподавания иностранного языка специальности	78-81
Таджибова З.Т. Отражение концепта свадьба в лезгинской, русской и английской языковой картине мира	82-87

Фроликова Е.Н. Роль кино в неформальном изучении иностранных языков, в частности немецкого	88-91
Ху Юйпинь Коммуникативные стратегии и тактики токсичного человека (на материале массмедийных текстов)	92-100
Краснощёков Е.В. Исчезновение именных классов, как один из факторов перестройки языка	101-107
Магомедова А.Н., Идрисова Н.П. Научная методология в журналистике	108-111
Тюкина Л.А. Детский анекдот как представитель юмористического дискурса (на материале русскоязычного анекдота)	112-117
Кормильцева А.Л. Термины родства как гендерный маркер в поговорках и афоризмах русского и английского языков	118-123
Яруллина О.А. Когнитивный подход в изучении аффиксных фразеологических единиц английского и татарского языков	124-128
Агавова З.Ш. К вопросу о функционировании междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц	129-132
Даренская Н.А. Роль литературных претекстов и музыкальной цитации в смысловом пространстве повести А.И. Куприна «Впотьмах»	133-138
Ли О.Д. Функции предложно-падежных сочетаний с производными предлогами противительной семантики в структуре предложения и текста	139-145
Литвяк О.В. Структурно-семантические особенности немецкоязычных IT- аббревиатур	146-151
Самситова Л.Х. Языковая личность Ф.А. Надршиной (на материале книги «Слово народное»)	152-156
Брагина О.А. Этнонимы как способ пополнения военного жаргона	157-161
Чигринова Е.А., Ефремова Н.В., Слащева Н.И., Белоконева К.А. Особенности трансформации фразеологизмов в поэтических текстах (на материале сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена»)	162-168
Яблонских А.В. Особенности продвижения Web 3.0 (NFT) проектов	169-174
Медведева Е.С. Грамматическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений в устной и письменной речи обучающихся билингвов	175-179

Скрипченко С.Н. Грамматическая категория модальности в современном английском языке	180-183
Тамбиева Ф.А., Дзейтова Х.Б., Юсупова С.С.-А. Вариативность реплик-реакций с глаголами в речи (на материале французского и русского языков)	184-187
Чжан Юфань Микрополе Традиция как компонент концептуального поля «Праздник» в русской лингвокультуре	188-195
Золотухина О.Ю. Утверждение христианских идей в развитии темы рая и ада в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека»	196-205
Лукьянова В.В. Синтаксический фразеологизм <i>то еще NI</i>	206-212
Окурокова В.Б., Попова М.П. Тенденции развития современной якутской литературы	213-217
Попова М.П. Гендерная идентичность лирической героини в поэзии Венеры	218-222
Асанова З.А. Лексема кьол / эль 'рука' в составе неоднословных лексических единиц, передающих невербальное поведение человека	227-231

*Омакаева Э.У., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Салыкова В.В., кандидат филологических наук, доцент,
Пюрбеев Г.Ц., доктор филологических наук, профессор,
Харчевникова Р.П., доктор филологических наук, профессор,
Монраев М.У., доктор филологических наук, профессор,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова*

Эпический лексикон как эксплициатор лингвокультурных кодов монгольских языков: на материале эпоса «Джангар»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10061, <https://rscf.ru/project/23-28-10061/>

Аннотация: статья посвящена особенностям лексики эпического жанра на материале текстов героического эпоса «Джангар», существующего в трех основных этнорегиональных версиях (калмыцкой, ойратской и монгольской).

Целью данного исследования является характеристика лингвокультурных кодов, для экспликации которых используется ядерная именная (субстантивная и адъективная) лексика определенных лексико-семантических групп. Это послужит в дальнейшем выявлению регионального и идиолектного своеобразия эпического лексикона в русле нового направления научного поиска. Под ядерным лексиконом понимаются ключевые слова, использованные в данном корпусе текстов.

Применен описательный метод с приемами наблюдения и классификации, а также системно-функциональный, типологический (сопоставительный) анализ.

Предпринятое авторами изучение прилагательных-цветообозначений (колористический код), фаунистических номинаций домашних животных и диких зверей (зоокод), названий артефактов (предметный код) свидетельствует о важности заявленного подхода к представлению лексикографического «портрета» материальной и духовной культуры монголоязычных этносов.

Авторы приходят к выводу, что изучение эпической специфики лингвокультурных кодов способствует более глубокому пониманию национального менталитета, реконструкции языковой картины мира и идей, заложенных в изучаемых текстах.

Ключевые слова: лексикон, монгольские языки, эпос «Джангар», лингвокультурный код, колоративы, артефакты

Для цитирования: Омакаева Э.У., Салыкова В.В., Пюрбеев Г.Ц., Харчевникова Р.П., Монраев М.У. Эпический лексикон как эксплициатор лингвокультурных кодов монгольских языков: на материале эпоса «Джангар» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 6 – 10.

Поступила в редакцию: 3 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 4 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

Исследования, посвященные калмыцкому героическому эпосу «Джангар», долгое время носили чисто фольклористический характер, связанных прежде всего с анализом сюжетики с точки зрения циклизации эпоса. Практически не было лингвистических работ. Между тем культурная многомерность и семантическая многослойность эпического слова служат предпосылкой его многоаспектного изучения. С высоты сегодняшнего дня можно говорить о принципиально новых направлениях и методологических подходах в изучении эпоса, обязанных своим появлением уровню развития современной фольклористики и лингвофольклористики.

Национальная специфика калмыцкого эпоса во многом отражается в его собственно языковых характеристиках, прежде всего в значениях слов, лексическом составе. Языковые особенности еще более индивидуализируют эпические образы [8].

Судя по литературе, собственно лингвистические исследования эпоса первоначально носили, в большей степени, фрагментарный характер. Больше всего исследователей привлекала лексика «Джангара» [4, 5, 16 и др.].

В начале 21 в. появился ряд новых работ, посвященных лингвистическому изучению «Джангара» [1, 2, 7, 19, 20 и др.]. В 2007 г. была защищена кандидатская диссертация, посвященная лексико-стилистическому изучению языка эпоса [17].

Описание лексики калмыцкого эпоса необходимо проводить в контексте материальной и духовной культуры народа, поскольку «за текстом» стоит целый комплекс представлений, именуемый картиной мира. Это новый ракурс в изучении языка «Джангара».

Основные результаты

Именно героической спецификой, идейным замыслом обусловлены особенности лексики эпоса. Ряд лексем, обозначающих бытовые реалии прошлого, уже непонятны современному поколению.

Поэтому сегодня как никогда актуальны слова известного фольклориста В.М. Гацака о необходимости создания исчерпывающего лексического словаря ко всему «Джангару» и сравнительного словаря художественных средств всех версий эпоса [9, с. 564].

Автор монографического труда «Опыт лингвистического исследования эпоса “Джангар”» Б. Х. Тодаева [18] использовала в качестве источниковой базы тексты, изданные в 1940 г.: речь идет о 10 песнях из эпического репертуара джангарчи Элян Овла в записи 1908 г. (Н. Очиров) и двух песнях в записи 1862 г. (К.Ф. Голстунский).

Эпической лексикологии и лексикографии долгое время не уделялось достаточно внимания. Между тем полноценное изучение эпоса невозможно без основательной лексикографической обработки языкового материала. Первый опыт составления переводного словаря калмыцкого эпоса также принадлежит Б. Х. Тодаевой, автору «Словаря языка ойратов Синьцзяна», составленному по версиям песен «Джангара» [19]. Вышеупомянутая монография содержит словарь с указанием количества словоупотреблений, но здесь фиксируется только частотность лексем, данных о частотности отдельных ЛСВ нет.

Освоение лексического богатства «Джангара» требует тщательного изучения свойств и значений эпического слова. Проблема адекватного понимания значения слова, его этимологии, полноценного лексикографического описания ключевой лексики представляет насущный интерес для достижения лингвистической эквивалентности перевода эпического текста [12] и в целом для урало-алтайского языкознания.

Системный характер лексики эпоса заключается в том, что можно выделить тематические межчастеречные лексические кластеры и лексико-семантические группы. Это такие кластеры, как «Пространство», «Время», «Человек», «Мир животных», «Мир растений», «Число», «Цвет», «Природа», «Артефакты», «Тело» и многие другие, связанные с ЛК: биоморфным (вегетативным и фаунистическим), латеральным, колоративным, нумеративным, пространственным, темпоральным, природным, предметным, телесным и т.д.).

Обсуждение

Время и пространство рассматриваются учеными с разных позиций: как средство создания художественного образа, с точки зрения историзма (историко-генетический аспект) и языковой репрезентации (лингвистический аспект). Неотделимость от пространства характерна для времени. В этом случае можно говорить о единой категории «пространство-время», именуемой хронотопом, или пространственно-временным континуумом. Актуально исследование эпического хронотопа в лингвистическом ракурсе.

На специфику восприятия пространства и времени влияют ландшафт, среда обитания, быт народа. Временное пространство «Джангара» организовано номинациями различных отрезков и периодов, например, обозначениями суточного времени [21].

Среди параметрических кодов особое место занимает цветовой код. Как отражаются в калмыцком эпосе цветовые представления этноязыкового сообщества?

Колоративная адъективная лексика эпоса привлекает к себе внимание все большего числа исследователей. И это не случайно. Цветообозначения (далее ЦО) интересны прежде всего с точки зрения происхождения и семантики. Исследователями [11] осуществлена реконструкция пракегельтской системы цветовой лексики с указанием ее отличий от индоевропейских названий.

От правильной дешифровки, понимания значения ЦО и их аксиологического потенциала зависит адекватный перевод эпического текста. В нем ЦО проявляют диффузность семантики: речь идет о совершенно особых коннотациях, которые не присущи им в общеязыковом употреблении.

Анализ ЦО обычно связан с частотностью их употребления в «Джангаре», но дело в том, что статистика приводит к разным результатам в отношении доминирующего цвета в эпосе: желтый (шар) [19], белый (цахан) [16], черный (хар) [6], красный (улан) [10]. И здесь возникает два вопроса. Первый – в чем причина этого? Второй – говорит ли это о ключевом, базовом статусе соответствующего ЦО в данном тексте?

Проведенное Э.У. Омакаевой сравнительное исследование основных ЦО, обнаруженных на материале двух глав эпоса [15], показало, что у исследователей нет обоснованной методики анализа. Необходимо различать лексему в целом и лексико-семантический вариант (ЛСВ) с цветовой семьей. Ведь ряд калмыцких

колоративов, в частности, *хар*, по сравнению с соответствующими русскими ЦО, обозначают не только собственно цвет (черный), но и масть коня (вороной). Иными словами, ЦО, помимо основного значения, используемого для вербализации цвета, имеют и производные (метафорические), вовсе не колоративные значения.

Конечно, сравнительное изучение лексикона разных версий и субверсий «Джангара» станет намного доступнее, если будут созданы словари языка отдельных репертуарных циклов. Лингвисты КИГИ РАН (ныне КалмНИЦ РАН) еще в 2014 г. инициировали проект по созданию толкового словаря эпоса «Джангар» [13, 14 и др.]. Результаты работы вылились в целую серию статей.

Заключение

Таким образом, при создании новых лексикографических трудов языка эпоса необходимо внести соответствующие корректировки в словарные дефиниции слов. Так, при составлении словарных статей необходимо дифференцировать различные значения полисемантов, определив первичное, основное значение лексемы, а затем в определенном порядке разместить другие ЛСВ.

В дальнейшем необходимо осуществить сопоставительный анализ базовых лексем разных жанров монголоязычного фольклора. Но главной целью подобных исследований должно стать описание жанрово-стилистической специфики лексики эпоса по сравнению не только с другими жанрами фольклора, но и с языком художественной литературы.

Литература

1. Бадгаев Н.Б. Заимствованная лексика в калмыцком языке и ее тематическая классификация (на материале эпоса «Джангар») // Монголоведение. 2013. № 6 (1). С. 51 – 63.
2. Бадгаев Н.Б. Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Oriental Studies. 2014 № 4. С. 113 – 118.
3. Бадгаев Н.Б. Цветообозначения в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН-V. Элиста, 2015. С. 64 – 66.
4. Бардаев Э.Ч. Лексика Джангара как предмет специального исследования // Джангар и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. 1978. С. 122 – 124.
5. Бардаев Э.Ч. Некоторые вопросы изучения лексики Джангара // Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: Мат-лы Всесоюз. науч.конф (г. Элиста, 17-19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 390 – 395.
6. Бачаева С.Е. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») // Oriental Studies. 2015. № 1.
7. Бачаева С.Е. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: дефиниции названий небесных светил // Монголоведение. 2016. № 8 (2). С. 78 – 88.
8. Бурькин А.А. Индивидуализация образов персонажей как средство композиции и сюжетообразования в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Альманах «Studia culturae», Studia culturae. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. 2002. № 3. С. 79 – 94.
9. Гацак В.М. Отчеты руководителей секционных заседаний // Джангар» и проблемы эпического творчества: Материалы Междунар. науч. конф. (22-24 августа 1990 года). Элиста: АПП «Джангар», 2004.
10. Гэрэлмаа Г. «Жангар» туулин дахь улаан өнгө заасан үгийн үндсэн ба бэлгэдэлт утга // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Б.Х. Тодаевой (г. Элиста, 23-26 апреля 2015). Ч. I. Элиста: КИГИ РАН. 2015. С. 100 – 103.
11. Дыбо А.В., Михайлова Т.А., Норманская Ю.В. Основные цветообозначения в кельтских языках // Московский лингвистический журнал. 2002. № 6/1. С. 7 – 52.
12. Лиморенко Ю.В. Проблемы лингвистической эквивалентности перевода фольклорных текстов // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 119 – 121.
13. Омакаева Э.У. Проблемы лексикографической фиксации многозначности глагола и имени в толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: типологические и идиоэтнические аспекты // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 210 – 210.
14. Омакаева Э.У. Калмыцкий героический эпос «Джангар» в лексикографическом преломлении: из опыта работы над толковым словарем языка эпического текста // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Махачкала, 2016. С. 138 – 148.
15. Омакаева Э.У. Цветовой код калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Социальные трансформации. 2019. № 30. С. 146 – 153.

16. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
17. Салькова В.В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса "Джангар": автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Элиста, 2007. 33 с.
18. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
19. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2001. 494 с.
20. Damrinjab (ed. and introd.) Qalimay Jangyar, text qaričayulul kiged üges-ün tayilburi [Kalmyk Jangar, Text comparison and explanation of the vocabulary]. Beijing: Ündüsüten-ü Keblel-ün Qoriy-a. 2002.
21. Salykova V., Oмакаева E., Alexeeva A. Time in Kalmyk folklore discourse based on the 'Jangar' epic and proverbial paroemias // European Journal of Science and Theology. 2014. Vol. 10. № 6. P. 79 – 89.

References

1. Badgaev N.B. Zaimstvovannaja leksika v kalmyckom jazyke i ee tematičeskaja klassifikacija (na materiale jeposa «Dzhangar»). Mongolovedenie. 2013. № 6 (1). S. 51 – 63.
2. Badgaev N.B. Religioznaja leksika v kalmyckom geroičeskom jepose «Dzhangar». Oriental Studies. 2014 № 4. S. 113 – 118.
3. Badgaev N.B. Cvetooboznachenija v kalmyckom geroičeskom jepose «Dzhangar». Ezhegodnye nauchnye čtenija Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN-V. Jelista, 2015. S. 64 – 66.
4. Bardaev Je.Ch. Leksika Dzhangara kak predmet special'nogo issledovanija. Dzhangar i problemy jepičeskogo tvorčestva tjurko-mongol'skih narodov. 1978. S. 122 – 124.
5. Bardaev Je.Ch. Nekotorye voprosy izučenija leksiki Dzhangara. Dzhangar" i problemy jepičeskogo tvorčestva tjurko-mongol'skih narodov: Mat-ly Vsesojuzn. nauch.konf (g. Jelista, 17-19 maja 1978 g.). M.: Nauka, 1980. S. 390 – 395.
6. Bachaeva S.E. Formuly-tolkovanija cvetooboznachajushhih imen prilagatel'nyh (na materialah pesen jeposa «Dzhangar»). Oriental Studies. 2015. № 1.
7. Bachaeva S.E. Tolkovyj slovar' jazyka kalmyckogo geroičeskogo jeposa «Dzhangar»: definicii nazvanij nesbnyh svetil. Mongolovedenie. 2016. № 8 (2). S. 78 – 88.
8. Burykin A.A. Individualizacija obrazov personazhej kak sredstvo kompozicii i sjužhetoobrazovanija v kalmyckom geroičeskom jepose «Dzhangar». Al'manah «Studia culturae», Studia culturae. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo. 2002. № 3. C. 79 – 94.
9. Gacak V.M. Otčety rukovoditelej sekcionnyh zasedanij. Dzhangar» i problemy jepičeskogo tvorčestva: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (22-24 avgusta 1990 goda). Jelista: APP «Dzhangar», 2004.
10. Gjerjelmaa G. «Zhangar» tuulin dah' ulaan öngö zaasan ygijn yndsjen ba bjelgjedjelt utga. Mongolovedenie v nachale HHI veka: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija: Materialy Mezhduna-rodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju B.H. Todaevoj (g. Jelista, 23-26 aprelja 2015). Čh. I. Jelista: KIGI RAN. 2015. S. 100 – 103.
11. Dybo A.B., Mihajlova T.A., Normanskaja Ju.V. Osnovnye cvetooboznachenija v kel'tskih jazykah. Moskovskij lingvističeskij žurnal. 2002. № 6/1. S. 7 – 52.
12. Limorenko Ju.V. Problemy lingvističeskoj jekvivalentnosti perevoda fol'klornyh tekstov. Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 3. S. 119 – 121.
13. Oмакаева Je.U. Problemy leksikografičeskoj fiksacii mnogoznachnosti glagola i imeni v tolkovom slovare jazyka kalmyckogo geroičeskogo jeposa «Dzhangar»: tipologičeskie i idiojetničeskie aspekty. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 2-2. S. 210 – 210.
14. Oмакаева Je.U. Kalmyckij geroičeskij jepos «Dzhangar» v leksikografičeskom prelomlenii: iz opyta raboty nad tolkovym slovarem jazyka jepičeskogo teksta. Kavkazskie jazyki: genetiko-tipologičeskie obshhnosti i areal'nye svjazi. Mahachkala, 2016. S. 138 – 148.
15. Oмакаева Je.U. Cvetovoj kod kalmyckogo geroičeskogo jeposa «Dzhangar». Social'nye transformacii. 2019. № 30. S. 146 – 153.
16. Pjurbeev G.C. Jepos «Dzhangar»: kul'tura i jazyk (jetnolingvističeskie jetjudy). Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 128 s.
17. Salykova V.V. Leksiko-stilističeskie osobennosti jazyka sin'czjan-ojratskoj i kalmyckoj versij jeposa "Dzhangar": avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Jelista, 2007. 33 s.
18. Todaeva B.H. Opyt lingvističeskogo issledovanija jeposa "Dzhangar". Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1976. 530 s.

19. Todaeva B.X. Slovar' jazyka ojratov Sin'czjana (Po versijam pesen «Dzhangara» i polevym za-pisjam avtora). otv. red. G.C. Pjurbeev. Jelista: Kalm. kn. izd-vo. 2001. 494 s.
20. Damrinjab (ed. and introd.) Qalimaḡ Jangyar, text qaričayulul kiged ügesün tayilburi [Kalmyk Jangar, Text comparison and explanation of the vocabulary]. Beijing: Ündüsüten-ü Keblel-ün Qoriy-a. 2002.
21. Salykova V., Omakaeva E., Alexeeva A. Time in Kalmyk folklore discourse based on the 'Jangar' epic and proverbial paroemias. European Journal of Science and Theology. 2014. Vol. 10. № 6. P. 79 – 89.

Omakaeva E.U., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Senior Research Officer, Salykova V.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Pyurbееv G.Ts., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor, Kharchevnikova R.P., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor, Monraev M.U., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

Epic lexicon as an explicator of linguocultural codes of Mongolian languages: based on the material of the epic “Dzhangar”

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of the vocabulary of the epic genre based on the texts of the heroic epic “Dzhangar”, which exists in three main ethno-regional versions (Kalmyk, Oirat and Mongolian).

The purpose of this study is to characterize linguocultural codes, for the explication of which nuclear nominal (substantive and adjective) vocabulary of certain lexical-semantic groups is used. This will further serve to identify the regional and idiolectal uniqueness of the epic lexicon in line with a new direction of scientific research. The nuclear lexicon refers to the keywords used in this corpus of texts.

A descriptive method with observation and classification techniques was used, as well as systemic-functional, typological (comparative) analysis. The authors' study of color designation adjectives (color code), faunal nominations of domestic animals and wild animals (zoo code), and names of artifacts (subject code) indicates the importance of the stated approach to presenting a lexicographic “portrait” of the material and spiritual culture of Mongol-speaking ethnic groups.

The authors come to the conclusion that the study of the epic specificity of linguistic and cultural codes contributes to a deeper understanding of the national mentality, reconstruction of the linguistic picture of the world and ideas embedded in the texts being studied.

Keywords: lexicon, Mongolian languages, epic “Dzhangar”, linguocultural code, colors, artifacts

For citation: Omakaeva E.U., Salykova V.V., Pyurbееv G.T., Kharchevnikova R.P., Monraev M.U. Epic lexicon as an explicator of linguocultural codes of Mongolian languages: based on the material of the epic “Dzhangar”. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 6 – 10.

Received: August 3, 2023; Revised: October 4, 2023; Accepted: November 24, 2023.

**Фань Юаньюань, аспирант,
Московский педагогический государственный университет**

Омонимия в лингвистике: механизмы образования и семантические особенности

Аннотация: омонимия является одним из ключевых понятий в лингвистике, особенно в области семантики и лексикографии. В данной статье рассматриваются механизмы образования омонимов, их классификация и семантические особенности. Статья основывается на обширном анализе лингвистических данных и теоретических концепций, связанных с омонимией. В работе подробно рассматриваются различные типы омонимии, включая омонимию и полисемию, и выявляются основные причины их возникновения. Подчеркивается важность изучения омонимии для более глубокого понимания семантических процессов в языке. Автор рассматривает различные подходы к пониманию омонимии в лингвистике и приводит примеры из русского языка для демонстрации разнообразия этого явления. Эта статья имеет важное значение для лингвистических исследований, поскольку она расширяет наше понимание явления омонимии и его роли в функционировании языка. Работа предлагает новые подходы к изучению омонимии и может быть полезной для специалистов в области лингвистики, семантики и перевода.

Ключевые слова: омонимия, полисемия, русский язык, классификация, механизм образования, семантические особенности, омонимы, лингвистика

Для цитирования: Фань Юаньюань Омонимия в лингвистике: механизмы образования и семантические особенности // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 11 – 14.

Поступила в редакцию: 3 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 8 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Появление омонимии является неизбежным явлением в развитии языка. С одной стороны, омонимы могут привести к двусмысленности, если они плохо усвоены или неправильно используются в процессе перевода, что может вызвать негативные последствия и доставить много затруднений тем, кто изучает русский язык. С другой стороны, русские омонимы широко используются в обществе, культуре, искусстве и национальной психологии – например, в диалогах, наименованиях, пожеланиях, шутках, загадках, головоломках, скороговорках, фольклоре, обычае, поэзии, литературе, фильмах, песнях, лозунгах и рекламе [8].

Как известно, омонимия используется не только в художественных текстах, но и рекламе. Для того, чтобы привлечь внимание потребителей, рекламные слова должны быть краткими, содержательными, большими по объему информации, легко произносимыми и легко запоминающимися. В России есть реклама, в которой используют омонимы, например: Стиральный порошок «Ласка» – подари ласку себе и всей твоей семье. Здесь слово Ласка – название стирального порошка, а ласка – значит выражение любви нежным прикосновением [8].

Омонимия представляет собой явление, заключающееся в том, что одни и те же слова или фразы имеют несколько различных значений или трактовок, что часто приводит к недопониманию или смешным ситуациям. Если без контекста нам трудно понять как в понимании смысла употребления слова, так и в его лексикографическом описании.

Омонимы образуются различными способами. Один из наиболее распространенных механизмов – этимологическая омонимия, когда различные слова сходных или одинаковых звучаний имеют разную этимологию. Также омонимия может быть обусловлена фонетическими изменениями в процессе языковой эволюции. Например, коса (инструмент для скашивания травы) – коса (прическа) имеют разные происхождения, но совпадают по звучанию и написанию [1].

Омонимы также можно классифицировать по различным признакам.

По признаку их формы можно выделить омографы: слова, одинаковые по написанию, но разные по произношению, они отличаются ударением, например: замок (укрепленное жилище, дворец, крепость) – замо́к (устройство для запираания дверей), атлас (собрание карт) – атлас(ткань); омофоны: слова, совпадающие в звучании, но не совпадающие на письме (безударные гласные, звонкие согласные на конце слова), например: умалять (уменьшать) – умолять (склонять к чему-либо страстными просьбами), сесть (становиться седым) – сидеть (быть в таком положении, при котором туловище опирается на что-нибудь нижней своей частью) и грамматические омонимы: это слова сразу лексическим значением в первую очередь одинаковые по звучанию, написанию и принадлежат они к разным частям речи, это одна категория слов типа, например: мой (от глагола «мыть») – мой (местоимение), а есть ещё грамматические формы совпадающие омо-

формы так называемые, например: берёзы (именительный падеж множественное число) – берёзы (существительное в родительном падеже).

По признаку семантики омонимы могут быть разделены на полные омонимы (лексические омонимы): слова, совпадающие во всех грамматических формах, например: блок (строительный материал) – блок (спортивный прием) и частичные омонимы: слова, не совпадающие в своих отдельных грамматических формах, например: лук (оружие) – лук (огородное растение), слово «лук» в значении «растение» не имеет формы множественного числа [4].

Механизм образования омонимов – это процесс, при котором два или более различных слов имеют одинаковое звучание или написание, но разные значения. В.В. Виноградов в своей работе указывает, что механизмы образования омонимов могут отличаться в разных языках и зависеть от истории и структуры конкретного языка. Механизмы образования омонимов русского языка могут быть разнообразными:

1. Историческая эволюция: слова с различным происхождением могут совпадать в написании или звучании из-за исторических изменений в их форме.

2. Фонетические изменения: изменения в звучании слов с течением времени могут привести к образованию омонимов.

3. Производные формы: слова могут иметь производные формы, которые совпадают в написании и/или звучании с другими словами, образуя таким образом омонимы.

4. Экспликация: слова могут стать омонимами в результате экспликации, когда одно слово приобретает новое значение, при этом старое значение сохраняется.

5. Заимствования: иногда слова могут быть заимствованы из других языков с одинаковым написанием или звучанием, что приводит к образованию омонимов [7].

Семантические особенности омонимии связаны с тем, как одно слово может отображать несколько различных концепций. Это приводит к многозначности и мультипликации смысла, что вносит дополнительную сложность в процесс коммуникации и интерпретации текста [6]. Изучение семантических особенностей омонимии позволяет лучше понять процессы семантического сдвига и метафоризации в языке.

Семантические особенности омонимии включают в себя следующие аспекты:

1. Полисемия: некоторые случаи омонимии могут быть объяснены как полисемия, то есть одно слово имеет несколько связанных, но различных значений. Например: класс (общественная группа) – класс (комната для занятий) – класс (разряд) – класс (группа учащихся). Омонимия и полисемия – многозначность, то есть наличие у слова двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению [1]. Как же их отличить? Это сложные, с точки зрения профессионалов, психологов и грамматистов, вещи. Например, «коса» у девушки, «коса» реки, «коса» – то чем косят. Или «кнопка» – звонка, или канцелярская «кнопка».

2. Контекстуальное значение: значение омонимичных слов может быть определено только через контекст, в котором слово используется. Это может привести к недопониманию или двусмысленности в коммуникации. В историческом контексте омонимичные слова могут предоставить полезную информацию о сдвигах в языке, общественных представлениях и культуре. Например, исследование изменений в значениях и использовании омонимичных слов может помочь нам понять, как менялись представления об определенных явлениях или объектах в разные исторические периоды [10].

3. Лексические различия: несмотря на схожесть в форме или звучании, слова-омонимы могут иметь совершенно разные лексические значения, что делает их отличимыми в различных контекстах.

4. Случай семантической неоднозначности. Семантическая неоднозначность омонимии в русском языке может быть вызвана различными синтаксическими и семантическими факторами. Это явление представляет интерес для лингвистов, поскольку требует изучения контекста и семантических особенностей, которые определяют значение слова в конкретной ситуации. Например, слово "крыло" может иметь несколько значений в зависимости от контекста. Оно может означать часть тела у птицы, а также элемент конструкции, обеспечивающий подъем и удержание в воздухе. Также это слово употребляется в переносном значении, как, например, "крыло власти" [2].

Таким образом, омонимия представляет собой важное явление в языке, изучение которого позволяет лучше понять принципы лексического значения слова и семантические механизмы в языке в целом. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать углубленному пониманию процессов семантического развития в языке. Исследование омонимии русского языка может пролить свет на историю развития языка, включая его взаимодействие с другими языками, влияние социальных и культурных изменений на семантику слов, а также динамику развития языка в различных регионах.

Для достижения этой цели исследователям необходимо анализировать большие корпуса текстов на русском языке и проводить сопоставительные анализы с другими языками. Также важно изучать исторические источники, включая литературные произведения, для понимания контекста использования омонимичных слов в разные исторические периоды [8].

Литература

1. Аникина А.Б., Бельчиков Ю.А., Вакуров В.Н. и др. Современный русский язык: Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник для вузов / под ред. Д.Э. Розенталя. 4-е изд., испр. и доп. М., 1984. 319 с.
2. Булаховский Л.А. Из жизни омонимов // Русская речь. Нов. серия, 3. М.: Academia, 1928. С. 48.
3. Введенская Л.А. К вопросу о классификации и стилистическом использовании омонимических слов // Вопросы стилистики литературоведения. Ростов-на-Дону, 1964. С. 92 – 107.
4. Вендина Т.И. Омонимия // Введение в языкознание: учебник для академического бакалавриата 4-е изд. М.: Юрайт, 2017. 333 с.
5. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 3 – 17.
6. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 288 – 294.
7. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 1 – 11.
8. Фань, Юаньюань, Тарасова Е.Н. Использование омонимов в обучении китайских студентов русскому языку на начальном этапе // Преподаватель XXI век. 2020. Ч. 1. № 1. С. 175 – 181.
9. Чиркина И.П. Грамматическая омонимия сравнительных союзов и частиц в современном русском языке // Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. Пермь: Ун-т, 1965. С. 43 – 53.
10. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., URSS, 2022. 310 с.

References

1. Anikina A.B., Bel'chikov Ju.A., Vakurov V.N. i dr. Sovremennyj russkij jazyk: Leksika i frazeologija. Fonetika i orfojepija. Grafika i orfografija. Slovoobrazovanie. Morfologija. Sintaksis: uchebnik dlja vuzov. pod red. D. Je. Rozentalja. 4-e izd., ispr. i dop. M., 1984. 319 s.
2. Bulahovskij L.A. Iz zhizni omonimov. Russkaja rech'. Nov. serija, 3. M.: Academia, 1928. S. 48.
3. Vvedenskaja L.A. K voprosu o klassifikacii i stilisticheskom ispol'zovanii omonimicheskikh slov. Voprosy stilistiki literaturovedenija. Rostov-na-Donu, 1964. S. 92 – 107.
4. Vendina T.I. Omonimija. Vvedenie v jazykoznanie: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata 4-e izd. M.: Jurajt, 2017. 333 s.
5. Vinogradov V.V. Ob omonimii i smezhnyh javlenijah. Voprosy jazykoznanija. 1960. № 5. С. 3 – 17.
6. Vinogradov V.V. Ob omonimii v russkoj leksikograficheskoj tradicii. Leksikologija i leksikografija. M.: Nauka, 1977. S. 288 – 294.
7. Vinogradov V.V. O grammaticheskoj omonimii v sovremennom russkom jazyke. Russkij jazyk v shkole. 1940. № 1. S. 1 – 11.
8. Fan', Juan'juan', Tarasova E.N. Ispol'zovanie omonimov v obuchenii kitajskih studentov russkomu jazyku na nachal'nom jetape. Prepodavatel' XXI vek. 2020. Ch. 1. № 1. S. 175 – 181.
9. Chirkina I.P. Grammaticheskaja omonimija sravnitel'nyh sojuzov i chastic v sovremennom russkom jazyke. Voprosy morfologii, sintaksisa russkogo jazyka i metodiki ego prepodavanija. Perm': Un-t, 1965. S. 43 – 53.
10. Shanskij N.M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka. M., URSS, 2022. 310 s.

*Fan' Yuan'yuan', Postgraduate,
Moscow State Pedagogical University*

Homonymy in linguistics: mechanisms of education and semantic features

Abstract: homonymy is one of the key concepts in linguistics, especially in the field of semantics and lexicography. This article discusses the mechanisms of homonyms formation, their classification and semantic features. The article is based on an extensive analysis of linguistic data and theoretical concepts related to homonymy. The paper examines in detail various types of homonymy, including homonymy and polysemy, and identifies the main causes of their occurrence. The importance of studying homonymy for a deeper understanding of semantic processes in language is emphasized. The author examines various approaches to understanding homonymy in linguistics and provides examples from the Russian language to demonstrate the diversity of this phenomenon. This article is important for linguistic research, as it expands our understanding of the phenomenon of homonymy and its role in the functioning of language. The work offers new approaches to the study of homonymy and may be useful for specialists in the field of linguistics, semantics and translation.

Keywords: homonymy, polysemy, Russian language, classification, mechanism of education, semantic features, homonyms, linguistics

For citation: Fan' Yuan'yuan' Homonymy in linguistics: mechanisms of education and semantic features. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 11 – 14.

Received: August 3, 2023; Revised: October 8, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Марковский Е.И., аспирант,
Московский государственный институт культуры*

Многомерность художественного мира И.Г. Марковского

Аннотация: статья посвящена Ивану Григорьевичу Марковскому – новосибирскому прозаику, публицисту, лауреату литературных премий. Данный автор в художественной и мемуарной прозе придерживается традиций русской мысли, русского мироощущения, запечатлённых в отечественной классике конца XX – начала XXI вв.

В статье сделана попытка выявить многомерность писательского художественного мира, связанную с гармонией бытия, погружением во внутреннее пространство тишины, в жизнь природы, и рассмотреть основные векторы развития личности автобиографического героя в творчестве И. Г. Марковского, уходящие корнями в названную многомерность.

Вопрос о многомерности художественного мира И. Марковского является трудным потому как не очень ясно как мерить? Да и само слово «многомерность» подразумевает что-то связанное со словами космос, космизм, проявленный мир, непроявленный, бездна.

В статье сделана попытка выявить многомерность художественного мира писателя, с тут же возникшим вопросом: что есть мера? И на что мерить? На размеры внешнего космоса или на нечто другое, что заключено в нашем внутреннем? Затронут также вопрос гармонии, великой тишины и природы, отношение к тишине и природе живущего в них человека и приезжающих на природу людей Города, видящих Природу, как кусок пирога или пиццы.

Рассматривая вопрос многомерности, можно сказать, что герои художественной прозы Марковского, как и публицистической, нигде не удовлетворялись одномерностью, плоскостью своего пребывания на земле. И это тоже традиция русской литературы, вселенская маета русской души. И именно в неудовлетворённости собой и окружающим миром, лежит основной вектор развития человеческой личности и всех наших противоречий. И только природа, её покой, её мерный ритм, «мерный круг» ещё способны умиротворять человека, приближать к гармонии и удерживать от полного разрушения и распада человеческой личности.

Ключевые слова: Иван Григорьевич Марковский, художественный мир, традиции русской классики, многомерность, бессмертие, векторы развития личности, космос художественного пространства

Для цитирования: Марковский Е.И. Многомерность художественного мира И.Г. Марковского // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 15 – 19.

Поступила в редакцию: 13 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Вопрос о многомерности художественного мира И.Г. Марковского, пожалуй, один из самых трудных, поскольку само слово «многомерность» подразумевает нечто, связанное с понятиями мера, космос, космизм, проявленный и непроявленный миры, бездна. Художественное бытие героев писателя включает такие параметры как художественные пространство и время; гармония и дисгармония воспроизведённой реальности; основные векторы развития личности героя; линию отношения героя к природе к её великим целепильным потенциалам, описанным ещё Ф.И. Тютчевым, включая «великую тишину» и балансы стихий, глубокую связь с человеческой душой.

Возьмём, к примеру описания людей, побывавших в самом космосе, их ощущение одномерности или многомерности космоса.

«Говорят, что космос чёрный, но, глядя в его безбрежную даль, вдруг начинаешь понимать, что это не чёрный цвет... Это пустота в полном смысле слова» (*Борис Егоров, СССР*) [2, с. 60].

«Она была осязаема. Я мог протянуть руку и пощупать её. Такое у меня возникло чувство. Такой плотной была чернота» (*Чарлз Дьюк, США*) [2, с. 82].

«Я был подавлен крошечной тьмой вокруг меня. По спине у меня побежали мурашки, а волосы, наверное, встали дыбом. Мне вспомнились строки из Библии, в которых говорится об «ужасе великой тьмы». Эд и я какое-то время молчали, а произнесённые затем слова «Ну и тьма» и в малой степени не отразили того, как мы были ошарашены.» (*Уильям Пог, США*) [2, с. 84].

Есть ещё такое описание космоса: «*и ввергнут будет он вместо светлое суть которого тартар – тьма без бога, где бродит человек естеством своим себя познающий*» [7, с. 125].

Так в каком месте такого познания «естества своего» находятся герои Ивана Марковского, да и все мы. Мы ведь тоже «герои» космоса?

Приведём монолог героя повести «На брудершафт пьют за дружбу»:

«Вот ты все признаки болезни у меня ищешь и в конце концов скажешь, что это у меня от потрясения, депрессия или как там по-вашему... Да, действительно, толчок был, будто меня очень резко-резко передвинули... Только я скажу тебе, что никакая это не болезнь: так ясно и умно я еще никогда не жил, не чувствовал, не думал, такое ощущение, будто я всё понял (не хотел тебе говорить об этом, ну да ладно, скажу: всё – так всё). Понимаешь, простые дробы забыл; дательный-страдательный – к чему это, уже не помню, интегралы для меня звук пустой, в лучшем случае представляю какие-то кубики; из философов одного Карла Маркса назвать могу, и то, только потому что его портреты повсюду развешаны, а такое ощущение, будто я всё и всех понял, будто дали мне такую мерочку, которой все измерить могу... Чего только за эти три дня и три ночи не перемерил, к чему мерочку не прикладывал... Знаешь, за эти три дня и три ночи я сильно свободен стал, так свободен, что самому страшно... Взмыл куда-то, а для чего – не знаю; лечу – а кругом пусто...» [3, с. 98].

Герой повести космонавтом не был, но на «пустоту» наткнулся. И не там, в непроницаемой черноте космоса, в которую выходили космонавты, описавшие свои ощущения, а здесь, на земле, среди множества людей!..

И встаёт вопрос: а какой космос на земле в жизни человечества и человека важнее – тот, который описали космонавты или тот, который в естестве, в душе, в духе человека?.. И важно ли то, что в душе человека или не важно? А лишь бы был «общественный строй». Но пожив, походив в этом строю, герой повести Марковского «На брудершафт пьют за дружбу» заключает:

«Всё у людей по-звериному; только не напрямую, как у зверей: поймал и съел, сожрал, а с хитростью, с оформлением под закон, под мораль, под хорошо и плохо... И всегда стараемся, чтобы хорошо было только нам, а другим пусть похуже...»

Оля была чище, того суда, умнее, добрее, а ее судили... Нет в этом мире никакой справедливости...» [3, с. 99].

С другой стороны, появляется у героя какая-то мерка, которой он «три дня и три ночи тут лёжа», всё перемерял. «Кто-то же мне эту меру дал, раньше во мне такой меры, таких мыслей не было: не замечал. Откуда взялось? Кто дал?.. Зачем?.. Мне, брат, в жизни определиться надо: Олина смерть от меня оправдания требует... А оправдаться не могу... И смысла жизни на земле найти не могу» [3, с. 98].

Обратим внимание на меру, «мерку», которую герой упоминает несколько раз: что это за явление, за ощущение в сознании человека, откуда берётся: из общественного строя, из нашего личного земного жизненного опыта, или ещё из чего-то?.. Герой повести И.Г. Марковского силится понять и с этим спрашивает своего оппонента:

«Вот ты сам: в чем Смысл жизни видишь?

– В её развитии...

– Это что?.. как говорят: в разностороннем развитии личности... так что ли?

– И так...

– Какой с него толк, с этого всестороннего развития?.. Если всему во мне – смерть?.. И своё всестороннее развитие туда, куда Оля ушла, не заберёшь.

– Другие жить остаются, им всё передаём...

– Да какое мне дело до других-то, если меня ни тут, ни там... Много чего нам здесь говорили и говорят – и про коммунизм, и про великое будущее науки, про всё ускоряющийся прогресс, и про всестороннее развитие личности... А для чего я здесь и куда дальше?.. – никто толком сказать мне не может... И Оли больше на земле нет. Всё, в земле она... Раньше хоть Ад самоубийцам обещали. А теперь с могуществом науки, даже к чертям не попадёшь, только к червям...» [3, с. 98].

И вот если брать многомерность, то в каком её месте находится герой повести И.Г. Марковского в его 19 лет? И почему он в этом месте, в довольно пессимистичном, если не мрачном? а не в другом – более красивом, светлом и высоком, в котором уже находятся все, «где человек человеку друг товарищ и брат». Случайность – это его отставание от общего советского развития или какая-то закономерность?.. И на что нам мерить нашу жизнь, как говорят «по большому счёту»? – Кто мы? Откуда мы? И куда мы?... В механический космос или в космос души-духа своего?..

Персонаж другой повести «Дебаркадер – общий зал» отвечает на этот вопрос так:

«Только бессмертие, осознанная, личная беспредельность человека могут быть залогом его будущего. И в то же время Томилину боялся давать человеку полное бессмертие. Как человек поступит с ним и что будет в нём делать? Даже за короткую земную жизнь большие и маленькие Гитлеры успевают наворочать столь-

ко зла. А каковы будут их замыслы, когда они осознают и будут иметь своё полное бессмертие?.. Да, видимо, тот, кто ограничил человека смертью, неплохо знал, предвидел человеческую природу...

Бессмысленна жизнь, если нет бессмертия. Но и не велика честь наколоться сердцем, как бабочка на булавку, на нож истеричного психопата или холодного отморозка. Томилин смотрел на дебаркадер, на общий зал – зал бывшего плавучего ресторана «Обь», где у него была летом койка (вон она стоит без матраца), с которой он вглядывался в неустроенные человеческие судьбы. Да и его собственная судьба – и жизнь, и тело, и душа – ещё долго не могли найти то работу, то покоя, своего места на этой земле... и тем более за её пределами...» [4, с. 330].

Великая Тишина и природа вошла в жизнь и в литературно-мыслительное творчество писателя, когда Иван Марковский, покинув город, ушёл на жительство в лес. В тишине леса и пишется им рассказ-былина «Иван, Орлан и Куриная слепота»:

«Что это за запоздалые коршуны?» – подумал сначала Иван. Но коршуны улетают самыми первыми ещё в сентябре, а был уже поздний октябрь... Да и для коршунов что-то уж больно крупные, даже издали. Взял Иван свой сторожевой бинокль, приложил к глазам и узнал в паре орланов. Красивая была пара, радовала глаз, душу высотой полета, размахом крыла. Есть еще красота и разнообразие в мире, – радовался Иван.

И хотя прилёт Орлана означал для Ивана, что скоро зима, долгое, засыпанное снегом одиночество, Иван ходил по базе довольный. Орлан мерно кружил над морем, над базой, над головой и душой Ивана Залесова.

Но приехали на базу люди, считавшие себя «элитой».

«...А когда пропустили по стаканчику, расчехлили ствол и начали палить во все стороны света, то как-то совсем элитарность их потускнела» [7, с. 198].

Настораживается сторож: надо бы пойти унять?.. Но попробуйте отнять у ребёнка игрушку, которой он ещё не наигрался... Да и устал уже сторож унимать, напрягать нервы, устал говорить людям:

«Тяжело говорить с сытыми людьми из элитных домов. Завтра съедут сами, завтра восстановятся тишина и покой, останется он один. Завтра он скажет им на отъезд. Завтра...»

И вдруг в это самое время, под эти самые выстрелы влетел на базу Орлан, и тут же направился на него ствол и грохнул выстрел... Вздрыгнул сторож Иван, сжались на лице его скулы: «Ах, ты племя безмозглое, подлое и слепое!...»

Замахал торопливо крылами Орлан, с силою забирая в сторону и вверх, в спасительную высь. Промазали стрелки. И пусть благодарят Бога!.. И взорвался сторож Иван, словно все взрывы, о которых он слышал, отгороженный лесом, сдетонировали в нём разом. Пусть благодарят Бога... Иван не смог бы простить этим людям своего друга Орлана. Он уже простил подобным людям одного своего друга, добрейшего пса хромоногого Вовчика – приблудившегося к Ивану бездомного бродягу, брошенного кем-то в лесу. Он уже простил раз, не отомстил, предал, смирился, когда лютый питбультерьер одних тоже сытых людей вырвал Вовке трахею, разорвав горло... Но сколько можно прощать... сколько можно терять друзей... сколько можно предавать?.. Ведь бездействие, не отмщение – это предательство. И взорвался Иван, и пошёл, и сказал:

– Господа!.. гости дорогие, люди вы добрые, мне понятно в вас то, что вы не хотите оставить после себя что-то другим людям (они для вас «чужие»). Не хотите оставить крошку от своего жирного обеда даже птичке-невеличке: всё превратите в дерьмо, смешаете с золой, с пылью и грязью в полном небрежении своём. Но мне непонятно, почему вы не хотите оставить ничего даже своим детям. Ведь у вас есть дети! И убив в небе Орлана, на что покажете вы им, как на красивый, свободный полёт?.. На «ножкляжки Буша»?.. Или на засранный зад своей доморощенной курицы?.. Что покажете вы своим детям на небе и на земле, с чем сравнят они полет и красоту своей мысли, своего духа?.. Куриная вы слепота!.. [3, с. 205].

Конечно, вряд ли этот отрывок рассказа И.Г. Марковского можно сравнить с «Гармонией Мира», очароваться в нём покоем природы и тишиной. Да и есть ли она где-либо эта Гармония в мире, особенно человеческом?.. И знает ли кто из нас: что такое гармония? – ни сон, ни отдых, ни довольство, ни лень, а гармония?.. На что она похожа?..

«Орлан мерно кружил над морем, над базой, над головой и душой Ивана Залесова. И в этом мерном полёте чувствовался какой-то высший порядок, какая-то божественная стабильность; спокойствием и величием Природы и Жизни веяло от мерного взмаха больших крыльев...» [3, с. 209].

Может в этом и была и есть Гармония Земли? Но в неё вмешался человек – с какой целью? Уйти в безмерный механический космос?.. Но он пуст, неприветлив и чёрен, как «ужас великой тьмы», – говорят те, кто в нём были, летали.

«Отвернувшись от Земли и глядя на звёзды, понимаешь, как ужасно далёк путь до следующего колодца». Лорен Эктон США [2, с. 86].

По рассказу «Иван, Орлан и Куриная слепота» сначала прилетали и летали над базой два Орлана, потом прилетел один, другого не стало: «Да, трудно пролетать над мелкими людьми большой птице...», – резюмировал автор-повествователь. И скоро, судя по целившимся и стреляющим в Орлана людям, и второй Орлан в то место, где служил сторожем на лесном кордоне Иван Залесов, тоже не долетит...

Конечно, у людей есть «Красная книга» и они, стараются спасти исчезающие виды птиц и животных, фауны и флоры, и книгу эту постоянно пополняют. Но вот какой диалог произошёл между героями повести «Бубнов»:

«– Здорово коллега-калека!.. – он протянул мне руку, я пожал. – Гляжу, идет писатель, ничего не замечает... по виду вижу – писал днями. Ладно, если бы ты писал за деньги, а так, что за идея? Племя людей издает запах гангрены. Неужели не чуешь?..

Я промолчал. Мы пошли рядом.

– А я на первой странице «Красной книги» сегодня нарисовал бы человека, – сказал он грустно и тут же весело. – Плюнь!.. мы с тобой закрываем историю мира. Пойдем по такому случаю пропустим по стаканчику: не всякому дано быть сразу и трупом, и могильщиком» (повесть не издана).

Любопытный диагноз гармонии человеческого Мира, царю природы на земле поставил герой повести И.Г. Марковского и заметим – ещё в 1980 году. Во всяком случае, на бумагу повесть «Бубнов» была положена в то время, когда Советский Союз пребывал в состоянии идеального «застоя». Улучшилось ли положение человека и человечества с того момента за эти прошедшие годы? Добавилось ли в нас оптимизма (не словесного, а жизненного) – и с чем? И в чём? С тем, что на человечество наваливаются непонятные эпидемии, что нашу землю-матушку на сегодня повсюду колотит, лихорадит, трясёт?.. С тем, что само человечество выкатывает свои пушки на бастион третьей мировой войны с ядерными зарядами в стволах?..

Таким образом, герой И.Г. Марковского не удовлетворяется поверхностным восприятием, конечностью жизненного отрезка и линейностью времени – он тяготеет к многомерности и пытается заглянуть в беспредельные дали осмысленного духовного бытия.

Нами сделана попытка выявить многомерность художественного мира писателя, с попутно возникающим вопросом: что есть мера человеческого бытия? И чем её измерить? Размерами внешнего космоса или чем-либо, что заключено в нашем внутреннем «Я»?.. Это внутреннее приоткрыто в состоянии человека, получившего некую меру, «мерку», которой он «три дня и три ночи, всё мерил, наткнувшись на «пустоту». Затронут также вопрос гармонии бытия, великой тишины и природы, отношение к тишине и природе живущего в них человека и приезжающих «на природу» людей Города, воспринимающих Природу как кусок пирога или пиццы.

Рассматривая вопрос многомерности, в том числе на художественном материале повестей «На брудершафт пьют за дружбу», «Дебаркадер — общий зал», «Бубнов», рассказа-были «Иван, Орлан и куриная слепота» и др. можем сказать, что герои художественной, как и публицистической прозы И. Г. Марковского никогда и нигде не удовлетворялись одномерностью, плоскостью своего пребывания на земле. Это тоже традиция русской литературы – вселенская маета русской души. На наш взгляд, именно в неудовлетворённости собой и окружающим миром лежит основной вектор развития человеческой личности и всех наших противоречий. И только природа, её покой, её мерный ритм, «мерный круг» ещё способны умиротворять человека, приближать к гармонии и удерживать от полного разрушения, распада человечности, что в сообществе людей сегодня нередко наблюдается.

Литература

1. Иван Марковский. «Моя настоящая, невыдуманная земная жизнь...» [Электронный ресурс] // Парус. 2021. № 3-6 (87). Режим доступа: <https://xn--80alhdjhdxcxhy5hl.xn--p1ai/avtor/markovskiy-ivan>
2. Келли К Наш дом – Земля Москва издательство «Мир», 1988. 256 с.
3. Марковский И.Г. На брудершафт пьют за дружбу. Повести. Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при НПО СП России, 2023. 493 с.
4. Марковский И.Г. В начале было слово. Повести, рассказы и очерки. Т. 1, 2. Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2008. 696 с.
5. Марковский И.Г. Хирург от бога. Рассказы. Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2004. 147 с.
6. Марковский И.Г. За гранью. Повести. Рассказы. (Серия для библиотек Новосибирской области «Сибирская проза. Век двадцатый – век двадцать первый»). Т. 3. Марковский И.Г. Зверь. Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2006. 320 с.

7. Марковский И.Г. Лебединый клик. Повести. Рассказы. (Серия для библиотек Новосибирской области «Сибирская проза. Век двадцатый – век двадцать первый»). Т. 5. Марковский И.Г. Иван, Орлан и Куриная слепота. Новосибирск, 2007. 319 с.

8. Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litbook.ru/article/5960/>

References

1. Ivan Markovskij. «Moja nastojashhaja, nevydumannaja zemnaja zhizn'...» [Jelektronnyj resurs]. Parus. 2021. № 3-6 (87). Rezhim dostupa: <https://xn--80alhdjhdxcxhy5hl.xn--p1ai/avtor/markovskiy-ivan>

2. Kelli K Nash dom – Zemlja Moskva izdatel'stvo «Mir», 1988. 256 s.

3. Markovskij I.G. Na brudershaft p'jut za družbu. Povesti. Novosibirsk: RIC «Novosibirsk» pri NPO SP Rossii, 2023. 493 s.

4. Markovskij I.G. V nachale bylo slovo. Povesti, rassказы i ocherki. T. 1, 2. Novosibirsk: RIC NPO SP Rossii, 2008. 696 s.

5. Markovskij I.G. Hirurg ot boga. Rassказы. Novosibirsk: RIC NPO SP Rossii, 2004. 147 s.

6. Markovskij I.G. Za gran'ju. Povesti. Rassказы. (Serija dlja bibliotek Novosibirskoj oblasti «Sibirskaja proza. Vek dvadcatyj – vek dvadcat' pervyj»). T. 3. Markovskij I.G. Zver'. Novosi-birsk: RIC NPO SP Rossii, 2006. 320 s.

7. Markovskij I.G. Lebedinyj klik. Povesti. Rassказы. (Serija dlja bibliotek Novosibirskoj oblasti «Sibirskaja proza. Vek dvadcatyj – vek dvadcat' pervyj»). T. 5. Markovskij I.G. Ivan, Orлан i Kurinaja slepota. Novosibirsk, 2007. 319 s.

8. Tolkovanie na Evangelie ot Matfeja [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://litbook.ru/article/5960/>

*Markovskiy E.I., Postgraduate,
Moscow State Institute of Culture*

Multidimensionality of the artistic world of I. G. Markovskiy

Abstract: the article is dedicated to Ivan Grigorievich Markovsky, a Novosibirsk novelist, publicist, winner of literary prizes. This author in fiction and memoir prose adheres to the traditions of Russian thought, Russian worldview, imprinted in the Russian classics of the late XX – early XXI centuries.

The article attempts to identify the multidimensionality of the writer's artistic world associated with the harmony of being, immersion in the inner space of silence, in the life of nature, and to consider the main vectors of the development of the personality of the autobiographical hero in the works of I.G. Markovsky, rooted in the named multidimensionality.

The question of the multidimensionality of the artistic world of I. Markovsky is difficult because it is not very clear how to measure? And the word "multidimensionality" itself implies something related to the words cosmos, cosmism, the manifested world, the unmanifested, the abyss.

The article attempts to reveal the multidimensionality of the writer's artistic world, with the question immediately arising: what is a measure? And what to measure against? On the dimensions of the outer cosmos or on something else that is contained in our inner? The question of harmony, great silence and nature, the attitude to silence and nature of the person living in them and the people of the City who come to nature, seeing Nature as a piece of pie or pizza, are also touched upon.

Considering the issue of multidimensionality, we can say that the heroes of Markovsky's fiction, as well as journalistic, were never satisfied with one-dimensionality, the plane of their stay on earth. And this is also a tradition of Russian literature, the universal toil of the Russian soul. And it is precisely in dissatisfaction with oneself and the world around us that lies the main the vector of development of the human personality and all our contradictions. And only nature, its peace, its measured rhythm, the "dimensional circle" are still able to pacify a person, bring him closer to harmony and keep him from complete destruction and disintegration of the human personality.

Keywords: Ivan Grigorievich Markovsky, the artistic world, traditions of Russian classics, multidimensionality, immortality, vectors of personality development, the cosmos of artistic space

For citation: Markovskiy E.I. Multidimensionality of the artistic world of I. G. Markovskiy. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 15 – 19.

Received: August 13, 2023; Revised: October 10, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Ци Цишу,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Исследование языковых игр в русском рекламном дискурсе

Аннотация: реклама – неотъемлемая и существенная составляющая современной сферы бизнеса. Лингвистическая специфичность рекламных текстов должна способствовать лёгкому восприятию и запоминаемости. В статье описаны функциональные свойства рекламных текстов на русском языке. Анализ языковых механизмов, характерных для рекламных сообщений проводится на основе и с позиций нормативной семантики, грамматики и психолингвистики. **Объект исследования** – языковая игра в рекламных текстах. **Предмет исследования** – методы и техники языковой игры. **Цель статьи** – анализ специфических приёмов и их функциональных особенностей, присущих русскоязычным рекламным текстам. **Методы исследования.** При написании данной статьи были применены следующие методы научного исследования: описательный метод, контент анализ, метод системного анализа языковых единиц. **Научная новизна статьи.** В работе впервые предпринята попытка выявления и описания игровых составляющих рекламных текстов, а также специфических техник достижения этого игрового эффекта.

Ключевые слова: современные рекламные дискурсы, лингвистические особенности рекламы, языковая игра, языковые механизмы

Для цитирования: Ци Цишу Исследование языковых игр в русском рекламном дискурсе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 20 – 25.

Поступила в редакцию: 11 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

В наши дни рекламу можно определить как огромный поток информации, который происходит бесконечно. Поддержка маркетинга является основной целью рекламы, но современные рекламные объявления поддерживают эту цель, используя темы фантастических сюжетных концепций. Изучая большинство рекламных объявлений, вы можете выявить различные эффекты, к примеру, применение такого метода, как «языковые игры», в русском рекламном дискурсе.

Основная функция рекламы – привлечь и удержать обе стороны, независимо от того, заинтересованы они в ней или нет. Хотя этот процесс на первый взгляд может показаться простым, здесь скрывается несколько сложный, но красивый, преувеличенный процесс.

Дискурс обычно содержит то, что часто можно услышать и увидеть в обществе, в котором используются соответствующие глаголы. Сила дискурса основана на культурных предубеждениях и способности обмениваться значениями внутри текста.

Реклама является одним из самых мощных средств коммуникации в современном коммерческом мире. Он постоянно несет потребителю разнообразные маркетинговые сообщения. Можно рассматривать различные виды рекламы, чтобы приукрасить рекламное сообщение.

Рекламный дискурс относится к категории интертекстуального анализа. Потому что большинство объявлений тематические. Простой смысл вышесказанного заключается в том, что реклама основана на культурных фактах, а также заключена в рамки, которые могут сильно повлиять на другого такого же человека. Различные комментаторы давали интерпретации того, что следует включать в интертекстуальный анализ рекламы, а также различных произведений искусства. Выделим следующие шесть основных функций интертекстуального анализа.

1. Фатическая функция привлечения внимания зрителя;
2. Усиление поэтической функции в рекламе;
3. Присвоение эстетической ценности;
4. Присвоение престижа и авторитета;
5. Сокрытие рекламного характера сообщения;
6. Доставить читателю удовольствие узнавать произведение искусства и/или идентифицировать себя с ним.

Языковая игра

Хочется отметить некоторые особенности языковой игры слов – наиболее яркие и характерные в контексте рекламы. Например, это формирование сценария или шаблона конкретных действий. Игрой слов можно также создать воображаемый мир, отличный от реального. Юмористический эффект достигается

нарушением языковых норм в сочетании с сильным контрастом, причём последний является более важным и определяющим. Именно резкость контраста - основа привлечения внимания аудитории [10, с. 267].

Хотя изначально языковая игра слов служит скорее для развлечения, не претендуя на достижение каких-либо прагматических целей, и, если говорить «простыми словами», применяется людьми для внесения яркости и разнообразия в обыденность с тем, чтобы в итоге сделать жизнь счастливее.

Языковая игра – это взаимодействие языка и жизни. Другая трактовка языковой игры является, по сравнению с первой, более узкой, хотя, сама по себе, она тоже стремится к широкому охвату наблюдаемых явлений, т.к. включает все возможные случаи употребления языка с целью оказания эстетического воздействия.

В.И. Шаховский считает, что языковая игра – это не пагубное разрушение норм языка и речи, а результат отличительных и нерегулярных вариантов норм языка и речи, которые основаны на креативной компетенции создавать язык в рамках определенного эмотивного дискурса.

Б.Ю. Норман дает такое определение: «Языковая игра (в максимально широком понимании термина) – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака».

С помощью анализа можем выделить для целей данной работы из множества функций языковой игры слов следующие [2, с. 31]:

1. Эстетическая. Она достигается применением и появлением изящных языковых форм. Собственно, эту функцию обычно и называют функцией юмора, а языковая игра слов и в целом языковые игры всегда содержат юмористическую составляющую.

2. Прагматическая. Языковая игра слов чаще всего служит для привлечения внимания, поэтому эту функцию называют ещё функцией привлечения.

3. Выразительная. Игру слов можно применить для выражения смысла в резкой или наоборот - в более деликатной форме.

4. Описательная. С помощью языковой игры слов можно ярче визуализировать для адресата послания объекты, действия и даже идеи.

5. Маскировочная. Языковая игра слов – удобный инструмент формирования эвфемизмов для замены грубых либо табуированных по какой-то причине слов и выражений.

6. Развлекательная. Языковая игра слов вполне функциональна, чтобы сделать приятное её «потребителю».

7. Усиление коммуникации. Свободный словарный запас, используемый в игре слов обеспечивает непрерывность потока речи и повышает способность к общению.

К перечисленным, кроме упомянутой уже функции привлечения, можно добавить ещё функции выражения, сжатия, формирования мышления, а также оценки.

Кроме того по мнению автора особенно важной для языковой игры является созидательная функция, т.е. функция формирования языка через обогащение его выразительных возможностей.

Функции языковой игры слов в рекламе

1. Повышение привлекательности рекламного посыла.

Известно, что первым шагом к успешности рекламного текста является способность привлечь внимание читателя. Часто языковая игра слов строится на том, что нормы языка или речи нарушаются, что парадоксальным образом ведёт не к негативному восприятию, а к большей привлекательности заголовков, слоганов. Итальянский философ Умберто Эко считает ключом к навыку хорошей рекламы следующую информационную концепцию: тема тем привлекательнее, чем больше она разрушает нормы общения и трансформирует этим язык.

2. Отражение главной мысли через добавление веселья.

Читатель, стремясь понять, какие нормы и правила языка нарушены игрой слов, прилагает усилия, которые в итоге приводят к пониманию и приносят ему радость от этого понимания. При этом, чем уникальнее языковая игра слов, тем выше будет вызванный этим маленьким собственным открытием уровень позитива, эстетического наслаждения, и, как результат, этот позитив перенесётся также на объект рекламы, делая его притягательнее [6, с. 38].

3. Предотвращение возможной критики.

По мнению Зигмунда Фрейда языковая игра слов может отключить способность читателя к критическому восприятию, как бы «ошеломив» его необычностью и неожиданностью. «Человеческая мысль всегда ищет какую-то игривую упаковку, потому что эти слова могут привлечь внимание других, и этот текст может добавить смысл и ценность человеческой мысли».

Но самым важным из всех причин является то, что упаковка может завоевать благосклонность людей и лишить людей возможности критиковать. Кроме того, нам также нравится форма языковой игры слов, мы не хотим находить неправильные слова в этих словах, которые приносят нам счастье. В то же время, потому что мы боимся, что это заставит нас не получать удовольствия. Цель языковой игры слов – преувеличить определенную идею, чтобы она была замечена и свободна от критики» [7, с. 10].

4. Идеологическое сжатие.

Тот же Фрейд считает необходимым условием успешной языковой игры слов лаконичность, ведущую к концентрации смыслов, позволяющую выразить ту же идею меньшим числом языковых единиц.

Языковая игра в рекламном дискурсе

Методы выражения речи в языковой игре

Языковая игра слов в языке обычно основана на сходстве отдельных звуков, звуков, соединённых в слоги, и целых слов. Такие методы больше распространены в устной речи, чем в письменных текстах и нередко сопутствуют намеренным ошибкам (в орфографии, фонетике и т.д.). В итоге это может делать фразы более ритмичными (или, например, комичными). Цель здесь состоит прежде всего в привлечении внимания [12, с. 37].

Голосовое повторение

Это повторение в одной фразе звуков или групп звуков, которое часто встречается в рекламных текстах, создавая привлекательную и привлекающую внимание ритмичность и мелодичность звучания.

Примеры из русской рекламы:

Cola – море прикола!

КНОРР – вкусен и скорр.

Пейте Пиво Пенное!

Повторное начало

Это повторение в фразе первого слова или начальной группы слов. Оно также добавляет ритм, возможно даже рифму, а также усиливает фразу за счёт этого повторения и способствует лучшему запоминанию. [7, с. 1053]

Пример из русской рекламы:

Всегда свежий. Всегда к месту.

Средства выражения в языковых играх

В написании можно играть уже не звуками, а средствами графического выражения. Это прежде всего цвет, размер, а также шрифты, знаки препинания, рисунки, пиктограммы и т.д. Такой подход возможен как для отдельного слова, так и для целого предложения и всего дискурса. Выделяя, часть слова или фразы можно добавить в пределах того же пространства новые смыслы, идеи, ассоциации, тем самым увеличить информационную ёмкость ограниченного, как правило, пространства носителя рекламы. При этом происходит ещё и дополнительное привлечение внимания, вызываются дополнительные ассоциации, аллюзии, эмоции. Дело в том, что при этом происходит усиление воздействия на наиболее информационно ёмкий зрительный канал восприятия информации [4, с. 59].

Примеры из русской рекламы:

СЫРУ!!!

Vichy. Здоровье для кожи. Здоровье для жизни.

наСТОЯЩИЕ джинсы!

Словарное выражение

Современная реклама весьма насыщена различными вариантами языковой игры слов, основанных на использовании слов, имеющих несколько (иногда очень много) значений, омонимов, словарных омофонов, или даже просто случайных слов. Такие приёмы также способствуют лаконичности рекламного посыла, добавляют неоднозначности, заставляя потребителя задуматься, перебирая все возможные варианты прочтения или «расшифровывая» каламбур, возникший в результате применения лексических омофонов.

Многозначные слова

Многозначные слова, т.е. слова, имеющие более одного значения, создают полисемию и также делают сообщение более ёмким и насыщенным. При этом текст сообщения может быть интерпретирован несколькими различными способами. Это также способствует выразительности, юмористичности, привлекательности и запоминаемости [5, с. 12].

Примеры из русской рекламы:

ВАЗИЛИП – ваш сердечный друг.

Топ-модели доступны.

Лексический омофон

Омофоны – слова с одинаковым произношением и написанием, но разными значениями. Рекламные тексты часто содержат языковые игры, приводящие к неоднозначности смыслов, в форме омонимов. Обычно для этого название продукта или фирмы встраивается в рекламное слово. Использование омофонов, в свою очередь, позволяет формировать каламбуры, придавая тексту яркость и утончённую выразительность [8, с. 49].

Примеры из русской рекламы:

Все решает «СТАТУС».

Найди свой ОАЗИС!

Грамматическое выражение

Рандомные сравнительные и превосходные прилагательные

В последние годы в русскоязычной рекламе наблюдается такой метод привлечения внимания к достоинствам продукта, как применение сравнительных и расширенных форм рандомных прилагательных. Формально нарушая нормы современного русского языка, этот приём позволяет усилить уникальность рекламного посыла и эффективнее манипулировать аудиторией для привлечения её внимания.

Примеры из русской рекламы:

- Куда они спешат?

- На новый аромат Fairy!

- Яблочнее яблок! Лимоннее лимонов! Ягоднее ягод!

САМОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ!

КРУАССАНЫ MON BLAN.

Цифровые средства выражения

Экономические и культурные показатели часто отображаются в рекламе с помощью цифр, которые служат эффективным инструментом убеждения и влияния на аудиторию.

Примеры из русской рекламы:

В 1 грамме - 300 метров нити;

220 грамм чистого удовольствия;

20 причин гордиться.

Количественное выражение

Этот вид языковой игры, намеренно нарушая нормы выражения количества в языке, разрушает грань между количеством и качеством. Манипулирование аудиторией достигается возможностью новой, неожиданной интерпретации рекламного объявления.

Примеры из русской рекламы:

Больше, чем подарок.

Больше, чем вкус. Больше, чем йогурт. Больше, чем Ehrmann.

Побудительные предложения

Здесь языковая игра служит для мотивации потребителя к конкретным действиям. Цель языковой игры слов – побудить аудиторию к приобретению рекламируемого продукта.

Примеры из русской рекламы:

Лови момент! Купи ноутбук IRU и выиграй цифровую камеру!

Возьми чудо с собой!

Риторическое выражение

В языке рекламы нет чётких формальных ограничений. А метафоры, аналогии, преувеличения и каламбуры, формирующие в сознании потребителей красивые ассоциации, приносят ему физическое ощущение наслаждения, удовлетворения, обладания статусом, вызывая целую гамму позитивных эмоций и стремление приобрести товар [3, с. 36].

Метафора

Метафора – сравнение предметов, явлений через слова и выражения, употребляемые в переносном смысле. Обычно она передаёт информацию о продукте путём сопоставления исходных доменов с целевыми. Главное достоинство этого вида языковой игры - стимулирование собственного воображения потребителя, которое, в свою очередь, стимулирует его к покупке.

Примеры из русской рекламы:

Новейшее средство против старения Вашей машины.

Для здоровья мотора.

Легкий путь к красоте.

Гармония жизни.

Каламбур

Каламбур может быть задействован на разных уровнях: фонетическом, лексическом, идиомном. Он имеет юмористический эффект, присущий именно своей языковой среде, намеренно нарушая её нормы и создавая множественность смыслов.

Примеры из русской рекламы:

Поднимаем всё. Даже настроение.

Дорогие подарки для дорогих людей.

Хорошие хозяйки любят «Лоск».

Преувеличение

Преувеличение или гиперболо усиливает выразительность рекламного посыла, впечатление, вызываемое у аудитории и, как результат, повышает его гласность. Однако этот приём требует соблюдения меры, учёта реальных объективных условий, иначе эффект может оказаться негативным [9, с. 237].

Примеры из русской рекламы:

Мировые двери.

Возьми кино в дорогу!

Подводя итоги, отметим, что использование языковых игр, языковой игры слов – это результат непрерывного развития человека, общества и, в итоге, языка как средства коммуникации людей в обществе. Основной их особенностью является намеренное нарушение языковых норм и стандартов при безусловном их знании и понимании. Языковая игра слов применима на любом уровне языковой системы. Всё может быть задействовано: фонетика, лексика, синтаксис, семантика, стилистика, морфология, риторика, словообразование и т.д. Таким образом, языковые игры вполне можно считать расширением, дополнением и развитием стандартного языка.

Поэтому сегодня языковая игра слов прочно вошла в сферу рекламы, главным образом как средство формирования уникального стиля и усиления воздействия на аудиторию.

В исследовании, послужившем основой для написания данной статьи, рассматривались наиболее показательные средства русского языка, применяемые в рекламных текстах. На общность описываемых категорий указывает их проявление на всех перечисленных выше уровнях языковой системы. Например, это аллитерация и ассонанс в фонетике, неологизмы и идиомы соответственно в лексике и фразеологии, каламбуры, жаргонизмы и заимствования в стилистике, парадоксы в семантике. В исследовании выделены шесть основных аспектов обобщения анализа языковых игр: фонетический, орфографический, словообразовательный, морфологический, семантический, а так же лексикологический, т.е. связанный с понятием словарного запаса [11, с. 188].

Игровые языковые методы стали серьёзным источником инноваций в рекламе: как в чисто прагматическом смысле для расширения информационной ёмкости рекламного дискурса и экономии рекламного пространства и, как следствие, уменьшения затрат, так и в эстетическом, повышая интерес к рекламе, её привлекательность.

Литература

1. Абрамов В.Е. Лингвистика рекламной языковой игры // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 7 – 13.
2. Арбатская О.А. Многозначность предлога от в контексте языковой игры и рекламном дискурсе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4. С. 29 – 33.
3. Болдырева О.Н., Ао Л., Сунь Ж. Языковая игра слов в рекламном дискурсе: на материале русско-китайской рекламы // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3 (437). С. 31 – 39.
4. Гордиенко Е.С. Особенности языковой игры в рекламе: закономерности построения рекламных текстов // Современное среднее профессиональное образование. 2020. № 2. С. 58 – 60.
5. Ефименко Т.Н., Зурабова Л.Р. Языковая интерпретация рекламных сообщений в масс-медийном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 6 – 16.
6. Селезнева Л.В., Тортунова И.А., Лыткина О.И., Люликова А.В. Концептосфера медицины в русской языковой картине мира (на материале медицинского, рекламного, PR-дискурсов) // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 35 – 39.
7. Рюкова А.Р. Языковые средства воздействия в рекламном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 4. С. 1049 – 1056.
8. Смагина Е.С. языковая специфика рекламного дискурса // Инновационная наука. 2021. № 9-2. С. 47 – 50.

9. Харланова Е.В. Языковые особенности рекламных текстов в русском и китайском интернет-дискурсе // *Global and Regional Research*. 2023. Т. 5. № 1. С. 235 – 241.
10. Хунбо Ю. Языковая характеристика самопрезентации субъекта в рекламном техническом дискурсе // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2021. № 2 (41). С. 262 – 271.
11. Шарикова Ф.Н. Языковые особенности рекламного спортивного дискурса // *Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт*. 2021. № 1. С. 186 – 190.
12. Шубина А.О. Исследование коллокаций с компонентом игра в русском и англо-американском дискурсе // *Litera*. 2021. № 3. С. 29 – 44.

References

1. Abramov V.E. Lingvistika reklamnoj jazykovoj igry. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 4 (426). S. 7 – 13.
2. Arbatskaja O.A. Mnogoznachnost' predloga ot v kontekste jazykovoj igry i reklamnom diskurse. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2018. № 4. S. 29 – 33.
3. Boldyreva O.N., Ao L., Sun' Zh. Jazykovaja igra slov v reklamnom diskurse: na materiale russko-kitajskoj reklamy. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 3 (437). S. 31 – 39.
4. Gordienko E.S. Osobennosti jazykovoj igry v reklame: zakonovernosti postroenija reklamnyh tekstov. *Sovremennoe srednee professional'noe obrazovanie*. 2020. № 2. S. 58 – 60.
5. Efimenko T.N., Zurabova L.R. Jazykovaja interpretacija reklamnyh soobshhenij v mass-medijnom diskurse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2022. № 2. S. 6 – 16.
6. Selezneva L.V., Tortunova I.A., Lytkina O.I., Ljulikova A.V. Konceptosfera mediciny v russkoj jazykovoj kartine mira (na materiale medicinskogo, reklamnogo, PR-diskursov). *Mir russkogo slova*. 2018. № 1. S. 35 – 39.
7. Rjukova A.R. Jazykovye sredstva vozdeystvija v reklamnom diskurse. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2021. Т. 26. № 4. S. 1049 – 1056.
8. Smagina E.S. jazykovaja specifika reklamnogo diskursa. *Innovacionnaja nauka*. 2021. № 9-2. S. 47 – 50.
9. Harlanova E.V. Jazykovye osobennosti reklamnyh tekstov v russkom i kitajskom internet-diskurse. *Global and Regional Research*. 2023. Т. 5. № 1. S. 235 – 241.
10. Hunbo Ju. Jazykovaja harakteristika samoprezentacii sub#ekta v reklamnom tehničeskom diskurse. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2021. № 2 (41). S. 262 – 271.
11. Sharikova F.N. Jazykovye osobennosti reklamnogo sportivnogo diskursa. *Integrirovannye kommunikacii v sporte i turizme: obrazovanie, tendencii, mezhdunarodnyj opyt*. 2021. № 1. S. 186 – 190.
12. Shubina A.O. Issledovanie kollokacij c komponentom igra v russkom i anglo-amerikanskom diskurse. *Litera*. 2021. № 3. S. 29 – 44.

*Qi Jishu,
St. Petersburg State University*

Research of language games in Russian advertising discourse

Abstract: advertising is an integral and essential component of the modern business sphere. The linguistic specificity of advertising texts should facilitate easy perception and memorability. The article describes the functional properties of advertising texts in Russian. Analysis of linguistic mechanisms characteristic of advertising messages is carried out on the basis and from the standpoint of normative semantics, grammar and psycholinguistics. The object of the study is the language game in advertising texts. The subject of the research is methods and techniques of language games. The purpose of the article is to analyze specific techniques and their functional features inherent in Russian-language advertising texts. Research methods. When writing this article, the following scientific research methods were used: descriptive method, comparative method, method of systemic analysis of linguistic units, as well as methods of contextual and discourse analysis taking into account linguistic and extralinguistic factors. Scientific novelty of the article. The work is the first to attempt to identify and describe the game components of advertising texts, as well as specific techniques for achieving this game effect.

Keywords: modern advertising, advertising discourse, linguistic features of advertising, language games in advertising discourse, language mechanisms, language game

For citation: Qi Jishu Research of language games in Russian advertising discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 20 – 25.

Received: August 11, 2023; Revised: October 10, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Сакалова З.М., аспирант,
Ингушский государственный университет

Историзм малой прозы Б.Х. Зязикова

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы историзма в малой прозе ингушского писателя Б.Х. Зязикова. Принцип историзма – один из сформировавшихся творческих методов в литературе, приобретающий особый характер, когда речь идет об историческом жанре, в котором воссоздается монументальная характеристика жизни народа. В произведении находит свое отражение и тема нравственного выбора. Судьба главных героев его произведений созвучна с миллионами других советских людей, прошедших через мясорубку войны, но сумевших вернуться к нормальной жизни, не потеряв в себе самого главного – человечности. Проблема преодоления страха на войне в произведении автора занимает важное место. Проблема героизма во время войны также является решающей и главной в творчестве писателя. Смелость, отвага, презрение к смерти – основные качества, которыми определяется достоинство воина. Произведения писателя являются доказательством зрелости его социально-исторического мышления. Ему удалось показать психологию целого народа и героя в отдельности, осмыслить проблему формирования национального характера и изобразить явления реальной действительности.

Ключевые слова: историзм, малая проза, ингушская литература, творческий путь автора, очерк, рассказ, национальный характер, историческая тема, прием ретроспекции

Для цитирования: Сакалова З.М. Историзм малой прозы Б.Х. Зязикова // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 26 – 29.

Поступила в редакцию: 11 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 11 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Особый интерес писателей к историческим личностям и истории в целом, способствовал появлению разножанровых произведений, в которых на художественном уровне осмысливается прошлое страны и народа. По утверждению М. Яндиевой, «каждая эпоха по-своему отражает историческое прошлое. Каждый новый этап в поступательном развитии общества ставит перед художественным творчеством свои задачи, и писатели, обращаясь «к седой старине», переосмысливают ее с новых позиций, исходя из требований времени. Видимо, поэтому герой высокохудожественного произведения на историческую тему всегда связан множеством нитей со временем своего литературного рождения» [5, с. 16-17].

С ее точки зрения, взгляды писателей об исторической правде, которая возраждается в образах выдающихся личностей былого времени, своим энтузиазмом нацелены на современного человека, на богатый мир его устремлений и духовных исканий.

«Художников слова интересует как прошлое, так и настоящее своего народа, все просматривается и оценивается ими сквозь призму памяти, личной и национальной, духовной и исторической» [6].

Как отмечает В.В. Кожин, «писатель неизбежно сталкивается с требованиями историзма и сознательно стремится их осуществить» [2, с. 227]. Во второй половине 20 столетия северокавказские писатели создают произведения на историко-революционную тематику: «Из тьмы веков», «Призыв», «На заре» И. Базоркина, «Сыновья Беки» А. Бокова, «Одинокий всадник» Т. Керашева, «Вершины не спят» и «Сабля для эмира» А. Кешокова; «Мюрид революции» М. Мамакаева, «Раскаты далекого грома», «Жернова», «Хан-Гирей» И. Машбаша, «Млечный путь» А.О. Хтова, «Род Шогемоквых» Х. Теунова, «Навстречу жизни» Е. Уруймаговой, «Заря над Терекком» А. Шомахова; «Мурат» М. Шаваевой; «Волчи ночи» С. Чахкиева, «Страшен путь на Ошхамахо» М. Эльберда и др. В частности тема историзма была воплощена в произведениях ингушского писателя Багаудина Хусейновича Зязикова. Творческий путь автора начался с публикаций рассказов и очерков. Его дебютом стала очерковая повесть «Отцы и дети», написанная совместно с Хамзатом Осмиевым в 1928 г. Это название было заимствовано из романа И.С. Тургенева, но содержание и способ выражения несли чисто национальный характер. Главным героем этого произведения является сельский активист, который отважно встал на борьбу за строительство новой общественной жизни.

Период охватывающий идейный и творческий путь Багаудина Зязикова знаменателен тем, что литература развивалась в обстановке войн, революций и становления новой послереволюционной действительности. Все эти явления прямым образом сказались на художественных исканиях писателя. Как отмечал Ваха Хамхоев, «по-настоящему писательскую деятельность Б. Зязиков возобновляет с 1956 года. В 1957 году он,

совместно с Орцо Мальсаговым составляет и издает первый литературный сборник ингушских писателей в ссылке» [8, с. 3].

Сборник «Радость сердца» («Дега г1оз»), объемом в 12 печатных листов, был издан 5-тысячным тиражом Киргизгосиздатом. Он действительно являлся в то время радостью сердца для всех депортированных ингушей, в чьих сердцах тлела надежда вернуться на родину. И на сегодняшний день сборник, вобравший в себя рассказы и стихи Багаудина Зязикова помимо произведений других писателей, превратился в библиографическую редкость. Позднее, в 1978 году вышел второй сборник рассказов, очерков и повестей «Сийр-дача новкъа», который был написан на ингушском языке. Туда вошли очерки о Гражданской войне 1918 – 1919 гг., проходившей на территории Ингушетии: «Ши говрабаъри» («Два всадника»), «Ультиматум», «Моастаг1чун штабе» («Во вражеском штабе»), «Г1уша-Хъажа» («Гуша-Хаджи»), «Кхо воша» («Три брата»), «Ресбулика ц1ерах» («Именем республики») и др.

Как нам известно, в истории народов России Гражданская война 1918-1920 гг. является переломным моментом. Наиболее драматические события этой эпохи в Ингушетии были связаны с борьбой против Добровольческой Армии А.И. Деникина.

Эти огненно-пороховые дни навсегда запечатлелись в сознании будущего писателя и позднее не раз он будет возвращаться к ним в своих произведениях, таких, как: «Именем республики», «Ультиматум», «Гуша-Хаджи», «Три брата», «Магомед Умаров – партизан», «Кози, дочь Олмаза» и другие.

Героями последних двух произведений являются конкретные лица, например, прославившая свое имя героиня гражданской войны ингушская девушка Кози (Кхоази) и такой же известный в Ингушетии партизан Магомед Умаров. Образы их можно считать типическими, вобравшими в себя лучшие черты передовых людей тех лет, благодаря чему автору и удалось художественно запечатлеть единый порыв трудящихся горцев, вставших на защиту своей Родины от полчищ Деникина.

Очерк «Кози, дочь Олмаза» небольшой по своему объему, главная тема его – человек на войне, с ней же связаны, актуальные для этой эпохи, более узкие темы – темы чести, патриотизма, бесстрашия. Эта трагедия целой страны раскрывает самые глубины души человеческой, она ясно дает понять, что представляет собой человек на самом деле. Двухнадцатилетняя девушка Кози, черноглазая, белолицая, с косой, спускавшейся ниже пояса, до войны была обычным человеком, который просто жил и трудился в свое удовольствие. Она могла бы уйти из села вместе с другими жителями, дабы спасти свою жизнь, но смелая девушка решает остаться. Кози ставит судьбы других людей превыше всего: «Ей было очень жаль людей, которые с рассвета до поздней ночи воевали без передышки. «Чем бы мне помочь? Какую пользу я могла бы принести им в этот жестокий, страшный день?» – думала она с болью и отчаянием [4, с. 39]. Хрупкая девушка, спокойно, без малейшей боязни, не ведая страха, ходила по окопам, вырытым вокруг кладбища подавала воду жаждущим. Она первая попросилась отнести патроны бойцам, когда участились атаки деникинцев и непрерывно с двух сторон строчили пулеметы. «Если патроны донесу, – думала она, – партизаны победят. Смотри как стреляют вражеские ружья и пулеметы, а наших даже не слышно» [4, с. 43]. Кози ставит перед собой цель, и ради нее преодолевает свои страхи. Именно так появляются в нашей жизни герои – храбрые, самоотверженные, мужественные. В жизненных испытаниях героев отражается проблема силы духа и стойкости характера. Автор раскрывает ее на примере главной героини и ее брата Карше, который первым выскочил из окопа на рукопашный бой с врагами. Двадцать три смельчака геройски отдали свои жизни в ту ночь за свободу, за малую Родину. Казалось бы, что может быть страшнее потерять самого близкого и родного твоему сердцу человека? Но узнав о смерти уже второго брата, Кози не сломалась, в ней еще более усилилась ненависть к врагу. Она дала клятву отомстить за смерть братьев, которая с каждым днем все сильнее крепла в ней. Багаудин Зязиков показывает нам, что сильный духом человек способен перенести все испытания, преодолеть любые жизненные преграды, позиция автора очевидна и с ней нельзя не согласиться. Что касается главной мысли, то она всецело связана с неизменной любовью к родине и данное произведение, показывает читателю то, что на ее защиту встают все без разбору. «У войны не женское лицо» [9] – этот тезис был верен на протяжении долгих столетий. Войну принято считать мужским делом, потому что пережить ее ужасы способны очень сильные люди. Но трагизм, жестокость и чудовищность войны заключается в том, что вместе с мужчинами плечом к плечу встают и женщины, которые идут погибать и защищать.

В день десятилетия Красной Армии – в 1928 году Реввоенсовет СССР вручил Долгиевой (Ужаховой) Кози Олмазовне Почетную грамоту. Кози удалось сдержать свое слово и данную ею клятву.

В центре повести «Именем Республики» лежит трагический эпизод: захват Долакова деникинцами после ожесточенного боя. Готовый насмерть сразиться с врагом отряд, решили назвать именем «Горской Республики».

Ингуши мужественно встретили вторжение деникинских отрядов в пределы Ингушетии. Смертельная схватка разгорелась у селения Долаково, в ходе которого враги потерпели поражение. ««Долаковский бой, – писала З.А.-Г.Гойгова» [7, с. 27].

В произведении «Лялько и его бойцы» восстает перед нами образ молодого, храброго сержанта. Он не выдуман писателем, точно так же, как и образы Серго Орджоникидзе, Петра Абрамова, Ивана Домбровского. Григорий Лялько служил в Красной Армии с 1944 года. К военному делу относился с особой ответственностью и того же требовал от своих бойцов: «Добросовестное отношение солдата к своим воинским обязанностям начинается с самого незначительного. Содержание в готовности свое оружие тоже имеет большое значение» [4, с. 80].

В произведении автором описывается задание, выполненное сержантом и его солдатами. Этот бой имел место быть в реальной действительности.

«13 марта 1944 года в районе села Джулинка Бершадский район Винницкой области при форсировании реки Южный Буг красноармеец Лялько действовал инициативно и смело» [10].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года красноармейцу Лялько Григорию Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза (№ 4671) [11].

По меткому выражению Александра Твардовского, писатели дышали одним дыханием с борющимся народом и чувствовали себя «окопными поэтами», а вся литература в целом, была «голосом героической души народа» [1, с. 390]. Основная задача советской литературы военного периода заключалась в отображении жизни воюющего народа, передаче величия его подвига, вызове глубоких патриотических чувств, внушении еще большей ненависти к врагу.

Военная тематика на трагических нотах звучит и в рассказе Зязикова Багаудина «Нани» («Бабушка»). Одним из основных персонажей произведения является пожилая женщина, которая прошла долгий жизненный путь. Трепетную любовь к ней испытывает внук Ахми, росший рядом с ней с раннего детства. Все самое прекрасное и хорошее для него воплотилось именно в Нани: нежность, щедрость, доброта. Она привила ему любовь к природе через свои добрые сказки «про животных, диких зверей, птиц, муравьев...», под которые мальчик любил засыпать.

Красной нитью в рассказе проходит и, до боли знакомая писателю, тема депортации ингушского народа.

Не окончилась война, как на народ обрушилось еще одно несчастье, его насильно выселяют из родных краев. «Только двадцать минут было дано на сборы в неизвестные далекие места. В загонах мычали коровы, выли в подворотнях собаки» [4, с. 155]. Казалось, что страшнее этого уже ничего не может случиться, но на чужбине погибает от обморожения Нани, верная опора маленького мальчика. «Продрогший насквозь Ахми, забравшись на подводу и обняв тело Нани, плакал навзрыд. Узнав о ее смерти, женщины вокруг стали рыдать еще сильнее» [4, с. 157]. С большим трудом вырыв в обледенелой земле могилу, похоронили Нани в ту ночь.

Одна из проблем, которые Багаудин Зязиков ставит перед читателем – проблема разлуки с Родиной, сложное испытание, постигшее наших героев. Не случайно в народе говорят: «Потерявший друга – семь лет скорбит, потерявший родину – всю жизнь горюет».

В сюжетной линии произведения автор использует прием ретроспекции. Вернувшись в родное село, Ахми вспоминает свое детство и черноглазую соседскую девочку Маржан. Она была вторым человеком после Нани, с которым он любил проводить время. Ахми было очень интересно знать что же с ней стало, как сложилась ее судьба, изменилась ли девочка с кудрявыми волосами. Кто знает, может это была детская привязанность, а может только зародившаяся любовь друг к другу, которая навсегда сохранилась в сердцах наших героев. За день до разлуки у Маржан остался перочинный нож Ахми, а у него ее бусинки от сглаза. «Крепко зажимая ножичек в руке, Маржан вспоминала Ахми, он же носил бусинки девочки постоянно с собой» [3, с.157]. В течение тринадцати лет хранил он их, как талисман, оберегающий жизнь. И каково же было удивление Ахми, когда он увидел свою детскую подругу с ребенком на руках, такую же красивую, как и тринадцать лет назад. Она назвала свое дитя его именем. Ахми, взяв ребенка на руки, повесил ему на шею три заветные бусинки, свидетелей трепетной любви Ахми к Маржан, которые хранят в себе целую историю.

Багаудин Зязиков на примере этих двух героев раскрывает перед нами именно эту проблему. Автор доносит до читателя главную мысль через отважного Сокола: «Все, что ты сейчас слышишь от источника света и жизни, передай людям. Передай, что только любовь, добро и сплоченность людей могут послать на землю свет и тепло, скажи, что только там, где они есть, может находиться счастье» [3, с. 152].

Таким образом, проведя анализ некоторых произведений малой прозы Багаудина Хусейновича Зязикова, мы пришли к выводу о том, что они являются доказательством зрелости социально-исторического мышления писателя. Исходя из реалистических установок, писателю удалось показать психологию целого народа и героя в отдельности, осмыслить проблему формирования национального характера и изобразить явления реальной действительности.

Литература

1. Выходцева П. С. История русской советской. М., 1970. 736 с.
2. Головкин В.М. Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра. Ставрополь, 2002. 438 с.
3. Зязиков Б.Х. «Ираз: Дувцарийи очерккьи гуллам» Грозный, 1960. 130 с.
4. Зязиков Б.Х. Избранное. Магас: Издательство «Сердало», 2013. 298с.
5. Лейдерман Н.Л. Жанр и композиция литературного произведения. Вып 3. Калининград, 1976. 123 с.
6. Мартазанова Х.М. Жанрово-стилевые искания ингушской прозы 1950-1960 гг. // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 7. С. 125 – 130.
7. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. Нальчик, 1905. 461 с.
8. Хамхоев В.В. «Человек чести и долга. Ко дню рождению Багаудина Зязикова» // Сердало. 1996.
9. <http://literator35.ru/2019/01theme/roman-kruglov-idei-podvizhnichestva-v-l/>
10. <http://ote4estvo.ru>
11. <http://revolution.allbest.ru>

References

1. Vyhodceva P. S. Istorija russkoj sovetskoj. M., 1970. 736 s.
2. Golovko V.M. Russkaja realisticheskaja povest': germenevtika i tipologija zhanra. Stavropol', 2002. 438 s.
3. Zjazikov B.H. «Iraz: Duvcariji ocherkiji gullam» Groznyj, 1960. 130 s.
4. Zjazikov B.H. Izbrannoe. Magas: Izdatel'stvo «Serdalo», 2013. 298s.
5. Lejderman N.L. Zhanr i kompozicija literaturnogo proizvedenija. Vyp 3. Kaliningrad, 1976. 123 s.
6. Martazanova H.M. Zhanrovo-stilevyje iskanija ingushskoj prozy 1950-1960 gg. Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija. 2016. № 7. S. 125 – 130.
7. Opryshko O.L. Kavkazskaja konnaja divizija. Nal'chik, 1905. 461 s.
8. Hamhoviev V.V. «Chelovek chesti i dolga. Ko dnju rozhdeniju Bagaudina Zjazikova». Serdalo. 1996.
9. <http://literator35.ru/2019/01theme/roman-kruglov-idei-podvizhnichestva-v-l/>
10. <http://ote4estvo.ru>
11. <http://revolution.allbest.ru>

*Sakalova Z.M., Postgraduate,
Ingush State University*

Historicism of small prose by B.H. Zyazikov

Abstract: the article examines the issues of historicism in the small prose of the Ingush writer B.H. Zyazikov. The principle of historicism is one of the established creative methods in literature, which acquires a special character when it comes to the historical genre, in which the monumental characteristic of the life of the people is recreated. The theme of moral choice is also reflected in the work. The fate of the main characters of his works is in tune with millions of other Soviet people who went through the meat grinder of the war, but managed to return to normal life without losing the most important thing in themselves – humanity. The problem of overcoming fear in war occupies an important place in the author's work. The problem of heroism during the war is also crucial and the main one in the writer's work. Courage, bravery, contempt for death are the main qualities that determine the dignity of a warrior. The works of the writer are proof of the maturity of his socio-historical thinking. He managed to show the psychology of the whole people and the hero separately, to comprehend the problem of the formation of national character and to depict the phenomena of real reality.

Keywords: historicism, small prose, Ingush literature, the creative path of the author, essay, story, national character, historical theme, technique of retrospection

For citation: Sakalova Z.M. Historicism of small prose by B.H. Zyazikov. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 26 – 29.

Received: August 11, 2023; Revised: October 11, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Стебунова Е.И., кандидат философских наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет*

К вопросу о возможностях текстового анализа и его роли в формировании межкультурного диалога на занятиях по изучению русского языка как иностранного

Аннотация: «Ковидная эпоха» для мирового сообщества предоставила возможности для актуализации скрытых резервов и запуска сложившегося потенциала в аспекте развития диджитал-педагогике и дистанционных форм обучения. В постковидный этап после «возвращения» к оффлайн форматам обучения интерес педагогического сообщества не ослабевает к обобщению и систематизации полученного опыта в период активного использования онлайн форматов обучения. В данной статье представлены методические наработки по разработке дидактического контента, подготовленный и апробированные в «ковидный» и «постковидный» период.

Преподаватели русского языка как иностранного, работающие с иностранными обучающимися, испытывают острую необходимость формирования устойчивой способности у обучающихся к межкультурной коммуникации. Для достижения стратегической цели педагоги обращаются к тактическим приемам текстового анализа в связи с чем педагогами-практиками актуализируется работа с культурологическими текстами, содержащими культурный код. Раскрытию специфики этой работы и посвящена данная статья.

Ключевые слова: лингводидактика, межкультурный диалог, русский язык как иностранный, социокультурный контекст, текстовый анализ

Для цитирования: Стебунова Е.И. К вопросу о возможностях текстового анализа и его роли в формировании межкультурного диалога на занятиях по изучению русского языка как иностранного // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 30 – 33.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 8 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Системе образования постоянно приходится адаптироваться к новым жизненным условиям и новым социальным требованиям. Именно таким требованием-вызовом для системы образования и стала необходимость адаптироваться к условиям формата дистанционного (удалённого) обучения.

В образовательном процессе иностранных граждан в рамках курса «Довузовская подготовка иностранных обучающихся» в аспекте изучения «русского языка как иностранного» в постковидный период активно применяется совмещение смешанных форматов обучения — онлайн и оффлайн.

Одной из основных задач педагогов, работающих с иностранными обучающимися, является необходимость формирования устойчивой способности к межкультурной коммуникации. С этой целью педагогами-практиками актуализируется работа с культурологическими текстами, содержащими культурный код. В частности, к таким материалам относятся тексты о праздниках и традициях страны изучаемого языка.

В России 12 апреля отмечается День космонавтики. Традиционно иностранным слушателям в рамках курса «Довузовская подготовка иностранных обучающихся» с целью формирования представления о значимых событиях в истории и культуре страны изучаемого языка даются для «проработывания» параллельно два текста – «Космос» (раскрывающие научную тематику) и «Юрий Гагарин» (текст по общеобразовательной тематике). Каждый текст адаптирован под уровень владения русским языком конкретной группой иностранных обучающихся и сопровождается предтекстовым комментарием и послетекстовыми информационными блоками обучающего характера и/или заданиями. Тексты могут быть представлены в распечатанном виде или как презентация, но в обоих вариантах текстовый материал обязательно сопровождается иллюстрациями – рисунки о космосе, планетах и т.п.; фотографии космонавтов и животных, летавших в космос. Наглядный иллюстративный материал в формате дистанционного урока не только акцентирует внимание иностранных обучающихся на читаемом тексте, но и способствует более быстрому и эффективному пониманию прочитанного материала.

Ниже приведем текст «О космосе и космонавтах» и кратко охарактеризуем методику его анализа с разных позиций – с научной точки зрения, с культурно-исторической позиции, опишем детальный лингвистический анализ с целью сформировать у слушателей определённые знания, умения и навыки, которые им пригодятся в дальнейшем (примечание: текст был заимствован с сайта Социальная сеть работников образования nsportal.ru и адаптирован для иностранных обучающихся).

В процессе работы по подготовке дидактического текста, который в дальнейшем будет подвергнут работе с обучающимися, важно акцентировать внимание на специфической научной лексике, терминологии; необходимо составлять такие задания для самостоятельной работы, которые помогут слушателям закрепить полученную новую лексику и существенно расширят их научный кругозор, что в свою очередь будет им помогать в процессе дальнейшего обучения в Тюменском индустриальном университете.

Адаптированный дидактический текст научно-популярного стиля на космическую тематику. Обращаю внимание, что текст достаточно объёмный – в нём 683 слова. Наряду с общеупотребительной лексикой в тексте встречаются слова общенаучного характера и различные термины. По словообразовательным моделям текстовый материал также довольно разнообразен, причём некоторые модели слов будут для иностранных обучающихся представлены впервые и подлежат обязательному детальному анализу. Грамматические модели словосочетаний и предложений тоже представлены широко, но преобладают простые предложения с однородными членами и сложноподчинённые предложения с разными видами придаточных.

В дидактическом тексте про космос встречаются примеры произносительных норм, нарушение которых у иностранцев встречается наиболее часто (все примеры взяты из текста):

- буквосочетание -ЧТ- произносится как [ШТ] в словах: **что** – [шт]о, **чтобы** – [шт]обы, **потому что** – **потому** [шт]о;

- буквосочетание -СЧ- произносится как [ЩЩ] в слове: **считали** – [щщ]итали;

- ассимиляция по глухости (оглушение парных звонких согласных) в конце слов: **космонавт** – **космона**[фт], **оборотов** – **оборото**[ф], **выход** – **выхо**[т], **назад** – **наза**[т], **вокруг** – **вокру**[к], **через** – **чере**[с].

Работу по выявлению и устранению произносительных ошибок при анализе текста можно построить по двум направлениям: 1) от речевой практики к нормам, 2) повторение теории и закрепление на практике.

В первом случае педагогу необходимо в процессе чтения отмечать, кто из обучающихся какие произносительные ошибки сделал, чтобы затем проанализировать эти ошибки и на их примере повторить нормы фонетики и орфоэпии.

Во втором случае педагог заранее составляет примерную таблицу с типичными часто нарушаемыми правилами и разбирает их с обучающимися, параллельно отмечая, кто какие ошибки допустил в ходе чтения. Обязательным требованием к обоим направлениям работы педагога является наглядный материал – в формате дистанционного урока теоретический материал лучше представлять в виде таблиц или схем, которые потом можно скопировать и отправить обучающимся на электронную почту. Метод наглядности в обучении на расстоянии выходит на первый план, а также позволяет активнее использовать разнообразные мультимедийные средства.

При проведении занятия в дистанционном формате целесообразно рассмотреть лексику, которая является либо незнакомой слушателям, либо малоупотребительной в повседневном общении.

При графическом оформлении обучающих материалов, как правило используется программа PowerPoint по принципу «одно слово – один слайд». Каждая новая информация обязательно отделяется от предыдущей, но при этом должна прослеживаться преемственность и взаимосвязанность всех информационных блоков. Например, цепочки однокоренных слов лучше демонстрировать на одном слайде и графическим выделением общей части, то есть корня во всех словах. Для этого можно использовать различные графические приёмы. Затем уже на новых слайдах представить каждое слово из цепочки как самостоятельную лексему с приведением толкования её лексического значения и дополнительными грамматическими и словообразовательными характеристиками. Для того чтобы разграничить слайды с разными информационными блоками можно использовать слайды с разным цветовым фоном, например, новые слова печатаются на слайдах белого цвета, а однокоренные слова на слайдах серого цвета. Но в процессе ознакомления с обучающими материалами нужно зафиксировать внимание обучающихся на данном приёме, а заодно и повторить прилагательные, обозначающие разные цвета.

Ниже приведены примеры анализа некоторых лексем:

Отмечается (отмечать) – **праздновать**, **вспоминать** + (что? Винительный (№ 4) падеж) **праздник**, **день рождения**, **Новый год**, **Международный женский день**, **Рождество**.

Даём комментарий к употреблению этого частотного глагола в речи – где, когда, в каких ситуациях, в каких контекстах он будет более уместным. Можно вспомнить о ситуациях, когда слушатели уже отмечали какой-либо праздник, например, Новый год или Международный женский день. Если позволяет время, то можно попросить иностранцев кратко рассказать о том, как принято отмечать праздники в их родных странах.

Далее следует рассказать обучающимся, что в России много разных праздников – религиозных, традиционных, народных, государственных и т.д. Но конечно же, всем иностранцам в России нужно знать о

важнейших государственных праздниках. К таким особым памятным дням относится День космонавтики. Это наименование уже встречалось в тексте, поэтому нужно его подробно разобрать.

День космонавтики – памятный, праздничный день в честь всех космонавтов и учёных, которые изучают космос.

Слово «космонавтика» для слушателей не абсолютно новое слово, так как они уже знакомы с лексемой «космос». Поэтому здесь целесообразно и логично привести ряд однокоренных (родственных) с ним слов: *космос – космонавт – космонавтика – космический*, а затем дать их толкование.

Однокоренные (родственные) слова: *космос – космонавт – космонавтика – космический*.

● непроизносимые согласные в словах: *солнце – со[нц]е, звёздный – звё[зн]ый, праздник – пра[зн]ик, шестьдесят – ше[сьд]есят*.

Итак, подробный текстовый анализ позволяет реализовывать одновременно несколько наиболее важных аспектов обучения русскому языку как иностранному: во-первых, знакомит иностранных обучающихся с историей и культурой России; во-вторых, грамматические конструкции рассматриваются на конкретных примерах из речевой практики письменной научной речи, что позволяет обучающимся лучше понимать грамматические правила и запоминать их для дальнейшего использования; в-третьих, параллельно отрабатываются все обязательные речевые умения и навыки слушателей, базирующиеся на различных нормах русского языка – произносительные нормы, грамматические правила построения словосочетаний и предложений, лексические и словообразовательные модели; в-четвёртых, предтекстовые, послетекстовые и сопутствующие задания позволяют осуществлять текущий контроль качества усвоения нового материала; в-пятых, текстовый анализ систематизирует все ранее полученные знания о русском языке и эффективно включает новую информацию в эту систему. Такой метод наилучшим образом позволяет осуществлять процесс формирования и развития навыка межкультурного диалога у иностранных обучающихся при изучении русского языка как иностранного.

Литература

1. Аквазба Е.О. Возможности педагогической коммуникации в процессе подготовки профессиональных кадров // Проблемы формирования единого экономического пространства стран СНГ (СНГ-2021). Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции: в 2-х т. / Отв. ред.: О.М. Барбаков, Ю.А. Зобнин. Тюмень, 2021. Т. 1. С. 14 – 18.

2. Аквазба Е.О., Дюпина Т.В., Стебунова Е.И. Массовый открытый онлайн курс «Русский язык как иностранный» – возможность формирования коммуникативной компетенции // Modern Humanities Success. 2021. № 5. С. 200 – 204.

3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник, практикум. 2-е изд. М.: Флинта, 2004. 496 с.

4. Бармина Д.И. Особенности работы с заимствованной лексикой в процессе обучения РКИ // Университетские чтения – 2019: Материалы научнометодических чтений ПГУ. Пятигорск, 2019. С. 26 – 29.

5. Вишнякова Т.А. Основы методики преподавания русского языка студентам-нефилологам. М.: Рус. яз., 1982. 125 с.

6. Стебунова Е.И. О проблеме формирования навыка межкультурного диалога в процессе обучения РКИ методом текстового анализа // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: монография / отв. редактор Н.А. Никулина. Тюмень: ТИУ, 2021. 291 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. Москва: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «мир и Образование», 2007. 976 с.

8. Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. Москва: АСТ, 2014. 639 с.

9. Герой Советского Союза // Википедия: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Герой_Советского_Союза (дата обращения: 12.06.2020)

10. Детям о космосе // Социальная сеть работников образования nsportal.ru: сайт. URL: <https://nsportal.ru/blog/detskii-sad/all/2020/04/06/detyam-o-kosmose-0> (дата обращения: 02.04.2020)

References

1. Akvazba E.O. Vozможnosti pedagogicheskoj kommunikacii v processe podgotovki professional'nyh kadrov. Problemy formirovaniya edinogo jekonomicheskogo prostranstva stran SNG (SNG-2021). Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2-h t. Otv. red.: O.M. Barbakov, Ju.A. Zobnin. Tjumen', 2021. T. 1. S. 14 – 18.
2. Akvazba E.O., Djupina T.V., Stebunova E.I. Massovyj otkrytyj onlajn kurs «Russkij jazyk kak inostrannyj» – vozможnost' formirovaniya kommunikativnoj kompetencii. Modern Humanities Success. 2021. № 5. S. 200 – 204.
3. Babenko L.G. Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika: uchebnik, praktikum. 2-e izd. M.: Flinta, 2004. 496 s.
4. Barmina D.I. Osobennosti raboty s zaimstvovannoj leksikoj v processe obuchenija RKI. Universitetskie chtenija – 2019: Materialy nauchnometodicheskijh chtenij PGU. Pjatigorsk, 2019. S. 26 – 29.
5. Vishnjakova T.A. Osnovy metodiki prepodavaniya russkogo jazyka studentam-nefilologam. M.: Rus. jaz., 1982. 125 s.
6. Stebunova E.I. O probleme formirovaniya navyka mezhkul'turnogo dialoga v processe obuchenija RKI metodom tekstovogo analiza. Mezhkul'turnaja kommunikacija: voprosy teorij i praktiki: monografija. otv. redaktor N.A. Nikulina. Tjumen': TIU, 2021. 291 s.
7. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka: Ok. 60000 slov i frazeologicheskijh vyrazhenij. Pod obshh. red. prof. L.I. Skvorcova. 25-e izd., ispr. i dop. Moskva: OOO «Izdatel'stvo Oniks»: OOO «Izdatel'stvo «mir i Obrazovanie», 2007. 976 s.
8. Tihonov A.N. Novyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka dlja vseh, kto hochet byt' gramotnym. Moskva: AST, 2014. 639 s.
9. Geroj Sovetskogo Sojuza. Vikipedija: sajt. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Geroj_Sovetskogo_Sojuza (data obrashhenija: 12.06.2020)
10. Detjam o kosmose. Social'naja set' rabotnikov obrazovaniya nsportal.ru: sajt. URL: <https://nsportal.ru/blog/detskii-sad/all/2020/04/06/detyam-o-kosmose-0> (data obrashhenija: 02.04.2020)

*Stebunova E.I., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Industrial University of Tyumen*

On the question about the possibilities of text analysis and its role in the formation of intercultural dialogue in classes of studying Russian as a foreign language

Abstract: the “Covid era” has provided opportunities for the global community to update hidden reserves and launch existing potential in terms of the development of digital pedagogy and distance learning. In the post-Covid stage, after the “return” to offline learning formats, the interest of the teaching community does not wane in generalizing and systematizing the experience gained during the period of active use of online learning formats. This article presents methodological developments for the development of didactic content, prepared and tested in the “Covid” and “post-Covid” period.

Teachers of Russian as a foreign language working with foreign students experience an urgent need to develop students' sustainable ability for intercultural communication. To achieve a strategic goal, teachers turn to tactical techniques of text analysis, and therefore, practicing teachers update their work with cultural texts containing a cultural code. This article is devoted to revealing the specifics of this work.

Keywords: linguodidactics, intercultural dialogue, Russian as a foreign language, sociocultural context, text analysis

For citation: Stebunova E.I. On the question about the possibilities of text analysis and its role in the formation of intercultural dialogue in classes of studying Russian as a foreign language. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 30 – 33.

Received: August 6, 2023; Revised: October 8, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Валипур Алиреза, доктор филологических наук, профессор,
Салехи Мохаммади Хабиб, кандидат филологических наук,
Тегеранский университет, Иран*

К вопросу об аккомодации и диссимилиации звуков в русском и персидском языках

Аннотация: в данной работе автор будет изучать фонетические процессы аккомодации и диссимилиации гласных и согласных фонем в русском и персидском языках. Задачей данной работы является сравнительно-сопоставительный анализ русских и персидских гласных и согласных фонем в рамках звуковых процессов аккомодации и диссимилиации. Автор ещё будет изучать при возможности сходства и отличия фонетических процессов аккомодации и диссимилиации гласных и согласных фонем в вышеуказанных языках. Автор будет точно анализировать как данные процессы будут встречаться в данных языках и какие именно их происхождение при произношении слов встречается. Результаты данной работы будут применяться при обучении русского языка как иностранного в иранских вузах для студентов учащихся русский язык как иностранный. Литературы, которые автор использовал при изучении фонетических процессов аккомодации и диссимилиации были выбраны в русских и персидских книгах и журналах по фонетике и фонологии. Все вопросы и проблемы, касающиеся нашей работы раньше не изучали и с точки зрения новизны, данная работа является оригинальной. Актуальность темы исследования обусловлена следующими: во-первых ее недостаточного исследования до настоящей времени и во-вторых наличием много пробелов. Исследование нацелено на выявление и анализ основных факторов при произношении согласных фонем в персидском и русском языках и представляет собой интерес для учащихся и преподавателей РКИ и может способствовать правильное произношение фонем в началах этапах изучения русского и персидского языка для учащихся и имеет большое значение для правильного понимания фонетики и фонологии русского и персидского языков. Степень разработанности данной темы встречалась в работах иранских и частично у российских фонологов. В работе были использованы наработки и развиты идеи данных ученых. При работе над статьёй были изучены коллективные труды и отдельные монографии иранских и российских ученых, посвященные теме фонетики и фонологии русского и персидского языка. По итогам анализа, стало ясно что аккомодация и диссимилиация согласных фонем по признакам твердости-мягкости отсутствуют в персидском языке. В нашей работе фонетическому процессу аккомодации как частного случая ассимиляции и диссимилиации и ее сравнение в двух языках уделяется особое внимание.

Ключевые слова: аккомодация, диссимилиация, русский язык, персидский язык, фонетический процесс, фонема, гласный, согласный

Для цитирования: Валипур Алиреза, Салехи Мохаммади Хабиб К вопросу об аккомодации и диссимилиации звуков в русском и персидском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 34 – 38.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 8 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

Под аккомодацией обычно понимается приспособление артикуляций стоящих рядом согласных и гласных. Например в персидском языке, приспособления гласных наблюдаются в основе прошедшего времени некоторых глаголов, лексическая основа которых состоит более чем из одного слога, а конечная фонема второго слога является гласной /â/, в основе прошедшего времени этих глаголов, вместо гласного /â/, который существует в основе настоящего времени, проявляется гласный /u/:

[mi-setâ-yam] (настоящее время) → [sotu-d-am] (прошедшее время)

[mi-sorâ-yam] → [soru-d-am]

[mi-gošâ-yam] → [gošu-d-am]

Приспособление безударного гласного [â] в [a] в фонетической позиции перед согласным [h] в производных персидских словах:

râh: rahnemud, rahbar, rahnemâ, rahgozar

mâh: mahtâb, mahnavard, mahnešin

siyâh: siyah-češm, siyah-del, siyah-ruz

Есть ещё случаи приспособления гласного в персидском языке древних времен, например, трансформация [ân] в [un] и [âm] в [um]:

[xiyâbân] → [xiyâbun];
 [ʔâsemân] → [âsemun];
 [dâne] → [dune];
 [davâm] → [davum];
 [âmadan] → [umadan].

Диссимиляция, процесс расподобления между однородными звуками. Она может быть контактной и дистантной (дистантной), прогрессивной и регрессивной. Различают ее в том числе и по признакам звука: для гласных по подъему, для согласных по месту и способу образования.

Основная часть

В русском языке гласные артикуляционно приспособляются к согласным, аккомодируют им, причем по направлению аккомодации могут быть не только прогрессивными и регрессивными, но одновременно и теми и другими, т.е. гласный аккомодирует сразу в двух направлениях – и предшествующему, и последующему согласному. Так, например, в парах слов «рад-ряд», «пыл-пил» мы имеем прогрессивную аккомодацию гласных по ряду (более задние – более передние) после твердых – мягких согласных; в парах слов «шар-шарь», «цел-цель» – регрессивную аккомодацию гласных, которые звучат более закрыто в позиции перед мягкими согласными; и, наконец, в паре «мат-мять» наблюдается одновременно и прогрессивная, и регрессивная аккомодация [3, с. 131].

Различаются три вида аккомодации: *прогрессивная, регрессивная и прогрессивно-регрессивная*. В персидском языке при сравнении глагольной основы в настоящем и прошедшем времени в так называемых неправильных глаголах видно, что конечный звук основы настоящего времени проявляется как два разных звука в настоящем и прошедшем времени:

Первая группа глаголов:

[mi-kâr-am] → [kâš-t-am];
 [mi-gozâr-am] → [gozâš-t-am];
 [dâr-am] → [dâš-t-am]

Вторая группа глаголов:

[mi-suz-am] → [sux-t-am];
 [mi-paz-am] → [pox-t-am];
 [mi-sâz-am] → [sâx-t-am]

Как видно из двух приведенных примеров, конечный звук основы настоящего времени различается в настоящем и прошедшем времени. В глаголах первой группы, конечный звук глагольной основы в настоящей основе есть [r] и в прошедшем [š]. У глаголов второй группы, конечный звук глагольной основы в настоящей основе есть [z] и в прошедшем [x].

Иные процессы наблюдаются в персидском языке. Здесь доминирующая роль в слоге принадлежит тоналльному элементу, поэтому не гласный аккомодирует согласному, а, наоборот, согласный гласному. Это в корне меняет отношения между звуками, которые устанавливаются в слоговых структурно-системных образованиях того и другого языка.

В персидском языке нет противопоставления согласных по признаку «мягкость – твердость», наличие которого в русских согласных определяет качество звучания рядом стоящих гласных. Воздействием признаков передне- и среднерядности гласных определяется средне- или заднерядность согласных; существенное влияние на природу последних оказывает также признак огубленности гласного. Во всех этих случаях артикуляция согласного подстраивается и приспособляется к артикуляции следующего за ним гласного звука, и, следовательно, по направлению такая аккомодация является регрессивной.

Для персидского языка факт доминирующей роли гласного в слоге тем более очевиден, что в сферу его воздействия, попадает наряду с предшествующим также последующий согласный и иногда даже – два согласных, составляющих консонанс. Под углом зрения аккомодации фонетические процессы в слове *čang* «крючок», которое типично для целого ряда слов, получают следующую интерпретацию: среднерядный неустойчивый (краткий) *a* палатализует антевокальную (стоящий перед гласным, находящийся в положении перед гласным) глухую аффрикату *č* и одновременно, способствуя перемещению в среднеязычное положение поствокального консонанса, создает условия для его смягчения. По направлению такая аккомодация согласных гласному является одновременно и прогрессивной и регрессивной [3, с. 131-132].

Фонетический процесс диссимиляции расположен против фонетического процесса ассимиляции. В этом процессе согласный, имеющий один или несколько фонетических признаков с согласным-компаньоном, теряет эти общие признаки и приобретает другие фонетические признаки.

Для персидского вокализма глубокие диссимилятивные процессы, приводящие к полному расподоблению звуков, «противопоказаны» по той же причине, по какой и ассимилятивные процессы, поскольку дей-

ствие и тех и других в конечном счете направлено на изменение характеристик звуков, в том числе и качественных: в первом случае два одинаковых гласных становятся разными, во втором – два разных уподобляются один другому.

Чтобы избежать нежелательных изменений, «противопоказанных» гласным звукам, персидский вокализм, как саморегулирующая система, сводит процессы уподобления и расподобления между контактирующими звуками одного класса к процессам приспособления между звуками разных классов, т.е. к аккомодации, лишь частично затрагивающей характеристики звуков, но полностью исключаяющей их коренные изменения. Для этого сочетания гласных типа V + V «разбиваются» вставочными звуками: согласными эпентезами *ï*, *ν* или *d*, а сочетания согласных типа C+C или CC + C – гласными эпентезами, к примеру, кратким гласным *e*, в результате чего однородные сочетания V + V и C + C заменяются разнородными – V + C + V и C + V + C, что позволяет ликвидировать непосредственный контакт между крайними элементами сочетания и, следовательно, возможное возникновение между ними ассимилятивных или диссимилятивных процессов [3, с 134].

Диссимиляция в большей мере получает распространение среди согласных персидского языка. Примером диссимиляции в консонантизме является переход увулярного глухого смычного *q* в увулярный глухой дрожащий *x* в позиции перед глухим смычным *t* в словах типа *vaqt* → *vaxt* «время».

В персидском языке, прогрессивная аккомодация рассматривается как ассимиляция гласного согласным, например:

- (a-a) → mahâr, maâd, nehâd, šahâb, čehâr, bahâr, и т.д.
- (e-a) → dehât, dehâti, erdeâš, eddeâ, emtehân, entehâ, eltehâb, .
- (o-a) → maâfi, moâšerat, mohâkeme, šoâr.
- (e-i) → ševîd, sefid, kešîk, belît, sebil, fetile.
- (o-u) → nefuz, bolur, šokuh, jonun, qosur, sorud, dorus.
- (e-o) → boxor, boro, bodo.

Регрессивная аккомодация гласного согласным в персидском языке называется “регрессивной ассимиляцией гласного согласным”, в этом случае гласный, стоящий перед одним носовым согласным, произносится носовым, как в словах:

- jang, zang, man, enqelâb
- naw, jo, bejo(w), bešo
- novîn, bejavam, bešavam, xosravî, davân, ravân
- qovvat, davvâr, morovvat, avval.
- xosrovâr, pâdovâr, piš ro vâr.
- biyâvar
- niyâm, niyâk, niyâz, xiyâr, piyâz, siyâh
- biyâbân, niyâyeš, piyâde, ziyân, xiyâbân.

В вышеуказанных примерах носовой согласный /n/ воздействует на произношение гласных, и они произносятся носовыми.

Регрессивная аккомодация согласного гласным в персидском языке рассматривается как регрессивная ассимиляция согласного гласным. Например, в персидском языке произношение согласный /g/ и /k/ зависит от гласного, который находится после них., например: *gisu*, *gerd*, *garm*, *rigzâr*, *sag*.

Выводы

В персидском языке приспособление гласных и согласных обычно встречается в так называемых «неправильных глаголах» в прошедшем времени данных глаголов в сравнении с их настоящей формой. Во общем, причины таких приспособлений должны искать в фонетических процессах, анализ которых нуждается в изучении исторических изменений в языке и его синхронных соотношений фонетической системы данного языка. Фонетические процессы аккомодации и диссимиляции как другие фонетические процессы в частности ассимиляции, гаплогии, протезы, диерезы и эпентезы помогают облегчением произнесении звуков и слов. Из трех видов аккомодации в русском языке наиболее сильной является регрессивная, более сильной – прогрессивная. Если обобщить характеристики гласных и согласных, то следует отметить, что количественные изменения свойственны главным образом персидским гласным, а качественные изменения – согласным. Эти изменения проявляются по-разному в зависимости от положения в слове и звукового окружения. По итогам анализа, стало ясно что аккомодация и диссимиляция согласных фонем по признакам твердости-мягкости отсутствуют в персидском языке. Фонетической разницы между аккомодацией и ассимиляцией нет, так что и то и другое можно было бы назвать ассимиляцией, иначе уподоблением. Диссимиляция в большей мере получает распространение среди согласных персидского языка. Возникающие на диссимилятивно-аккомодативной основе вставочные явления.

Литература

1. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1998. 536 с.
2. Рубинчик Ю.А. грамматика современного персидского литературного языка. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
3. Поляков К.И. персидская фонетика, опыт системного исследования. М.: Наука, 1988. 316 с.
4. Современный русский язык. Теоретический курс. Фонетика / Под ред. В.В.Иванова, Л.А.Новикова. М.: русский язык, 1985. 160 с.
5. Фонетическая (фонологическая) структура языка, доктор Мехди Мешкатоддини, издательство мешхедский университета имени Фирдоуси, 1985. 174 с.
6. Фонология, rule-based approaches & their applications in Persian Доктор Алиа Корд Зафаранлу Камбузия, издательство Самта, Тегеран 2006. 455 с.

References

1. Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykovedenie. pod red. V.A. Vinogradova. M.: Aspekt Press, 1998. 536 s.
2. Rubinchik Ju.A. grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2001. 600 s.
3. Poljakov K.I. persidskaja fonetika, opyt sistemnogo issledovanija. M.: Nauka, 1988. 316 s.
4. Sovremennyj russkij jazyk. Teoreticheskij kurs. Fonetika. Pod red. V.V.Ivanova, L.A.Novikova. M.: russkij jazyk, 1985. 160 s.
5. Foneticheskaja (fonologicheskaja) struktura jazyka, doktor Mehdi Meshkatoddini, izdatel'stvo meshhedskij universiteta imeni Firdouysi, 1985. 174 s.
6. Fonologija, rule-based approaches & their applications in Persian Doktor Alija Kord Zafaranlu Kambuzija, izdatel'stvo Samta, Tegeran 2006. 455 s.

*Valipour Alireza, Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Salehi Mohammadi Habib, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
University of Tehran, Iran*

On the issue of accommodation and dissimilation of sounds in the Russian and Persian languages

Abstract: in this paper, the author will study the phonetic processes of accommodation and dissimilation of vowel and consonant phonemes in the Russian and Persian languages. The task of this paper is a comparative-comparative analysis of Russian and Persian vowel and consonant phonemes within the sound processes of accommodation and dissimilation. The author will still study, if possible, the similarities and differences between the phonetic processes of accommodation and dissimilation of vowel and consonant phonemes in the above mentioned languages. The author will analyze exactly how these processes will occur in these languages and what exactly their origins in the pronunciation of words occur. The results of this paper will be applied in teaching Russian as a foreign language in Iranian universities for students of Russian as a foreign language. The literatures that the author used in the study of phonetic processes of accommodation and dissimilation were selected from Russian and Persian books and journals on phonetics and phonology. All the issues and problems concerning our work have not been studied before and from the point of view of novelty, this paper is original. The relevance of the research topic is due to the following: firstly its insufficient research up to the present time and secondly the presence of many gaps. The study is aimed at identifying and analyzing the main factors in the pronunciation of consonant phonemes in Persian and Russian and is of interest to students and teachers of Russian Language as a second language and can contribute to the correct pronunciation of phonemes in the beginning stages of learning Russian and Persian for students and is of great importance for the correct understanding of phonetics and phonology of Russian and Persian languages. The degree of development of this topic has been found in the works of Iranian and partially Russian phonologists. In this paper we have used and developed the ideas of these scientists. While working on the articles, the collective works and separate monographs of Iranian and Russian scientists devoted to the topic of phonetics and phonology of Russian and Persian languages were studied. According to the results of the analysis, it became clear that accommodation and dissimilation of consonant phonemes by hardness-softness features are absent in Persian language. In our work, the phonetic process of accommodation as a special case of assimilation and dissimilation and its comparison in the two languages is given special attention.

Keywords: accommodation, dissimilation, the Russian language, the Persian language, phonetic process, phoneme, vowel, consonant

For citation: Valipour Alireza, Salehi Mohammadi Habib On the issue of accommodation and dissimilation of sounds in the Russian and Persian languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 34 – 38.

Received: August 6, 2023; Revised: November 18, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта, кандидат филологических наук, преподаватель,
Государственный университет г. Кербала, Ирак,
Чечикова Е.П., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Воронежский институт МВД России*

Языковая политика как основа укрепления мировой значимости России в контексте современной геополитической ситуации

Аннотация: статья представляет собой теоретический обзор основных понятий, посвященных языковой политике РФ. В статье рассматривается понятие языковой политики в междисциплинарном научном дискурсе, передаётся авторское понимание языковой политики. Цель статьи состоит в определении основных направлений современной языковой политики, выявлении её ключевых проблем, анализа возможных путей решения обозначенных проблем, а также определение дальнейших перспектив развития языковой политики в РФ. В результате анализа обнаружены несистемность и разрозненность в данном направлении законодательства РФ, выявлены проблемы с требованиями по составлению словарно-справочных изданий, установлено снижение общего уровня грамотности населения. В выводах к статье внесены предложения, которые следует держать во внимании при разработке новой концепции языковой политики РФ.

Ключевые слова: языковая политика, национальная политика, русский язык, государственный язык, чистота русского языка

Для цитирования: Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта, Чечикова Е.П. Языковая политика как основа укрепления мировой значимости России в контексте современной геополитической ситуации // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 39 – 42.

Поступила в редакцию: 4 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 6 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Язык любого общества, в том числе целого государства, – это уникальное общественное явление, которое отражает все основные аспекты существования этого общества: от социального внутреннего устройства до внешнеполитических связей в контексте мировой геополитики. А языковая политика – это комплекс мер и мероприятий, с помощью которых государство может воздействовать на язык.

Цели данной статьи – рассмотреть предшествующую и современную языковую политику России и предложить основные направления для её дальнейшего развития. Актуальность данной темы обусловлена практической значимостью грамотного ведения языковой политики с точки зрения защиты национальных интересов России в сложнейших современных геополитических условиях.

Языковая политика России постоянно исследуется, но актуальность проблем языковой политики для историков, культурологов, политологов, социологов, социолингвистов, юристов и специалистов других областей не снижается.

Понятие «языковая политика» в отечественной лингвистике анализируется с точки зрения различных подходов, но наиболее частыми являются два подхода: в основе первого лежит такая взаимосвязь языка и политики, в которой язык одновременно оказывается и объектом, и орудием языковой политики [1, с. 12-13]; при втором подходе языковая политика как часть политики государством, распространяющаяся на язык, то есть собственно языковая политика [2, с. 8].

При рассмотрении языковой политики с первой точки зрения можно говорить о языковом манипулировании, поскольку язык становится инструментом борьбы не только за определение сфер этнокультурного и этнополитического влияния, но и в целом за власть, поддержку и укрепление действующего политического курса, а также способом контролирования и распределения позиций доминирования и подчинения в социально-политическом контексте. С помощью языка передаётся нейтральная или специальная информация, влияющая на коллективное сознание и формирующая политические установки в социально-политической сфере. Эти установки являются первичными и усваиваются из общественного сознания [3, с. 92-114].

Второй подход представляет собой традиционное понимание языковой политики, осуществляемой в отношении национального языка и/или языков различных этнических групп. Этот подход позволяет интерпретировать языковую политику как теорию и практику продуктивного влияния на внутренние государственные языковые отношения, как «целенаправленное и теоретически обоснованное регулирование процессом функционирования языков в процессе создания и совершенствования средств языкового взаимодействия и инновационных технологий» [2, с. 8].

Если рассматривать языковую политику с этой точки зрения, то воздействие органов власти на язык может быть как активным, так и пассивным. Соответственно, использование определённого языка предписывается или запрещается или, наоборот, препятствий существующим или появляющимся тенденциям в языковой политике не создаётся [4, с. 12-22].

Современную Россию отличает её неоднородный этнический состав. На её территории проживает более 160 национальностей, относящиеся к 20 языковым группам и находящиеся на различных этапах социально-экономического развития. Более того, у каждого народа «своё собственное представление о мире, которое отражается в языке, культуре, искусстве, образе жизни» [5, с. 42]. После распада СССР языковая политика России строилась в соответствии с этнотерриториальной структурой государства. Русский язык функционировал в качестве языка межнационального общения в рамках государства. существовали также языки автономных республик, языки автономных областей и языки союзных республик [6]. Роли использования этих языков в различных сферах жизни отличались.

На территории современного постсоветского пространства русский язык также остается языком межнационального общения, открывая представителям этих стран доступ к мировому культурно-историческому и научному наследию.

Анализ данных в сфере преподавания русского как иностранного демонстрирует снижение активности в сравнении со временами СССР, но с начала XXI века интерес к русскому языку стабильно растёт, а язык начинает восприниматься в качестве прикладной дисциплины и становится основой для дальнейшего взаимодействия в образовательной, научной, производственно-экономической и других областях.

Кроме того, возросшая в последнее десятилетие XX века тенденция этнического возрождения сопровождалась всплеском интереса к этническим языкам как части лингвокультурного своеобразия.

Русский язык выполняет не только нациеобразующую и интегрирующую функцию, но и в современных социально-политических условиях выступает в качестве коммуникатора и транслятора русских ценностей, символов и смыслов в создающийся на наших глазах постсовременный культурный код современности.

По данным Википедии на 2022 год 258,2 млн. человек в мире говорит на русском языке, и по количеству говорящих он занимает восьмое место в мире [7].

В условиях нестабильных международных отношений чрезвычайно важным представляются наблюдение за языковым и этнокультурным развитием, а также прогнозирование вероятных языковых и этнических конфликтов для разработки стратегий языковой политики. Многонациональный и многоязыковой состав страны по-прежнему затрудняет стройность и логичность языковой политики.

В современных условиях необходимость разработки универсальной стратегии языковой политики связана ещё и с недостаточной поддержкой языка на уровне его носителей. Во многих европейских странах стандартное представление национального языка существует в виде серий словарей, рассчитанных на массового читателя. Этот идеологический и культурный минимум рекомендуется каждому гражданину. В РФ нет эквивалентных стандартов. Кроме того, учёные-языковеды не могут прийти к консенсусу по многим ключевым вопросам, а образовательные учреждения не готовы к реализации полноценной языковой политики. Доказательством этому может служить уменьшение количества часов, отведенных на русский язык в школе и вузе, подмена его часами второго и третьего иностранного, в том числе на гуманитарных специальностях, где язык имеет первостепенное значение.

Для решения поставленных задач – рассмотрение основных принципов языковой политики и обсуждение перспектив развития роли русского языка в современном обществе – нужно прежде всего рассмотреть возможные репрезентации статуса русского языка, обозначить границы понятия «языковая политика», установить общие цели и направления языковой политики.

Определяя репрезентации статуса русского языка, мы обращаемся к тексту Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ.

Анализ текста закона обнаруживает следующие репрезентации русского языка в контексте нормативной языковой ситуации:

- 1) русский язык как инструмент единения народов;
- 2) русский язык как инструмент поддержания культуры;
- 3) русский язык как инструмент международного влияния.

Итак, под языковой политикой следует понимать совокупность теоретических положений и практических предложений, имеющих своей целью решение общественных и государственных языковых проблем. Так, Б. Спольский предлагает выделять в языковой политике следующие компоненты: «языковую практику, языковую идеологию и языковой менеджмент» [8, с. 1-7].

Из этой характеристики вытекают следующие цели языковой политики по отношению к языку как объекту:

- 1) «поддержание норм языка и культуры речи;
- 2) защита от неконтролируемого притока заимствований из других языков;
- 3) структурное обогащение языка (развитие терминологии)» [8, с. 9-15].

Этот подход не предполагает активного воздействия на другие языки.

Формируя направления языковой политики, необходимо всегда помнить о том, что язык способен к генерировать, дифференцировать и хранить в национальном сознании идеи, имеющие важнейшее значение для мировой, государственной и личной жизни. Таким образом язык определяет вектор коллективной ментальности. Человек формирует своё мышление, деятельность и речь, вызывая в своём сознании при помощи языка конкретный образ. Соответственно, в определении языковых форм и форм сознания и состоит важнейшая задача языковой политики. В современных условиях отсутствия чёткой языковой политики широкое распространение получают низкие языковые формы, тиражируемые СМИ. Неумение видеть языковую форму и целенаправленно её использовать приводит к неспособности идентифицировать себя в рамках определённого языкового сообщества.

Но повышение грамотности населения невозможно без поднятия общего уровня культуры. Поскольку в современных условиях поднятия уровня культуры не наблюдается, это сводит на нет попытку повышения грамотности.

Основанием для расцвета отдельной личности и нации в целом представляется серьёзный подход к языку, осознание и воспитание способности правильно понимать и использовать языковые формы. Право называться мировым сообществом не так давно было узурпировано несколькими «развитыми» странами, но сегодня как никогда ранее России представился шанс во весь голос заявить о себе. И в сложившихся обстоятельствах правильная языковая должна способствовать тому, чтобы Россия стала мировым лидером. В наши сложные времена язык представляется одним из главных средств возрождения нашего народа и страны.

Таким образом, эффективность и логичность языковой политики предполагает решение следующих задач:

- 1) определение чёткого вектора развития на федеральном уровне;
- 2) урегулирование федерального и регионального аспектов языковой политике;
- 3) подготовка методической и учебной базы школ и вузов;
- 4) переподготовка педагогических работников с учётом практико-ориентированного характера преподавания;
- 5) урегулирование часов, отведённых на изучение русского языка;
- 6) направленность на развитие культуры в целом, регулирование язык СМИ и интернет-сообществ в вопросе соблюдения языковых и этических норм;
- 7) укрепление международных связей.

Государственная поддержка глубокого изучения родного языка и овладения коммуникативными качествами должна осуществляться как в образовательных учреждениях, так и вне их. Каждый человек как языковая личность должен иметь возможность и мотивацию совершенствоваться, изучать язык в научно-популярной форме, развивать свои коммуникативные навыки. Этой цели могут служить теле- и радиопередачи, блоги, подкасты о языке.

Кроме этого, необходима полноценная языковая интеграция мигрантов посредством обучения языку.

Особо важным представляется распространение русского языка и русской культуры посредством участия в международных проектах.

Успешное решение поставленных задач возможно только в том случае, если языковая политика станет одним из приоритетных направлений национальной политики.

Очевидно, что грамотно выстроенная языковая политика является фундаментом для правильной постановки и решения проблем не только внутри страны (образование, национальное единение и самосознание и др.), но внешнеполитических, а язык становится основой национальной идеи, сводящейся к «объединению многонационального российского народа на единой культурной и образовательной платформе» [9, с. 37].

Литература

1. Озаева О.В. Этнонациональное измерение языковой правовой политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 175 с.
2. Григорьев В.Д. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 143 – 158.
3. Лубский Р.А. Политический менталитет в России на рубеже веков: монография. Саарбрюккен, 2013. 128 с.

4. Фархатдинов Р.А. Этноязыковая политика в Российской Федерации: проблемы реализации (на материалах Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 189 с.
5. Чечикова Е.П. Роль национальной культуры в воспитании учащихся // Международный научный вестник (Вестник Объединения православных ученых). 2021. № 3 (31). С. 41 – 43.
6. Социоллингвистические проблемы развивающихся стран / Отв. ред. Дешериев Ю.Д. М., 1975. 335 с.
7. Русский язык // Википедия. [2023] (дата обновления: 21.06.2023). URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=345&oldid=133731241> (дата обращения: 21.06.2023)
8. Spolsky B. Language Policy. Cambridge. 2004. 250 с.
9. Бунеева Е.В. Языковая картина как зеркало русского мира в условиях новой мировой архитектуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (174). С. 35 – 38.

References

1. Ozaeva O.V. Jetnonacional'noe izmerenie jazykovoj pravovoj politiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2008. 175 s.
2. Grigor'ev V.D. Kul'tura jazyka i jazykovaja politika. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2003. № 1. S. 143 – 158.
3. Lubskij R.A. Politicheskij mentalitet v Rossii na rubezhe vekov: monografija. Saarbrjukken, 2013. 128 s.
4. Farhatdinov R.A. Jetnojazykovaja politika v Rossijskoj Federacii: problemy realizacii (na materialah Respubliki Tatarstan): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2004. 189 s.
5. Chechikova E.P. Rol' nacional'noj kul'tury v vospitanii uchashhihsja. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik (Vestnik Ob#edinenija pravoslavnyh uchenyh). 2021. № 3 (31). S. 41 – 43.
6. Sociolingvisticheskie problemy razvivajushhihsja stran / Otв. red. Desheriev Ju.D. M., 1975. 335 s.
7. Russkij jazyk. Vikipedija. [2023] (data obnovlenija: 21.06.2023). URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=345&oldid=133731241> (data obrashhenija: 21.06.2023)
8. Spolsky B. Language Policy. Cambridge. 2004. 250 s.
9. Buneeva E.V. Jazykovaja kartina kak zerkalo russkogo mira v uslovijah novoj mirovoj arhitektury. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 1 (174). S. 35 – 38.

*Al-Bder Adnan Habib Lafta, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Lecturer,
Karbala State University, Iraq,
Chechikova E.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

Language policy as a basis for Russia's global importance in the context of the current geopolitical situation

Abstract: the article is a theoretical overview of the basic concepts devoted to the language policy of the Russian Federation. The article examines the concept of language policy in an interdisciplinary scientific discourse, conveys the author's understanding of language policy. The purpose of the article is to identify the main directions of modern language policy, identify its key problems, analyze possible ways to solve these problems, as well as determine further prospects for the development of language policy in the Russian Federation. As a result of the analysis, the inconsistency and fragmentation of the legislation of the Russian Federation in this direction were revealed, problems with the requirements for compiling dictionary reference publications were identified, and a decrease in the general level of literacy of the population was established. In the conclusions to the article, suggestions are made that should be kept in mind when developing a new concept of the language policy of the Russian Federation.

Keywords: language policy, national policy, the Russian language, the state language, the purity of the Russian language

For citation: Al-Bder Adnan Habib Lafta, Chechikova E.P. Language policy as a basis for Russia's global importance in the context of the current geopolitical situation. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 39 – 42.

Received: August 4, 2023; Revised: October 6, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Алыев Э.Ф., ассистент,
Ярославский государственный технический университет*

Приемы создания комического эффекта в юмористическом кинодискурсе (на материале англоязычного кинотекста)

Аннотация: данная статья рассматривает приемы создания комического эффекта на материале англоязычного кинотекста сериала «The Office». Актуальность работы обусловлена необходимостью расширения знаний о комическом как одном из компонентов структуры кинодискурса. В качестве цели исследования автор ставит определение наиболее часто встречающихся приемов создания комического в англоязычном сериале «The Office». Исследование ставит перед собой следующие задачи: определение понятия кинодискурса и юмористического кинодискурса; лингвистический анализ основных приемов создания комического на материале сериала; количественный анализ приемов создания комического в сериале «The Office». Автор статьи уделяет внимание понятию «кинодискурс», рассматривая его с разных точек зрения, и, объединив данные определения с определением понятия «юмористический дискурс», дает свое определение термина «юмористический кинодискурс». При анализе текста сериала автор выделил 100 диалоговых контекстов, содержащих юмор. В статье представлены несколько диалогов юмористического характера для иллюстрации теоретического материала. Для каждого представленного в качестве примеров диалога дан лингвистический анализ. Был проведен анализ данных контекстов, выделены основные приемы создания комического и проведен количественный анализ данных приемов.

Ключевые слова: кинодискурс, юмористический кинодискурс, приемы создания комического, англоязычный сериал, каламбур, игра слов, ирония

Для цитирования: Алыев Э.Ф. Приемы создания комического эффекта в юмористическом кинодискурсе (на материале англоязычного кинотекста) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 43 – 48.

Поступила в редакцию: 4 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 6 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Кинематограф – самый молодой из существующих видов искусства. Однако его массовость и влияние на самую широкую аудиторию абсолютно бесспорны. На сегодняшний день можно с уверенностью заявлять, что кинематографу удалось обогнать по популярности все традиционные виды искусства, включая живопись, архитектуру, театр и музыку. Предположительно, причина успеха кроется в особой форме кинотекста, которая сочетает в себе элементы всех существовавших ранее видов искусства. Кинотекст подразумевает разнозначное влияние на реципиента как вербальных, так и невербальных компонентов. Таким образом, изучение кинодискурса может дать наиболее разностороннюю информацию об изучаемом предмете.

Актуальность работы обусловлена необходимостью расширения знаний о комическом как одном из компонентов структуры кинодискурса. Вопросами определения понятия «кинодискурс» и разграничения понятий «кинодискурс» и «кинотекст» занимаются многие исследователи [1, 3, 6, 7, 9, 10]. Однако проблема выбора средств и приемов создания юмористического эффекта в кинодискурсе на сегодняшний день недостаточно изучена. **Цель исследования** – определить наиболее часто встречающиеся приемы создания комического в англоязычном сериале «The Office». **Задачи настоящего исследования:** дать определение понятию кинодискурса и юмористического кинодискурса; провести лингвистический анализ основных приемов создания комического на материале сериала «The Office»; провести количественный анализ приемов создания комического в сериале «The Office».

Сериал «Офис» (The Office) выходил на телеканалах BBC One и BBC Two с 2001 по 2003 год. Проект написан и снят Рики Джервейсом, также сыгравшим главную роль, и Стивеном Мёрчантом. Несмотря на многочисленные награды и премии, мировую славу «Офис» получил благодаря американской адаптации, снятой Грегом Дэниелсом в 2005 году. Сериал создан в жанре мокьюментари – псевдодокументального фильма, отличающегося от ситкомов-предшественников отсутствием закадрового смеха, аудитории в зале и однокамерной съемкой. «Офис» – это репортаж о жизни сотрудников типичного провинциального отделения компании Wernham Hogg. Сериал состоит из 2-х сезонов по 6 серий и 2-х Рождественских выпусков. Каждый эпизод длится приблизительно по 30 минут.

Перед анализом приемов комического остановимся на определении кинодискурса. А.Н. Зарецкая определяет кинодискурс как «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысло-

вой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, то есть креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [4, с. 7].

С.С. Назмутдинова формулирует понятие кинодискурса как семиотически осложненного, динамичного процесса взаимодействия автора и кинореципиента, протекающего в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности [8].

Стоит также отметить, что в современной лингвистике понятие кинодискурса тесно связано с определением кинотекста. По мнению М.А. Самковой, кинодискурс – более широкое понятие, которое включает в себя как кинотекст, так и кинофильм, интерпретацию фильма кинозрителем и тот смысл, что вложили создатели кинофильма. Так, в качестве составляющих кинотекста могут быть включены только узкие экстралингвистические факторы (факторы коммуникативной ситуации), тогда как в структуру кинодискурса включаются и широкие экстралингвистические факторы (факторы культурно-идеологической среды, в которой протекает коммуникация) [10, с. 136].

На наш взгляд, целесообразно будет также дать определение понятия юмористического дискурса. Согласно В.И. Карасику, юмористический дискурс – это текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре [5, с. 397].

Таким образом, сопоставляя вышеприведенные определения, можем сформулировать юмористический кинодискурс как совокупность равнозначных вербальных и невербальных компонентов текста, а также экстралингвистических факторов, помещенных в рамки юмористической ситуации.

В ходе исследования нами были выявлены приемы и средства создания комического эффекта в британском телесериале «The Office».

Прежде всего, необходимо провести границу между двумя терминами, указать на неочевидную разницу их значений. Мы понимаем прием как более широкое понятие, он подразумевает использование определенных средств, влияет на их выбор, задает общую интонацию высказыванию. Среди основных групп приемов выделяют: видеоизменение и деформацию явлений, неожиданные сопоставления, несоответствие и др. В свою очередь средство – это конкретный способ достижения комического эффекта. К средствам комического обычно относят лексические, фонетические, грамматические и фразеологические.

Одной из наиболее распространенных отличительных черт британского юмора является обильное использование каламбуров и игры слов [2]. Комический эффект здесь достигается за счет смысловой разницы одинаковых по звучанию слов. Зачастую такого рода шутки доступны для понимания только англоговорящим людям. Более того, при отсутствии прямого эквивалента игры слов или каламбура в языке-реципиенте их передача без существенного отхождения от оригинала становится невозможной. Рассмотрим несколько примеров:

(1) Dawn Tinsley. Receptionist. *Been with us for ages, haven't you? I'd say, at one time or another, every bloke in the office has woken up at the crack of Dawn!* // Доун Тинсли. Секретарша. Уже много лет с нами, правда? Можно сказать, так или иначе каждый из нас встречал рассвет с Доун. (перевод наш – Э. А.)

Как видим из примера (1), каламбур заключается в словах **has woken up at the crack of Dawn**, он основан на значении английского женского личного имени Dawn, которое на русский язык переводится как «рассвет». Идиома «to wake up at the crack of dawn» означает «проснуться на рассвете», однако в таком контексте фраза получается двусмысленной и звучит оскорбительно по отношению к самой девушке, которая также участвует в разговоре. Эта игра слов трудно поддается переводу, в нем отсутствует какая-либо многозначность фразы, поэтому в русскоязычной версии теряется юмористический смысл.

- (2) - *A new Dawn. She looks a bit... A younger model, though.*
 - ***I'm not a model.***
 - *Not as bright as Dawn.* //
 - *Новая Доун. Слегка напоминает... . Но более свежая модель.*
 - *Я не модель.*
 - *Не такая сообразительная как Доун.* (перевод наш – Э. А.)

В примере (2) каламбур строится на омонимичной паре, где «a model» означает одновременно как профессию человека (модель), так и прототип. В этом случае оба значения давно заимствованы в русский язык и широко употребляются, поэтому в переводе удалось сохранить комический эффект.

Наряду с каламбуром и игрой слов, важное место в британском юмористическом кинодискурсе занимают ирония и сарказм. Большинство исследователей называют эти средства создания комического эффекта типовыми и характерными для британского юмора. Говорящий может прибегнуть к иронии в самых разных и неочевидных ситуациях. Рассмотрим на примерах:

(3) *Slough's nightlife is incredible. It's got two nightclubs, "Chasers" and "New York New York", They call it "The nightclub that never sleeps." That closes at one.* // В Слау невероятная ночная жизнь. В городе два ночных клуба: «Чейсерс» и «Нью-Йорк Нью-Йорк». Последний называют «ночным клубом, который никогда не спит». Он закрывается в час. (перевод наш. – Э. А.)

(4) *We were torn about whether or not to go home for Christmas. It's gonna be 75 degrees in Florida. And then we found out that in Slough it's going to be drizzly! So that swung it for us, didn't it? So, couldn't resist that!* // Мы сомневались, стоит ли нам лететь домой на Рождество. Во Флориде будет 23 градуса. А потом мы узнали, что в Слау будет дождливо. Так что выбор был очевиден, не так ли? Мы не смогли устоять! (перевод наш – Э.А.)

В примерах (3), (4) объектом иронии выступает небольшой английский город Слау. В первом случае с иронией произносятся фразы «невероятная ночная жизнь» и «ночной клуб, который никогда не спит». Вся ночная жизнь города заключается в двух клубах, а тот, что «никогда не спит», закрывается в час ночи. В примере (4) дождливая погода Слау противопоставляется теплой Флориде. В качестве главной причины возвращения домой герой иронично называет один из недостатков города – его погоду.

Из существующих видов и форм иронии отдельно выделим самоиронию. Троп может использоваться как форма саморефлексии и принимать драматичный характер, например,

(5) *I'm a sales rep, which means that my job is to speak to clients on the phone about quantity and type of paper, and whether we can supply it with them, and whether they can pay for it. And I'm boring myself talking about it.* // Я менеджер по продажам, а это означает, что моя работа – говорить с клиентами по телефону о количестве и видах бумаги, а также о том, можем ли мы им ее доставить и как они могут за это заплатить. И я умираю от скуки даже когда просто говорю об этом. (перевод наш – Э.А.)

По мере перечисления своих должностных обязанностей в примере (5), Тим, один из главных героев сериала, осознает бессмысленность и безнадежность занимаемой им должности. Он готов иронизировать над своим положением. Комический эффект достигается в том числе при помощи эффекта неожиданности, когда после долгого и монотонного перечисления герой признается, что сам в этот момент «умирает от скуки».

(6) *People are afraid to show their emotions because they don't want their mates to take the piss. But luckily I have no mates!* // Люди боятся показать свои чувства, потому что не хотят слышать насмешки со стороны друзей. Но, к счастью, у меня нет друзей! (перевод наш – Э.А.)

Самоиронию в примере (6) выдает аудиовизуальный ряд кинотекста, а именно интонация и взгляд актера. Абсолютное одиночество, в котором оказывается его герой, делает ироничной фразу «к счастью, у меня нет друзей».

Как видим, самоирония используется достаточно осознанно. Герои высказывают горькую правду о самих себе в шуточной, ироничной форме.

Тем временем сарказм от иронии отличает язвительность, насмешка, негативный тон или даже упрек. В британском юмористическом кинодискурсе остроумные и колкие замечания часто делаются хладнокровно, едва заметно. Приведем примеры:

(7) - *You know Bruce Lee's not really dead, don't you? Yeah it's in a book. What he did was he faked his own death so that he could work undercover for the Hong Kong police infiltrating drugs skanks and the triads.*

- *Yeah I reckon it's true coz if you were gonna send someone undercover to investigate the triads you'd probably want the world's most famous Chinese film star.* //

- Ты же знаешь, что Брюс Ли на самом деле жив? Про это написано в книге. Вот что он сделал: он сфальсифицировал собственную смерть, чтобы работать под прикрытием в полиции Гонконга, внедряться в банды наркоторговцев и китайскую мафию.

- Да, полагаю, так и было. Ведь если вам понадобится отправить кого-то под прикрытием в китайскую мафию, выбор явно упадет на самого популярного в мире китайского актера. (перевод наш – Э. А.)

В диалоге (7) герой насмехается над своим собеседником, соглашаясь с его конспирологией (I reckon it's true), а следом дополняет ее деталью, которая рушит всю суть теории.

(8) - *I don't know what it is about me they like so much.*
 - ***I'm racking my brains.*** //

- *Я не знаю, что именно во мне им так сильно нравится.*
 - *Ума не приложу (перевод наш – Э. А.).*

Диалог (8) происходит между мужчиной и женщиной, где она рассказывает ему о том, что всегда привлекала противоположный пол. В своей реплике девушка задается вопросом, какие черты и качества способствуют подобному успеху. Однако ответ «ума не приложу» произносится украдкой, холодно и безэмоционально. В интонации и мимике героя считывается сарказм, становится понятно, что он, в свою очередь, не находит никаких положительных качеств в своей собеседнице.

Кроме вышеперечисленных примеров приемов комического, которые встречаются в кинотексте данного сериала, можно отметить и такие, которые встречались реже. Рассмотрим на примерах:

(9) - *I watched that "Peak Practice".*

- *Yeah I've never seen it.*

- ***Bloody repeat.***

- *Yeah. Annoying, innit?*

- ***Not for me. I hadn't seen it. Boring, isn't it? Just, staying in watching "Peak Practice" with your life.***

- *Yeah.*

- ***Not for me. I like it.*** //

- *Я смотрел «Максимум практики».*

- *Да? А я никогда не смотрел его.*

- *Чертов повтор.*

- *Да уж. Раздражает, правда?*

- *Только не меня. Я никогда не смотрел его. Скучно, да? Сидеть дома и смотреть «Максимум практики».*

- *Да.*

- *Только не для меня. Я люблю его. (перевод наш – Э.А.)*

Сюрреалистический юмор (юмор абсурда) – это любимый прием британских комедийных шоу. В примере (9) абсурд строится на нелогичности, непредсказуемости ответов Кита. Герой сначала строит утверждение или задает вопрос, которые не нарушают логику разговора, однако затем произносит нечто, противоречащее собственным словам. Также комичность здесь достигается при помощи повторения («not for me»).

(10) *How is Elaine? She left you yet? All right. See you then. She has left him. I forgot about that.* // *Как Элейн? Она еще не ушла от тебя? Понял. Увидимся. Она ушла от него. Я забыл об этом. (перевод наш – Э. А.)*

Ситуационная комедия в примере (10) основана на нелепости и неожиданном повороте событий. Неприятный тон говорящего сменяется стыдливостью, когда он осознает, что Элейн действительно бросила его собеседника.

(11) *I wouldn't say I was the best boss. I would say I was in the top one.* // *Я бы не сказал, что я был лучшим боссом. Скорее, я был в высшем эшелоне. (перевод наш – Э. А.)*

Пример (11) иллюстрирует использование гиперболизации. Подобное преувеличение своей роли выглядит комично, учитывая чудаковатую роль персонажа в сериале.

Одной из задач нашего исследования стоит количественный анализ приемов комического в кинотексте данного сериала. Проанализировав кинотекст сериала «Офис», нами было обнаружено 100 юмористических моментов (контекстов). Среди них можем выделить следующие приемы и средства создания комического: ирония, сарказм, сатира, каламбур или игра слов. Самую обширную группу составила ирония, а именно 28 контекстов (или 28%); доля сатиры занимает 18 контекстов (18%); сарказм встречается в 11 контекстах (11%); на долю каламбура или игры слов приходится 10 контекстов (или 10%).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в британском юмористическом кинодискурсе выделяются четыре основных приема создания комического эффекта: ирония, сарказм, сатира и каламбур. Эти базовые приемы могут быть дополнены такими языковыми средствами, как повторение, гиперболизация и др., а также интонацией, мимикой и жестами говорящего.

Литература

1. Буландо Р.И. К проблеме разграничения понятий «кинодискурс», «кинотекст», «кинонарратив» в русскоязычном научном дискурсе // Научный старт-2020: Сборник статей магистрантов и аспирантов / Редкол.: Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева, И.В. Макарова, Л.А. Борботько. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2020. С. 29 – 33.
2. Дземидок Б. О комическом: пер. с польского С. Святского. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
3. Ефремова М.А. Концепт кинотекста: структура и лингвокультурная специфика (на материале кинотекстов советской культуры): дис. ... канд. филолог. наук. Волгоград, 2004. 185 с.
4. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Челябинск, 2010. 21 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. 477 с.
6. Колодина Е.А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 2-1. С. 327 – 333.
7. Набоков М.Р. Значение и функции кинодиалога в кинодискурсе // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей / Под ред. Г.Р. Власян, М.А. Самковой. Том Вып. 3. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 80 – 84.
8. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): дис. ... канд. филолог. наук. Тюмень, 2008. 181 с.
9. Петухова Т.И. Кинотекст и кинодискурс: к вопросу о дифференциации понятий // Научное мнение. 2015. № 5-1. С. 56 – 59.
10. Самкова М.А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 135 – 137.

References

1. Bulando R.I. K probleme razgranichenija ponjatij «kinodiskurs», «kinotekst», «kinonarrativ» v russkojazychnom nauchnom diskurse. Nauchnyj start-2020: Sbornik statej magistrantov i aspirantov. Redkol.: L.G. Vikulova, E.G. Tareva, I.V. Makarova, L.A. Borbot'ko. Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Jazyki Narodov Mira", 2020. S. 29 – 33.
2. Dzemidok B. O komicheskom: per. s pol'skogo S. Svjatskogo. M.: Progress, 1974. 223 s.
3. Efremova M.A. Koncept kinoteksta: struktura i lingvokul'turnaja specifika (na materiale kinotekstov sovetskoj kul'tury): dis. ... kand. filolog. nauk. Volgograd, 2004. 185 s.
4. Zareckaja A.N. Osobennosti realizacii podteksta v kinodiskurse: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Cheljabinsk, 2010. 21 s.
5. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2002. 477 s.
6. Kolodina E.A. Status kinodialoga v rjadu sopolozhennyh ponjatij: kinodialog, kinotekst, kinodiskurs. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 2-1. S. 327 – 333.
7. Nabokov M.R. Znachenie i funkcii kinodialoga v kinodiskurse. Aktual'nye problemy lingvistiki: vzgljad molodyh issledovatelej. Pod red. G.R. Vlasjan, M.A. Samkovej. Tom Vyp. 3. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2018. S. 80 – 84.
8. Nazmutdinova S.S. Garmonija kak perevodcheskaja kategorija (na materiale russkogo, anglijskogo, francuzskogo kinodiskursa): dis. ... kand. filolog. nauk. Tjumen', 2008. 181 s.
9. Petuhova T.I. Kinotekst i kinodiskurs: k voprosu o differenciacii ponjatij. Nauchnoe mnenie. 2015. № 5-1. S. 56 – 59.
10. Samkova M.A. Kinotekst i kinodiskurs: k probleme razgranichenija ponjatij. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 1 (8). S. 135 – 137.

*Alyev E.F., Assistant Professor,
Yaroslavl State Technical University*

**Mechanisms of creating a comic effect in humorous film discourse
(on the material of English-language film text)**

Abstract: this article considers the mechanisms of creating a comic effect on the material of the English-language film text of the TV series "The Office". The relevance of the paper is due to the need to expand knowledge about the comic as one of the components of the structure of film discourse. The author identifies the most common mechanisms of creating comic effect in the English-language TV series "The Office" as the purpose of the study. The study presents the following tasks: definition of the concept of film discourse and humorous film discourse; identification of the main mechanisms of comic creation on the material of the TV series and their analysis; quantitative analysis of comic creation mechanisms in the TV series "The Office". The author of the article pays attention to the concept of "film discourse", considering it from different points of view, and, combining these definitions with the definition of the concept of "humorous discourse", gives his definition of the term "humorous film discourse". When analysing the text of the TV series, the author identified 100 dialogue contexts containing humour. The paper presents several dialogues of a humorous nature to illustrate the theoretical material. A linguistic analysis is given for each dialogue presented as examples. These contexts were analysed, the main mechanisms of creating the comic were identified and a quantitative analysis of these mechanisms was performed.

Keywords: film discourse, humorous film discourse, mechanisms of comic creation, English-language TV series, puns, wordplay, irony

For citation: Alyev E.F. Mechanisms of creating a comic effect in humorous film discourse (on the material of English-language film text). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 43 – 48.

Received: August 4, 2023; Revised: October 6, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид, аспирант,
Государственный университет просвещения*

Цветосемантика как лингвокультурологический метод анализа текста в русском и арабском языках

Аннотация: данная статья посвящена изучению значений цветов и способов передачи оттенков цветовой семантики в разнотипных языках. В ходе исследования были рассмотрены слова, передающие значение цвета и входящие в ядро фонда общеупотребительной лексики большинства языков, определены сходства и различия их значений и особенности употребления в русском и арабском языках. Также освещены некоторые аспекты перевода устойчивых выражений, имеющих отношение к цветовой семантике. По результатам проведенного сопоставительного анализа в русском и арабском языках удалось определить некоторые сходства и различия употребления семантических оттенков цвета, выявить общие антропосенсорные признаки и соотносимые с ними символы распространенных цветов. Обозначены способы определения правильных вариантов интерпретации цветковых значений в культуре каждого народа и примеры включения их в общую когнитивно-ассоциативную систему, связанную с особенностями менталитета народа-носителя языка.

Ключевые слова: цветосемантика, фразеологизм, русский язык, арабский язык, белый, голубой, жёлтый, зелёный, красный, синий, чёрный

Для цитирования: Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид Цветосемантика как лингвокультурологический метод анализа текста в русском и арабском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 49 – 56.

Поступила в редакцию: 1 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 2 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

Жизнь человека проходит в окружении различных оттенков многогранного цветового спектра. Названия цветов включаются в многочисленные ассоциативные ряды, как в прямых, так и в переносных значениях, а исходные компоненты семантики цвета берутся людьми из окружающей среды: природы, животных, неба, воды и других объектов. Человек ни на секунду не сможет представить свою жизнь без цвета. Все вещи, окружающие нас, имеют цвет или больше одного цвета. Люди различают оттенки цвета посредством зрительных анализаторов, а потом воспринятая цветовая гамма рассматривается с позиций общечеловеческих и индивидуальных представлений о конкретном цвете, и обязательно включается в когнитивно-ассоциативный ряд в аспекте цветосемантики менталитета какого-либо народа. И поскольку цветосемантика находится на одном из первых ярусов антропосенсорной системы, восприятие и распознавание цветковых значений является катализатором ментального языкового кода, включенного в систему символов определенного языка.

Таким образом, с общечеловеческих позиций, цвета могут символизировать целые категории предметов и явлений: зелёный – деревья, трава и растения, синий – небо, чёрный – тьма, красный – кровь, мясо и т.д. Феноменология мира цвета находит отражение в языке и представляет собой систему образов, включенную в картину мира народа [10, с. 20]. Специфика систем цветообозначений в разных языках отражает этнографические, исторические и психологические особенности их культуры [9, с. 295]. Семантическое поле цвета является одним из самых древних и четко структурированных полей [3, с. 9]. Цвета символизируют страну, которая выбирает один или несколько цветов в качестве флага. Во многих случаях выбор цветов связан со страной культурно, исторически, религиозно, национально, например, красный цвет в определенный исторический период являлся маркером коммунистов. Особенности культуры и языка конкретного народа определяют основные направления в использовании цветов и их значений в своем историческом наследии.

Цель данной статьи – выявить функционально-семантические особенности употребления слов и устойчивых выражений со значением цвета в русском и арабском языках, определить их место в фонде общеупотребительной лексики и охарактеризовать основные закономерности их перевода.

Основные методы исследования – метод контекстуального анализа. сравнительно-сопоставительный метод и метод лингвокультурологического комментирования); метод анализа словарных дефиниций, элементы метода этимологического толкования.

Основная часть

Цвета используются в качестве символов в культуре каждого народа [4]. Каждый цвет имеет коннотативное значение, а символика цветов может различаться у разных народов мира, например, чёрный цвет означает траур в культурах большинства народов, но в Японии траур символизирует белый цвет. Являясь одним из компонентов воспринимаемого мира, цвет занимает значимое положение в человеческой жизни [1, с. 36] В этой статье мы рассмотрим наиболее распространённые цвета и их значения в русском и арабском языках, учитывая то обстоятельство, что в различных соединениях основные цвета человеческого спектра приобретают новые оттенки значений.

Перед тем, как приступить к сопоставительному анализу значений цвета в языках разных типов с целью определения сходства и различий употребления семантических оттенков, следует выявить общие антропосенсорные признаки и соотносимые с ними символы наиболее распространенных цветов. Антропосенсорными в данной работе мы будем называть те признаки, которые существуют в поле человеческого сознания и представляют собой определенный опыт, основанный на сенсорном восприятии окружающей действительности. Например, понятия «теплый» и «холодный» также являются антропосенсорными, так как это субъективные ощущения, связанные с соотношением общей температуры окружающей среды по отношению к температуре человеческого тела.

Белый цвет символизирует хорошие качества человека – спокойствие духа, благородство, умеренность [6, с. 100].

Жёлтый цвет «...» теплый, связанный с сиянием солнца, символизирует радость, счастье, тепло, красоту, благополучие, энергию [5, с. 37].

Зелёный цвет является символом молодости, наивности, радости жизни [2, с. 115].

Красный цвет отражает особенность физиологического процесса, когда в результате нервного возбуждения кровь приливает к лицу. В русском языке наряду со значением «хороший, светлый, яркий, слово «красный» в составе фразеологических единиц употребляется в значении «красивый» [2, с. 102].

Синий цвет означает бесконечность, вечность и истину, преданность, веру, чистоту, целомудрие, духовную и интеллектуальную жизнь [6, с. 113].

Чёрный цвет во многих культурах связан с несчастьем, трауром символизирует смерть, беду [7, с. 704].

В большинстве культур красный цвет означает остановку, опасность, предупреждение. В то же время он символизирует любовь и День любви, как и красное сердце и красная роза. Белый цвет указывает на чистоту и символизирует радость, например, в свадебном платье невесты, но в Японии он символизирует смерть и траур. В арабской культуре синий цвет считается противоядием от зависти и в некоторых культурах он отгоняет злых духов, неудачу и глупость. Чёрный цвет, который носят мужчины в Ираке, символизирует красоту и престиж. В Катаре в асфальтовой краске используют голубой цвет, чтобы уменьшить нагрев. Зелёный цвет означает рост, чистую природу, мир и обновление. Он также указывает на весну и дарит душе уют и спокойствие, а в некоторых культурах это означает ревность. Пожарные машины во всех странах красные. Общественные организации часто находятся в некоторой зависимости от выбора цветов определенной символики, так как это оказывает влияние на маркетинг и получение прибыли. В индустрии детских игрушек также часто имеет значение символика цвета: мы можем заметить, что розовый цвет преимущественно используется для девочек. Жёлтый цвет может передавать семантику дружеских отношений, нового начала, а также счастья. Символика и коннотации цветов варьируются от страны к стране и от одной культуры к другой и является обязательной составляющей картины мира народа [8]. Знание особенностей культуры народов и символики цветов имеет большое значение для лингвистических и психологических исследований. Существуют и некоторые отклонения от общепринятой нормы антропосенсорного понятия цвета, например, в Ираке, особенно в провинции Дияла, проживает группа людей, называющих синий цвет зелёным. Цвет кожи, глаз и волос определяет принадлежность и национальность людей. Так, например, для европейцев характерен белый цвет кожи, светлые волосы, голубые или зелёные глаза, а для других характерен смуглый или чёрный цвет кожи, чёрные волосы и, в основном, чёрные или карие глаза. Исламская религия запрещает дискриминацию между людьми по цвету их кожи, и то, что Аллах создал людей с их формальными различиями и языками, является показателем Его творчества и не более того.

В некоторых арабских странах употребляются цвета, по происхождению восходящие к названиям определенных вещей, которые могут быть не иметь широкого распространения в иных странах, например: оливковый زيتوني (олива), кофейный بُني قهوائي (кофе), луковый بصلي (лук), пепельный رمادي (пепел), апельсиновый برتقالي (апельсин, оранжевый), пустынный صحراوي (арабская пустыня), виноградный عنابي (виноград), гранатовый رمانى (гранат), небесный سماوي (небо), палевый цвет تينى (сено) и др.

В ходе исторического развития языка определенного народа некоторые слова, передающие понятие цвета, иногда приобретают новое социокультурное значение, так как в представлении людей они ассоцииру-

ются с известными историческими реалиями. Такие значения обычно используются в устойчивых экспрессивно окрашенных выражениях, как в русском, так и в арабском языке. И значения этих выражений в разных языках могут быть совершенно разными, например:

Белый اللون الأبيض (белый цвет). 1. **Белая армия** الجيش الأبيض (также Белая гвардия الحرس الأبيض) название вооружённых формирований Белого движения и антисоветских правительств в годы Гражданской войны в России. 2. **Белая армия** в арабских странах означает «работники больниц», и это название появилось с появлением вируса Короны. **Белая кость** العرق الأبيض، العظم الأبيض (♦ устар., человек аристократического происхождения). **Белый дом** البيت الأبيض центр принятия решений в Соединенных Штатах Америки. **Белый голубь** الحمامة البيضاء (ар., символ мира). **Белая курица** الدجاجة البيضاء (ар., указание на трусость и страх, а также говорят о городах, неспособных противостоять оккупанту). **Белая ворона** شخص متميز عن جماعته (♦ разг. тот, кто резко выделяется среди других, не похож на окружающих). **Белая магия** السحر الأبيض (يستخدم السحر البريء، السحر الأبيض (термин, природное явление в северных широтах в конце весны и начале лета, когда из-за существенного увеличения длительности светлого времени суток ночь становится более похожей на сумерки). **Белый билет** البطاقة البيضاء، بطاقة التسريح (♦ свидетельство об освобождении от воинской службы). **Белый флаг** الراية البيضاء (означает капитуляцию, к примеру, он поднял белый флаг, т.е. он сдался). **Белое сердце** قلب أبيض (ар., доброта, добрый человек, например, его сердце белое, т.е. добросердечный). **Белое золото** الذهب الأبيض (соль и в арабских странах хлопок). **Белая ложь** كذبة بيضاء (ар., безобидная ложь, сказанная, чтобы выйти из определённой ситуации, на русском языке ложь во спасение). **Белые руки** الأيدي البيضاء (ар., это указывает на щедрость и на русском языке щедрая душа, а белая рука означает непорочность, например, его рука белая, т.е. он не взыскатель, не вор). **Белые** (мн.ч., истор. сторонники Белой армии в Гражданской войне в России 1918-1921 гг.).

Голубой 1. голубой цвет اللون السماوي 2. означающий гомосексуальный شاذ جنسياً. **Голубая кровь** دم سماوي (♦ дворянин, аристократическое происхождение кого-нибудь) (نبيل، أرستقراطي الأصل).

Жёлтый اللون الأصفر (жёлтый цвет). **Жёлтая пресса** الصحافة الصفراء (это непрофессиональная журналистика, целью которой является возбуждение общественного мнения с целью увеличения продаж и распространения скандалов с использованием преувеличений или предвзятости). **Жёлтый металл** المعدن الأصفر (الذهب) (значит золото). **Жёлтый континент** القارة الصفراء (قارة آسيا) (значит Азия). **Жёлтое лицо** وجه أصفر (ар., значит бледный, например, его (её) лицо жёлтое). **Жёлтая улыбка** الابتسامة الصفراء (значит натянутая улыбка). **Жёлтый цвет** используется в некоторых странах мира для обозначения такси.

Зелёный 1. зелёный цвет اللون الأخضر 2. незрелый, неопытный. عديم الخبرة. 3. доллар غير بالغ، غر، 4. доллар الدولار 4. незрелый плод ثمر غير ناضج. **Зелёная зона** المنطقة الخضراء 1. Естественный лесной массив вокруг городов. 2. Район в столице Багдаде, на котором расположены здания Совет депутатов, офис президента, правительство и посольства крупнейших стран, включая американское посольство. **Зелёная душа** الروح الخضراء (в Ираке, сказано о пожилом человеке и означает, что он весел и заботится о себе. Например, его душа зелёная. рус. молод душой). **Зелёный свет** الضوء الأخضر (означает согласие, например, он дал зелёный свет, т.е. он дал согласие). **Зелёный пояс** الحزام الأخضر (ар., участок земли с полями и садами вокруг определённых участков, на котором согласно закону запрещено строительство людей, и также может быть участок на краю пустынных земель, который возделывается и орошается в целях предотвращения опустынивания). **Зелёная энергия** الطاقة الخضراء (الطاقة النظيفة، الطاقة المتجددة) (означает энергию, добываемую из природных источников, таких как ветер, солнечный свет, дождь, растения и грунтовые воды).

Красный 1. Красный цвет اللون الأحمر 2. Красный مؤيد للحكم البلاشفة الأحمر، مؤيد للجيش الأحمر (истор. сторонник Красной Армии в Гражданской войне в России 1918-1921 гг.). **Красная армия** الجيش الأحمر (истор. армия СССР). **Красные** الحمر (الشيوعيون، البلاشفة) (истор. Коммунисты, Большевики). **Красное сердце** القلب الأحمر (значит любовь). **Красный диплом** الشهادة الحمراء (شهادة بدرجة امتياز) (рус. диплом выдаётся выпускнику вузов с отличием). **Красный крест** الصليب الأحمر (Международная организация, занимающаяся защитой жертв войн, конфликтов и катастроф и оказанием им помощи. Крест символизирует христианскую религию). **Красный Полумесяц** الهلال الأحمر (Гуманитарная организация, действующая в арабских и исламских странах и занимающаяся оказанием помощи жертвам войн и стихийных бедствий. Она отнесена к исламским странам, а полумесяц символизирует исламскую религию). **Красный филс** الفلّس الأحمر (ар., разменная денежная единица, используемая во многих арабских странах, например в Ираке и это значит отсутствия денег «У меня нет красного филса, т. е. у меня нет никаких денег»). **Красный глаз** العين الحمراء указывают на гнев (в Ираке, он указывает на отвержение, гнев, угрозу и неудовлетворенность. например, я показал ему красный глаз). **Красная линия** خط أحمر (означает людей, священные вещи или насущные вопросы, о которых запрещено говорить плохо или нападать на них).

Пепельный الرمادي (ар., это указывает на отсутствие ясности во мнении, к примеру, Ты пепельный, не чёрный и не белый (т.е. не ясный или не высказывает свою точку зрения (рус. ты темнишь, ты юлишь, ты лукавишь).

Синий اللون الأزرق (синий цвет). **Синий джин** الجن الأزرق (ар., самый сильный тип джиннов после гиганта, и их самая важная особая способность заключается в том, что они могут проходить сквозь двери и стены, поэтому сатана берет их в качестве своих охранников и солдат «Синий джинн не знает, где он, т.е. никто не знает, где он и где спрятана вещь). **Синий чулок** امرأة مسترجلة (англ., женщина, отказавшаяся от личной жизни и собственной красоты ради работы, науки, карьеры).

Розовый اللون الوردي (розовый цвет). **Розовые мечты** أحلام وردية (мечты, которые человек воображает и ожидает, что их будет легко достичь и он будет счастливы). **Розовая жизнь** حياة وردية (ар., это нереальная жизнь: человек желает иметь все: роскошный дом, новейшую машину, все необходимое для комфорта и только красивые вещи, вопреки тому, что существует в его реальности).

Чёрный اللون الأسود (чёрный цвет). **Чёрное сердце** القلب الأسود (ар., олицетворяет печаль и боль) и чёрное сердце в арабской культуре указывает на ненависть, злобу. например, его (её) сердце чёрное, т. е. он злобный). **Чёрный день** اليوم الأسود (это указывает на время нужды, бедствия. Как пословица говорит: *белый пистр пригодится в чёрный день*, т.е. эта пословица призывает человека экономить деньги и не быть расточительным, потому что деньги могут понадобиться ему в трудные времена). **Чёрный час** الساعة السوداء (это указывает на пессимизм или сожаление по поводу знакомства с кем-то). **Чёрный ящик** الصندوق الأسود (ар., человек, знающий чью-то тайну или секреты). **Чёрный рынок** السوق السوداء (место, где продаются запрещенные вещества). **Чёрный континет** القارة السمراء (ар., смуглый континент). **Чёрное золото** الذهب الأسود "النفط" (значит нефть). **Чёрная комидия** الكوميديا السوداء (чёрный юмор, это тип комедии, в которой затрагиваются серьёзные или болезненные темы для обсуждения, которые в саркастической форме считаются табу в обществе). **Чёрное дело** فعل أسود (♦ разг. злостное поведение, преступление). **Чёрный список** القائمة السوداء (это список, включающий людей, страны, компании и организации, которым запрещено или ограничено заниматься определённой деятельностью в результате действий или отсутствия доверия). **Чёрная работа** عمل أسود (простая ручная работа, не требующая навыков). **Чёрные мысли** أفكار سوداوية (негативные, плохие и бесполезные мысли). **Сын чёрной утки** (ар., термин, используемый для обозначения изгоев или других людей, в отношении которых практикуется преследование, систематическое или непреднамеренное). **Чёрная магия** السحر الأسود (это форма колдовства, основанная на злых или злонамеренных силах. Его можно использовать для убийства, кражи, причинения вреда, а также для причинения несчастий или для личной выгоды, без учёта вредного воздействия на других).

Цвета используются в спорте, например в боевых искусствах. Спортсмен носит пояс определённого цвета, обозначающий достигнутый им уровень. Белый цвет указывает на то, что спортсмен является начинающим, а чёрный цвет указывает на то, что игрок достиг высокая степень практики. Мы заметили, что боксёры носят либо красную, либо синюю форму, а в играх по боевым искусствам, таких как дзюдо, игроки носят либо белую, либо синюю форму. Футболисты носят чёрную повязку в знак траура.

Источники, которые мы использовали, касались обозначения цвета в футболе, например, спортивные иракские издания: "Стад Аль-Шааб", "Рияда ва шааб", "Аль-Малаиб", а также спортивные издания российских СМИ: "Советский спорт", "Спорт-экспресс", "Чемпионата", кроме того, русско-арабский футбольный словарь, составители Хамид Ахмед Абдулкарим и Константиновна Светлана Кимовна.

Часто спортивные комментаторы, аналитики, журналисты и даже болельщики обходятся без имени спортсмена, футболиста или команды и используют для обозначения название, связанное с определённым цветом, вместо имени спортсмена или названия команды. Прозвище – название, данное человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству [4, с. 595]. Говорят, что синий боксёр опережает красного боксера. Белая команда атакует и забивает гол сопернику.

Следует отметить, что цвета футбольных команд обычно связаны или с символикой клуба, или с цветами основной игровой формы, в результате чего команда и получает цветовой эквивалент названия. Редакторы спортивных СМИ с целью избежания повторов часто используют обозначения тех или иных цветов, ассоциирующихся с названиями команд, в новостях, интервью, отчётах. Таким образом, ассоциативные связи цветообозначений активно проявляются в языке, закрепляясь в метафорах, переносных значениях и устойчивых словосочетаниях [9, с. 295]. Большинство футбольных команд и сборных имеют альтернативные названия, связанные с обозначением цвета, и употребление таких альтернативных имен облегчает создание синонимических рядов, что придает публицистическому тексту дополнительную эмоциональную и оценочную окраску.

Следует отметить, что спортивные клубы и команды обычно выбирают для своей символики самые распространённые цвета, входящие в фонд общеупотребительной эмоционально нейтральной лексики, среди

которых: красный, синий, белый, чёрный, оранжевый, голубой и зелёный. В международных спортивных СМИ нет футбольных команд, использующих названия следующих цветов: фиолетовый, пурпурный, розовый, серый, коричневый, абрикосовый, алый, бежевый, багровый, бирюзовый, бурый, васильковый, горчичный и др.

Также необходимо подчеркнуть, что использование одушевленных субстантивированных прилагательных со значением цвета в форме множественного числа обычно имеет значение «футболисты какой-либо команды», например, **Красные** الحمر (футболисты команды "Ливерпуль", **Синие** الزرق (футболисты команды "Челси", а форма единственного числа неодушевленного существительного означает «футбольный клуб», например: **Красно-белый** الأحمر والأبيض (фк «Спартак» Москва). и т. п. В арабских спортивных СМИ употребляются слова, обозначающие цвета, составленные на основе транскрипции, например: **Рейдз** الريدز (Красные «Ливерпуль»), **Блуз** البلوز (Синие «Челси»).

В арабских СМИ используются прозвища сборных Саудавской Аравии и Ливии "Зелёный", Кувейта "Синий", Бахрейна и Омана "Красный", Катара "Виноградный", ОАЭ "Белый", а в российских СМИ эти цветовые названия команд обычно употребляются во множественном числе (зелёные, красные, синие, виноградные), так как передают значение совокупности футболистов какой-либо команды. Это объясняется одной из особенностей арабского языка. Слово "сборная" – в арабском языке "мунтахаб" منتخب (мужской род единственного числа) - является собирательным, так что арабы ассоциативно понимают под этим словом «совокупность всех футболистов определенной команды», например, "Аль-Ахзар" الأخضر (зелёный), "Аль-Ахмар" الأحمر (красный), "Аль-Азрак" الأزرق (синий), "Аль-Инаби" العنابي (виноградный), "Аль-Абейз" الأبيض (берый).

Цвета формы национальных спортивных сборных обусловлены цветовой гаммой флагов определенных стран, поэтому, в зависимости от расцветки флага в названии команды может присутствовать один цвет или их совокупность. Каждый цвет включается в систему символов культурно-исторического наследия определенного народа. При сопоставлении цветовой символики различных народов выявляется ряд сходств и различий. Цветовые обозначения футбольных команд в структурном отношении могут быть словосочетаниями, составленными на основе сочинительной связи, где один из компонентов – это существительное, часто животное, которое представляет собой определенный символ, а второй компонент – это цвет, например, **Белые волки** الذئاب البيضاء (сборная Узбекистан), **Красные драконы** التنانين الحمراء (сборная Уэльса), **Синие** Самурай الأزرق الساموراي (сборная Японии), **Чёрные звёзды** النجوم السوداء (сборная Гана), **Синие** тигры الملائكة البيضاء (сборная Индии), **Синие** волки الذئاب الزرقاء (сборная Монголии), **Белые ангелы** المحاربون الحمر (сборная Мьянмы), **Чёрные лошади** الأحصنة السوداء (сборная Туркменистана), **Красные воины** النصار البيضاء (сборная Вьетнама), **Белые орлы** الغزلان السوداء (сборная Анголы), **Красный прилив** المد الأحمر (сборная Панамы). **Оранжевые** البرتقالون (сборная Голандия). **Синие** الزرق (сборная Франции), **Бело-красные** الأحمر والأبيض (сборная Польша). **Сине-жёлтые** الأصفر والأزرق (сборная Швеции). Также существуют цветовые названия команд, составленные из совокупности цветов национального флага, например, двухцветные ذو اللونين (сборная Гондураса), трёхцветные ذو الألوان الثلاثة (сборная Франции и сборная Мексики).

Следует заметить, что и российские команды имеют цветовые эквиваленты названий, представляющие собой сложные слова, составленные из сочетания двух цветов. В сообщениях российских СМИ такие наименования употребляются довольно часто, например, **Бело-голубые** الأبيض والسماعي («Динамо» Москва), **Жёлто-зелёные** الأصفر والأخضر («Кубань» и «Анжи»), **Жёлто-синие** الأزرق والأصفر («Ростов»), **Красно-белые** الأحمر والأبيض («Спартак» Москва), **Красно-жёлтые** الأحمر والأصفر («Арсенал» Тула), **Красно-зелёные** الأحمر والأخضر («Локомотив» Москва), **Красно-синие** الأزرق والأحمر (ЦСКА, «Рубин» и «Енисей»), **Оранжево-чёрные** الأسود والبرتقالي («Урал»), **Сине-бело-голубые** الأزرق والأبيض والسماعي («Зенит»), Сине-бело-зелёные الأزرق والأبيض والأخضر («Крылья Советов»), Чёрно-зелёные الأسود والأخضر («Краснодар»), и т. д.

На чемпионатах Ирака по футболу также довольно часто можно увидеть цветовые эквиваленты названий спортивных команд: **Синие** الزرق, **Синяя команда** الفريق الأزرق («Аль-куа Аль-Джавия»), **Зелёные** الخضر, **Зелёная арфа** الفيتارة الخضراء («Шорта»), **Белые чайки** النوارس البيضاء, **Белая команда** الفريق الأبيض («Завраа»), **Оранжевая команда** الفريق البرتقالي (фк «Дияла»), цвет взяли от апельсина, потому что в этой провинции растёт апельсина). **Жёлтый замок** القلعة الصفراء («Эрбил»). Есть футбольный клуб «Рамади» (в буквальном переводе «пепельный цвет»).

Следует подчеркнуть, что итальянские и испанские слова, относящиеся к цветам футбольных команд, используются в арабских и российских СМИ без перевода, хотя существует эквивалент:

Итальянские названия – **Адзура** الادزوري (сборная Италии), **Россонери** روسونيري (красно-чёрные, фк «Милан»), **Бьянконери** بيانكونيري (бело-чёрные, фк «Ювентус»), **Джеларосси** جيلاروسي (жёлто-красные, «Рома»), **Джиабллу** جياابلو (жёлто-голубые, фк «Кьево»), **Нерадзури** نيراتزوري (чёрно-синие, фк «Интер»),

Розанеро روزانيرو (розово-чёрные, «Палермо»), **Адзури** الأذوري (голубые, фк «Наполи»), **Россоблу** روسوبلو (красно-синие, фк «Кальяри»), **Нероверди** نيروفردي (чёрно-зелёные, фк «Сассуоло»).

Испанские названия: **Блауграна** البلوغرانا (Сине-грантовые, фк «Барселона»), **Наранджис** نارانجيس (оранжевые, фк «Валенсия»), **Блаункиаджилас** بلاونكياجيلاس (бело-голубые, фк «Депортиво»), **Браункиаведис** براونكيافيديس (бело-зелёные, фк «Кордоба»), **Рохинегрос** روخينغروس (красно-чёрные, фк «Мальорка»), **Рохилюос** روخيلوس (красные, фк «Осасуна»), **Бланкос** البلانكوس (белые, фк «Реал» Мадрид), **Бланкилюс** بلانكيلوس (бело-синие, фк «Реал Сарагоса»), **Рохибланкос** روخيبلانكوس (красно-белые, фк «Севилья»).

Необходимо отметить, что в названиях футбольных клубов английской Премьер-лиги чаще всего используются комбинированные выражения, где цвет сочетается со словом определенной символики, например, **Синие птицы** الطيور الزرقاء («Кардифф Сити»), **Голубая луна** القمر السماوي («Манчестер Сити»), **Красные дьяволы** الشياطين الحمر («Манчестер Юнайтед»), **Красная армия** الجيش الأحمر («Мидлсбро»), **Чёрные коты** القطط السوداء («Сандерленд»), **Жёлтая армия** الجيش الأصفر («Уотфорд»), **Чёрный дрозд** الشحرور الأسود («Эвертон»). Однако у некоторых клубов есть цветопрзвища, например, **Белые** البيض («Фулхэм»), **Синие** الزرق («Челси»), **Чёрно-белые** الأسود والأبيض («Ньюкасл»), **Сине-белые** الأزرق والأبيض («Блэкберн»).

Во Французской Лиге также используются цветовые названия команд, например, **Красно-сине-белые** الأحمر والأزرق والأبيض («Бордо»), **Красно-синие** الأحمر والأزرق («Кан»), **Оранжево-чёрные** البرتقالي والأسود («Лорьян»), **Бело-голубые** الأبيض والسماوي («Марсель»), **Красно-белые** الأحمر والأبيض («Монако»), **Жёлто-зелёные** الأصفر والأخضر («Нант»), **Красно-синие** الأحمر والأزرق («Пари Сен-Жермен»), **Зелёные** الخضر («Сент-Этьен»).

В русском и арабском языках употребляются выражения, структурно состоящие из сочетания «защитить цвета» + название команды в значении «выступать за какую-либо команду», например, «нападающий сборной Ирака Моханад Али защищает цвета «Шорты», т.е. он выступает за футбольную команду «Шорты».

Болельщики в Ираке используют выражения, которые подчеркивают их фанатизм и поклонение своей любимой команде, включая отождествление слова «кровь» с цветом их команды, например, синяя кровь الدم أزرق (болельщики Аль-Куа Аль-Джавия «Пока синяя кровь и мы её не меняли»), белая кровь الدم أبيض (болельщики Аль-Завраа), зелёная кровь الدم أخضر (болельщики Аль-Шорта).

И ещё одним интересным аспектом использования цветовой символики в футболе являются так называемые «цветные карточки»: (жёлтая карточка البطاقة الصفراء, красная карточка البطاقة الحمراء), газон поля (зелёный), ворота (белые) сетки ворот (белые) и разные цвета (мячи и формы рефери). В арабском языке употребляется фраза *зелёный прямоугольник* المستطيل الأخضر, что означает «футбольное поле».

Также следует помнить, что победители в спорте награждаются медалями, окрашенными в цвета драгоценных металлов, а именно золота, серебра и меди. Золотая медаль (первое место), серебряная медаль (второе место), бронзовая медаль (третье место).

Выводы

По результатам проведенного в данной статье сопоставительного анализа цветовой семантики в русском и арабском языках нам удалось обозначить некоторые сходства и различия употребления семантических оттенков цвета, выявить общие антропосенсорные признаки и соотносимые с ними символы наиболее распространенных цветов. При анализе и переводе текста необходимо находить правильные варианты интерпретации цветовых значений в культуре каждого народа, а после включать их в общую когнитивно-ассоциативную систему, связанную с особенностями менталитета народа-носителя языка. И это представляет собой важный аспект лингвокультурологического анализа текста.

Литература

1. Базарбаева А.М. Методика анализа цвета в художественном тексте [Электронный ресурс] // Novainfo: Филологические науки: электронный журнал/ 2021. № 124. С. 36 – 37. Режим доступа: 124.pdf (дата обращения: 02.05.2023)
2. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. М., 1988. 320 с.
3. Дмитриева Е.С. Семантическая мотивированность слов со значением цвета: магистерская дис. Тольятти, 2020. 82 с.
4. Ефименко Н.В. Цветовая матрица звукобукв русского языка: количественный и качественный анализ экспериментальных данных языка [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. Курск: Курский гос. ун-т, 2018 № 1 (28). Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-003.pdf> (дата обращения: 19.06.2023)
5. Кушнина Л.В., Кан Синьюнь. Функционально-семантическое поле терминов цвета в русской и китайской лингвокультурах // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики 2018. № 4. С. 33 – 42.

6. Ласнко Л.В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале английских и русских прилагательных, обозначающих цвет): авторефер. дис. ... канд. филолог. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Воронеж, 1988. 232 с.

7. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного языка. М.: Эксмо, 2008. 928 с.

8. Лысцова Ю.А. Особенности семантики цветообозначений в постмодернистских текстах В.О. Пелевина. [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики: электронный журнал. Т. 12. Вып. 6. Тамбов. Грамота. 2019. Режим доступа: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.69> (дата обращения: 02.06.2023)

9. Матасова О.В, Уфимцева О.А. Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 293 – 297

10. Яковлева Р.В. Ассоциативная цветность как инструмент анализа текста: дис. ... канд. филолог. наук. Уфа, 2021. 265 с.

References

1. Bazarbaeva A.M. Metodika analiza cveta v hudozhestvennom tekste [Elektronnyj resurs]. Novainfo: Filologicheskie nauki: jelektronnyj zhurnal/ 2021. № 124. S. 36 – 37. Rezhim dostupa: 124.pdf (lata obrashhenija: 02.05.2023)

2. Gvozdarev Ju.A. Rasskazy o russkoj frazeologii. M., 1988. 320 s.

3. Dmitrieva E.S. Semanticheskaja motivirovannost' slov so znacheniem cveta: masterskaja dis. Tol'jatti, 2020. 82 s.

4. Efimenko N.V. Cvetovaja matrica zvukobukv russkogo jazyka: kolichestvennyj i kachestvennyj analiz jeksperimental'nyh dannyh jazyka [Elektronnyj resurs]. Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. Kursk: Kurskij gos. un-t, 2018 № 1 (28). Rezhim dostupa: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-003.pdf> (data obrashhenija: 19.06.2023)

5. Kushnina L.V., Kan Sin'jun'. Funkcional'no-semanticheskoe pole terminov cveta v russkoj i kitajskoj lingvokul'turah. Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiei 2018. № 4. S. 33 – 42.

6. Lasnko L.V. Ot semantiki cveta k social'noj semantike jazyka (na materiale anglijskih i russkih prilagatel'nyh, oboznachajushhijh cvet): avtorefer. dis. ... kand. filolog. Nauk.Sarat. gos. un-t im. N.G. Chernyshevskogo. Voronezh, 1988. 232 s.

7. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Tolkovyj slovar' sovremennogo jazyka. M.: Jeksmo, 2008. 928 s.

8. Lyscova Ju.A. Osobennosti semantiki cvetooboznachenij v postmodernistskih tekstah V.O. Pelevina.[Elektronnyj resurs]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: jelektronnyj zhurnal. T. 12. Vyp. 6. Tambov. Gramota. 2019. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.69> (data obrashhenija: 02.06.2023)

9. Matasova O.V, Ufimceva O.A. Leksiko-semanticheskaja gruppa cvetooboznachenij v sovremennyh german-skijh jazykah. Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Filologija. Zhurnalistika. 2019. T. 19, vyp. 3. S. 293 – 297

10. Jakovleva R.V. Associativnaja cvetnost' kak instrument analiza teksta: dis. ... kand. filolog. nauk. Ufa, 2021. 265 s.

*Al-Dulaimi Ahmed Abdulkarim Hamid, Postgraduate,
State University of Education*

Color semantics as a linguocultural method of text analysis in Russian and Arabic

Abstract: this article is devoted to the study of the meanings of colors and ways of transmitting shades of color semantics in multi-system languages. The study examined the words that convey the meaning of color and are included in the core of the fund of common vocabulary of most languages, identified similarities and differences in their meanings and features of use in Russian and Arabic. Some aspects of the translation of stable expressions related to color semantics are also highlighted. According to the results of the comparative analysis in Russian and Arabic, it was possible to identify some similarities and differences in the use of semantic shades of color, to identify common anthroposensory signs and symbols of common colors correlated with them. The methods of determining the correct variants of interpretation of color values in the culture of each nation and examples of their inclusion in the general cognitive-associative system associated with the peculiarities of the mentality of the native-speaking people are outlined.

Keywords: color semantics, phraseology, Russian, Arabic, white, blue, yellow, green, red, blue, black

For citation: Al-Dulaimi Ahmed Abdulkarim Hamid Color semantics as a linguocultural method of text analysis in Russian and Arabic. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 49 – 56.

Received: August 1, 2023; Revised: October 2, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Лю Юйсинь, кандидат филологических наук,
Шанхайский политико-юридический университет, Китай*

Концептуальное определение дипломатического дискурса с точки зрения институционального дискурса

Аннотация: в связи со все более тесными дипломатическими связями в мире объём и содержание концепции «дипломатический дискурс» значительно обогатились, что стало одним из важных вопросов, вызывающих озабоченность академического сообщества. В этой статье дипломатический дискурс классифицируется как институциональный дискурс, основное внимание уделяется самому понятию и предлагается способ определения концепции «дипломатический дискурс». Прежде всего, концепции «дипломатия» и «дискурс» обсуждаются отдельно, утверждая, что первая находится на содержательном уровне, в то время как вторая является материальной оболочкой, несущей коннотацию концепции «дипломатический дискурс». После этого всесторонне проанализируйте существующие концепции «дипломатический дискурс» в академическом сообществе. Наконец, на основе составляющих элементов институционального дискурса, предложенных российским ученым В.И. Карасиком, определяется концепция «дипломатический дискурс».

Ключевые слова: дипломатический дискурс, институциональный дискурс, дипломатия, дискурс, статический дискурс, политический дискурс

Для цитирования: Лю Юйсинь Концептуальное определение дипломатического дискурса с точки зрения институционального дискурса // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 57 – 64.

Поступила в редакцию: 1 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 2 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

Дипломатический дискурс относится к официальному внешнему дискурсу страны, который содержит как статичный дискурс, такой как термины и документы, так и динамичный дискурс, такой как диалог и речи, на которые влияют такие факторы, как внешняя политика страны и межгосударственные отношения. С точки зрения типа дискурса дипломатический дискурс рассматривается как внешнеполитический дискурс, который может быть классифицирован как политический дискурс, а также может рассматриваться как самостоятельная форма институционального дискурса. В этой статье будет дано определение концепции «дипломатический дискурс» с точки зрения институционального дискурса. Что касается значения и характеристик дипломатического дискурса, то в академическом сообществе до сих пор не сформировалось единого мнения.

Основная часть

Исходя из потребностей исследований, некоторые ученые предлагали более зрелую концепцию «дипломатический дискурс», но единодушно признанного определения не было. В этой статье сначала кратко обсудим концепции «дипломатия» и «дискурс», а затем на основе анализа концепций «дипломатический дискурс», предложенных разными учеными, опираясь на элементы институционального дискурса, предложенные Карасиком, попытаемся обобщить основные характеристики и содержание концепции «дипломатический дискурс».

1. Концепция «дипломатия»

Концепция «дипломатия» находится на содержательном уровне концепции «дипломатический дискурс». Академическое сообщество очень подробно определило концепцию «дипломатия». Здесь мы представим определение дипломатии из дипломатического словаря, который в основном фокусируется на официальной политической дипломатии, в то время как публичная дипломатия и другие виды дипломатических определений не входят в сферу данного исследования.

Британский дипломатический словарь определяет дипломатию на четырех уровнях. Во-первых, обмены между суверенными странами через внутренних и иностранных должностных лиц позволяют странам устанавливать стабильные и сложные отношения, которые являются коммуникационной системой международного сообщества; во-вторых, навыки и стратегии, используемые в межличностных отношениях, в этом смысле дипломатические стратегии необходимы для осуществления дипломатической работы; в-третьих, будь то внутренняя или международная, любые усилия по продвижению международных переговоров; в-четвертых, внешняя политика.

Понятие дипломатии также соответствующим образом объясняется в русском дипломатическом словаре. Определение дипломатии в дипломатическом словаре, опубликованном в 1960 году, звучит следующим образом: «дипломатия – это официальная деятельность главы государства и правительства, а также специализированных агентств по связям с иностранными государствами, направленная на достижение целей и задач внешней политики, определенных правящим классом, посредством переговоров, документов и других мирных средств, и защищать права и интересы страны за рубежом» [4].

В 1984 году во втором издании «Дипломатический словарь» было более подробное понимание дипломатии. «Дипломатия – это средство реализации внешней политики страны, которое учитывает конкретные условия и особенности решаемой проблемы и применяет невоенные практические меры и методы. В то же время дипломатия – это также официальная деятельность глав правительств, министров иностранных дел, департаментов иностранных дел, дипломатических агентств за рубежом и делегаций на международных конференциях. Дипломатия направлена на достижение целей и задач внешней политики страны, а также на защиту прав и интересов страны, учреждений и граждан за рубежом. С понятием дипломатии связано искусство ведения переговоров, целью которого является предотвращение и разрешение международных споров, поиск компромиссов и взаимоприемлемых решений, а также расширение и углубление международного сотрудничества» [5, с. 327].

Кроме того, в «Большая советская энциклопедия», изданной в 1952 году, также есть статьи о дипломатии. «Дипломатия относится к деятельности агентства по иностранным связям, представляющего страну, по защите ее собственных прав и интересов за рубежом мирным путем для достижения внешнеполитических целей страны. К лицам и учреждениям, осуществляющим дипломатические контакты, относятся главы государств (короли, президенты, председательствующие и т.д.), правительства, дипломатические ведомства и различные национальные представительства и их персонал за рубежом. Основными формами дипломатической деятельности являются: прямые переговоры, подписание различных контрактов, в основном связанных с политикой, проведение встреч представителей различных стран и работа в международных организациях. Дипломатия в узком смысле относится к искусству ведения переговоров и подписания соглашений между странами» [1, с. 405].

«Словарь мировой дипломатии», опубликованный Китаем, определяет дипломатию следующим образом. Дипломатия — это мирное осуществление государством суверенитета во внешней политике посредством официального представительства государства, с целью регулирования отношений с другими странами и участия в международных делах. Это важное средство для страны по защите свои собственные интересы и реализует свою внешнюю политику. Различные национальные интересы и внешняя политика определяют различную природу, содержание и характеристики дипломатии той или иной страны, формируя различные формы дипломатии.

Приведенное выше определение дипломатии согласуется со значением дипломатии в концепции «дипломатический дискурс» в данной статье. Исходя из вышеизложенного, можно примерно резюмировать несколько отличительных характеристик дипломатии, т.е. основным органом дипломатии является суверенная страна, а участниками в основном являются дипломаты, главы правительств и сотрудники ведущих институтов; целью дипломатии является содействие реализации внешнеполитических целей страны, защита интересов страны и граждан, и в то же время стремиться к миру, отвергать силу и войну и способствовать стабильности мирового порядка; методы дипломатии — это в основном мирные методы, такие как переговоры и согласование итогов.

2. Концепция «дискурс»

При определении концепции «дипломатический дискурс» понятие дискурса также находится в центре нашего внимания. Коннотация и расширение дискурса очень сложны. До сих пор академическое сообщество не сформировало единого мнения концепции «дискурс». Существуют разные мнения о понятии дискурса, и единого определения не существует, но это не мешает его исследованию.

Когда речь заходит о концепции «дискурс», часто бывает трудно обойтись без слова «текст». С географической точки зрения американские ученые чаще используют термин «дискурс», в то время как европейские ученые склонны использовать термин «текст». Верно, что между дискурсом и текстом есть много общего, и они структурно согласованы. И то, и другое является языковыми единицами, отличными от предложений, и существуют две формы устной и письменной речи и т.д. Определение учеными двух концепций «дискурс» и «текст» часто основывается на их собственных исследовательских потребностях. На основе представления соответствующих концепций, предложенных учеными, ниже будет кратко объяснены концепции «дискурс» и «текст», которые фигурируют в этой статье.

2.1 Концепции «дискурс» и «текст», предложенные учеными

В предыдущих исследованиях у ученых были мнения относительно двух концепций «дискурс» и «текст», но они еще не сформировали последовательную точку зрения. Поэтому, цитируя мнения других, в данной статье на данный момент не проводится четкого различия между этими двумя понятиями, а лишь разъясняются соответствующие концепции в порядке времени появления.

Теория дискурса Фуко (M. Foucault) оказала большое влияние на исследования дискурса, в основном делая акцент на исторических и идеологических аспектах дискурса. Он применил дискурс на практике для исследования и полагал, что дискурс является частью дискурсивной практики, чтобы подчеркнуть динамику дискурса. Фуко считает, что при определении определенного типа дискурса следует указать, почему этот вид дискурса не может стать другим видом дискурса, каким образом он отталкивает другой дискурс и как он занимает позицию, которую другой дискурс занять не может.

Стаббс (M. Stubbs) предложил классическое определение дискурса, указав на основные характеристики дискурса на трех уровнях. С формального уровня дискурс относится к языковым единицам, которые выходят за рамки фраз и предложений; с содержательного уровня дискурс относится к использованию языка в социальном контексте; с организационного уровня дискурс относится к взаимодействию между коммуникаторами.

Ван Дейк указал, что дискурс – это форма использования языка, и лингвистические методы (включая грамматику, семантику, прагматику и т.д.) занимают доминирующее положение в исследовании дискурса. Грамматика используется для описания характеристик дискурса, т.е. функциональная грамматика, структурная грамматика и порождающая грамматика описывают атрибуты высказываний, фонология описывает структуру речи, лексология описывает способ словообразования, а синтаксис описывает формальную структуру предложений, семантика (связанные правила интерпретации) дает объяснения значения дискурсивных выражений, прагматика (через речевое поведение и т.д.) используется для прояснения роли дискурса в контексте.

Хуан Говэнь указывал, что текст – это лингвистическое целое с четкой тематической структурой, плавной логикой, грамматикой и когерентностью в языке, семантике, познании и прагматике – который состоит из набора непрерывных абзацев или предложений неопределенного числа, с грамматической организацией и коммуникативной независимостью. Существует разговорный язык (такой как: монологи, приветствия, речи, диалоги, беседы с несколькими людьми, защита диссертации, вопросы и ответы на пресс-конференциях и т.д.) и письменный язык (такой как: дорожные знаки, заметки, письма, статьи, стихи, романы и т.д.).

Фэйрклоу (N. Fairclough) изучал дискурс, руководствуясь лингвистикой, и создал трехмерную модель дискурса. Он использует дискурс для обозначения использования устной или письменной речи – это форма социальной практики, а не просто отражение социальной реальности, указывая на то, что дискурс конструктивен, помогает перестроить само общество, а также помогает изменить общество, и, таким образом, можно выделить три функции дискурса: функция идентичности, функция взаимоотношений и концептуальная функция.

Ван Фусян считает, что текст (когерентная речь) относится к любому письменному или устному письменному материалу или речи, которые объединены в единое целое по содержанию и структуре. Он отметил, что текст обладает связностью, представляет собой письменную или устную речевую единицу, состоящую из надсоставных предложений, которая больше, чем предложение, и представляет собой семантико-структурное целое. В то же время текст поддается разложению и может быть разложен на микротекст (группа, сегмент и фрагмент предложений,) и макротекст (полный текст).

Фэйрклоу и Водак (R. Wodak) совместно описывают дискурс как социальную практику, указывая на то, что существует диалектическая взаимосвязь между конкретным дискурсом и сценариями, системами и социальными структурами, которые его составляют. На дискурс влияют сценарии, системы и социальные структуры, но он также реагирует на них. Другими словами, дискурс является структурой общества и находится под влиянием общества. То есть дискурс конструирует сценарии, знания, социальную идентичность и отношения между людьми и группами, которые помогают поддерживать, воспроизводить и изменять статус-кво общества, тем самым заставляя людей задуматься о проблемах власти.

Карасик считает, что дискурс – это текст в коммуникативном контексте, и он понимает дискурс с разных точек зрения лингвистики. “С точки зрения философии языка, дискурс – это конкретизация речи в различных способах выживания человека. С точки зрения лингвистики речи, дискурс – это процесс устного общения в реальном времени, и существует множество отклонений от стандартизированного письменного языка. Дискурс обладает такими характеристиками, как спонтанность, полнота, тематическая связность и понятность. С точки зрения прагматики, дискурс – это интерактивное поведение участников коммуникации,

которое отражается в установлении и поддержании связей, обмене информацией и эмоциями, взаимном влиянии двух сторон коммуникации, непрерывных изменениях коммуникативных стратегий, переплетении вербальной и невербальной реализации в коммуникативная практика и единство явного и неявного содержания в процессе коммуникации. С точки зрения психолингвистики, в процессе порождения и понимания речи дискурс преобразует внутреннее кодирование во внешний язык. Этот процесс должен учитывать психосоциальные категории языковых индивидов, ролевые установки и командные инструкции. С точки зрения социолингвистики, дискурс – это общение между людьми, которое тесно связано с социальной группой, к которой они принадлежат, и конкретными сценариями речи и поведения” [7, с. 192-198].

В.Е. Чернявская считает, что текст тесно связан с контекстом, обществом, культурой, историей, идеологией, психологией и другими факторами, а также тесно связан с коммуникативной прагматикой и когнитивными целями, которых намерен достичь автор. Она объясняет дискурс с двух уровней. “С одной стороны, текст относится к конкретной коммуникативной деятельности, осуществляемой в устной или письменной форме в коммуникативном пространстве, ограниченном познанием и типом. А с другой стороны, текст – это совокупность серии текстов, то есть тексты в дискурсе имеют общую тему, которая представлен не одним текстом, а выражен несколькими текстами с интертекстуальными характеристиками” [13, с. 114-115].

Ши Сюй считает, что дискурс – это деятельность по социальному взаимодействию с определенной целью и эффектом, осуществляемая людьми, использующими язык и другие средства и каналы в определенных исторических и культурных отношениях. Следовательно, дискурс должен быть помещен в социальную практику для всестороннего и динамичного исследования, а языковые формы, такие как слова, фразы, предложения и главы, которые отделены от своей «экологической среды», больше не являются дискурсом.

2.2 Концепции «дискурс» и «текст» в данном исследовании

Из определений вышеупомянутых ученых нетрудно сделать вывод, что две концепции «дискурс» и «текст» тесно связаны с использованием и контекстом языка. Это речевые единицы с отличительной тематикой, четкими структурами, разумной логикой, связанной семантикой и определенной социальной значимостью и прагматическим потенциалом. И дискурс, и текст содержат два аспекта содержания, которое содержит не только статические речевые продукты, то есть письменную форму дискурса, которую можно назвать статическим дискурсом; оно также содержит динамические речевые процессы, то есть устную форму дискурса, которую можно назвать динамическим дискурсом.

В этой статье предполагается, что текст – это связный фрагмент слов, произнесенных или написанных коммуникатором одновременно, в то время как дискурс можно рассматривать как единое целое, состоящее из нескольких текстов. Между концепциями «дискурс» и «текст» есть общие черты, но есть и некоторые различия.

Во-первых, при переводе можно отличить два дискурса и текст. Концепция «дискурс» могут быть переведены как «discourse», в то время как концепция «текст» может быть переведено как «text». Во-вторых, с точки зрения сферы охвата, дискурс – это макрообъемлющее понятие, в то время как текст относительно более конкретен. В-третьих, исследование дискурса исследователями часто должно основываться на изучении одного или нескольких дискурсов в нем, чтобы получить характеристики и функциональные функции общего дискурса. Наконец, дискурсивная практика является неотъемлемой частью дискурса, а текст можно рассматривать как визуализацию дискурсивной практики.

Используемая ниже концепция – это «дискурс», который состоит из множества текстов, отражающих тему дипломатии.

3. Концепция «дипломатический дискурс»

В последние годы количество исследований, связанных с дипломатическим дискурсом, растет, и рациональное определение концепции «дипломатический дискурс» стало насущной задачей. Однако до сих пор не существовало концептуального определения, которое было бы широко признано академическим сообществом. Кроме того, с течением времени объём и содержание концепции «дипломатический дискурс» постоянно меняются. Ввиду этого в данной статье представляется необходимым отдельно объяснить концепцию «дипломатический дискурс» и проанализировать составляющие элементы этой концепции, исходя из определенных причин, чтобы всесторонне и четко определить её.

В соответствии с исследовательскими потребностями ученые предложили ряд определений дипломатического дискурса, объясняющих его атрибуцию, языковую оболочку, тему дискурса, форму выражения, функциональную цель, измерение понимания, рамки анализа и взаимосвязь с аналогичным дискурсом. Здесь мы сосредоточимся на атрибуции, языковой оболочке, измерении понимания, структуре анализа и взаимосвязи с аналогичными дискурсами дипломатического дискурса. Тема, форма выражения и функциональные цели дискурса будут подробно обсуждены позже.

Атрибуция в основном проявляется в двух аспектах. С одной стороны, дипломатический дискурс неразрывно связан с политикой и относится к особому типу политического дискурса, который можно рассматривать как внешнеполитический дискурс. С другой стороны, поскольку политический дискурс относится к институциональному дискурсу, дипломатический дискурс также может быть соответственно отнесен к категории институционального дискурса. Таким образом, дипломатический дискурс относится к политическому дискурсу в институциональном дискурсе [6, 11, 14].

Языковая оболочка относится к различным типам языков, используемых в дипломатическом общении, таким как английский, русский, китайский и т.д. Независимо от сферы применения и количества используемых людей, до тех пор, пока он используется в дипломатической деятельности, его можно рассматривать как тип языка дипломатического дискурса. Го Хун обсудил основные характеристики дипломатического английского языка. У Айхуа изложил основные определения, формальные категории и методы исследования дипломатического русского языка.

Измерение понимания зависит от исследовательской парадигмы, на основе которой определяется дипломатический дискурс. В существующих исследованиях некоторые ученые проанализировали сферу охвата дипломатического дискурса, ролевые отношения коммуникаторов и форму дискурса, основываясь на трех элементах дискурсивного контекста, предложенных М. А. К. Холлидей: речевом поле, цели и стиле, и выдвинули три измерения для определения и понимания дипломатического дискурса [2].

Структура анализа построена на основе исследовательских потребностей дипломатического дискурса. Например: Ли Чжаньцзы и Пан Чаовэй построили модель дискурс-анализа дипломатического комментария; Вэн Цинцин предложил трехмерную интерактивную структуру «метафора-конструирование идентичности – политическая позиция»; Сюй Чжуньни, основываясь на критической когнитивной лингвистике, описал модель анализа дипломатического комментария. дискурс с макроскопического, мезоскопического и микроскопического уровня; Ян Минсин и Ван Ифань использовали теорию «категории прототипов» обсудили механизм генерации дипломатических эвфемизмов с помощью анализа конкретных случаев.

Объясняя взаимосвязь между дипломатическим дискурсом и подобными дискурсами, ученые сопоставляют дипломатический дискурс и политический дискурс как два типа институционального дискурса. Карасик считает, что дипломатический дискурс противопоставляется политическому дискурсу, юридическому дискурсу, военному дискурсу, религиозному дискурсу, медицинскому дискурсу, деловому дискурсу, рекламному дискурсу, спортивному дискурсу, дискурсу средств массовой информации и т.д. [6]. А.А. Вебер указал, что существует сквозная взаимосвязь между дипломатическим дискурсом и другими дискурсами, подробности см. на рис. 1.

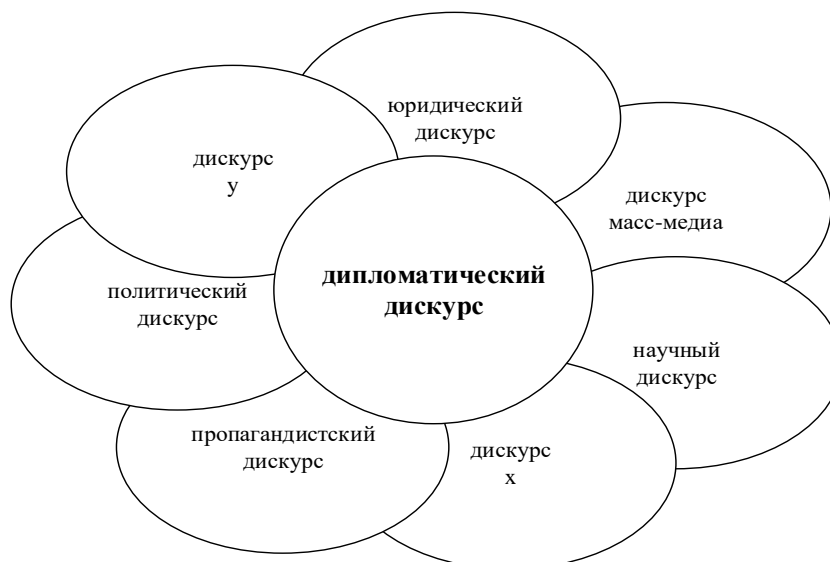

Рис. 1. Диаграмма взаимосвязи между дипломатическим дискурсом и другими дискурсами [2, с. 70]

В этой статье в основном рассматриваются несколько элементов, предложенных Карасиком для определения институционального дискурса, и делается попытка концептуализировать дипломатический дискурс. Карасик отметил, что конкретный тип институционального дискурса может быть описаны с девяти аспектов, а именно: участники, время и пространство, цели, ценности (включая ключевые концепции), стратегии, языковые материалы (темы), категории и жанры, прецедентные (культурные) тексты и парадигма дискурса [6].

Далее мы определим концепцию дипломатического дискурса с точки зрения участников, времени и пространства, целей, ценностей, стратегий, тем, категорий и т.д.

Аспект участников дипломатического дискурса. Здесь можно разделить на две категории: дипломатические представители и дипломатическая аудитория [2]. Первые относятся к официальным представителям дипломатических учреждений или главам правительств, которые продвигают внешнюю политику страны и защищают права и интересы страны и ее граждан за рубежом; вторые относятся к читателям или слушателям дипломатического дискурса, обычно относящиеся к правительству, гражданам других стран и международному сообществу, для которых дипломатический дискурс является важным способом понимания внешней политики других стран.

Пространственно-временное измерение дипломатического дискурса. В современном обществе границы времени и пространства относительно ослаблены. Что касается времени, то в дипломатическом дискурсе нет никаких конкретных упоминаний. С другой стороны, пространство относится к месту, где происходит практика дипломатического дискурса, включая Министерство иностранных дел, посольства и консульства, представительства за рубежом, здание штаб-квартиры Организации Объединенных Наций и другие места для проведения внешнеполитических мероприятий.

Целевое измерение дипломатического дискурса. Основной целью дипломатического дискурса является укрепление национальной безопасности, обеспечение национального суверенитета и территориальной целостности, защита прав и интересов своих соотечественников за рубежом и формирование позитивного имиджа страны в международном сообществе. В то же время дипломатический дискурс направлен на разъяснение своей внешней политики, поиск консенсуса и общих интересов с другими странами и международными организациями и содействовать формированию стабильности, справедливости, демократии и сотрудничества. Наконец, целью дипломатического дискурса также является разрешение конфликтов мирным путем и поддержание мира во всем мире [2, 8, 12].

Ценностное измерение дипломатического дискурса. Ценность дипломатического дискурса заключается в продвижении имиджа страны, выражении дипломатической философии страны, установлении или поддержании дипломатических отношений с другими странами, формировании или изменении отношения международного сообщества, а также в попытках вести переговоры и решать региональные и международные проблемы мирным путем, чтобы избежать конфликтов с применением силы (8).

Стратегическое измерение дипломатического дискурса. Стратегия, используемая в дипломатическом дискурсе, в основном основана на его целях. Исходя из этого, в данной статье предполагается, что существуют три основные стратегии. Во-первых, стратегия «равенство». То есть использовать речевые приемы, схожие с речью собеседника, либо равные и дружелюбные, либо яростно конфронтационные, либо вежливые и отчужденные. Во-вторых, стратегия «эвфемизм». Вообще говоря, дипломатический дискурс часто не выражает намерения или не передает политическую позицию прямо и резко, а в основном используется тонкая и эвфемистическая форма, что отражается в использовании дипломатических эвфемизмов. В-третьих, стратегии «смягчение последствий». Эта стратегия в основном позволяет избежать преимущества противника за счет задержек и приостановок, а также поддерживает гармонию и облегчает конфликты, избегая ответов.

Тематическое измерение дипломатического дискурса. При определении дипломатического дискурса тематическое измерение в основном относится к компонентам содержания дипломатического дискурса, то есть к содержанию дискурсивных событий. Дипломатический дискурс – это язык и дискурсивное поведение, используемые в официальных обменах между суверенными странами. Содержание коммуникации включает внешнюю политику, межгосударственные отношения, международную политическую ситуацию и т.д. и тесно связано с национальными интересами и основными международными проблемами [2, 8].

Категориальное измерение дипломатического дискурса. Это измерение в основном относится к типу дипломатического дискурса, который в целом можно разделить на устные и письменные категории. Вербальный дипломатический дискурс относится к речи, используемой в дипломатическом общении, которая проявляется в дипломатических переговорах, дипломатических речах, дипломатических беседах, дипломатических интервью, дипломатических новостях и пресс-конференциях [2, 9, 12]. Письменный дипломатический дискурс в основном относится к дипломатическим документам, включая дипломатические заявления, дипломатические декларации, дипломатические соглашения, дипломатические резолюции, дипломатические письма, дипломатические статьи с комментариями, дипломатическая терминология и т.д. [3, 8, 10].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, дипломатический дискурс – это устный или письменный язык, используемый официальными представителями стран, занимающихся дипломатической работой, с целью поддержания имиджа и интересов страны при осуществлении дипломатической деятельности, а также практической

деятельности дискурса (такой как дипломатические пресс-конференции, дипломатические переговоры и т.д.), содержание затрагивает не только безопасность и интересы страны, но и межгосударственные отношения, актуальные международные проблемы и т.д., Его целью является поддержание мира и стабильности во всем мире посредством мирных консультаций, которые характеризуются высокой процедурностью и намеренностью. Дипломатический дискурс находится под влиянием общей внешней политики страны. А наоборот, дипломатическое позиционирование страны также может быть известно через дипломатический дискурс. Кроме того, для достижения определенных целей с помощью дипломатического дискурса дипломатические коммуникаторы часто прибегают к определенным дискурсивным стратегиям, таким как вежливость, эвфемизм, избегание и т.д., чтобы их дискурс был лучше воспринят коммуникатором.

Литература

1. Введенский Б.А. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1952.
2. Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
3. Волгова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
4. Громыко А.А. и др. Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1960.
5. Громыко А.А. и др. Дипломатический словарь. М.: Наука, 1984.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под общ. ред. В.И. Карасик, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5 – 20.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Кожетева А.С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.
9. Метелица Е.В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
10. Насер Ф.М.Н. Дипломатическая терминология русского языка и её семантизация в учебном двуязычном словаре: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.
11. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики, 2010. № 1. С. 47 – 56.
12. Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.
13. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000.

References

1. Vvedenskij B.A. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1952.
2. Veber E.A. Opyt lingvisticheskogo issledovanija kognitivnogo dissonansa v anglijskom diplomaticheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2004.
3. Volgova T.A. Diplomaticheskij diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikacii (na materiale anlijskogo i russkogo jazykov): dis. ... na soisk. uch. st. kant. filol. nauk. Cheljabinsk, 2007.
4. Gromyko A.A. i dr. Diplomaticheskij slovar'. M.: Gospolitizdat, 1960.
5. Gromyko A.A. i dr. Diplomaticheskij slovar'. M.: Nauka, 1984.
6. Karasik V.I. O tipah diskursa. Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs. pod obshh. red. V.I. Karasik, G.G. Slyshkina. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5 – 20.
7. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.
8. Kozheteva A.S. Lingvopragmaticheskie harakteristiki diplomaticheskogo diskursa (na materiale verbal'nyh not): dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2012.
9. Metelica E.V. Diskurs diplomaticheskogo protokola v anglojazychnoj ritual'noj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2003.
10. Naser F.M.N. Diplomaticheskaja terminologija russkogo jazyka i ejo semantizacija v uchebnom dvujazychnom slovare: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2013.
11. Terentij L.M. Diplomaticheskij diskurs kak osobaja forma politicheskoi kommunikacii. Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 2010. № 1. S. 47 – 56.
12. Trabelsi H. Lingvokommunikativnyj analiz diplomaticheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2013.

13. Chernjavskaja V.E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa. M.: FLINTA: Nauka, 2014.
14. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.; Volgograd: Peremena, 2000.

*Liu Yuxin, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Shanghai University of Political Science and Law, China*

Conceptual definition of diplomatic discourse from the point of view of institutional discourse

Abstract: due to the increasingly close diplomatic ties in the world, the scope and content of the concept of “diplomatic discourse” have been significantly enriched, which has become one of the important issues of concern to the academic community. This article classifies diplomatic discourse as an institutional discourse, focuses on the concept itself and suggests a way to define the concept of “diplomatic discourse”. First of all, the concepts of “diplomacy” and “discourse” are discussed separately, arguing that the former is at the substantive level, while the latter is a material shell bearing the connotation of the concept of “diplomatic discourse”. After that, we comprehensively analyze the existing concepts of “diplomatic discourse” in the academic community. Finally, on the basis of the constituent elements of institutional discourse proposed by the Russian scientist V.I. Karasik, the concept of “diplomatic discourse” is defined.

Keywords: diplomatic discourse, institutional discourse, diplomacy, discourse, static discourse, political discourse

For citation: Liu Yuxin Conceptual definition of diplomatic discourse from the point of view of institutional discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 57 – 64.

Received: August 1, 2023; Revised: October 2, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Рябкова Ю.Е., аспирант,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва*

Возможности категоризации пространственных отношений средствами словообразовательного уровня (на материале современного русского языка)

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются особенности функционирования языковых средств морфемного и словообразовательного уровней в процессе категоризации пространственных отношений в современном русском языке. Актуальность изучения средств выражения пространственной семантики обусловлена, в первую очередь, популяризацией изучения русского языка иноязычными обучающимися, а также необходимостью обучения пространственным представлениям и моделям, отражающим их, искусственного интеллекта. В связи с тем, что пространство является одной из важнейших понятийных категорий, отражённых в материале современного русского языка, важность рассмотрения данных конструкций будет только увеличиваться в ближайшие годы. Целью данного исследования было рассмотрение словообразовательных средств выражения пространственной семантики с точки зрения полноправного участия в процессе грамматикализации категории локативности в современном русском языке. Одним из основных методов исследования, использовавшихся автором, был метод сплошной выборки языкового материала, описательный метод, описание языкового материала осуществлялось с использованием средств функционально-грамматического подхода. Практическое применение результатов описанного в статье исследования связано с возможностью использовать результаты исследования в практике преподавания русского языка иноязычным обучающимся, в том числе студентам ВУЗов филологических направлений. Автор рассматривает роль средств морфемного уровня в процессе категоризации пространственных отношений с позиции функционально-грамматического подхода. Описываются основные функции морфем с пространственной семантикой в процессе, в первую очередь, лексической, а также грамматической категоризации пространственных отношений в современном русском языке. Автором выдвигается гипотеза о возможности функционирования морфем с пространственной семантикой как одного из полноправных участников процесса грамматической и лексической категоризации пространственных отношений в современном русском языке. При этом отмечается, что средства морфемного уровня участвуют в данном процессе в тесной взаимосвязи с языковыми единицами, относящимися к другим уровням языковой системы: лексическими, морфологическими, синтаксическими.

Ключевые слова: пространственные представления, морфемный уровень, словообразовательный уровень, грамматическая категоризация, лексическая категоризация, функциональная грамматика

Для цитирования: Рябкова Ю.Е. Возможности категоризации пространственных отношений средствами словообразовательного уровня (на материале современного русского языка) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 65 – 71.

Поступила в редакцию: 1 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 2 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

В современном научном дискурсе последних лет достаточно распространённой является теория о том, что пространство является одним из базовых типов бытийных представлений, находящих своё отражение в материале языков. Так, в современном русском языке пространственные представления являются отражёнными не только среди лексических категорий и разновидностей лексического значения, но и среди грамматических категорий в том числе. Значительное количество работ исследователей конца XX-начала XXI века посвящены особенностям отражения пространственных представлений в материале лексики и грамматики современного русского языка. Среди наиболее известных лингвистов, рассматривающих интересующую нас категорию с позиции функционально-грамматического подхода, отметим Е.С. Скобликову, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилину, Т.А. Майсака, Л.Б. Карпенко, И.В. Глушкову, Л.В. Табаченко и многих других.

Рассмотрение отражения в системе современного русского языка отражения пространственных представлений с точки зрения функциональной грамматики демонстрирует, что в выражении данных представлений, в том числе и в грамматическом плане, участвуют взаимосвязанные между собой единицы всех уровней языка, за исключением фонетического уровня. Такая ситуация объясняется тем, что фонемы современного русского языка не передают определённых типов и оттенков значений сами по себе, и могут быть лишь использованы в составе более крупных языковых единиц с пространственным значением.

В нашем исследовании считаем возможным рассматривать в качестве активно участвующих в процессе лексикализации и грамматикализации пространственных отношений корни, имеющие в своем значении пространственный компонент и участвующие в образовании существительных, прилагательных и наречий с пространственным значением, а также приставки с пространственной семантикой, также использующиеся для образования существительных, прилагательных, а также глагольных форм, выражающих пространственную семантику при помощи комплекса средств словообразовательного, а вместе с тем и лексического, морфологического и синтаксического уровней современного русского языка [3].

В современных исследованиях, например, в работах И.В. Глушковой, посвященных глагольным префиксам с пространственной семантикой, отмечается, что изменения в семантике приставок в истории русского языка не замыкаются рамками словообразования [4]. Исследователь ссылается на то, что дистрибутивные функции глаголов движения обусловлены необходимостью их обозначать и характеризовать ситуацию движения в пространстве. Одна из важных характеристик движения – это его направление в пространстве (по горизонтали/вертикали, между двумя пунктами или между наружным и внутренним пространством). Кроме того, дается характеристика и протяженности/целостности пространства, характеру и результату движения. При этом ученый называет сугубо приставочной функцией моделирование результата перемещения.

В трудах Л.В. Табаченко в свою очередь отмечается, что приставки, как и предлоги, восходят к праиндоевропейским самостоятельным реляционным элементам, адвербам, находившимся между существительным и глаголом. В силу своего происхождения глагольные приставки содержали семантику отношения к имени, чаще всего являясь пространственными конкретизаторами, уточняя пространственную характеристику действия по отношению к его актантам. Общеизвестно, что пространственные значения глагольных приставок являются наиболее древними, однако вопросы, касающиеся механизмов и тенденций семантической эволюции префиксов, а также роли пространственной семантики в этой эволюции, являются дискуссионными. В частности, остается открытым вопрос о динамике пространственной маркированности глаголов приставками [12].

Корни с пространственной семантикой

Анализ средств словообразовательного уровня, участвующих в категоризации пространственных отношений в современном русском языке, показывает, что наиболее частотным средством данного уровня являются корни с пространственным значением.

Среди наиболее широко представленных в рассмотренном языковом материале корней с пространственным значением выделим следующие:

-*дом-* в составе существительных *дом, домик* и их предложно-падежных форм, наречий *домой и дома*, а также в составе прилагательных *домашний, придомовой*;

-*улиц-* в составе слов *улица, улочка, проулок, переулок* и их предложно-падежных форм, а также прилагательного, обозначающего отношение к определённому открытому общественному пространству: *уличный*;

-*стран-* в составе слова *страна* и его предложно-падежных форм;

-*сторон-* в составе существительного *сторона* и его предложно-падежных форм;

-*внутр-* в составе наречий *внутри и внутрь*, а также прилагательного *внутренний*;

-*верх-*, включенный в состав существительных с пространственной семантикой *верх, вершина, вершушка* и их предложно-падежных форм, а также прилагательного *верхний*, наречий с пространственным значением *вверх, вверху, наверху*;

-*прав-* в составе наречий *справа, направо* и прилагательного с пространственным значением *правый*, а также наречий с пространственным значением *направо, вправо и справа*;

-*лев-* в составе наречий с пространственным значением *влево, слева, налево* и прилагательного с пространственным значением *левый*;

-*низ-*, участвующий в образовании существительного с пространственным значением *низ* и его предложно-падежных форм, прилагательных *нижний и низовой*, а также наречий с пространственным значением *внизу и вниз*;

-*город-* в составе существительных *город, городок, городишко, пригород* и их предложно-падежных форм и прилагательного с пространственным значением *городской, пригородный*;

-*сел-* в составе существительных *село, поселение, посёлок* и их предложно-падежных форм, а также прилагательных с пространственным значением *сельский, поселковый*;

-*деревн-* в составе существительного *деревня*, а также прилагательного *деревенский*;

-*дач-* в составе существительного *дача* и его предложно-падежных форм, а также прилагательного *дачный*;

- двор-*, участвующий в образовании существительных *двор, подворье* и их предложно-падежных форм, а также прилагательных *дворовой, надворный*;
- сад-* в составе существительных *сад, садик* и их предложно-падежных форм и прилагательного *садовый*;
- лес-*, участвующий в образовании существительных с пространственной семантикой *лес, лесок, перелесок*, а также топоним *Полесье* и их предложно-падежные формы, прилагательное *лесной*;
- перед-* в составе наречий *вперёд, впереди, спереди*, а также в составе прилагательного, имеющего пространственное значение, *передний*;
- зал-*, при помощи которого происходит образование существительного *зал*;
- жил-* в составе существительного *жилище* и его предложно-падежных форм;
- территор-* в составе существительного *территория* и его предложно-падежных форм, а также прилагательного с пространственным значением *территориальный*;
- район-*, включённый в состав существительного *район* и его предложно-падежных форм, а также прилагательных *районный, межрайонный*;
- угл-* в составе существительного *угол* и его предложно-падежных форм, а также прилагательного *угловой*;
- серед-* в составе существительного *середина* и его предложно-падежных форм и прилагательного с пространственным значением *средний*, наречия с пространственным значением *посередине*;
- встреч-* в составе наречия *навстречу* и глагола *встречаться* в различных формах, а также прилагательного, имеющего пространственное значение, *встречный*;
- здан-* в составе существительного с пространственным значением *здание* и его предложно-падежных форм;
- квартир-* в составе существительных *квартира/квартирка* и их предложно-падежных форм и прилагательного с пространственным значением *квартирный*, обозначающего отношение к определённому закрытому пространству;
- комнат-* в составе существительных *комната/комнатка* и их предложно-падежных форм и прилагательного с пространственным значением *комнатный*, обозначающего отношение к определённому закрытому пространству;
- кухн-*, при помощи которого образуются существительные *кухня/кухонька* и их предложно-падежных форм и прилагательного с пространственным значением *кухонный*, обозначающего отношение к определённому закрытому пространству;
- границ-* в составе существительного *граница* и его предложно-падежных форм, а также прилагательных с пространственной семантикой *пограничный/приграничный/заграничный*;
- край-*, участвующий в образовании существительного *край/окраина*, прилагательных *краевой, окраинный*;
- мест-* в составе существительных *место, местность*, прилагательного *местный*;
- регион-* в составе существительного *регион* и прилагательных *региональный, межрегиональный*;
- област-* в составе существительного *область* и его предложно-падежных форм, а также в составе прилагательного *областной*, имеющего семантику «находящийся в конкретной области»;
- берег-* в составе существительных *берег, побережье, бережок* и их предложно-падежных форм, а также в составе прилагательного *прибрежный*, в случае с которым можем говорить о совместном использовании для выражения пространственной семантики двух разных словообразовательных средств: приставки и корня;
- столиц-* в составе существительного *столица* и его предложно-падежных форм, в составе прилагательного *столичный*, использующегося для обозначения отношения к определённому пространству;
- остров-* в составе существительного *остров/полуостров* и их предложно-падежных форм, а также в составе прилагательного *островной*;
- мор-* в составе существительного *море* и его предложно-падежных форм, а также в составе имени собственного с пространственным значением *Приморье* и прилагательных с пространственным значением *морской, приморский*
- пол-/полян-*
- здесь-* в составе пространственного наречия *здесь* и прилагательного с пространственным значением *здесьний*;
- дорог-* в составе существительного *дорога/дорожка* и прилагательного *дорожный/придорожный*, использующихся при обозначении трассы/поверхности движения субъекта.

Таким образом, анализ языкового материала, представленного в виде корней, имеющих пространственный семантический компонент, позволяет сделать вывод о том, что данная группа корней систематически является задействованной в образовании однокоренных слов разных частей речи: существительных, наречий и прилагательных с пространственным значением. В связи с чем делаем вывод о том, что представления о пространстве находят отражение в грамматической системе русского языка по причине того, что, несмотря на использование рассмотренных нами корней в составе слов разных частей речи, наличие пространственного компонента в лексическом значении, а также особенности грамматического употребления слов разных частей речи остаются в данном случае связанным именно с выражением пространственного значения.

Приставки с пространственным значением

Среди исследований последних лет учеными, в первую очередь, В.А. Плунгяном, выделяется определённая группа приставок, обладающих участвующими в выражении пространственного значения [7]. К данной группе относятся приставки, обозначающие направление движения объекта и участвующие в образовании приставочных глаголов движения. Среди данных приставок наиболее распространённой является приставка *вы-*, используемая в составе глаголов движения *выйти, выехать, выбежать* для обозначения движения, направленного изнутри определённого пространства. Кроме того, отметим использование данной приставки в составе отглагольных существительных с пространственным значением: *выход, выезд*.

Не менее распространённой и активно участвующей в образовании глагольных форм со значением движения является приставка *от-*, имеющая значение исходной точки движения субъекта: *отъехать, отодвигаться, отплыть*, отглагольных существительных с пространственной семантикой *отъезд, отплытие*.

Кроме того, отметим использование в составе глагольных форм с локативным значением движения приставки *при-*, обозначающей приближение к пространственному ориентиру: *приехать, прийти, приплыть, прибежать, приблизиться*. Не менее распространённым является употребление данной приставки в составе прилагательных с пространственной семантикой: *прибрежный, придомовой, приморский, пригородный, привокзальный, пришкольный*, а также существительных с пространственным значением: *Приморье, Приуралье*, и других топонимов.

Приставка *на-* используется в образовании глагола движения *наехать*, а также отглагольного существительного *наезд*.

Приставка *по-* при глаголах движения, обозначающая начало движения из определённой стартовой точки, участвует в образовании глаголов поехать, поплыть, помчаться. Кроме того, отметим использование данной приставки в образовании существительного *поездка*, также имеющего пространственное значение [14].

Рассмотрев материал, представленный в приставках с пространственной семантикой, отметим, что чаще всего приставки используются при категоризации пространственных отношений в составе глаголов движения. Менее распространено образование при помощи данных приставок существительных, прилагательных и наречий с пространственным значением.

Словообразовательная характеристика топонимов с пространственным значением

Показательным является также анализ словообразовательного компонента, отражённого в материале русскоязычных топонимов. В рамках данной работы нами были проанализированы данные двух словарей топонимов и методом сплошной выборки выявлено 96 лексических единиц, имеющих в своем составе словообразовательный компонент с пространственным значением.

Представляется важным отметить, что большую часть выявленного в данной категории материала составляют именно приставки и корни с пространственной семантикой, среди которых наиболее многочисленными группами представлены перечисленные ниже случаи.

Корень *-верх-* (представлен 40 примерами): *Верхневилуйское, Верхнеколымское, Верхнеуральск, Верхотурье, Верхоянск, Верхнедвинск, Верхнеангарская котловина, Верховажск, Верхолениск, Верхнезейская равнина* и др. При этом значительную группу среди данного типа наименований представляют составные образования, включающие в себя два слова, первое из которых – прилагательное *верхний*: *Верхний Тагил, Верхняя Тунгуска, Верхняя Ангара, Верхняя Вычегда*, и др. Анализ пространственной семантики данного типа топонимов позволяет нам согласиться с данными этимологических и топонимических словарей и подтвердить идею о том, что компонент *верх-/верхний* в данного типа образованиях используется для обозначения расположения пространственного объекта относительно течения реки.

Корень *-нижн-* (в материале текущего исследования представлен 24 примерами): *Нижнекамск, Нижневартовск, Нижнеудинск, Нижнеангарск*. В данном случае, как и в случае с корнем *верх-*, описанным выше, значительную часть выявленных наименований с пространственным значением представляют составные топонимы, включающие в качестве первого элемента прилагательное *Нижний*: *Нижние Раздоры*,

Нижний Ломов, Нижняя Ангара, Нижняя Тура, и др. Анализируя пространственную семантику данного типа примеров, как и в предыдущем случае говорит о том, что компонент нижн-/нижний используется для выражения расположения пространственного объекта в нижней части течения реки.

Корень *-гор-* (было выявлено 32 примера данного типа): *Лениногорск, Магнитогорск, Железногорск, Медвежьегорск, Саяногорск, Светлогорск, Славяногорск, Снежногорск, Солигорск, Карпогоры, Крутогорье, Донское Белогорье, Загорск, Зимогорье, Подгоры, Подгорное, Угорье, Нефтегорск, Дальнегорск* и др. Присутствие данного словообразовательного компонента позволяет нам, вслед за составителями этимологических словарей [13] утверждать, что при помощи данного компонента в центре пространственной семантики данных топонимов присутствует указание на некий объект в горной местности/одиночную гору или возвышенность в качестве пространственного ориентира [15].

Особая распространенность таких словообразовательных элементов в составе русскоязычных топонимов, как корни *-верх-*, *-нижн-*, *-гор-* объясняется историко-культурными особенностями жизни представителей данного народа: в качестве основных пространственных ориентиров и объектов для расселения использовались реки и другие водоемы, в связи с этим мы видим, что указание на расположение населенного пункта относительно течения реки является принципиально важным для носителя языка.

Заключение

Таким образом, анализ языкового материала, включающего средства выражения пространственной семантики морфемного уровня, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, важно отметить, что в материале большинства рассмотренных нами конструкций с пространственным значением, а также выявленных в материале словарей лексических единиц присутствует использование корней с пространственным значением, общее количество которых составляет не менее 39, каждый из которых позволяет образовать не менее 2 лексем с пространственной семантикой. В некоторых случаях отмечаем использование корней данного типа с пространственными приставками. Во-вторых, в случаях с приставками, имеющими пространственное значение, отметим регулярное использование их совместно с корнями с пространственным значением. Кроме того, важным является тот факт, что все выявленные и проанализированные в ходе исследования словообразовательные средства выражения пространственной семантики используются в составе конструкций с пространственным значением только в комплексе со средствами других языковых уровней. Делаем вывод о систематической и прочной включённости пространственных компонентов значения не только в лексическую, но и в словообразовательную систему современного русского языка.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003.
2. Бороздина И.С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-001.pdf> (дата обращения: 10.03.2019)
3. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 106 – 220.
4. Глушкова И.В. Функциональная дифференциация пространственных глагольных приставок на основе моделирования ситуации движения в истории русского языка: Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск, 2007. С. 29 – 33.
5. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1135 с.
6. Панов М.В. О членимости слов на морфемы // Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 2. С. 207 – 218.
7. Плуноян В.А. Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. № 5.1: Тематический выпуск “Глагольные префиксы и префиксальные глаголы”. С. 95 – 124.
8. Плуноян В.А. Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о “групповой флексии”) // Известия РАН, СЛЯ, 1994. № 53.3. С. 52 – 56.
9. Потиха З.А. Современное русское словообразование: пособие для учителя. М.: «Просвещение», 1970. 384 с.
10. Рожанский Ф.И. 2000. Направление движения (типологическое исследование) // Н.Д. Арутюнова; И.Б. Левонтина (ред.). Логический анализ языка: языки пространств. М.: ЯРК. С. 56 – 66.
11. Соколов О.М. О значении и функциях глагольных префиксов // Труды Томского государственного университета. 1964. С. 8 – 9.
12. Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка. М.: Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. С. 9 – 30.

13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.
14. Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Uppsala. 1990.
15. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ, 2004. 1024 с.

References

1. Bondarko A.V. Teorija znachenija v sisteme funkcional'noj grammatiki. Problemy funkcional'noj grammatiki: Semanticheskaja invariantnost'. variativnost'. SPb., 2003.
2. Borozdina I.S. Prostranstvo kak osnovnaja kategorija bytija v jazykovom otrazhenii. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-001.pdf> (data obrashhenija: 10.03.2019)
3. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii. Izbrannye trudy: Issledovanija po russkoj grammatike. M.: Nauka, 1975. S. 106 – 220.
4. Glushkova I.V. Funkcional'naja differenciacija prostranstvennyh glagol'nyh pristavok na osnove modelirovanija situacii dvizhenija v istorii russkogo jazyka: Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. Specvypusk, 2007. S. 29 – 33.
5. Kuznecova A.I., Efremova T.F. Slovar' morfem russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1986. 1135 s.
6. Panov M.V. O chlenimosti slov na morfemy. Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku. Pod red. E.A. Zemskoj, S.M. Kuz'minnoj. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2007. T. 2. S. 207 – 218.
7. Plungjan V.A. Pristavka pod- v russkom jazyke: k opisaniju semanticheskoi seti. Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. 2001. № 5.1: Tematicheskij vypusk “Glagol'nye prefiksy i prefiks'al'nye glagoly”. S. 95 – 124.
8. Plungjan V.A. Grammatichnost' i otnoshenija mezhdum morfemami (k voprosu o “gruppovoj fleksii”). Izvestija RAN, SLJa, 1994. № 53.3. S. 52 – 56.
9. Potiha Z.A. Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: posobie dlja uchitelja. M.: «Prosveshhenie», 1970. 384 s.
10. Rozhanskij F.I. 2000. Napravlenie dvizhenija (tipologicheskoe issledovanie). N.D. Arutjunova; I.B. Levontina (red.). Logicheskij analiz jazyka: jazyki prostranstv. M.: JaRK. S. 56 – 66.
11. Sokolov O.M. O znachenii i funkcijah glagol'nyh prefiksov. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 1964. S. 8 – 9.
12. Tabachenko L.V. Pristavochnye pozicionnye glagoly v istorii russkogo jazyka. M.: Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9, Filologija. S. 9 – 30.
13. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: v 2 t. M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003.
14. Ferm L. Vyrazhenie napravlenija pri pristavochnyh glagolah peremeshhenija v sovremennom russkom jazyke. K voprosu prefiks'al'no-predložnogo determinizma. Uppsala. 1990.
15. Shirshov I.A. Tolkovyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka. M.: AST, 2004. 1024 s.

*Ryabkova Yu.E., Postgraduate,
Samara National Research University named after Sergey Korolev*

Possibilities of categorization of spatial relations by means of word-formation level (on the material of the modern Russian language)

Abstract: the present article deals with the peculiarities of functioning of linguistic means of morphemic and word-formation levels in the process of categorization of spatial relations in the modern Russian language. The relevance of studying the means of expressing spatial semantics is conditioned, first of all, by the popularization of learning Russian by foreign-language learners, as well as by the need to teach spatial representations and models reflecting them to artificial intelligence. Due to the fact that space is one of the most important conceptual categories reflected in the material of the modern Russian language, the importance of considering these constructions will only increase in the coming years. The aim of this study was to consider the word-forming means of expressing spatial semantics from the point of view of full participation in the process of grammaticalization of the category of locativity in the modern Russian language. One of the main research methods used by the author was the method of solid sampling of linguistic material, descriptive method, the description of linguistic material was carried out using the means of functional-grammatical approach. The practical application of the results of the research described in the article is connected with the possibility of using the results of the research in the practice of teaching Russian to foreign-language learners, including university students of philological fields. The author considers the role of morphemic level means in the process of categorization of spatial relations from the position of functional-grammatical approach. The main functions of morphemes with spatial semantics in the process of, first of all, lexical, as well as grammatical categorization of spatial relations in the modern Russian language are described. The author puts forward a hypothesis about the possibility of functioning of morphemes with spatial semantics as one of the full participants of the process of grammatical and lexical categorization of spatial relations in the modern Russian language. It is noted that the means of the morpheme level participate in this process in close interrelation with linguistic units belonging to other levels of the language system: lexical, morphological, syntactic.

Keywords: spatial representations, morphemic level, word-formation level, grammatical categorization, lexical categorization, functional grammar

For citation: Ryabkova Yu.E. Possibilities of categorization of spatial relations by means of word-formation level (on the material of the modern Russian language). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 65 – 71.

Received: August 1, 2023; Revised: October 2, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Семенова М.Г.,
Псковский государственный университет

Традиции качественного глянца о моде в отечественном издании *The Symbol*

Аннотация: данная статья посвящена анализу тенденций развития отечественного глянца о моде в связи с изменениями в российской медиасистеме под влиянием ухода глобальных глянцевого брендов с отечественного рынка в 2022 году. Актуальность исследованию придает то обстоятельство, что СМИ о моде и стиле жизни *The Symbol* стало одним из первых примеров трансформации глянца вследствие изменений медиаполя в 2022-2023 гг. На материале контента интернет-издания, преемника одного из авторитетнейших качественных журналов о моде, методом анализа документов определены коммуникативная природа современного отечественного журналистского проекта о моде, степень его соответствия традициям fashion-журналистики и соответствующие векторы развития редакционной политики. Сделан вывод о типологической природе ориентации издания о моде на актуальную социальную повестку, о приоритете ценностей элитарного глянца, противостоящих идеологии консьюмеризма. Следование традиции качественного глянца как основе принципов редакционной политики современного fashion-издания позволяет и ответить на актуальные запросы целевой аудитории, и популяризировать интернет-версию СМИ для широкой аудитории.

Ключевые слова: fashion-журналистика, качественный глянец, консьюмеризм, редакционная политика, СМИ о моде, элитарный глянец

Для цитирования: Семенова М.Г. Традиции качественного глянца о моде в отечественном издании *The Symbol* // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 72 – 77.

Поступила в редакцию: 7 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Мощное критическое направление в медиаисследованиях, посвященных глянцу, в 2000-2010-х гг. распространило тезис о том, что данный сегмент СМИ проповедует лишь ценности потребления. Мнение целого ряда исследователей выразила позиция, что в модном глянце популяризовались «в основном материально-эстетические ценности» [18]. Неслучайно распространилась и точка зрения о том, что «в мире постмодерна выживают наиболее мобильные и склонные к конвергенции издания, сумевшие органично соединить цифровую реальность с традиционными ценностями консьюмеризма» [7, с. 328]: аудиторный спрос на подобные СМИ, благодаря профессионализму редакционных коллективов, был высок. Однако в конце 2010-х гг. наметилась трансформация ведущих изданий данного типа, выразившаяся в переходе от рекреативных установок к воспитательным или ценностно-формирующим. Следует отметить, что данная метаморфоза в целом типична для глянца: на редакционную политику данного сегмента прессы традиционно влияла смена исторических эпох, ведь мода – прежде всего социокультурный феномен и историко-типологический анализ доказывает, что «модели женских периодических изданий подвержены трансформации вследствие изменения социально-экономических, культурных, технологических аспектов социума» [19, с. 73]. В этом отношении показателен пример изменения ориентации издания *Glamour* в 1940-х [2, с. 75] и установка *Vogue*, выразившаяся в емкой формулировке «развлекая, просвещая, просвещая, развлекающая» [23, с. 973]. Тенденция 2010-2020-х гг. также изменила оттенок значения понятия «элитарный глянец»: если раньше оно было связано прежде всего с потребительским ресурсом аудитории, пускай и направленным на эстетически ценный продукт люксовых брендов и ведущих модных домов, теперь читатель глянца, несмотря на значимость своей роли потребителя, получает на страницах периодики отклик на интеллектуальный запрос [13, 21], а сам «глянцевый журнал постепенно перестает пропагандировать потребление и все чаще выступает с заявлением об осознанности и превалировании качества над количеством» [9, с. 123]. Подобное смещение фокуса глянцевого СМИ, периодически отмечаемое авторами научных статей как тенденция конкретного десятилетия [20, 10], все же выступает одной из значимых традиций качественного элитарного глянца, вместе с тем оно действительно получило новый виток развития на современном отечественном рынке в связи с изменением схемы медиапроизводства и распространения.

Показательными в данном отношении являются опубликованные в 2023 году результаты статистического анализа текстов популярных глянцевого СМИ, в том числе и о моде – *Elle*, *Cosmopolitan*, показавшие, что, вопреки приоритету успеха в его внешнем проявлении, лексический ряд понятий, обозначающих субъективно-личностные характеристики героя глянца, позволяет представить не потребителя, но образ дея-

тельной и профессиональной персоны: успех ассоциируется с такими чертами, как «целеустремленность, мотивация на достижение результатов, эффективное выполнение задач» [12, с. 85]. И смена ценностной парадигмы закономерна: fashion-журналистика как социокультурный феномен отражает направление общественной мысли, пускай и в ретушированном виде, копируя и закрепляя «материальные и духовные ценности, нормы поведения, правила, стереотипы, традиции» [8, с. 46]. Неслучайно в новейших исследованиях коммуникативной специфики глянца фигурирует позиция, что «невозможно представить fashion-журналистику оторванной от происходящих событий, от социального контекста» [8, с. 48]. Ярким примером эффективности обращения к социальной проблематике выступает кейс американского Teen Vogue, в шесть раз увеличившего интернет-аудиторию благодаря текстам о политике, расизме, экологии и т.п. [22].

В эпоху социально-политических изменений глянец отражает данное тематическое направление, закономерно расширяя аудиторную направленность. Тенденцию усилила и трансформация контента интернет-версий СМИ, обусловленная стремлением вызвать отклик у широкой аудитории на фоне конкуренции с непрофессиональными медиапроектами. Потому интернет-издания типа «не для всех не обо всем», к категории которых относятся СМИ о моде типа «от-кутюр», по классификации Е.С. Родионцевой [16, с. 48], одновременно содержательно демократизируются, размывая свои аудиторные рамки, и стремятся сохранить приоритет высоких стандартов fashion-журналистики.

Примером издания о моде, совместившим два обозначенных выше коммуникативных ориентира, выступает отечественный медиапроект The Symbol. Пришедшее на смену СМИ о моде типа «от-кутюр» Harpers Bazaar издание, с одной стороны, следует заветам предшественника – формирует особый взгляд на мир, его эстетическую картину вопреки утилитарному назначению СМИ о массовой моде [17, с. 214], с другой, удовлетворяет потребность разных сегментов целевой аудитории в актуальной информации: развлекает ее, обращаясь к социально значимой тематике, – так в контенте издания воплощается тенденция к ориентации на массовую аудиторию [17, с. 217], заинтересованную темой моды, красоты, стиля и образа жизни. Совмещение широкой и одновременно адресной аудиторной направленности отражается в рубрикации издания.

Значимым фактором, задающим вектор развития отечественного медиапроекта, выступают тематический состав, совмещающий сугубо женскую и одновременно актуальную проблематику, и визуальное сопровождение. Во-первых, тексты СМИ иллюстрируются стоп-кадрами из классики мирового кинематографа, архивными фото, качественными фотостоковыми материалами. Например, в The Symbol публикуют фото Майи Плисецкой и Ив Сен-Лорана 1971 года, *работы легендарных авторов – Ричарда Аведона, Ральфа Мекке, первой женщины – модного фотографа* Фрэнсис Маклафлин-Гилл, снимки из крупных собраний – лондонского «Музея Виктории и Альберта», Национальной галереи Виктории в Мельбурне. Во-вторых, издание продолжает сотрудничество с российскими фотографами, которые работали с Harpers Bazaar и Vogue, например, с известным в фешн-индустрии Алексеем Дунаевым. И хотя на главной странице сайта фигурируют тематически и эстетически качественные, но привлекающие внимание массовой аудитории фото, порой ориентированные на низменный интерес читателя, интернет-СМИ поддерживает свой высокий художественно-эстетический уровень, иллюстрируя тексты архивными, знаковыми для мировой и российской культуры фотографиями.

Рубрика «Мода», значимая для СМИ – преемника одного из наиболее авторитетных fashion-изданий, совмещает внимание к массовому читателю и ядру своей целевой аудитории: наряду с информационными заметками, раскрывающими тренды, создаются материалы ценностно-ориентационного и культурно-просветительского толка. Героями издания выступают выдающиеся личности из мира моды и смежных ей сфер – искусства, кинематографа, театра, а также современные лидеры мнений, задающие или поддерживающие тренды моды. Обращение к личному вкладу творцов, революционеров стиля, в том числе ныне полузабытых, в развитие индустрии и массовой или элитарной культуры выполняет важные культурно-просветительскую и ценностно-формирующую функции. Кроме того, данный интерес выступает основополагающим признаком позиционирования медиа, декларируемая цель которого – писать о моде как «лакмусе эпохи», «символе духа времени» «через призму социальной повестки, культуры и искусства» [1], показывать, «на каких современных героев стоит равняться» [1].

Интерес к героям прошлого, сформировавшим или предсказавшим современные модные веяния, выражает ценностно-формирующую ориентацию современного модного глянца. Так, героями публикаций становятся автор стиля «тихой роскоши» Мартин Маржела [5], элитажная дизайнер аксессуаров Dior Митца Брикар, вдохновившая знаменитого кутюрье на создание нарядов с леопардовым принтом [14], автор костюмов для Бродвея и Голливуда, брендов Coach, Hermès, привнесшая в моду концепцию многослойности и комфорта полузабытая модельер Бонни Кэшин представляется читателю как «незаслуженно забытая» [3]. Значимость преемственности, сохранения памяти о деятелях прошлого отличает The Symbol как СМИ, сохраняющее традиции качественного глянца о моде.

Существенная часть публикаций интернет-издания посвящена истории моды: героями выступают как известнейшие модельеры, так и модели крупных модных домов, ставшие трендсеттерами случайно (например, муза Диора Алла Ильчун [4]) или вследствие своей активной общественной деятельности (автор критических публикаций о фашизме и издатель сборников произведений темнокожих писателей Нэнси Кунард прославилась и стилем одежды – симпатией к африканским украшениям и аксессуарам [11]). Отдельно стоит отметить и аналитический характер некрологов издания: авторы показывают, как англичанке Джейн Биркин удалось стать «эталонной парижанкой» [6], рассказывают читателю о новинках, привнесенных в моду Мэри Куант, автора мини-юбки, плаща из ПВХ, цветных колготок и других предметов гардероба модниц 1960-х [15].

Неслучайно англоязычный вариант названия рубрики с вышеназванными материалами – «Герои» – переводится как «символы». Данная рубрика концепирует основной посыл издания – представить публике символы времени, даже если это люди из прошлого, сформировавшие актуальные сегодня направления мысли, модную тенденцию. Ответом на актуальный общественный запрос становится и внимание редакции к тренду сотрудничества модных брендов с современными учеными, деятелями искусства и общественными активистами. Например, героиней публикации стала амбассадор – изобретательница сверхабсорбирующего полимера для борьбы с засухой Киара Ниргин [24]. Определяющими чертами этих личностей также становятся вовсе не успех благодаря богатству и известности, но амбициозность и смелость, органичность и одаренность, соответствие облика характеру, умение находить вдохновение в окружающем мире и мировой культуре, отзывчивость на социальные проблемы, шире – социальная ответственность.

Как видно на примере анализа направления редакционной политики молодого отечественного медиа-проекта о моде The Symbol, сегодня сформировалась тенденция противостояния элитарного глянца ценностям консьюмеризма. Ориентация на традиции качественного модного СМИ выражается не только в акценте на премиальные бренды, роскошный образ жизни, а также эстетизацию визуального контента СМИ, но и в соответствии глобальному тренду на интеллектуальный, социально ответственный глянец. Следование данной традиции как принципу редакционной политики современного fashion-издания позволяет и ответить на актуальные запросы целевой аудитории, и популяризировать интернет-версию СМИ для широкой аудитории.

Литература

1. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/about/> (дата обращения: 20.03.2023)
2. Агасиева Т.С. Содержательные модели журналов для женщин: критический анализ // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 75 – 80.
3. Гулевский А. Бонни Кэшин – незаслуженно забытый дизайнер, которая придумала многослойность // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/bonni-keshin-nezasluzhenno-zabytyy-dizayner-kotoraya-privdumala-mnogosloynost/> (дата обращения: 18.06.23)
4. Гулевский А. История Аллы Ильчун: как посудомойка русско-казахского происхождения стала музой Кристиана Диора и Ива Сен-Лорана // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/fashion/geroi/istoriya-ally-ilchun-kak-posudomoyka-russko-kazahskogo-proishozhdeniya-stala-muzoy-kristiana-diora-i-iva-sen-lorana/> (дата обращения: 18.06.23)
5. Гулевский А. Как Мартин Маржела возглавил Hermes и стал родоначальником «тихой роскоши» // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/fashion/geroi/kak-martin-marzhela-vozglavil-herms-i-stal-rodonachalnikom-tihoy-roskoshi/> (дата обращения: 18.06.23)
6. Гулевский А. Феномен Джейн Биркин: как английская актриса смогла стать «эталонной парижанкой». URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/fenomen-dzheyn-birkin-kak-angliyskaya-aktrisa-smogla-stat-etalonnoy-parizhankoy/> // The Symbol. URL: (дата обращения: 18.06.23)
7. Зверева Е.А. Роль масс-медиа в распространении консьюмеризма как идеологии постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. С. 321 – 328.
8. Зверева Е.А., Титова Т.Ю. Взаимодействие современных fashion-изданий с читательской аудиторией: социокультурный аспект // Челябинский гуманитарий. 2022. № 1 (58). С. 46 – 55.
9. Киуру К.В., Исакова В.А. Глянцевый журнал о моде в эпоху постлюкса: дискурсивные трансформации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. С. 122 – 126.
10. Конушкина А.А. Онлайн-платформы гляцевых изданий как инструмент формирования взглядов аудитории новых медиа // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 110 – 114.

11. Кто такая Нэнси Кунард – аристократка, активистка и икона стиля // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/kto-takaya-nensi-kunard-aristokratka-aktivistka-i-ikona-stilya/> (дата обращения: 18.06.23)
12. Кузнецова Ю.В., Кузнецова А.С. Феномен успеха в контексте российского медиадискурса (на примере гляцевых журналов) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 3 (90). С. 82 – 87.
13. Надыршина А.А. Элитарный гляцевый журнал о моде и стиле жизни как инструмент конструирования социально-статусной идентичности человека // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. С. 176 – 179.
14. Невероятная история Митцы Брикар – первой музы Кристиана Диора, которая ввела в моду леопардовый принт // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/neveroyatnaya-istoriya-mitsy-brikar-pervoy-muzy-kristiana-diora-kotoraya-vvela-v-modu-leopardovyyu-print/> (дата обращения: 18.06.23)
15. Не стало Мэри Куант. Что нужно знать о дизайнера, которая подарила миру мини-юбку // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/britanskaya-koko-shanel-3-modnyh-revolyucii-merikuant/> (дата обращения: 18.06.23)
16. Радионцева Е.С. Fashion-издания в Интернете: к вопросу о типологической направленности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 3 (37). С. 45 – 49.
17. Ржанова С.А. Тенденции моды в формате гляцевой журналистики // Вестник культурологии. 2022. С. 209 – 222.
18. Севастьянова О.И. Ценностные ориентиры, транслируемые российскими изданиями о моде (на примере журнала «Vogue Россия») // Система ценностей современного общества. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-transliuemye-rossiyskimi-izdaniyami-o-mode-na-primere-zhurnala-vogue-rossiya> (дата обращения: 20.03.2023)
19. Смеюха В.В., Кузьмина О.Г., Хорошевская Ю.П. Отражение трансформации гендерных стереотипов в современных женских журналах // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 60 – 79.
20. Смирнова А.А., Пантелеева Т.А. Рынок гляцевых журналов России: тенденции и перспективы // Мировые цивилизации. 2017. Т. 2. № 4. 5 с. URL: <https://wcj.world/PDF/01MZ417.pdf> (дата обращения: 20.03.2023)
21. Тихонова А.А., Морозова А.А. Lifestyle-издания Kinfolk и Heim: отличие зарубежного и отечественного подходов к созданию журналов о моде и стиле жизни // Медиасреда. 2019. С. 89 – 94.
22. Федорова К. Зачем писать о политике в глянце? // The Blueprint. 2022. 24 февраля. URL: <https://theblueprint.ru/fashion/industry/politika-v-glyance>. (дата обращения: 20.03.2023)
23. Халгаева Д.Д., Санкуева Г.С. Международная гляцевая пресса на рынке отечественных СМИ // Флагман науки. 2023. №4 (4). С. 969 – 974.
24. Что нужно знать о Киаре Ниргин – изобретательнице, которая в 16 лет перевернула мир науки и стала модным инфлюенсером // The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/что-нужно-знать-о-киаре-ниргин-изобретательнице-kotoraya-v-16-let-perevernula-mir-nauki-i-stala-modnym-inflyuenserom/> (дата обращения: 18.07.23)

References

1. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/about/> (дата обращения: 20.03.2023)
2. Agasieva T.S. Soderzhatel'nye modeli zhurnalov dlja zhenshin: kriticheskij analiz. Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2023. № 1. S. 75 – 80.
3. Gulevskij A. Bonni Kjeshin – nezasluzhenno zabytyj dizajner, kotoraja pridumala mnogoslownost'. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/bonni-keshin-nezasluzhenno-zabytyy-dizayner-kotoraya-pridumala-mnogoslownost/> (дата обращения: 18.06.23)
4. Gulevskij A. Istorija Ally Il'chun: kak posudomojka russko-kazahskogo proishozhdenija stala muzoj Kristiana Diora i Iva Sen-Lorana. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/fashion/geroi/istoriya-ally-ilchun-kak-posudomoyka-russko-kazahskogo-proishozhdeniya-stala-muzoy-kristiana-diora-i-iva-sen-lorana/> (дата обращения: 18.06.23)
5. Gulevskij A. Kak Martin Marzhela vozglavil Hermes i stal rodonachal'nikom «tihoy roskoshi». The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/fashion/geroi/kak-martin-marzhela-vozglavil-herms-i-stal-rodonachal'nikom-tihoy-roskoshi/> (дата обращения: 18.06.23)
6. Gulevskij A. Fenomen Dzhejn Birkin: kak anglijskaja aktrisa smogla stat' «jetalnoy parizhankoy». URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/fenomen-dzhejn-birkin-kak-angliyskaya-aktrisa-smogla-stat-etalonnoy-parizhankoy>. The Symbol. URL: (дата обращения: 18.06.23)

7. Zvereva E.A. Rol' mass-media v rasprostraneni konsumerizma kak ideologii postmoderna. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2011. S. 321 – 328.
8. Zvereva E.A., Titova T.Ju. Vzaimodejstvie sovremennyh fashion-izdaniy s chitatel'skoj auditoriej: soci-okul'turnyj aspect. Cheljabinskij gumanitarij. 2022. № 1 (58). S. 46 – 55.
9. Kiuru K.V., Isakova V.A. Gljancevyj zhurnal o mode v jepohu postljuksa: diskursivnye transformacii. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2019. S. 122 – 126.
10. Konushkina A.A. Onlajn-platformy gljancevyh izdaniy kak instrument formirovaniya vzgljadov auditorii novykh media. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2022. № 1. S. 110 – 114.
11. Kto takaya Njensi Kunard – aristokratka, aktivistka i ikona stilja. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/kto-takaya-nensi-kunard-aristokratka-aktivistka-i-ikona-stilya/> (data obrashhenija: 18.06.23)
12. Kuznecova Ju.V., Kuznecova A.S. Fenomen uspeha v kontekste rossijskogo mediadiskursa (na primere gljancevyh zhurnalov). Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2023. T. 25. № 3 (90). S. 82 – 87.
13. Nadyrshina A.A. Jelitarnyj gljancevyj zhurnal o mode i stile zhizni kak instrument konstruirovaniya social'no-statusnoj identichnosti cheloveka. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2017. S. 176 – 179.
14. Neverojatnaja istorija Mitcy Brikar – pervoj muzy Kristiana Diora, kotoraja vvela v modu leopardovyj print. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/neveroyatnaya-istoriya-mitcy-brikar-pervoy-muzy-kristiana-diora-kotoraya-vvela-v-modu-leopardovyj-print/> (data obrashhenija: 18.06.23)
15. Ne stalo Mjeri Kuant. Chto nuzhno znat' o dizajnere, kotoraja podarila miru mini-jubku. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/britanskaya-koko-shanel-3-modnyh-revoljucii-meri-kuant/> (data obrashhenija: 18.06.23)
16. Radionceva E.S. Fashion-izdaniya v Internete: k voprosu o tipologicheskoj napravlenosti. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 3 (37). S. 45 – 49.
17. Rzhanova S.A. Tendencii mody v formate gljancevoj zhurnalistiki. Vestnik kul'turologii. 2022. S. 209 – 222.
18. Sevast'janova O.I. Cennostnye orientiry, transliruemye rossijskimi izdaniyami o mode (na primere zhurnala «Vogue Rossija»). Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-transliruemye-rossijskimi-izdaniyami-o-mode-na-primere-zhurnala-vogue-rossiya> (data obrashhenija: 20.03.2023)
19. Smejuha V.V., Kuz'mina O.G., Horoshevskaja Ju.P. Otrazhenie transformacii gendernyh stereotipov v sovremennyh zhenskikh zhurnalakh. Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2023. № 2. S. 60 – 79.
20. Smirnova A.A., Panteleeva T.A. Rynok gljancevyh zhurnalov Rossii: tendencii i perspektivy. Mirovyje civilizacii. 2017. T. 2. № 4. 5 s. URL: <https://wcj.world/PDF/01MZ417.pdf> (data obrashhenija: 20.03.2023)
21. Tihonova A.A., Morozova A.A. Lifestyle-izdaniya Kinfolk i Heim: otlichie zarubezhnogo i otechestvennogo podhodov k sozdaniyu zhurnalov o mode i stile zhizni. Mediasreda. 2019. S. 89 – 94.
22. Fedorova K. Zachem pisat' o politike v gljance? The Blueprint. 2022. 24 fevralja. URL: <https://theblueprint.ru/fashion/industry/politika-v-glyance>. (data obrashhenija: 20.03.2023)
23. Halgaeva D.D., Sankueva G.S. Mezhdunarodnaja gljancevaja pressa na rynke otechestvennyh SMI. Flagman nauki. 2023. №4 (4). S. 969 – 974.
24. Chto nuzhno znat' o Kiare Nirgin – izobretatel'nice, kotoraja v 16 let perevernula mir nauki i stala modnym influenserom. The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru/heroes/the-symbol/chto-nuzhno-znat-o-kiare-nirgin-izobretatelnice-kotoraya-v-16-let-perevernula-mir-nauki-i-stala-modnym-inflyuenserom/> (data obrashhenija: 18.07.23)

*Semenova M.G.,
Pskov State University*

Traditions of high-quality gloss about fashion in the domestic media on the example of The Symbol edition

Abstract: this article is devoted to the analysis of trends in the development of domestic fashion gloss in connection with changes in the Russian media system under the influence of the departure of global glossy brands from the domestic market in 2022. The relevance of the study is given by the fact that The Symbol fashion and lifestyle media became one of the first examples of gloss transformation due to changes in the media field in 2022-2023. Based on the content of the online publication, the successor of one of the most authoritative high-quality fashion magazines, the communicative nature of the modern domestic journalistic project about fashion, the degree of its compliance with the traditions of fashion journalism and the corresponding vectors of editorial policy development are determined by the method of document analysis. The conclusion is made about the typological nature of the orientation of the fashion publication on the current social agenda, about the priority of the values of elite gloss, opposing the ideology of consumerism. Following the tradition of high-quality gloss as the basis of the principles of the editorial policy of a modern fashion publication allows you to both answer the current requests of the target audience and popularize the online version of the media for a wide audience.

Keywords: fashion journalism, consumerism, editorial policy, elite gloss, fashion media, high-quality gloss

For citation: Semenova M.G. Traditions of high-quality gloss about fashion in the domestic media on the example of The Symbol edition. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 72 – 77.

Received: August 7, 2023; Revised: October 10, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Синявский А.А.,
Всероссийская академия внешней торговли*

Создание рекламного слогана в практике преподавания иностранного языка специальности

Аннотация: процесс обучения иностранному языку требует не только глубокого освоения языковых правил, но и творческого подхода к формированию уникального образа предмета. В данном контексте создание рекламного слогана становится неотъемлемой составляющей практики преподавания специальности «Иностранный язык».

Слоган – это мощный инструмент, способный не только привлечь внимание студентов, но и поддерживать их интерес к изучению языка по данной специальности. В данной статье мы рассмотрим важность разработки эффективного рекламного слогана в процессе преподавания профессионального иностранного языка. Также предоставим практические рекомендации по его созданию, поскольку специальность «Иностранный язык» предполагает не только углубленное освоение грамматики и лексики, но и формирование у студентов языковой компетенции и навыков межкультурной коммуникации.

В статье будет рассмотрена история происхождения слогана, а также основные типы и лексико-морфологические приемы его построения на примере испанского языка. Это представляет интерес в контексте практического применения при преподавании профессионального иностранного языка.

Ключевые слова: слоган, лозунг, морфология, синтаксис, продукт, целевая аудитория

Для цитирования: Синявский А.А. Создание рекламного слогана в практике преподавания иностранного языка специальности // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 78 – 81.

Поступила в редакцию: 7 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Одна из целей каждой коммерческой организации – привлечь внимание своей аудитории. Одним из основных инструментов привлечения внимания клиента является слоган – рекламный лозунг, девиз, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи. Синонимы: девиз, кричалка, лозунг, призыв, речёвка [5].

Функция слогана состоит в том, чтобы, используя одну фразу, передать основную мысль, идею, сущность компании или продукта. Эта фраза направлена на то, чтобы представлять бренд, чтобы способствовать быстрой идентификации и запоминанию продуктов и услуг потребителями.

По одной из версий, существительное «slogan» появилось в связи с изменением шотландского слова slogorn(e), имеющего значение «battle cry» (боевой клич) [6]. История знает великое множество боевых и политических девизов, берущих своё начало с незапамятных времён. Девизы были частью дворянских родовых гербов. Свои девизы имели воинские подразделения, сообщества, политические партии и т.п. В коммерческой рекламе слоган начинает применяться примерно к середине XIX века. «Veni, vidi, vici» теперь не только крылатая фраза Юлия Цезаря, но и слоган компании Мальборо.

Толковый словарь иноязычных слов даёт следующую формулировку данной лексемы. Автор полагает, что слово slogan восходит к глаголу to slog (сильно ударять), что на наш взгляд, также неплохо передаёт суть этого понятия, правда, в фигуральном значении [6].

«Удар» должен быть сильным и легко запоминающимся. Для того чтобы достигнуть этого слоган должен быть коротким. Длинные фразы гораздо сложнее запомнить. Для оптимизации запоминания рекомендуется использовать слова, которые усваиваются без труда.

Еще один атрибут слогана – это приглашение к потреблению. С этой целью широко используются глаголы, преимущественно императивные формы, поскольку императивность считается «важнейшим языковым средством, обладающим свойством убеждать потребителя» [2]. И это не просто тенденция, это одна из заповедей, с которой нужно считаться при создании слогана. Также употребляются личные формы, причастия и деепричастия, однако, слоган, начинающийся с глагола в повелительном наклонении, имеет большую силу, само сообщение строится как команда, руководство к действию:

Coca Cola: «Destapa la felicidad»

Subway: «Come fresco»

7Up: «Refréscate con 7Up»

Kit Kat: «Tómate un respiro, tómate un Kit kat»

Crush: «Atrévete con Crush»

Heineken: «Piensa en verde»
 Belmont: «Comparte su suavidad»
 Nike: «Simplemente hazlo»
 eBay: «Cómpralo. Véndelo. Ámalo.»
 Rexona: «No te abandona»
 Skype: «Todo el mundo puede hablar gratis»
 Mercado Libre: «Lo mejor está llegando»

Не менее важную роль в рекламном слогане играют имена существительные, которые напрямую или опосредованно называют рекламируемый продукт:

Telepizza: «El secreto está en la masa»
 Perrier: «Agua para ricos»
 Burger King: «Aquí tu eres el King»
 Oral-B: «La marca más usada por los dentistas»
 Renault: «El auto para vivir»
 Budweiser: «El rey de las cervezas»
 M&M: «El chocolate se derrite en tu boca, no en tu mano»

Имена существительные зачастую определяются именами прилагательными, наречиями и гораздо реже числительными, задача которых ярко и привлекательно описать предлагаемый потребителю продукт:

Ajax: «¡Más fuerte que la suciedad!»
 Banorte: «El banco fuerte de México»
 Panasonic: «Una vida mejor, un mundo mejor»
 Tía Rosa: «Por su rico sabor casero»
 Gillette: «Lo mejor que un hombre puede conseguir»
 Adidas: «Nada es imposible»
 Citroën: «Para gente encantadora»
 Banco Santander: «Justo, personal y sencillo»

В мире маркетинга существуют различные типы слоганов, хотя все они преследуют одну и ту же цель.

Описательно-информативный

Этот тип слогана обычно даёт описание деятельности или продуктов, предлагаемых компанией и объясняет, чем их продукт отличается от остальных. Если название продукта мало, о чем говорит, слоган может быть отличным вариантом, чтобы рассказать клиентам. Такой тип слогана часто используется малыми предприятиями, чтобы напрямую рекламировать предложения своим клиентам:

Wikipedia: «La enciclopedia gratuita»
 Pinol: «Pinol, Pinol, aromatiza, limpia y desinfecta.»
 Vitacilina: «En la casa, en el taller y en la oficina, tenga usted Vitacilina ¡Ah qué buena medicina!»
 MasterCard: «Hay cosas que el dinero no puede comprar. Para todo lo demás, MasterCard»

Эмоциональный

Такой слоган обычно запоминается благодаря тому, что он предназначен для того, чтобы вызвать настроение у потребителей, отходит от описания и информации, чтобы уделять больше внимания ценностному предложению бренда. В последнее время маркетологи всё больше склоняются к тому, что эмоциональный маркетинг является более эффективным, чем другие формы маркетинга, поскольку эмоции часто влияют на наши решения, мотивируют потребителей на конкретные действия [1; 8].

Эмоциональный слоган будет побуждать людей покупать товар или услугу, воздействуя на чувства:

Turismo de España: «España es diferente»
 Arcor: «Momentos mágicos»
 Bic: «*No sabe fallar*»
 Herdez: «Hechos con amor»
 L'Oréal: «Porque tú lo vales»
 Nescafé: «Despierta a la vida»

Креативный

Креативные лозунги обычно сочетаются с уже существующими фразами, такими как высказывания или стихи, что помогает сделать их более запоминающимися в сознании потребителей. Это самые сложные лозунги для создания, поскольку они строятся на коллективных (культурных; фоновых) знаниях с использованием лексических единиц с ярко выраженной национально-культурной семантикой.

В книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» фоновые знания определяются как «общие для участников коммуникативного акта» [4]. Иными словами, это та общая для коммуникантов информация, которая обеспечивает взаимопонимание при общении.

Надо отметить, что иногда представляется сложным построить чёткую границу между креативным и эмоциональным типом слогана.

KFC: «Para chuparse los dedos»

Allstate: «Estás en buenas manos»

Red Bull: «Red Bull te da alas»

Dollar Shave Club: «Ahorra tiempo. Ahorra dinero»

Vino Toro: «Al pan, pan. Y al vino, Toro»

Целевой

При создании слогана большое значение имеет адресат, т.е. [3; 7]. В этом случае делается прямая ссылка на тип клиентов, целевой продукт или услугу бренда:

Avon: «Una empresa para la mujer»

Gillette: «Lo mejor para el hombre»

Beetle: «Un auto para niñas»

Brut: «Para hombres de verdad»

Purell: «El lavado de manos para flojos»

Huggies: «Hace bebés felices»

В плане вышесказанного рассмотрим возможность использования теории создания слогана в практике преподавания иностранного языка специальности. Урок рассчитан на студентов, изучающих экономику, менеджмент, рекламу, и владеющих испанским языком на уровне B2. Цель урока – познакомить студентов с понятием термина «слоган», рассмотреть его основные типы и лексико-морфологические приёмы построения, а также, повторить такие грамматические темы как сравнительная и превосходная степень прилагательных и наречий и повелительная форма глагола в испанском языке.

Примерный план работы:

1. Даём определение понятия «слоган», обсуждаем его особенности и приводим примеры на испанском языке. Затем разбиваемся на группы.

2. Каждая группа выбирает какой-нибудь бренд, фирму или продукт (реальный или выдуманный) для которого будет придумывать слоган.

3. Определяем цель слогана, т.е., составляем список того что мы хотим выделить. Это должно быть что-то очень специфическое, как выгода, качество или дифференцирующий фактор. Составляем списки со словами, которые относятся к рекламируемому продукту: прилагательные, глаголы или существительные.

Начинать лучше с наиболее распространенных прилагательных и их антонимов, которые наиболее подходят под тип выбранного продукта. Например, для парфюмерной продукции уместны такие прилагательные как: *floral, afrutado, seductor, discreto, ligero, sensual, sutil, fino* и т.п.

Глаголы должны быть связаны с действиями, которые клиент собирается предпринять с вашим продуктом, и о том, что он может чувствовать и делать дальше. Если речь идёт о продуктах питания, то подойдут такие глаголы как: *probar, saborear, apreciar, degustar, disfrutar*.

Наконец, говоря о существительных, тут нужно выбрать всё, что входит в парадигму рекламируемого товара или услуги. Например, для магазина электробытовых приборов: *variedad de modelos, precios atractivos, servicio post-venta, experiencia, servicio a medida, personal cualificado, diseño, sencillo manejo, surtido, entrega a domicilio*.

4. Начинаем строить фразы. Нужно составить разные категории фраз, одни - с названием бренда/продукта, другие, с использованием слов, обозначающих действия, и третий список – с соединительными словами. Затем можно их соединить.

В процессе придется фильтровать слова и добавлять новые, пока не будут найдены те, которые действительно идентифицируют то, что мы хотим передать.

5. Заключительный этап – голосование. Каждая группа представляет свой слоган, а независимое жюри определяет победителя.

Задание можно усложнить, если целью будет создание креативного слогана. Это потребует от студентов знание лингвокультурологических особенностей языка.

Литература

1. Акулич М.В. Эмоциональный маркетинг. Изд. Ridero, 2022. 178 с. ISBN 978-5-4490-3562-2
2. Арямова Ю.С. Императив в тексте печатной рекламы [Электронный ресурс]: http://www.rusnauka.com/15_APSN_2011/Philologia/7_85393.doc.htm (дата обращения: 07.06.2023)
3. Бове К.Л., Аренс У.Ф. Современная реклама. Тольятти: Изд. Дом Довгань, 1995. 180 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Страноведение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Язык, 1990. С. 246.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
6. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 479 с..1999.
7. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие; Флинта, Наука; Москва, 2010. 104 с.
8. Marketing emocional: Qué es, ventajas y cómo implementarlo [Электронный ресурс]: <https://www.questionpro.com/blog/es/marketing-emocional/> (дата обращения: 07.06.2023)

References

1. Akulich M.V. Jemocional'nyj marketing. Izd. Ridero, 2022. 178 s. ISBN 978-5-4490-3562-2
2. Arjajmova Ju.S. Imperativ v tekste pechatnoj reklamy [Jelektronnyj resurs]: http://www.rusnauka.com/15_APSN_2011/Philologia/7_85393.doc.htm (data obrashhenija: 07.06.2023)
3. Bove K.L., Arens U.F. Sovremennaja reklama. Tol'jatti: Izd. Dom Dovgan', 1995. 180 s.
4. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura: Stranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. M.: Jazyk, 1990. S. 246.
5. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov. M.: Jeksmo, 2008. 944 s.
6. Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. Sovremennyj jekonomicheskij slovar'. 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M. 479 s..1999.
7. Serdobinceva E.N. Struktura i jazyk reklamnyh tekstov: uchebnoe posobie; Flinta, Nauka; Moska, 2010. 104 s.
8. Marketing emocional: Qué es, ventajas y cómo implementarlo [Jelektronnyj resurs]: <https://www.questionpro.com/blog/es/marketing-emocional/> (data obrashhenija: 07.06.2023)

*Sinyavsky A.A.,
All-Russian Academy of Foreign Trade*

Creation of an advertising slogan in the practice of teaching a foreign language specialty

Abstract: the process of learning a foreign language requires not only deep mastering of language rules, but also a creative approach to the formation of a unique image of the subject. In this context, the creation of an advertising slogan becomes an integral part of the practice of teaching the specialty “Foreign language”.

A slogan is a powerful tool that can not only attract the attention of students, but also maintain their interest in learning a language in this specialty. In this article, we will consider the importance of developing an effective advertising slogan in the process of teaching a professional foreign language. We will also provide practical recommendations for its creation, since the specialty “Foreign Language” involves not only in-depth mastering of grammar and vocabulary, but also the formation of students’ language competence and intercultural communication skills.

The article will consider the history of the origin of the slogan, as well as the main types and lexicomorphological techniques of its construction using the example of the Spanish language. This is of interest in the context of practical application in teaching a professional foreign language.

Keywords: slogan, banner, morphology, syntax, product, target audience

For citation: Sinyavsky A.A. Creation of an advertising slogan in the practice of teaching a foreign language specialty. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 78 – 81.

Received: August 7, 2023; Revised: October 10, 2023; Accepted: November 24, 2023.

**Таджибова З.Т., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства**

Отражение концепта *свадьба* в лезгинской, русской и английской языковой картине мира

Аннотация: цель исследования – выявление универсальных и уникальных особенностей свадебных обрядов исследуемых языков и культур. В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ культурного концепта СВАДЬБА в зеркале фразеологической картины мира лезгинского, русского и английского языков. В статье изучаются особенности языковых средств объективизации культурного концепта СВАДЬБА. В ходе анализа выявляются тематические подгруппы: предсвадебный период, период совершения свадебного обряда и период замужества на примере материала лезгинского, русского и английского языков. Раскрываются универсальные и культурно-специфические признаки концепта «свадьба» в языковой картине мира. **Научная новизна** заключается в развитии понятия и восприятия обрядовых фразеологических единиц, которые имеют важное значение в формировании языковой картины мира и позволяют нам получить более полное представление о культуре, традициях и ценностях.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, провести анализ особенностей языков средств, в частности таких важнейших составляющих языка как обрядовые фразеологические единицы в разноструктурных языках; во-вторых, раскрыть уникальные и универсальные черты концепта СВАДЬБА в системе ценностей и культур лезгинского, русского и английского языков.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения реализации концепта СВАДЬБА в языковых картинах разных народов, что раскрывает культуру и обычаи народов, так как фразеологические единицы наиболее ярко отражают особенности их мировоззрения. Например, в свадебных обрядах лезгинского народа могут использоваться фразеологические выражения, которые отражают их представления о семейных ценностях, религиозных верованиях и традициях. Аналогично, в свадебных обрядах английского и русского народов могут быть использованы фразеологические единицы, отражающие их уникальные представления о браке, любви и семейной жизни.

Ключевые слова: концепт; обряды и традиции, языковая картина мира, фразеологические единицы

Для цитирования: Таджибова З.Т. Отражение концепта *свадьба* в лезгинской, русской и английской языковой картине мира // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 82 – 87.

Поступила в редакцию: 7 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 11 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

Материалом исследования послужили фразеологические единицы с компонентом «свадьба», отобранные из соответствующих словарей русского, лезгинского и английского языков методом сплошной выборки [1, 4, 6, 12].

В исследовании применяются следующие **методы исследования**: вариационный метод, компликативный метод, метод фразеологического анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Для комплексного изучения характерных особенностей фразеологических единиц, применялся вариационный метод. В качестве метода также использовался компликативный метод, так как изучались семантические и функциональные особенности фразеологизмов. При выявлении основных признаков плана содержания и плана выражения, применялся метод фразеологического анализа. Сравнительно-сопоставительный метод использовался с целью выявления в исследуемых языках общих и отличительных свойств и признаков.

Теоретической базой исследования послужили публикации как отечественных, так и зарубежных авторов, в которых четко обозначено мнение о том, что культурно-историческое развитие народа на определенных этапах формирует национальную лингвокультуру этноса [2, 3, 9, 11].

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы на занятиях по контрастивной лингвистике, культурологии, а также помочь в составлении лингвокультурных словарей.

Обсуждение и результаты

Каждый этнос имеет свою уникальную систему ценностей, верований и взглядов на мир, которая отражается в его обычаях и обрядах. Обычаи и обряды являются важной частью культуры народа и выполняют роль символов и выражений его мировоззрения.

В ходе исторического развития народы проходят через различные этапы, которые оказывают влияние на их духовную культуру. Например, изменения в политической системе, социальной структуре или экономике могут привести к изменению ценностей и взглядов на мир у этноса. Эти изменения не могут не отразиться на языке народа. Язык является основным средством коммуникации и выражения мыслей, поэтому он непосредственно связан с мировоззрением этноса. В лексике и фразеологии народа отражены его особенности, уникальные представления о мире, ценностях, религии, традициях и обычаях.

В работе рассматриваются особенности концептуализации и вербализации концепта «Свадьба» в разных языковых картинах мира. В ходе анализа нами были выделены следующие тематические подгруппы фразеологических единиц: предсвадебный период, период совершения свадебного обряда и период замужества.

Прощание с родительским домом и с холостяцкой жизнью, и по сей день является неотъемлемой частью предсвадебно-бытовой обрядности. Нами были выявлены ФЕ, имеющие в своей основе прототип «девичник», например, фразеологизм английского языка «hen party» имеет аналог «мылом кидать» в русском языке и «рушарин межлис» в лезгинском языке. «Hens party» или «Hens night», дословно «куриная вечеринка» этот девичник, на который собираются подружки невесты перед свадьбой. «Hens party» – это сугубо женская вечеринка, на которой подружки устраивают веселые проводы незамужней жизни, рады за невесту и желают ей счастья замужем.

У лезгин девичник устраивался в доме невесты. Девичник состоял из близких родственниц и подруг невесты, с обязательным угощением и назывался «тухузвай рушан квалевилик квай нянихь рушарин междис» (досл. «вечернее собрание девушек перед домом невесты»). Примеры, обнаруженные в английском и лезгинском языках, являются полными семантическими эквивалентами. В русском языке ФЕ «мылом кидать» отличается по значению, и связан с обрядом гадания. Так, перед свадьбой невеста мылась в бане мылом, присланным суженым. Что интересно, особенную роль в свадебных обрядах играло именно это мыло. Невеста, помывшись мылом, которое ей подарил жених, бросала его через плечо вместе с веником и лентой из косы, и та подружка, которой удавалось поймать один из этих предметов, согласно поверьям, должна была в скором времени тоже выйти замуж [8].

Эквивалентом женского рода – «hen party», «hen night» – «вечер курочек», девичник является ФЕ мужского рода – «stag party» – «олений вечер», мальчишник. Это выражение пришло из США в середине XIX в. Оно относится к вечеринке, на которой присутствуют только мужчины, и которая обычно устраивается накануне свадьбы одного из присутствующих [10].

По Русским традициям мальчишник (пирушка жениха с товарищами) устраивался накануне свадьбы в доме жениха. На мальчишник собирались друзья жениха, чтобы провести с ним холостяцкую жизнь. Обряд не носит обязательный порядок и не всегда соблюдается, в отличие от девичника.

Что касается лезгинских традиций, то перед свадьбой жених со своими друзьями шел купаться на реку, после чего его одевали в свадебную одежду, и он уходил в дом самого близкого родственника, где веселье шло отдельно, для узкого круга.

В данной подгруппе встречается либо частично эквивалентная лексика, либо безэквивалентные ФЕ. Таким образом, все приведенные фразеологизмы имеют одно и то же значение «девичник»/ «мальчишник», но этот обряд концептуализирован по-разному.

Сходными по семантическому компоненту являются ФЕ английского языка «offer smb. one's hand», «win smb's hand/win smb's heart» (досл. «предложить кому-л. руку»; «завоевать чью-л. руку/ завоевать чье-л. сердце»), ФЕ русского языка «просить руки с сердцем», «сделать предложение» и ФЕ лезгинского языка «гаф къачун» (досл. «слово взять») сделать предложение. Они включают в себя общий прототип «предложить выйти замуж». Английские и русские примеры содержат соматизмы «рука» и «сердце», которые символизируют супружескую жизнь, любовь и верность. В лезгинской культуре, основанной на горских обычаях, одним из главных качеств было умение держать данное обещание и отвечать за сказанное, поэтому такое важное значение вкладывается в лексему «слово». Дав слово, девушка не может его забрать и нарушить обещание и наоборот взяв слово, мужчина не может его вернуть и тем самым опозорить свой род.

В некоторых лезгинских семьях назначался специальный день для обручения «лишан ктун» (досл. «метку ставить»). В своем значении фразеологизм отражает представления лезгин о чести и достоинстве девушки, если на ней «метка» значит она занята, засватана и становится запретной для всех остальных ухажеров. Родители жениха приносили подарки невесте и ее близким родственникам (матери, отцу, родным братьям и

сестрам). В день помолвки приходили гости со стороны жениха с музыкой и танцами, дарили подарки и часть выкупа, надевали кольцо на палец невесты «тупал кутун», что означало совершение обряда обручения, и невеста считалась окончательно засватанной.

Особый интерес представляет тематическая подгруппа, в основе которой лежат прототипы, указывающие на участников свадебного торжества. К ним относятся жених и невеста, имеющие в своей основе прототипы «будущая жена»/ «невеста» и «будущий муж»/ «жених». При анализе фразеологизмов английского языка обнаружены ФЕ «Mrs. Right» и «Mr. Right», в русском самым ярким примером является: «молодая княгиня» и «молодой князь», в лезгинском «хъвехъ» (сосватанная девушка), «ччам» (жених). В английском языке также употребляется ФЕ «one's old Dutch» (супруга, жена, букв. «ч-л старая голландка»). Это выражение связано с рифмованным сленгом кокни и не имеет ничего общего с голландцами. Также, в ходе анализа нами была обнаружена сходная по семантике и по структуре ФЕ «one's good lady» (супруга, жена). Данные ФЕ не нашли аналогов в русском языке. Однако в лезгинском языке есть выражение «я къари» (букв. «моя старушка» - обращение к жене) и «я къуджа» (букв. «мой старик» обращение к мужу), и здесь нам представляется возможным провести параллель в лезгинском и английском языках, так как оба выражения содержат компонент, связанный со старостью.

ФЕ английского языка «maids of honour» (букв. «слуги чести») имеет значение подруги невесты, а также родственники невесты, охраняющие брачное ложе до прихода молодых, родственники невесты, дети со стороны родных невесты и т.д. В лезгинском языке друзей жениха называют «енгияр», «наибар», у кубинских лезгин еще «пакаул». Объяснить значение последнего слова можно, разложив его по морфемному составу, где «пакам» означает «утро», «ул» переводится как «глаз». Таким образом, друг или охрана жениха ничто иное как «утренний глаз», следящий за соблюдением всех горских адатов. Невесту именуют: «свас», а ее подруг – «наибар», «енгияр».

Друзей жениха в лезинском языке называют «чамран дустар». Следует отметить, что в связи с многочисленными свадебными традициями у лезгин также много участников этих обрядов, причем каждый имеет свое название и выполняет определенные функции до, во время и после свадьбы. Например, традиция, согласно которой избирали главного тамаду, который именовался «шах маджлис». «Шах маджлис» следил за порядком на свадебном торжестве.

Среди примеров английского и русского языков нами были выявлены ФЕ «bridal party» (родственники невесты, а также гости со стороны невесты) и сходная по семантике ФЕ «свадебный поезд» (вереница саней или телег, едущая за невестой). Эти ФЕ сходны по своей внутренней форме и имеют более широкое значение нежели ФЕ лезгинского языка, где нет общего названия для свиты невесты, но есть отдельные участники обряда. Так, в состав свадебной свиты входили самые близкие люди, в том числе и сестра жениха «гъенге вах». В отличие от других женщин - родственниц, она одевала красный платок как символ любви и несла зеркало как символ чистоты.

Неотъемлемым атрибутом свадебных торжеств у лезгин являлись скачки – «ччамар чукурун» (букв. «скачки жениха»). Еще с вечера хозяин свадьбы сообщал тем, кто будет участвовать на скачках «ччамариз фидайбуруз т1вар – яда». С каждой стороны назначались организаторы и контролеры свадебных мероприятий, которых называли «чархачияр». Чтобы отличить «чархачи» от других участников, на их шею надевают женский головной убор («буьшме»), или дорогие материи красного цвета.

Прослеживается четкая связь сопоставляемых выше примеров, дающих описание родственников невесты, с ФЕ, характеризующими родных со стороны жениха, аналоги которых обнаруживаются в русском и лезгинском языках. Выражения русского языка «средние бояре» (свита жениха) и «большие бояре» (свидетели со стороны жениха) имеют аналог «ччамран дустар» (дружки жениха) и «ччамран нийибар» (свидетели жениха) в лезгинском языке. Таким образом, можно утверждать, что прототипы «свидетель», «свидетельница», «родные жениха», «родные невесты», безусловно, находят свое отражение в анализируемых нами единицах английского, русского и лезгинского языков, но в лезгинском языке больше участников обрядов и соответственно лексем их обозначающих.

С бракосочетанием связано еще несколько пословиц и поговорок. У англичан есть такие выражения, обозначающие женитьбу, как «tie the knot» и «binding promise» (букв.: «затянуть узел» и «связывающее обещание»), которые восходят к древней традиции: во время церемонии вокруг руки жениха и невесты завязывали узел, который служил метафорой семейных уз, связывающих новобрачных.

Прототип «счастливая пора новобрачных» является фундаментальным для третьей тематической подгруппы фразеологизмов «honeу moon» (английский язык), «медовый месяц» (русский язык). Выражение «медовый месяц» (в значении «первый месяц брачной жизни») проникает в русский литературный язык из французского или английского языков в начале XIX в. Оно является переводом английского «honeу moon» или французского «la lune de miel». После свадебного торжества молодожены отправляются в медовый

месяц. Он называется «Honeymoon» не просто так. Раньше свадебные традиции Великобритании предполагали, что после свадьбы молодожены должны месяц (moon- лунный месяц) пить напитков из меда, отсюда и пошло название. В лезгинском языке данная ФЕ не представлена.

Далее рассмотрим ФЕ, которые входят в исследуемую группу: «похмельный стол» (угощение, которое готовит невеста наутро после свадебной церемонии) в русском, «wedding breakfast» (букв. «свадебный завтрак») в английском и «сусан суфра» (букв. «скатерть невесты») в лезгинском языках. Русский фразеологизм связан с тем, что накануне могли употреблять алкоголь, поэтому с утра все гости нуждались в опохмелении. В лезгинской традиции послесвадебные обряды содержат в себе несколько компонентов. Прежде всего это утренние угощения и традиционное дагестанское блюдо – «сусан хинкляр» - хинкал, который должна приготовить невеста, а также традиционного лезгинское угощение «иситла» (мучная халва, приготовленная по особому рецепту). Этот обряд имеет название «сусан суфра /сусар сундук» (букв. «скатерть невесты/ сундук невесты»). Он связан с традицией угощать сладостями, дарить подарки из сундука, который сторона невесты отправляет в день свадьбы. На утро после свадьбы сторона жениха приходит поздравить и обе стороны обмениваются подарками. Также частью послесвадебной церемонии являлось шествие молодой жены за водой на родник в окружении близких родственниц «булахтал фин». Во время этого обряда невесте указывают место расположения родника. Сопровождается этот обряд веселыми песнями и танцами. Еще одна лезгинская традиция. Через два-три месяца, иногда через год, родители девушки звали в гости молодых, угощали и одаривали их. Их радушно принимали, угощали и наделяли подарками. Молодая жена оставалась у родителей несколько дней. В обратный путь родственницы провожали ее с многочисленными подарками. С этого дня молодожены могли свободно вместе посещать родных.

Заключение

Сопоставительный анализ показал наличие универсальных и культурно- специфических признаков, обуславливающих появление лакун. Ключевые слова метаязыка культуры, имеющиеся в любом языке, актуальные для каждого человека, включают такие понятия как семья, брак, любовь, уважение, традиции и многое другое. Изучение фразеологии связано с анализом этих культурных концептов, так как фразеологические единицы являются знаковым выражением этих концептов. Они выражают специфические особенности и представления народа о свадьбе, семейной жизни и роли супругов.

Так, в менталитете лезгинского народа обнаруживается приверженность к многовековым традициям, сохраняющимся и по сей день, и в определенных моментах, резко отличающихся от других культур насыщенностью свадебных обрядов и большим количеством участников торжества. Культура английского народа, напротив, ориентирована на динамичность и бурное развитие всех сфер человеческой деятельности. В русской языковой картине мира концепт СВАДЬБА сочетает в себе так элементы древнерусской традиции, так и заимствования из других языков, и культур.

Следует отметить общую для исследуемых языковых картин высокую ценность духовных аспектов личности, лежащую в основе концепта СВАДЬБА. Понятие и восприятие обрядовых фразеологических единиц играет важную роль в формировании языковой картины мира. Таким образом, изучение культурного концепта «Свадьба» расширяет наши знания о различных аспектах свадебного обряда и семейной жизни и позволяет нам лучше понять, как эти аспекты отражаются в языке и мышлении людей.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении культурного концепта СВАДЬБА в каждом из исследуемых языков с выездом в разные регионы для сбора полевого материала и ознакомления с особенностями свадебных обрядов и их отражением языковой системе, а также сопоставлением полученных результатов как внутри так и между представленными лингвокультурами.

Литература

1. Адамчик Н.В. Англо-русский словарь: 50 000 сл.: геогр. назв., спец. лексика фразеология, пословицы и поговорки. Минск: Харвест, 2003. 559 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань: Казан, гос. ун-т, 2006. 172 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
4. Гюльмагомедов А.Г. Фразеологический словарь лезгинского языка. Махачкала, 1975. 136 с.
5. Караханов С.С. Брак и свадебная обрядность лезгин-карчагцев в XIX-XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2017. Вып. 3 (204). С. 47 – 57.

6. Квеселевич Д.И. Современный русско-английский фразеологический словарь: свыше 5000 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ, 2005. 620 с.
7. Ризаханова М.Ш. Лезгины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005. 314 с.
8. Соколова А.Л. Традиции русской народной свадьбы, 2015. URL: <https://mir-knigi.net/books/raznoe/56495-tradicii-russkoi-narodnoi-svadby.html>
9. Труфанова Л.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. С. 196 – 202.
10. English-Russian dictionary of expressions, 2023. URL: https://set_expressions_en_ru.academic.ru/
11. Evans V. How Words Mean. New York. OUP. 2009. 396 p.
12. John A. The Oxford dictionary of idioms. Oxford University Press. 2020. 429 p.

References

1. Adamchik N.V. Anglo-russkij slovar': 50 000 sl.: geogr. nazv., spec, leksika frazeologija, poslovice i pogovorki. Minsk: Harvest, 2003. 559 s.
2. Arsent'eva E.F. Frazeologija i frazeografija v sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov). Kazan': Kazan, gos. un-t, 2006. 172 s.
3. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. M.: Russkij jazyk, 1990. 246 s.
4. Gjul'magomedov A.G. Frazeologičeskij slovar' lezgin'skogo jazyka. Mahachkala, 1975. 136 s.
5. Karahanov S.S. Brak i svadebnaja obrjadnost' lezgin-karchagcev v XIX-XX vv. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1, Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija, 2017. Vyp. 3 (204). S. 47 – 57.
6. Kveselevich D.I. Sovremennyj russko-anglijskij frazeologičeskij slovar': svyshe 5000 frazeologizmov. M.: Astrel': AST, 2005. 620 s.
7. Rizahanova M.Sh. Lezginy XIX – nachala XX v. Istoriko-jetnografičeskoe issledovanie. Mahachkala: Jepoha, 2005. 314 s.
8. Sokolova A.L. Tradicii russkoj narodnoj svad'by, 2015. URL: <https://mir-knigi.net/books/raznoe/56495-tradicii-russkoi-narodnoi-svadby.html>
9. Trufanova L.A. Nacional'no-kul'turnaja specifika frazeologizmov (na materiale frazeologičeskijh edinic neantropocentričeskijh napravlenosti v anglijskom i russkom jazykah). Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena, 2009. S. 196 – 202.
10. English-Russian dictionary of expressions, 2023. URL: https://set_expressions_en_ru.academic.ru/
11. Evans V. How Words Mean. New York. OUP. 2009. 396 r.
12. John A. The Oxford dictionary of idioms. Oxford University Press. 2020. 429 p.

*Tadzhibova Z.T., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University of National Economy*

Reflection of the concept wedding in the Lezgin, Russian and English language picture of the world

Abstract: the purpose of the study is to identify the universal and unique features of wedding rites in the languages and cultures under study. The article provides a comparative analysis of the cultural concept WEDDING in the mirror of the phraseological picture of the world of the Lezgin, Russian and English languages. The article studies the features of linguistic means of objectification of the cultural concept WEDDING. The analysis identifies thematic subgroups: the pre-wedding period, the period of the wedding ceremony and the period of marriage using the example of material from the Lezgin, Russian and English languages. The universal and culturally specific features of the concept “wedding” in the linguistic picture of the world are revealed. Scientific novelty lies in the development of the concept and perception of ritual phraseological units, which are important in the formation of a linguistic picture of the world and allow us to gain a more complete understanding of culture, traditions and values.

To achieve this research goal, it is necessary to solve the following problems: first, to analyze the features of language means, in particular such important components of the language as ritual phraseological units in differently structured languages; secondly, to reveal the unique and universal features of the WEDDING concept in the system of values and cultures of the Lezgin, Russian and English languages.

The relevance of this study lies in the need to study the implementation of the WEDDING concept in the linguistic pictures of different peoples, which reveals the culture and customs of peoples, since phraseological units most clearly reflect the features of their worldview. For example, in the wedding ceremonies of the Lezgin people, phraseological expressions may be used that reflect their ideas about family values, religious beliefs and traditions. Similarly, in the wedding ceremonies of the English and Russian peoples, phraseological units can be used that reflect their unique ideas about marriage, love and family life.

Keywords: concept; rituals and traditions; linguistic picture of the world; phraseological units

For citation: Tadzhibova Z.T. Reflection of the concept wedding in the Lezgin, Russian and English language picture of the world. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 82 – 87.

Received: August 7, 2023; Revised: October 11, 2023; Accepted: November 24, 2023.

**Фроликова Е.Н., старший преподаватель,
Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина**

Роль кино в неформальном изучении иностранных языков, в частности немецкого

Аннотация: в статье исследуется роль фильмов при изучении иностранных языков, в том числе и немецкого языка. Рекомендованы наиболее подходящие фильмы для изучения немецкого языка.

Актуальность проблемы связана с тем, что в вузах и школах происходит смена парадигмы: в прошлом книги были основным средством доступа к культуре и языку. В настоящее время экран все больше вытесняет книги. В мире, где Интернет и экран монополизируют жизнь людей, мы предполагаем, что фильм, транслируемый на YouTube и/или по телевидению может стать идеальным средством для изучения иностранных языков в рамках неформальной педагогики.

Цель статьи продемонстрировать, что фильмы, просмотренные на иностранном языке, могут способствовать развитию у учащихся лингвистических, культурных и художественных навыков, а также закреплению навыков, полученных в процессе формального обучения.

Использование кинофильмов становится обычной практикой на занятиях по иностранному языку. Кино рассматривается как объект интереса и мотивационный триггер для овладения языком, и представляет собой важный культурный инструмент для изучающих иностранный язык, позволяющий погрузиться в ритуалы общества через образы, звук и персонажей.

Ключевые слова: фильм, немецкий язык, изучение, интернет, медиа, новые слова

Для цитирования: Фроликова Е.Н. Роль кино в неформальном изучении иностранных языков, в частности немецкого // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 88 – 91.

Поступила в редакцию: 7 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 2023 г.

Очень заманчивая идея – иметь возможность изучать иностранный язык совершенно пассивно или исключительно с помощью иноязычных фильмов или сериалов. На самом деле изучение языка – это не скучно и не всегда просто развлечение и игра [7]. Кино можно использовать не только как развлечение. В фильмах других стран вы услышите естественный язык с аутентичной лексикой и сленгом и научитесь ассоциировать определенные слова и выражения с соответствующим им языком.

1. Найти подходящий фильм или сериал. Для изучения или совершенствования иностранного языка с помощью фильмов и сериалов выбор фильма или сериала почти так же важен, как и способ их просмотра. Если фильм вам понравился, это еще не значит, что он подходит для помощи в изучении языка. Конечно, следует выбирать фильмы, от просмотра которых вы получаете удовольствие, чтобы не терять мотивации. Но если Вы еще только начинаете изучать язык, возможно, лучше начать с фильма или сериала, сюжет которого Вам уже известен. Или можно заранее ознакомиться с сюжетом и персонажами, чтобы не потерять нить разговора во время просмотра.

Нужно учитывать уровень сложности диалогов [3]. Например, если вы хотите выучить иностранный язык, но еще только начинаете, то для практики особенно подходят детские фильмы и сериалы [6]. В этих фильмах более простая лексика. Если же детские фильмы Вам не по душе, то легкая комедия или романтическая комедия может оказаться более удачным выбором, чем захватывающий и сложный психологический триллер, который уже сам по себе сложен для понимания.

2. Субтитры. Дискуссия о том, стоит ли смотреть фильмы и сериалы на иностранных языках с субтитрами или с дубляжом, возникает снова и снова. Субтитры – это как тренировочные колеса, которые помогают удержать равновесие в новом языке, даже если они предназначены лишь для временной поддержки.

На этом этапе следует также подчеркнуть, насколько важно повторение при изучении иноязычных фильмов и сериалов. Однократный просмотр фильма, скорее всего, не даст желаемого результата. Полностью пересмотрите фильм без субтитров и проверьте, насколько хорошо вы поняли его с первого раза, посмотрев его еще раз с субтитрами. А затем, через некоторое время, посмотрите фильм в третий раз, уже без субтитров. Лучше всего выбрать фильм, который вы знаете, что действительно сможете посмотреть несколько раз.

3. Смотреть кусочками. Вы не в кинотеатре и не обязаны смотреть весь фильм за один раз. На самом деле, для мозга будет лучше, если вы будете переваривать его кусочками. Для достижения обучающего эффекта необходимо смотреть фильм с гораздо большей осознанностью и концентрацией, чем для развлечения.

ния [4]. Поэтому постарайтесь разделить фильм на 20-30-минутные отрезки. Это поможет обработать увиденное (и пересмотреть непонятные с первого раза фрагменты). Сериалы особенно удобны тем, что они уже разделены на эпизоды. Постарайтесь определить, сколько времени вы реально сможете внимательно смотреть, и регулируйте свои отрезки индивидуально.

4. Делайте заметки. Записывание информации помогает лучше ее запомнить. Кроме того, записывая услышанное, вы еще более интенсивно тренируете слуховое восприятие. Не обязательно записывать все идеально и тем более правильно. Просто начните записывать все, что слышите. Затем вы можете еще раз просмотреть отрывок с субтитрами и проверить, как у вас получилось. Сравнение вашей первой записи с правильным вариантом поможет вам выявить проблемы в восприятии речи на слух. Кроме того, пробуя язык на практике, вы узнаете, как он произносится.

В качестве дополнительного бонуса вы можете записывать новую лексику, встречающуюся вам в процессе просмотра фильма [2]. Медиа – это отличный способ открыть для себя незнакомые слова или разговорные выражения, которые иначе вы бы не узнали.

5. Сделать перерыв. Если мозг устал, позвольте себе просто насладиться фильмом и погрузиться в действие. Таким образом, вы познакомитесь с содержанием и будете лучше подготовлены к следующему разделу фильма.

Какие сериалы и фильмы подходят для изучения немецкого языка?

Зачем изучать немецкий язык с помощью фильмов? Существует множество причин, по которым рекомендуется изучать немецкий язык с помощью фильмов:

- Вы тренируете свое слуховое восприятие в реальных ситуациях (потому что в немецких фильмах говорят так, как на самом деле говорят в Германии).
- Вы узнаете о немецкой культуре
- Вы изучите повседневные выражения и разговорный язык
- Вы можете смотреть фильмы на темы, которые вас в любом случае интересуют.

Чтобы добиться действительно быстрого прогресса на уроках немецкого языка, улучшить свою память, расширить словарный запас, а также улучшить свои навыки аудирования и произношения, лучшим решением будет войти в немецкую среду и полностью овладеть языком [5]. Но для этого вам не обязательно отправляться в дорогостоящее путешествие! Помимо различных приложений для изучения немецкого языка на смартфоне, иногда бывает достаточно посмотреть дома на диване фильм на оригинальном немецком языке (с немецкими субтитрами) [7]. Постепенно вы будете понимать фильмы все лучше и лучше. Вот небольшая подборка немецких фильмов, которые помогут вам улучшить свой немецкий:

1. **Good Bye, Lenin! (2003) (Прощай, Ленин!)**

Фильм, снятый Вольфгангом Бекком в 2003 году, рассказывает о семье, которая стала свидетелем перехода ГДР в ФРГ, и вызвал много смеха и слез не только в немецких кинотеатрах. История: Мать Алекса впадает в кому незадолго до переломного момента (и падения Берлинской стены) и не в курсе исторических событий, происходящих в Берлине. Поскольку в ближайшие месяцы ей предстоит нервничать, Алекс решает показать ей, что ничего не произошло и что Восточная Германия все еще существует. Все по-старому!

Комедия "До свидания. Ленин!" основан на безрассудных попытках Алекса возродить Восточную Германию для своей матери. Тематика не слишком сложна, и даже новички могут посмотреть этот фильм на языке оригинала.

Таким образом, вы узнаете не только немного об истории Германии, но и много новых слов, которые немцы используют в повседневной жизни (или, возможно, использовали в ГДР?).

2. **Das Leben der Anderen (2006). (Жизни других).**

"Жизни других" были сняты Доннерсмарком в 2006 году под руководством режиссера Флориана Хенкеля. Настоящая жемчужина немецкого кинематографа, он ярко изображает жизнь людей в бывшей Восточной Германии 1980-х годов с точки зрения агента Штази, печально известной государственной полиции ГДР. Но почему вы должны смотреть этот фильм, чтобы выучить немецкий? С одной стороны, вы познакомитесь с новым словарным запасом, который часто встречается в повседневной немецкой жизни и который очень полезен. С другой стороны вы также можете немного освежить свои исторические и культурные знания [8].

3. **Der Untergang (2004) (Бункер)**

Этот фильм Оливера Хиршбигеля 2004 года рассказывает о последних днях Адольфа Гитлера, личности, которая и сегодня продолжает очаровывать массы (хотя и самым негативным образом).

Тот, кто посмотрит "Гибель", узнает кое-что о ситуации в Германии в последние недели войны, а также о внутреннем мире человека, который потерял все.

Кроме того, вы можете выучить специальную военную.

4. Das Wunder von Bern (2003)

Этот фильм 2003 года также был снят под руководством Сенке Вортманна.

История: В 1954 году, вскоре после Второй мировой войны, сборная Германии сражается за титул чемпиона мира в Швейцарии. В то же время отец возвращается к своей семье после 10 лет пребывания в советском военном плену.

Когда ты смотришь этот фильм, ты изучаешь не только спортивный словарь (особенно футбол очень популярен в Германии), но и многое узнаешь о состоянии дел в послевоенной Германии.

Идеальный фильм для изучения немецкого языка, особенно для любителей футбола!

5. Der Himmel über Berlin (1987) (Небо над Берлином).

Эта фантастическая драма, снятая в 1987 году режиссером Вимом Вендерсом, представляет собой немецко-французскую постановку, снятую в черно-белых тонах. Тот, кто интересуется Берлином и фэнтези, не сможет обойти стороной этот фильм. Красивые кадры, качество постановки, а также актеры, умные диалоги и удачный выбор слов делают этот фильм очень привлекательным для многих людей.

Если уровень владения немецким языком недостаточен для просмотра фильмов в версии на немецком языке, вы также можете сначала посмотреть их в другой версии на других языках (если она доступна) и установить субтитры на немецком языке [1] И, конечно же, есть еще много видов фильмов и видеороликов, которые можно посмотреть на немецком языке: будь то пояснительное видео или обучающее видео на YouTube или документальные фильмы на немецком языке. Возможности практически безграничны! Изучение немецкого языка с помощью фильмов и сериалов должно быть, прежде всего, увлекательным. Постепенно вы будете все ближе и ближе знакомиться с немецким языком, знакомиться с новыми словами и выражениями и, наконец, сможете без проблем смотреть фильмы и сериалы на немецком языке (без субтитров).

Литература

1. Каменецкая Н.П., Мятова М.И. Использование видеофильмов при обучении иностранному языку в средней общеобразовательной школе // Иностранные языки в школе. 2006. № 4. 151 с.
2. Комаров Ю.А. Использование видео в процессе обучения иностранному языку с средней школе // Методики обучения иностранным языкам в школе / Отв. ред. М.К. Колкова. Спб.: КАРО, 2006. С. 188 – 203.
3. Мартюшова Е.В. Из опыта работы с художественными фильмами на уроках немецкого языка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № S3. С. 26 – 30. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13529.htm>. (дата обращения: 17.06.2023)
4. Мокина Л.В. Технологии использования аутентичных видеоматериалов в обучении немецкому языку // Вестник КРСУ. 2007. Т. 7. № 7. С. 86 – 89.
5. Слепова Н.Б. Использование видео в процессе обучения иностранному языку: практикум/ МО РМ, МРИО. Саранск, 2014. 16 с.
6. Смирнов И.Б. Развитие устной речи учащихся на основе аутентичного художественного фильма // Иностранные языки в школе, 2006. № 6. С. 11 – 14.
7. Фроликова Е.Н. Эффективное обучение немецкому языку с помощью мобильных приложений: советы и рекомендации // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 9. С. 87 – 93.
8. Simone Malaguti & Nadja Thoma, Film und Filmmusik im Zweit- und Fremdsprachenunterricht. Einführung in den Themenschwerpunkt // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2012. № 2. P. 1 – 6.

References

1. Kameneckaja N.P., Mjatova M.I. Ispol'zovanie videofil'mov pri obuchenii instrannomu jazyku v srednej obshheobrazovatel'noj shkole. Inostrannye jazyki v shkole. 2006. № 4. 151 s.
2. Komarov Ju.A. Ispol'zovanie video v processe obuchenija inostrannomu jazyku s srednej shkole. Metodiki obuchenija inostrannym jazykam v shkole. Otv. red. M.K. Kolkova. Spb.: KARO, 2006. S. 188 – 203.
3. Martjushova E.V. Iz opyta raboty s hudozhestvennymi fil'mami na urokah nemeckogo jazyka. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2013. № S3. S. 26 – 30. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13529.htm>. (data obrashhenija: 17.06.2023)
4. Mokina L.V. Tehnologii ispol'zovanija autentichnyh videomaterialov v obuchenii nemeckomu jazyku. Vestnik KRSU. 2007. T. 7. № 7. С. 86 – 89.
5. Slepova N.B. Ispol'zovanie video v processe obuchenija inostrannomu jazyku: praktikum/ MO RM, MRIO. Saransk, 2014. 16 s.

6. Smirnov I.B. Razvitie ustnoj rechi uchashhihsja na osnove autentichnogo hudozhestvennogo fil'ma. Inostrannye jazyki v shkole, 2006. № 6. S. 11 – 14.

7. Frolikova E.N. Jeffektivnoe obuchenie nemeckomu jazyku s pomoshh'ju mobil'nyh prilozhenij: sovety i rekomendacii. Vestnik filologicheskikh nauk. 2023. T. 3. № 9. S. 87 – 93.

8. Simone Malaguti & Nadja Thoma, Film und Filmmusik im Zweit- und Fremdsprachenunterricht. Einführung in den Themenschwerpunkt. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2012. № 2. P. 1 – 6.

*Frolikova E.N., Senior Lecturer,
Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin*

The role of cinema in the informal studying of foreign languages, in particular German

Abstract: the article explores the role of films in learning foreign languages, including German. The most suitable films for learning German are recommended.

The relevance of the problem is connected with the fact that there is a paradigm shift in universities and schools: in the past, books were the main means of access to culture and language. Nowadays, the screen is increasingly replacing books. In a world where the Internet and the screen monopolise people's lives, we suggest that a film streamed on YouTube and/or television can be an ideal medium for foreign language learning within an informal pedagogy.

The aim of the article is to demonstrate that films viewed in a foreign language can enhance learners' linguistic, cultural and artistic skills, as well as reinforce skills learnt in formal learning.

It is concluded that the use of films is becoming a common practice in foreign language classes. Cinema is seen as an object of interest and a motivational trigger for language acquisition, and represents an important cultural tool for foreign language learners to immerse themselves in the rituals of society through images, sound and characters.

Keywords: film, the German language, learning, internet, media, new words

For citation: Frolikova E.N. The role of cinema in the informal studying of foreign languages, in particular German. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 88 – 91.

Received: August 7, 2023; Revised: October 9, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Ху Юйпинь, аспирант,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Китай*

Коммуникативные стратегии и тактики токсичного человека (на материале массмедийных текстов)

Аннотация: в данной статье в качестве исследовательского материала используются контексты, содержащие описание коммуникативного поведения «токсичных людей», обнаруженные методом сплошной выборки в китайских и российских сетях. Цель статьи заключается в выделении рекуррентных наименований коммуникативных тактик, реализуемых токсичным человеком для достижения деструктивного эффекта на жертву.

Для реализации цели, были решены следующие задачи. Токсичный человек рассмотрен как типаж, то есть, с позиции выделения типичного коммуникативного поведения. Установлена понятийная характеристика коммуникативного типажа «токсичный человек». Определена доминантная коммуникативная стратегия токсичных людей. Выделены наиболее частотные наименования тактик и коммуникативных ходов, посредством которых достигается коммуникативная цель токсичных людей. Проведен этимологический анализ лексем, называющих тактики токсичных людей. Предложена схема анализа коммуникативной ситуации в рамках которой выделяются тактики и ходы. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ выбора наименований и тактик в русском и китайском языках.

Автор установил этническое своеобразие в выборе наименований тактик в русском и китайском языках. Полученные сведения могут быть использованы в рамках преподавания теории межкультурной коммуникации, лексикологии русского и китайского языков.

Ключевые слова: стратегия, тактика, коммуникативное поведение, токсичный человек, русский язык, китайский язык

Для цитирования: Ху Юйпинь Коммуникативные стратегии и тактики токсичного человека (на материале массмедийных текстов) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 92 – 100.

Поступила в редакцию: 9 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Антропоцентрическая парадигма определила вектор научных исследований в сторону проявления человека в языке. В свете этого, интерес к изучению коммуникативного поведения закономерен. Под коммуникативным поведением понимается «совокупность коммуникативных норм и традиций определенной группы людей» [13, с. 10]. Термин, впервые предложенный И.А. Стерниным в 1989 году в книге «О понятии коммуникативного поведения» [17], получил признание в научных кругах, активно используется в рамках изучения языковой личности, и в том числе является одним из диагностических признаков выделения коммуникативных и лингвокультурных типажей. Коммуникативное поведение любого говорящего субъекта имеет ряд индивидуальных и специфических особенностей, которые проявляются вербально (на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях) и невербально [5, с. 17-19]. Развивая идею коммуникативного проявления языковой личности, О.С. Иссерс предложила выделять коммуникативную цель, стратегии и тактики, а также коммуникативные ходы, определяющие протекание коммуникации. Коммуникативная стратегия – комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [9, с. 54]. Коммуникативная тактика – совокупность практических ходов в процессе реального речевого взаимодействия, «по сравнению с коммуникативными стратегиями коммуникативная тактика представляет собой менее масштабное рассмотрение коммуникативного процесса» [11, с. 136]. В свою очередь, тактика представляет собой одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [8, с. 109-110]. Стратегия и тактика связаны между собой как «род и вид» [21]. В состав коммуникативных тактик входят коммуникативные ходы – способы и приемы, используемые говорящими в процессе общения, которые по отдельности или в совокупности объединяются для решения основной коммуникативной задачи [8, с. 109]. В реальном общении инициатор коммуникации будет использовать различные типы коммуникативных стратегий в соответствии со своими коммуникативными целями, прибегая к коммуникативным тактикам и ходам.

С позиции приоритетности целей коммуникации, выбора стратегии и набора тактик и ходов, выделяются коммуникативные типажи, один из которых – «токсичный человек». Коммуникация с «токсичным человеком» носит социально-психологический или индивидуально-психологический характер в зависимости от сферы, в которой разворачивается коммуникативная ситуация, а воздействие осуществляется посредством

определенных коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его ценностными предпочтениями, эмоциями [5, с. 113], доминирующая коммуникативная интенция токсичных людей носит регулятивный характер, т.к. цель коммуникации – изменить поведение (картину мира, ценностные приоритеты) жертвы.

Выбор номинации «токсичный» для типа людей, деструктивно влияющих на окружающих, определяется языковой модой. Нарастающая популярность лексемы «токсичность» и ее дериватов не могла не привлечь внимание как российских, так и китайских лингвистов (К.М. Шилихина, М.К. Ходкевич, З.М. Тимербулатов, 叶慧萍 (Йе Хуйпин), 宋佳 (Сун Цзя) и другие. О популярности лексемы говорит тот факт, что только на портале Яндекс по запросам «токсичный человек» находится более 4000 результатов. Почти все они описывают деструктивные или негативные поведенческие проблемы в межличностных отношениях. На портале Baidu (китайская поисковая система) по запросам «有毒的人 (токсичный человек)» находится более 56,2 миллионов результатов, большинство из которых также характеризуют деструктивные межличностные отношения.

Первоначальное значение прилагательного «有毒的 (токсичный)» (негативное воздействие вредных веществ на организм) вытеснилось метафорически переосмысленным значением, о чем свидетельствует реккурентность использования словосочетаний «токсичные люди», «токсичные родители», «токсичные отношения», «токсичные взаимодействия», «токсичное поведение», «токсичные друзья», «有毒的老板 (токсичный босс)», «有毒的性关系 (токсичные сексуальные отношения)», «有毒的亲戚 (токсичный родственник)», «有毒的婆婆 (токсичная свекровь)», «有毒的顾客 (токсичный клиент)» и т.д., в которых прилагательное «токсичный» содержит негативные межличностные характеристики как в русском, так и в китайском языке.

С позиции психологии, токсичный человек – это пессимистическая личность, заряжающая негативными эмоциями, целенаправленно подрывающая положительные эмоции у окружающих [12]. Соответственно, для анализа коммуникативного поведения типажа «токсичный человек» нам важен перлокутивный эффект, то есть, последствия, к которым приводит общение с токсичным человеком и которое получает вербализованную оценку пострадавших от этого общения. По сравнению с русским языком, в котором прилагательное «токсичный» имеет однозначно пейоративную оценку, популярное слово «有毒的 (токсичный)» в китайском языке имеет амбивалентную оценку. Согласно исследованиям, проведенным лингвистом Су Сюэминя, «有毒的 (токсичный)» в разных контекстах имеет значение: увлекательный, вызывающий призывание, заразительный, неудовлетворенный, жалующийся, уничижительный, юмористический, высмеивающий [24, с. 93-95].

Исходя из семантического значения лексем «有毒的 (токсичный)», мы определяем стратегию токсичного человека как деструктивное воздействие на жертву с целью получения морального удовлетворения, при этом, на жертву осуществляется многократное воздействие, длительность которого не ограничена: от нескольких дней вплоть до смерти жертвы, т.к. даже при расставании с токсичным человеком, негативное влияние не ослабевает из-за полученных психологических травм. В связи с этим О.А. Дмитриева отметила, что коммуникация в токсичной коммуникативной среде всегда сопровождается стрессом, который может порождать деструктивные эмоции и чувства: беспокойство, доходящее до чувства тревоги, чувство вины, страх, усталость, печаль. «Эти мысли выматывают жертву, мешают работе вне отношений. Жертва не понимает, что сделала неправильно и как измениться, чтобы улучшить взаимоотношения. Это часто приводит к Стокгольмскому синдрому и сильной эмоциональной зависимости от манипулятора» [7, с. 63].

В текстах масс-медиа мы находим большое количество лексем, отражающих деструктивное поведение токсичных людей. Эмпирической базой для нашего исследования послужили 200 (100 на русском и 100 на китайском языках) коммуникативных ситуаций, содержащих описание поведения токсичных людей, выбранных посредством метода сплошной выборки. Критерием выбора послужило наличие в контексте атрибутивного словосочетания, состоящего из главного (определяемого) слова и определяющего его слова:

прилагательное + существительное

токсичный/токсичная/токсичные (有毒的) + человек(人), коллеги (同事), начальник (领导), мать (母亲), родители (父母), дети (孩子), муж (丈夫), жена (妻子) и т.д.

Отобрав контексты, мы провели анализ коммуникативной ситуации, выделив тактику и ее наименование. Самыми частотными в русском языке выступили следующие тактики: газлайтинг (31), абьюз (23), триангуляция (15), неглект (9), висхолдинг (7) и дабл-байнд (6), а также единичные примеры, описывающие тактики эйджизм, шейминг, виктимблейминг, stalking, харассмент, эйблизм; в китайском языке: 搭讪艺术家/PUA (пикап) (41), 煤气灯效应 (газлайтинг) (28), 吹狗哨式虐待 (скрытое издевательство (аналог собачье-

го свистка) (19), 断崖式分手 (внезапное расставание) (9) и единые примеры: 回吸 (гуверинг), 撒面包屑式交友 (брэдкрамбинг), 投射 (проекция). Как мы видим, для описания коммуникативного поведения типажа «токсичный человек» преимущественно использовались заимствования из английского языка, что свидетельствует о языковой моде, которую распространяют массмедийные тексты. О том, что распространению языковой (речевой) моды способствуют СМИ, нацеленные на манипулирование массовым сознанием, заявляют многие исследователи: В.А. Буряковская, Л.Б. Темникова, Я.Н. Засурский, 廖礼平 (Ляо Липин), 陆道夫 (Лу Даофу) и т.д.

Важно отметить, что активные процессы заимствования англоязычной лексики в русский язык также объясняется языковой модой, поскольку языку СМИ свойственна американизация [3, с. 120-121]. Популярность английских заимствований связывают с доминирующей ролью средств массовой информации, а также в «экспрессивности новизны» английских слов как более весомых, важных, значительных. Массмедийные тексты способствуют распространению модных языковых единиц: сначала предлагает новые лексемы, которые осваиваются языком, а потом эти лексемы функционируют в языке медиадискурса уже как общепотребительные, даже обыденные [2, с. 54]. Таким образом становится очевидным популярность и рекуррентность наименования деструктивного общения «токсичность» и инициатора данного типа общения «токсичный», а также выбор лексем для наименования тактик.

Перейдем к рассмотрению контекстов, содержащих описание коммуникативного поведения типажа «токсичный человек».

Пример 1.

Коммуникативная тактика висхолдинг (от англ. withholding) – форма манипуляции, при которой говорящий использует различные методы, чтобы намеренно скрыть информацию от адресата или отказаться поделиться своими мыслями и чувствами [6].

Коммуникативные ходы: уклонение от общения; игнорирование разговора; изменение темы разговора.

Цель данной тактики – избежать обсуждения определенных тем, значимых для участников коммуникации.

«Еще во время «конфетно-букетного» периода он мог оставить меня одну в баре и молча уйти, если ему не нравилось, что я слишком дружелюбно общаюсь с другими мужчинами, а потом несколько дней не отвечать на мои сообщения и не брать трубку. Супружеская жизнь превратилась для меня в хождение по минному полю, а я этого даже не осознавала. Иногда даже хотелось, чтобы он просто на меня накричал – тогда бы я хоть поняла, что не так. Я целыми днями, а то и неделями натыкалась на глухую стену молчания. Муж переставал ко мне прикасаться и либо вовсе не разговаривал со мной, либо обращался в таком ледяном тоне, что я снова чувствовала себя маленькой девочкой...» [4].

В приведенном примере мы наблюдаем частое употребление отрицательной частицы «не»: *не нравилось, не отвечать, не брать трубку, не разговаривал*, демонстрирующее отказ от общения токсичного мужа с женой. Эмоциональный срыв жены свидетельствует об успешной реализации деструктивных коммуникативных намерений инициатора говорящего. Описывая свое эмоциональное состояние, жертва прибегает к метафорам: *хождение по минному полю, глухая стена молчания; ледяной тон; сравнению маленькая девочка*. Перлокутивный эффект свидетельствует о неэкологичном взаимодействии и разрушительном потенциале тактики висхолдинг.

Пример 2.

Коммуникативная тактика триангуляция (от англ. triangle – треугольник) – метод манипуляции, при котором третья сторона используется в качестве посредника или инструмента для манипулирования или нападения на адресата [16].

Коммуникативные ходы: втягивание в деструктивное общение третьих лиц.

Цель данной тактики – отстоять собственную правоту и укрепить собственное положение.

«Родители ссорятся, и четырехлетняя Ира пугается, она не знает, как ей себя вести. Ира незаметно встает поближе к маме, в этот момент она чувствует себя поддержкой мамы в ее «неравной» битве с отцом. Присутствие дочери еще больше вдохновляет маму, она резюмирует: “Знай, дочка, все мужики – ничтожество”. Отец молча разворачивается и уходит, а Ира решает: “Папа молчит, значит, мама права”. Она разделяет негодование мамы, в ней формируется неуважение к мужчинам. Уходя, отец бросает на Иру укоризненный взгляд: “Эх, дочка, и ты туда же”» [14].

В приведенном примере описывается конфликт с участием трех человек: родители и дочь. Активные коммуниканты - родители ребенка, ребенок пассивный коммуникант, однако негативное воздействие конфликта затрагивает ценностные приоритеты ребенка: понижение статуса отца, неуважение к мужскому полу. Таким образом, в описанной коммуникативной ситуации две жертвы: отец и дочь.

Пример 3.

Коммуникативная тактика неглект (от англ. neglect) – метод манипуляции, при котором инициатор высказывания систематически игнорирует важные потребности адресата [20].

Коммуникативные ходы: отказ в помощи, перемена темы разговора.

Цель данной тактики – разрушение ценностей жертвы.

«Ребёнок не хочет идти в школу из-за буллинга, на что отец говорит: "У всех школа была не сахар. Не грузи меня ерундой, а учись решать свои проблемы самостоятельно. Ты уже взрослый"» или «Дочь делится своей победой с матерью, а та перебивая, пускается в воспоминания о своих былых достижениях» [15].

В примере 3 мы обнаружили, что токсичные родители игнорируют потребности детей, не стремятся к доверительным отношениям с ребенком.

Пример 4.

Коммуникативная тактика дабл-байнд (от англ. double bind) – метод манипуляции, при котором инициатор высказывания посылает адресату противоречивые послания [10].

Коммуникативные ходы: отправка противоречивых посланий, соответственно, это могут быть: апелляция к возрасту и ответственности и требование, выдвигаемое в приказном тоне; уверение в любви и выражение раздражения.

Цель данной тактики – игнорирование потребностей жертвы, стремление настоять на своем.

«Сын, тебе уже 18 лет. Будь взрослым, возьми ответственность за свои решения. Нам очень не нравится твоя новая девушка, брось ее сейчас же!», «Доченька, я так за тебя переживаю, хочу все время быть с тобой. Ну что ты дергаешь меня все время, когда я с другими людьми разговариваю??», «Нужно всегда уважать и слушаться старших! Твой отец такое ничтожество...» [22].

В примере 4 отмечаем наличие противоречивых несоответствий: «позитивная забота и наставление» и «негативное порицание». Реализация этой тактики приводит к тому, что жертву критикуют, что бы он ни делал.

Пример 5.

Коммуникативная тактика газлайтинг (от англ. gaslight) – метод манипуляции, при котором инициатор высказывания путем унижения или обмана заставляет адресата сомневаться в объективности своего восприятия, а также в самой реальности [19].

Коммуникативные ходы: искажение факта, контроль над пониманием.

Цель данной тактики – заставить адресата усомниться в правдивости восприятия реальности, усомниться в своих чувствах, эмоциях, воспоминаниях.

«В компании друзей один из партнеров отпускает едкие шутки в адрес своего спутника. Когда они остаются наедине, все упреки отвергаются со словами "не говори ерунды", "какая ты стала чувствительная", "все было нормально, уж очень сильно ты принимаешь на свой счет"» [там же].

В примере 5 мы обнаружили, что токсичная личность искажает факты при анализе неприятной для жертвы коммуникативной ситуации, отрицая факт негативного воздействия на нее при свидетелях.

Пример 6.

Коммуникативная тактика абьюз (от англ. abuse) – метод манипуляции, при котором говорящий использует отрицательные выражения, чтобы оскорбить или принизить чувства и эмоции получателя и заставить его чувствовать себя виноватым [1].

Коммуникативные ходы: проявление неуважения, оскорбления.

Цель данной тактики – вызвать антагонизм и напасть на собеседника.

«Мне уж 49-й годок пошел, поверьте, никакими хорошими словами ее не пронять. Давно заметила, чем спокойней и лучше с ней общаешься, тем больше она повышает голос и унижает. Где столько нервов набраться, когда тебе плюют в душу, выказывают всяческое неуважение? А ведь я сознательно построила дом на одном участке с ней, чтоб досматривать. Сто раз пожалела. Так хоть по выходным навещала и невроз мой был бы в порядке, а так после общения с ней жить не хочется. Никогда не была матерью и уже не будет» [18].

В приведенном примере дочь описывает свои переживания, вызванные поведением токсичной матери. При оценивании взаимоотношений с матерью-абьюзером жертва обращается к медицинскому термину невроз, сообщает об обесценивании жизни после общения с ней жить не хочется и сожалении неизбежности частого общения с матерью. Непосредственно абьюз заключается в неуважении жертвы, игнорировании потребностей на протяжении всей жизни.

Анализ примеров на китайском языке позволил прийти к следующим выводам: в китайском языке английские заимствования для наименования тактик токсичных коммуникантов не получили широкого распространения, по сравнению с русским языком.

Пример 1.

Коммуникативная тактика *搭讪* артиста/PUA (пикап) (от англ. Pick-up Artist) – метод манипуляции, при котором говорящий использует оскорбления, ругательства, принуждение, шантаж и т.д. для намеренного нападения на адресата психологически или физически [23, с. 30].

Коммуникативные ходы: проявление подозрений, оскорбление, угрозы, отслеживание.

Цель данной тактики – заставить адресата усомниться в собственной ценности и подчиниться говорящему.

*«**我和他交往之后发现内耗很厉害，想终止这个关系。但是他不肯，觉得我一定是喜欢上别人了。我说我只是累了，不想谈。他说我工作不如他，长相也不行，家里也没什么钱，除了他还有谁能要我？就这个话听着特别不舒服，我一提分手就拿跳楼威胁我。他还跟踪我，我只要和谁说话他都要来问我 (После того, как я начала с ним встречаться, я обнаружила, что я перестала испытывать положительные эмоции, мне захотелось прекратить отношения. Но он отказался и подумал, что я, должно быть, влюбилась в кого-то другого. Я сказала, что просто устала и не хочу продолжать. Он сказал, что моя работа не так хороша, как у него, моя внешность не так хороша, а у моей семьи мало денег. Кому еще я могу понадобиться, кроме него? Мне было очень неловко слышать это, и он угрожал мне спрыгнуть с крыши всякий раз, когда я упоминала о расставании. Он следил за мной, и всякий раз, когда я с кем-то разговаривала, он скептически спрашивал меня)**» [27].*

В приведенном примере мы видим характерное поведение токсичного молодого человека: оскорбления, угрозы, преследование, принижение личности партнера, результатом которого жертва испытывает эмоциональное выгорание: *«**我发现内耗很厉害 (я обнаружила, что мои положительные эмоции сильно иссякли)**», **«我只是累了 (я просто устала)**», **«这个话听着特别不舒服 (Мне было очень неловко слышать это)**» и т.д.*

Пример 2.

Коммуникативная тактика *煤气灯效应* (газлайтинг) (от англ. gaslight) – метод манипуляции, при котором говорящий увековечивает ложные, вводящие в заблуждение идеи у адресата, заставляя адресата сомневаться в своих знаниях, памяти и т.д. [25].

Коммуникативные ходы: ложь.

Цель данной тактики – контролировать жертву и вызвать у нее неуверенность в себе.

*«**我喜欢去夜店，让他陪我去夜店，他说他之前因为朋友在夜店里肝破裂所以留下了阴影，去了会难受。所以，我就也不强求他陪我去玩。后来，他又不小心说他朋友是在 ktv 里出事儿的。他就说“我怎么可能拿我朋友的命来撒谎”，混淆了我的认知 (Я люблю ходить в ночные клубы, поэтому я попросила его сопровождать меня в ночные клубы. Он сказал, что боится ходить в ночные клубы, потому что у его друга в ночном клубе случился разрыв печени, и ходить туда было бы неудобно. Поэтому я не заставляю его играть со мной. Позже он случайно рассказал, что его друг попал в аварию на КТВ. Он сказал, как я могла жить о жизни моего друга, что меня покорило)**» [27].*

В примере 2 мы обнаружили, что ситуации общения представляют собой реализацию тактики газлайтинга – лжи, с помощью которой если адресат прислушивается к необоснованным требованиям и предложениям говорящего и считает, что причина всего плохого в нем самом, то реализация тактики *煤气灯效应* (газлайтинг) проходит успешно.

Пример 3.

Коммуникативная тактика *断崖式分手* (внезапное расставание) – метод деструктивности, при котором говорящий внезапно предлагает расстаться в контексте на фоне внешне благополучных отношений, вызывает у адресата страх и неуверенность в себе [26].

Коммуникативные ходы: внезапный разрыв отношений («нулевая коммуникация»).

Цель данной тактики – расстаться с партнером и переложить ответственность за это на жертву.

*«**被断崖式分手，两年的恋爱画上句号，没有第三者，只是他说不爱了。从来没想到会被分手，怎么说呢，他呈现在我眼前的都是非常非常爱我的样子，当然我后来想想很多都是口头大饼，是我给他的爱加了滤镜。分手第一个周，瘦了 10 斤，每天以泪洗面，分手第一个月，每天都在崩溃与期待中度过。 (Двухлетние отношения закончились после внезапного разрыва, третьей стороны не было, но он сказал, что больше ее не любит. Я никогда не думала, что расстанусь, Он показал мне, что очень меня любит. Конечно, я потом подумала, что многие его слова были ложью, но мои глаза были зачарованы им. За первую неделю после расставания я похудела на 10 фунтов и плакала каждый день. В первый месяц после расставания я каждый день проводила в упадке и ожидании)**» [27].*

В примере описаны эмоциональные страдания жертвы, при этом токсичный партнер прибег к эмоциональным качелям: выражением любви и внезапный разрыв отношений. Жертва описала свое состояние: «похудела на 10 фунтов», «плакала каждый день», «каждый день проводила в упадке и ожидании» и т.д.

Пример 4.

Коммуникативная тактика 吹狗哨式虐待 (скрытое издевательство) – метод манипуляции, при котором говорящий оскорбляет и обвиняет адресата в течение длительного периода времени наедине и публично в скрытой форме, чтобы заставить адресата почувствовать себя некомфортно, выйти из себя и потерять лицо при свидетелях [27].

Коммуникативные ходы: выражение беспокойства и обвинения жертвы.

Цель данной тактики – продемонстрировать перед всеми любовь и заботу о своих детях.

«青春时期, 原本身材纤细的我, 出人意料地发胖 10 公斤。体型的变化让我感到非常自卑, 以至于我每天只敢穿肥大宽松的衣服。有一次中秋节家庭聚餐, 母亲突然问我: “你为什么不吃肉?” 在其他亲戚看来, 母亲是在关心我, 但事实上她平时老嘲讽我的身材: “你看看你都多胖了, 还有脸吃肉?” “你的腿怎么比我的还粗了? 这可怎么见人哟。” “你这么胖, 以后没人要了可怎么办?” 这个看似关心的话让我内心非常不是滋味。这也点燃了我的负面情绪, 当着所有人的面爆发了。其他的亲戚不理解我为什么发火, 只觉得我在无理取闹, 甚至附和母亲一起数落我 (В подростковом возрасте я неожиданно поправилась на 10 фунтов, несмотря на свою изначально стройную фигуру. Изменения в форме моего тела заставили меня чувствовать себя настолько неполноценным, что я осмеливалась каждый день носить только мешковатую и свободную одежду. Во время семейного ужина в честь Праздника середины осени мама вдруг спросила меня: «почему ты не ешь мясо?». В глазах других родственников мама заботилась обо мне, но на самом деле она всегда плохо отзывалась о моей фигуре: “посмотри, какой ты толстая, как тебе еще хватает наглости есть мясо?”, “почему у тебя ноги толще моих? Как ты можешь показывать это другим?”, “ты такая толстая, что ты будешь делать, если в будущем на тебе никто не женится?”. Это, казалось бы, заботливое заявление заставило меня почувствовать себя очень неловко. Это также вызвало негативные эмоции, я взорвалась на глазах у всех. Другие родственники не поняли, почему я злюсь, они просто подумали, что я скандалила, и даже присоединились к моей матери, чтобы отругать меня)» [27].

В примере 4 мы обращаем внимание на манипулятивные тактики матери: регулярные унижения дочери наедине, выражение заботы при свидетелях, жертва чувствует неискренность «теряет лицо», потеряв контроль над своими эмоциями.

Таким образом, сравнив частотность используемых тактик в русском и китайском языках, мы видим, что приоритет у токсичных людей в России и в Китае различается, кроме того, для китайской культуры характерная тактика скрытого издевательства, эффект от которой достигается посредством манипуляции «лицом» - категорией, крайне важной для китайцев.

Резюмируем. Коммуникативное поведение является объектом изучения различных направлений лингвистики. С позиции теории лингвокультурных типажей, в рамках которой отдельно выделяются коммуникативные типы как типизируемые языковые личности, в основе типизации которых выделяется не культура, а именно коммуникативное поведение, выступающее диагностическим признаком, целесообразно рассматривать коммуникативную ситуацию в аспекте анализа цели, стратегий, тактик и коммуникативных ходов. Массмедийное пространство формирует мировоззрение и картину мира пользователей Сети, в связи с чем в язык проникают заимствования для наименования как самой деструктивной языковой личности и тактик, к которым она прибегает. В русском языке отмечена тенденция к американизации, тогда как в китайском, деструктивные тактики называются по-китайски. Системообразующей характеристикой коммуникативного типажа «токсичный человек» является регулярное систематическое деструктивное воздействие на жертву.

Литература

1. Азбука абьюза [Электронный ресурс]. URL: <https://sex.wikireading.ru/h6dA8orEtF?ysclid=losus45v7s41292377> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Будник А.А.О. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2022. № 1. С. 51 – 55.
3. Буряковская В.А. Концепт "гламур" в текстах СМИ // *Lingua Mobilis*. 2011. № 3 (29). С. 120 – 127.
4. Висхолдинг: «игра в молчанку» как вид психологического насилия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/viskholding-igra-v-molchanku-kak-vid-psikhologicheskogo-nasilija/?ysclid=logv7o1ozj465840500> (дата обращения: 10.05.2023)

5. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Коммуникативные типы: опыт системного описания: монография. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2022. 162 с.
6. Денисова И.О. "Я не ведусь на манипуляции". Висхолдинг [Электронный ресурс]. URL: https://www.b17.ru/article/shantiwithin_withholding/?ysclid=losufoi15w886622183 (дата обращения: 10.06.2023)
7. Дмитриева О.А. Токсичность как тип деструктивного поведения (на материале текстов масс-медиа) // Биология и интегративная медицина. 2021. № 6 (53). С. 60 – 64.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.:Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство. Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.
10. Как дабл-байнд поможет распознать пассивную агрессию? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YoaqRqtMLQjpV8qJ> (дата обращения: 10.05.2023)
11. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
12. Кто такой токсичный человек? [Электронный ресурс]. URL: <https://razvivaysebya.ru/samopoznanie/kto-takoj-toksichnyj-chelovek> (дата обращения: 10.05.2023)
13. Лемякина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. 164 с.
14. Милашина О.Г. Драма триангулированного ребенка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/78462/?ysclid=log4lzk6vx122313596> (дата обращения: 10.05.2023)
15. Неглект – тихий убийца или манипуляция пренебрежением [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/371625/?ysclid=lokefvpr9t983454643> (дата обращения: 10.05.2023)
16. Психология триангуляции: Почему люди попадают в ловушку манипуляций? [Электронный ресурс]. URL: <https://samka.co/psihologiya/psihologiya-triangulya-ii-rochemu-ludi-popadaut-v-lovushku-manipulya-iy/?ysclid=losuk18x2e324515429> (дата обращения: 10.05.2023)
17. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S.279-282.
18. Токсичная мама. Семейный абьюз [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Xq6uxV2uoQtdIT6p#comment_820178294 (дата обращения: 10.05.2023)
19. Что такое газлайтинг? Как распознать психологическую манипуляцию и противостоять ей [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/08/10/gaslighting/?ysclid=loldnr8qel935768152> (дата обращения: 10.05.2023)
20. Что такое неглект и как быть, если вы с ним столкнулись [Электронный ресурс]. URL: <https://lifehacker.ru/neglekt/?ysclid=losul7hzqc741259356> (дата обращения: 10.05.2023)
21. Бйм Х.Я. Прагматика речевого общения Теория и модели знаний // Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985. С. 196 – 207.
22. VK [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall6405134_10868 (дата обращения: 10.06.2023)
23. 刘斌志,何冰冰.主体性视域下青少年不良 PUA 的操控机制与社会工作介入策略.青年发展论坛, 吕 宾ьчжи и Хэ Бинбин. Механизм манипулирования и стратегии вмешательства социальной работы в отношении несовершеннолетних с негативными последствиями для подростков с точки зрения субъективности // Молодежный форум по развитию. 2020. № 30 (6). С. 30 – 42.
24. 苏雪敏.“有毒”的模因解读及其语用功能[J].武夷学院学报, 苏 Сюэминь. Интерпретация «токсичных» мемов и их прагматическая функция // Журнал Университета Уи. 2021. № 40 (01). С. 92 – 96.
25. 煤气灯效应(Газлайтинг) [Электронный ресурс]. URL:<https://wiki.mbalib.com/wiki/Gaslighting>(дата обращения: 10.11.2023).
26. 微信(WeChat) [Электронный ресурс]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/> (дата обращения: 10.05.2023)
27. 知乎 (Чжиху) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhihu.com/> (дата обращения: 10.05.2023)

References

1. Azbuka ab'juza [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sex.wikireading.ru/h6dA8orEtF?ysclid=losus45v7s41292377> (data obrashhenija: 10.05.2023)
2. Budnik A.A.O. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija. 2022. № 1. S. 51 – 55.
3. Burjakovskaja V.A. Koncept "glamur" v tekstah SMI. Lingua Mobilis. 2011. № 3 (29). S. 120 – 127.

4. Visholding: «igra v molchanku» kak vid psihologicheskogo nasilija [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/visholding-igra-v-molchanku-kak-vid-psihologicheskogo-nasilija/?ysclid=logv7o1ozj465840500> (data obrashhenija: 10.05.2023)
5. Volkova Ja.A., Panchenko N.N. Kommunikativnye tipazhi: opyt sistemnogo opisanija: monografija. Volgo-grad: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2022. 162 s.
6. Denisova I.O. "Ja ne vedus' na manipuljacii". Visholding [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.b17.ru/article/shantiwithin_withholding/?ysclid=losufoi15w886622183 (data obrashhenija: 10.06.2023)
7. Dmitrieva O.A. Toksichnost' kak tip destruktivnogo povedenija (na materiale tekstov massmedia). Biologija i integrativnaja medicina. 2021. № 6 (53). S. 60 – 64.
8. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russskoj rechi. 5-e izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.
9. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russskoj rechi. M.: Izdatel'stvo. Jeditorial URSS, 2003. 288 s.
10. Kak dabl-bajnd pomozhet raspoznat' passivnuju agressiju? [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://dzen.ru/a/YoaqRqtMLQjpV8qJ> (data obrashhenija: 10.05.2023)
11. Kashkin V.B. Vvedenie v teoriju kommunikacii. Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000. 175 s.
12. Kto takoj toksichnyj chelovek? [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://razvivaysebya.ru/samopoznanie/kto-takoj-toksichnyj-chelovek> (data obrashhenija: 10.05.2023)
13. Lemjaskina N.A., Sternin I.A. Kommunikativnoe povedenie mladshego shkol'nika. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 164 s.
14. Milashina O.G. Drama triangulirovannogo rebenka [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.b17.ru/article/78462/?ysclid=log4lzk6vx122313596> (data obrashhenija: 10.05.2023)
15. Neglekt – tihij ubijca ili manipuljacija prenebrezheniem [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.b17.ru/article/371625/?ysclid=lokefvpr9t983454643> (data obrashhenija: 10.05.2023)
16. Psihologija trianguljacii: Pochemu ljudi popadajut v lovushku manipuljacij? [Jelektronnyj re-surs]. URL: <https://samka.co/psihologiya/psihologiya-triangulya-ii-pochemu-ludi-popadaut-v-lovushku-manipulya-iy/?ysclid=losuk18x2e324515429> (data obrashhenija: 10.05.2023)
17. Sternin I.A. O ponjatii kommunikativnogo povedenija. Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S.279-282.
18. Toksichnaja mama. Semejnyj ab'juz [Jelektronnyj resurs]. URL: https://dzen.ru/a/Xq6uxV2uoQtdIT6p#comment_820178294 (data obrashhenija: 10.05.2023)
19. Chto takoe gazlajting? Kak raspoznat' psihologicheskiju manipuljaciju i protivostojat' ej [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/08/10/gaslighting/?ysclid=loldnr8qel935768152> (data obrashhenija: 10.05.2023)
20. Chto takoe neglekt i kak byt', esli vy s nim stolknulis' [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://lifehacker.ru/neglekt/?ysclid=losul7hzqz741259356> (data obrashhenija: 10.05.2023)
21. Yjm H.Ja. Pragmatika rechevogo obshhenija Teorija i modeli znaniy. Trudy po iskusstvennomu intellektu. Tartu, 1985. S. 196 – 207.
22. VK [Jelektronnyj resurs]. URL: https://vk.com/wall6405134_10868 (data obrashhenija: 10.06.2023)
23. 刘斌志,何冰冰.主体性视域下青少年不良 PUA 的操控机制与社会工作介入策略.青年发展论坛, Lju Bin'chzhi i Hje Binbin. Mehanizm manipulirovanija i strategii vmeshatel'stva social'noj raboty v otnoshenii nesovershennoletnih s negativnymi posledstvijami dlja podrostkov s tochki zrenija sub#ektivnosti. Molodezhnyj forum po razvitiju. 2020. № 30 (6). S. 30 – 42.
24. 苏雪敏.“有毒”的模式解读及其语用功能[J].武夷学院学报, Su Sjujemin'. Interpretacija «toksichnyh» memov i ih pragmaticheskaja funkcija. Zhurnal Universiteta Ui. 2021. № 40 (01). S. 92 – 96.
25. 煤气灯效应(Gazlajting) [Jelektronnyj resurs]. URL:<https://wiki.mbalib.com/wiki/Gaslighting>(data obrashhenija: 10.11.2023).
26. 微信(WeChat) [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/> (data obrashhenija: 10.05.2023)
27. 知乎 (Chzhihu) [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.zhihu.com/> (data obrashhenija: 10.05.2023)

*Hu Yuping, Postgraduate,
Volgograd State Social and Pedagogical University, China*

Communication strategies and tactics of a toxic person (based on mass media texts)

Abstract: this article uses as research material contexts containing a description of the communicative behavior of “toxic people”, discovered by the method of continuous sampling in Chinese and Russian networks. The purpose of the article is to highlight the recurrent names of communication tactics implemented by a toxic person to achieve a destructive effect on the victim.

To achieve the goal, the following tasks were solved. A toxic person is considered as a type, that is, from the standpoint of identifying typical communicative behavior. The conceptual characteristics of the communicative type “toxic person” have been established. The dominant communication strategy of toxic people has been identified. The most common names of tactics and communication moves through which the communicative goal of toxic people are achieved are highlighted. An etymological analysis of lexemes naming the tactics of toxic people was carried out. A scheme for analyzing the communicative situation is proposed, within which tactics and moves are highlighted. A comparative analysis of the choice of names and tactics in the Russian and Chinese languages was carried out.

The author established ethnic originality in the choice of names of tactics in the Russian and Chinese languages. The information obtained can be used in teaching the theory of intercultural communication, lexicology of the Russian and Chinese languages.

Keywords: strategy, tactics, communicative behavior, toxic person, the Russian language, the Chinese language

For citation: Hu Yuping Communication strategies and tactics of a toxic person (based on mass media texts). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 92 – 100.

Received: August 7, 2023; Revised: October 9, 2023; Accepted: November 24, 2023.

**Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет**

Исчезновение именных классов, как один из факторов перестройки языка

Аннотация: в предлагаемой статье рассматривается ситуация распада системы классов имен, существующих в различных языках. В настоящее время наблюдается процесс разрушения системы классов, в основе которых лежат свойства имен существительных: род, одушевленность/неодушевленность, форма. Языки могут сочетать в себе и другие признаки, более специфичные в культурном отношении. Наиболее очевидными предшественниками систем классов имен существительных являются классные показатели, которые могли возникнуть из слов-классификаторов. Языки часто теряют или сокращают количество классов существительных: происходит перестройка системы классификаторов в соответствии с полом и одушевленностью вместо традиционных классов. Одним из путей изменения системы классов является сокращение их первоначального количества. В настоящее время, по всей видимости, общее количество классов в языках представляет собой возможное сокращение некогда более обширной системы. Сокращение количества классов имен, а также изменение их качественного состава, хотя и не является показателем распада языка, свидетельствует об изменении в нем; наступает ситуация языкового сдвига, который во многих случаях может привести в современных условиях к упадку, нередко заканчивающемуся смертью языка.

Материалы статьи могут быть использованы при чтении курсов по языкознанию, истории и теории языка.

Ключевые слова: классы имен, показатели классов, упадок языка, анимация, классификационная система, языковая смерть

Для цитирования: Краснощёков Е.В. Исчезновение именных классов, как один из факторов перестройки языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 101 – 107.

Поступила в редакцию: 19 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 21 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Именные классы – это группы имен существительных, представляющие собой грамматическую систему, при которой существительные распределяются по различным классам, в соответствии с определенными признаками на основании каких-либо качеств (свойств) и при обязательном наличии маркеров – показателей классов.

К языкам с системой именных классов, сохранившихся в наше время, относятся языки нигеро-конголезские (атлантические языки), австронезийские, австралийские, некоторые языки Северной Америки, России и др.

Языки с именными классами неравномерно распространены по всему миру и группируются в определенных регионах. Африка к югу от Сахары, где доминирует нигеро-конголезская языковая семья, является областью, где распространены языки с пятью или более классами; есть небольшие группы других с большим количеством классов в северной Австралии, Новой Гвинее, на Кавказе и в Центральной Америке [6].

Одна из наиболее распространенных систем классов имен существительных основана на роде. «В этих системах есть мужской класс и женский класс, а также может быть средний класс для негендерных референтов. Например, есть существительные, класс которых не очевиден, это слова, обозначающие части тела или материалы, полученные из живых существ, таких как дерево или шкуры» [2, с. 142-163].

Такого типа системы – системы грамматического рода распространены в Европе. В этих системах референты-мужчины обычно являются мужскими, референты-женщины обычно являются женскими, но негендерные референты распределяются равномерно по различным классам, а не ограничиваются средним родом, как в других языках, таких, например, как тамильский. Так что в этих языках классификация существительных несколько условна.

В качестве примера европейского языка с именными классами можно назвать исчезнувший ныне готский. В прошлом, в индоевропейских языках также существовала система классов имен. Каждый класс имел определенные типы основ, отличающиеся суффиксами, которые представляли типы склонений имен существительных. Например, «*dags* <**ǵazaz* ‘день’ относилось к классу склонения с основой на *-a-*, *gasts* <**zast-i-z* ‘гость’ к классу склонения с основой на *-i-*, *tuggo* <**tungō(n)* ‘язык’ к классу склонения с основой на *-on-*» Однако «...уже в языке готских памятников отмечается начало процесса разрушения старой си-

стемы склонения, обусловленного переразложением элементов падежной формы; переразложение вело к потере вычленяемости основообразующего суффикса» [19, с. 73].

Классы существительных также реализуются в виде именных префиксов в австралийских языках, в языке тоба из гуайкуруанской семьи в Южной Америке.

Другая распространенная система классов основана на анимации. Разделение может быть между одушевленными (живыми существами или предметами, которые могут двигаться сами по себе, поскольку часто сюда входят солнце, луна и звезды) и неодушевленными (неживые существа), или разумными (люди и боги) и неразумными, или что-то среднее между ними. Они, как правило, менее произвольны, чем гендерные системы, поскольку, хотя для большинства неодушевленных объектов не указан пол, они могут принадлежать к любому классу. Тем не менее, для большинства объектов можно определить, являются ли они живыми или нет. Анимационные системы обладают большой степенью свободы. Зачастую одушевленность существительного строго не фиксируется. Обычно неодушевленные существительные часто становятся одушевленными в рассказах, где они могут говорить. Примером этого может служить история на языке кри (Северная Америка, западное Онтарио), где человек получает от духа предложение жить столько, сколько живет дух, и принимает его только для того, чтобы узнать, что дух – это лист и умрет в осень. Слово «лист» в этой истории ведет себя как живое существо [18].

Языки могут сочетать в себе оба признака, а также другие, более специфичные в культурном отношении. В одном из австралийских языков, яньюва, имеется 16 классов существительных, в которых различаются мужчины и женщины, еда, деревья и связанные с ними объекты, абстракции, части тела, родственники, группы людей, имена, географические названия и названия церемоний. Здесь существует несколько различных классов родственников, в зависимости от типа отношений. Например: близкие родственники имеют один класс, дальние родственники – другой, кроме того имеется класс родственников с которыми не поддерживаются отношения. Однако в разговоре можно полностью исключать префиксы классов существительных при неформальной речи и обращении к знакомому родственнику. В системе классов существительных есть также гендерные различия: мужской класс обычно не имеет префикса, но женщины добавляют специальный префикс, когда говорят о людях мужского пола, но никогда, если речь идет о животных мужского рода. Фактически это означает, что в яньюве есть дополнительный класс существительных, когда говорят женщины. Форма также является фактором в некоторых системах классов существительных. Например, в некоторых языках банту форма «...для класса 11/10 – это вытянутая кривая, внутри которой есть внутренняя часть. Типичными примерами являются рог, ребро. Класс 5/6 содержит такие фигуры как яйцо, камень, слеза, уголек, и выступы, такие как грудь, куча, основание дерева. В нем также присутствуют небольшие круглые объекты, имеющие относительно плоскую форму» [10, с. 145-146].

Наиболее очевидными предшественниками систем классов имен существительных являются классные показатели. Легко увидеть, как суффиксы класса существительных могли возникнуть из слов-классификаторов, которые стали рассматриваться как часть предыдущих слов, или могли развиваться аналогичным, как префиксы, образом. Сами показатели классов могут происходить от конструкций, используемых для количественной оценки неисчисляемых существительных, таких как «пылинка» или «песчинка». Некоторые из наиболее известных языков с показателями классов, например китайский, также не имеют склонений в единственном и множественном числе существительных. Развитие системы показателей классов для всех существительных можно объяснить тем, что все существительные стали рассматриваться как неисчисляемые и получили определенные показатели. Эти показатели могли быть переинтерпретированы в грамматические префиксы или суффиксы существительного, и результатом процесса могла стать система классов имен [4].

Существует общее мнение, что в индоевропейских языках изначально существовала двухродовая система классов: одушевленный – неодушевленный. При этом одушевленное соответствует мужскому роду, а неодушевленное – среднему. «Анатолийские языки (мертвые), относящиеся к индоевропейским языкам, и обособившиеся от общеевропейского еще во 2-м тысячелетии до нашей эры, имеют ту же систему» [13, с. 3-13].

Языки часто теряют или сокращают количество классов существительных (хотя зачастую некоторое незначительное согласование сохраняется, например, три рода, основанные исключительно на значении местоимений третьего лица в английском языке). Чаще всего это связано со звуковыми изменениями в языке, в результате чего окончания, различающие пол, становятся по большей части неотличимыми друг от друга; что и произошло в английском языке. Помимо английского, многие другие языки индоевропейской группы также утратили род, например: персидский и армянский. Эти два пошли даже дальше английского и утратили гендерные различия в местоимениях. Другие языки только свели ее к двухгендерной системе, которая может быть мужской и женской. Например, в романских языках, островных кельтских и пушту; или общей

(мужской и женский) и средней, как в голландском, датском и шведском языках. Наиболее распространенной причиной этого является изменение звуков, как в английском языке, но некоторые, по всей видимости, также упростили свои гендерные системы из-за влияния соседних языков. Ныне вымерший каппадокийский диалект греческого языка, на котором когда-то говорили в Турции, потерял род, хотя в нем и не сильно уменьшились концовки. Утрату, по-видимому, можно объяснить влиянием турецкого языка, у которого нет пола. Влияние чужих языков могло стать также причиной того, что язык африкаанс потерял пол, в то время как голландский сохранил его. В некоторых языках, таких как памирские языки в Таджикистане и Афганистане, также изменились роды слов, чтобы их можно было предсказать по их значению. Такое упрощение произошло в меньших масштабах в других языках, таких как новогреческий, где пол можно определить, просто взглянув на окончание существительного в именительном падеже единственного числа. Например: существительные, оканчивающиеся на *-s*, относятся к мужскому роду, оканчивающиеся на *-a* – к женскому роду, а слова, оканчивающиеся на *-o* – к среднему, хотя есть слова, оканчивающиеся на *-i*, которые могут быть женского или среднего рода. Пол не был ранее таким предсказуемым, судя по окончаниям в древнегреческом языке. Есть также примеры языков, в которых появляются новые роды. Подобное произошло в исчезнувших тохарских языках, на которых говорили на территории нынешнего Синьцзяна в западном Китае. Это были индоевропейские языки, поэтому в них уже было различие между мужским и женским родом. Один из тохарских языков расширил эту систему, выработав отдельные местоимения первого лица мужского и женского рода, которых нет ни в одном другом индоевропейском языке. У них обоих также было различие в анимации (не было четкого винительного падежа, оканчивающегося для не людей), что, по-видимому, является пережитком преимущественно потерянных представителей среднего рода [12].

Существительные в кетском языке (один из енисейских языков России) с семантической точки зрения можно разделить на три класса: мужской, женский и неодушевленный (или средний), которые не имеют формальных различий в абсолютной форме (начальной форме). Каждое существительное характеризуется вполне определенной классовой принадлежностью. Семантические особенности классов, критерии, по которым можно было бы определить принадлежность к классу, в настоящее время практически неуловимы. «Логический след классовой принадлежности обычно теряется в прошлом, и можно лишь предположить, что он был тесно связан с прежними знаниями енисейцев о мире» [11, с. 13-18].

Система классов существительных в австралийском языке *диирбал* [5], классифицируется на основе четырех центральных понятий для четырех категорий существительных и множества дополнительных существительных, которые не вписываются в центральные понятия. В традиционной системе к классу I относились мужчины и животные; к классу II – женщины, некоторые животные и некоторые природные явления; к классу III – съедобные растения и европейские товары; а к классу IV – все, что не относится к I-III. Классификация нецентральных понятий осуществлялась на основе культурных знаний и опыта диирбальского общества. Например, в класс II попали такие исключительные животные, как утконос и ехидна. «Они были отнесены к классу II, а не к классу I, чтобы отметить их необычность. Слова ‘рыболовная леска’ и ‘рыбье копьё’, хотя и не являются ни мужчинами, ни животными, оказались в классе I из-за их связи с ‘рыбой’» [6, с. 105-113].

Шмидт [17] обнаружила, что в сообществе, говорящем на языке молодого поколения *диирбал*, произошла перестройка системы классификаторов в соответствии с полом и одушевленностью вместо традиционных классов. Исключительные и опасные животные теперь относятся к I классу одушевленности; «рыболовная леска» и «рыбное копьё» – к IV классу неодушевленности; и только одушевленные существа женского пола получают маркировку II класса. «Причиной такой реструктуризации может быть недостаточное усвоение классов существительных, естественное движение к семантической прозрачности или связано с утратой культурных знаний, необходимых для поддержания языкового различия» [17, с. 158].

Чилдс [4] обнаружил аналогичные изменения в языке мани, исчезающем языке Западной Африки, в котором «система именных классов кажется совершенно беспорядочной, демонстрируя крайние различия между говорящими на этом языке и даже среди самих носителей» [4, с. 113]. Например, «...класс *ta* в языке мани содержит: множественное число внутренних частей тела (печень, кишечник); множественное число некоторых рыб и животных; множественное число растений; неисчисляемые существительные, такие как зерна и жидкости» [4, с. 123]. К классу *ta* в других языках в основном относятся жидкие субстанции; например, в языке киси сюда входят только «жидкости», но в мани и других, переживающих упадок языках, происходит объединение классов, ранее, видимо, существовавших отдельно. Явным свидетельством подобного объединения служит наличие различных несопоставимых имен существительных в классах и несоразмерность этих классов [4]. В мани также наблюдается фонетические изменения, например, гласные в показателях именного класса сокращаются до слабоударного, нейтрального *-ə*, а в некоторых ситуациях

маркер именного класса полностью отсутствуют, особенно это касается «...префиксного маркера 3 л. ед. числа класса *wə̀ ì-*» [4].

В других языковых семьях, например, нигеро-конголезская, подобная тенденция не прослеживается. Каждый язык *нигеро-конголезской группы* имеет классы имен существительных. Например, в языке фула, имеется в некоторых диалектах до 25 классов существительных [14].

В южноатлантических языках также существует система классов существительных, подобная той, что встречается в нигеро-конголезских. В большинстве случаев используются префиксные маркеры класса существительных. В одном из языков Южной Атлантики, *киси*, к показателям классов, обычно имеющих префиксы, добавляются суффиксы, и эта смена была представлена как случай обновления. Например: *wèèŋ-ó* ‘женщина’ – *wèèŋ uùwéí-ó* ‘старая женщина’ (о); *mèŋ-áŋ* ‘вода’ – *mèŋ-má uùwéí-áŋ* ‘несвежая вода’ [3, с. 17-29].

Несмотря на очевидную жизнеспособность системы классов существительных в южноатлантических языках, подтверждением ее упадка в данном случае может служить уменьшение количества классов имен существительных, что в свою очередь обуславливает изменения внутри самих классов. Явное свидетельство этих изменений, происходящих в языках банту, представляет реконструкция языков бенуэ-конго подгруппы. К некоторым конфигурационным особенностям классов упомянутых языков относятся такие качества как: «“длина” или “толщина” – например, стебли сахарного тростника, мотыги, хвосты; “сферичность” – например, камешки, апельсины, яйца; “жидкость” – например, вода, пальмовое масло» [3, с. 17-29].

Если синхронические именные классы демонстрируют комбинации этих значений в одном классе, то есть в него входят различные группы существительных, явно не соответствующие друг другу, то, по-видимому, один класс объединил в себе существительные обоих классов. Факты подобного объединения содержатся в работе Чилдс Т. [3].

В настоящее время, по всей видимости, общее количество классов представляет собой возможное сокращение некогда более обширной системы, но вряд ли является показателем упадка языка (а тем более смерти), поскольку как *киси*, так и *гола*, два наиболее важных языка в этой семье языков имеют относительно небольшое число классов [8].

Один из способов распознавания изменений в языке (являются ли они естественными или представляют собой смерть языка) – это установить, насколько широко используется этот язык его носителями. Наличие подобных контактов свидетельствует об отсутствии так называемого языкового сдвига, как это наблюдается в языке *киси*. И наоборот, отсутствие таких контактов свидетельствует о процессе распада языка, как это происходит в языке *мани*. Следует отметить, что эти два процесса трудно различимы, особенно на начальном этапе смерти языка. Очень важно и одновременно очень сложно при анализе исчезающих языков, понять крайние вариации, решить, что является частью естественной вариации или языкового изменения, а что – частью смерти языка.

Вариации различаются, прежде всего, социокультурными условиями, при которых происходит языковая смерть. Умирающий язык стигматизирован, на нем говорят не все носители языка и достаточно редко. При этом процесс распада языка в этом случае происходит практически в течение одного поколения. Культурно-социологические, этноисторические, экономические и некоторые другие факторы как часть внешней среды [16, с. 7-30] являются основной причиной, вызвавшей языковой сдвиг. При этом у носителей языка наблюдается «упрощение грамматических конструкций», потеря части лексики, сужается круг тем, которые они могут обсуждать [1, 7, 9, 15]. При этом увеличивается количество вариаций в языке, ускоряя тем самым процесс вымирания. Дориан Н. отмечает подобное: «...язык *мани* уже давно прошел «вершину», и поэтому можно ожидать проявления подобных структурных эффектов» [8].

Таким образом, наличие классов, сохранившихся во многих языках мира в настоящее время, может служить доказательством того, что когда-то большинство языков имели разветвленную систему классов имен существительных. При сравнении языков Азии, Африки, Америки и Европы можно видеть много общего в системах именных классов, хотя при этом существует и много отличительных черт. С течением времени в языке происходят изменения, в результате которых некогда стройная система классов постепенно переходит в гендерную систему, или вовсе теряет пол имен существительных. Это происходит в результате естественных процессов в языке, а также под влиянием соседних языков. Кроме того, уменьшение (сокращение) количества классов, а также изменение их качественного состава свидетельствует об изменении языка, которое во многих случаях может привести в современных условиях к упадку, нередко заканчивающемуся смертью языка.

Литература

1. Campbell Lyle, Muntzel Martha C. The structural consequences of language death. In *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*, ed. Nancy C. Dorian, 1989. P. 181 – 196. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Chet A., Creider J. Peter Denny. *Patterns in Language, Culture, and Society: Sub-Saharan Africa OSU WPL*. 1975. № 19. P. 142 – 163.
3. Childs G. Tucker Noun class affix renewal in Southern West Atlantic. In *Current Approaches to African Linguistics 2*, eds. Jonathan D. Kaye et al. Dordrecht, Holland and Cinaminson, NJ: Foris Publications. 1983. P. 17 – 29.
4. Childs G. Tucker What Happens to Class When a Language Dies? *Language Change vs. Language Death*. *Studies in African Linguistics*. 2009 Vol. 38. № 2. P. 113 – 130.
5. Dixon R.M.W. *The Dyirbal Language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press. 1972. 460 p.
6. Dixon R.M.W. Noun Classes and Noun Classification in Typological Perspective. *Typological Studies in Language*. 1986. № 7. P. 105 – 113.
7. Dorian Nancy C. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1981. 256 p.
8. Dorian Nancy C. The gathering of data in terminal speech communities. In J.A. Fishman and others (eds.), *The Fergusonian impact: in honour of Charles A. Ferguson on the occasion of his 65th birthday*, *Sociolinguistics and the sociology of language*. Berlin: Mouton de Gruyter. 1986. Vol. 2. P. 555 – 575.
9. Dressler Wolfgang U. *Language Shift and Language Death – A Protean Challenge For The Linguist*. *Folia Linguistica Berlin, New York: Walter de Gruyter*. 1981. № 15. P. 5 – 28.
10. Creider and J. Peter Denny *Patterns in Language, Culture, and Society: Sub-Saharan Africa. OSU WPL. The Semantics of Noun Classes in Proto-Bantu*. 1975. № 19. P. 142 – 163.
11. Heinrich, Werner, *Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen*. Wiesbaden, Harrassowitz. 1994:Sozietas Uralo-Altaica; Bd.40. P. 13 – 18.
12. Krause T.B., Slocum J. *Tocharian Online*, section 17.3.1. 2012 Available online at http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/eieol/tokol-4.html#Tok04_GP17_03.
13. Luraghi Silvia *The origin of the feminine gender in Indo-European. An old problem in a new perspective*. *Grammatical Change in Indo-European Languages*. University of Pavia. 2009. P. 435 – 463.
14. Matasović R. *Areal and Typological Affinities of Proto-Indo-European*. *The Philological Society*. July 2012. Vol. 110. Issue 2. P. 283 – 310.
15. Sasse Hans-Jürgen *Theory of language death*. In *Language Death: Practical and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*, ed. Matthias Brenzinger, Berlin and New York: Mouton de Gruyter. 1992a. P. 7 – 30.
16. Sasse Hans-Jürgen *Language decay and contact-induced change: similarities and differences*. In *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*, ed. Matthias Brenzinger, Berlin and New York: Mouton de Gruyter. 1992b. P. 59 – 80.
17. Schmidt Annette. 1985. *Young people's Dyirbal: An example of language death from Australia*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 252 p.
18. Valentine R. *Anishnaabemowin Grammar*. Available online at <http://imp.lss.wisc.edu/~jrvalent/AIS/Grammar/GrammarTOC.html>. 2011.
19. Guchman Mirra M., *Die gotische Sprache: Lehrbuch für Philologen und Germanisten*. Lomonossow-Universität Moskau, Moskau. 1998. P. 73.

References

1. Campbell Lyle, Muntzel Martha C. The structural consequences of language death. In *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*, ed. Nancy C. Dorian, 1989. P. 181 – 196. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Chet A., Creider J. Peter Denny. *Patterns in Language, Culture, and Society: Sub-Saharan Africa OSU WPL*. 1975. № 19. P. 142 – 163.
3. Childs G. Tucker Noun class affix renewal in Southern West Atlantic. In *Current Approaches to African Linguistics 2*, eds. Jonathan D. Kaye et al. Dordrecht, Holland and Cinaminson, NJ: Foris Publications. 1983. P. 17 – 29.
4. Childs G. Tucker What Happens to Class When a Language Dies? *Language Change vs. Language Death*. *Studies in African Linguistics*. 2009 Vol. 38. № 2. P. 113 – 130.

5. Dixon R.M.W. *The Dyirbal Language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press. 1972. 460 p.
6. Dixon R.M.W. *Noun Classes and Noun Classification in Typological Perspective*. *Typological Studies in Language*. 1986. № 7. P. 105 – 113.
7. Dorian Nancy C. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1981. 256 p.
8. Dorian Nancy C. The gathering of data in terminal speech communities. In J.A. Fishman and others (eds.), *The Fergusonian impact: in honour of Charles A. Ferguson on the occasion of his 65th birthday, Sociolinguistics and the sociology of language*. Berlin: Mouton de Gruyter. 1986. Vol. 2. P. 555 – 575.
9. Dressler Wolfgang U. *Language Shift and Language Death – A Protean Challenge For The Linguist*. *Folia Linguistica Berlin, New York: Walter de Gruyter*. 1981. № 15. P. 5 – 28.
10. Creider and J. Peter Denny *Patterns in Language, Culture, and Society: Sub-Saharan Africa*. OSU WPL. *The Semantics of Noun Classes in Proto-Bantu*. 1975. № 19. P. 142 – 163.
11. Heinrich, Werner, *Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen*. Wiesbaden, Harrassowitz. 1994: *Sozietas Uralo-Altaica*; Bd.40. P. 13 – 18.
12. Krause T.B., Slocum J. *Tocharian Online*, section 17.3.1. 2012 Available online at http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/eieol/tokol-4.html#Tok04_GP17_03.
13. Luraghi Silvia *The origin of the feminine gender in Indo-European. An old problem in a new perspective*. *Grammatical Change in Indo-European Languages*. University of Pavia. 2009. P. 435 – 463.
14. Matasović R. *Areal and Typological Affinities of Proto-Indo-European*. *The Philological Society*. July 2012. Vol. 110. Issue 2. P. 283 – 310.
15. Sasse Hans-Jürgen *Theory of language death*. In *Language Death: Practical and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*, ed. Matthias Brenzinger, Berlin and New York: Mouton de Gruyter. 1992a. P. 7 – 30.
16. Sasse Hans-Jürgen *Language decay and contact-induced change: similarities and differences*. In *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*, ed. Matthias Brenzinger, Berlin and New York: Mouton de Gruyter. 1992b. P. 59 – 80.
17. Schmidt Annette. 1985. *Young people's Dyirbal: An example of language death from Australia*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 252 p.
18. Valentine R. *Anishnaabemowin Grammar*. Available online at <http://imp.lss.wisc.edu/~jrvalent/AIS/Grammar/GrammarTOC.html>. 2011.
19. Guchman Mirra M., *Die gotische Sprache: Lehrbuch für Philologen und Germanisten*. Lomonossow-Universität Moskau, Moskau. 1998. P. 73.

*Krasnoschekov E. V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Southern Federal University*

Disappearance of nominal classes as one of the factors of language restructuring

Abstract: the proposed article deals with the situation of noun system collapse of classes existing in different languages. Currently, there is a process of destruction of the class system based on the properties of nouns: gender, animate/inanimate, form. Languages can combine other features that are more culturally specific. The most obvious antecedents of noun class systems are class indicators, which may have arisen from classifier words. Languages often lose or reduce the number of noun classes: there is a restructuring of the classifier system according to gender and animacy instead of traditional classes. One way to change the class system is to reduce the original number of classes. At present, the total number of classes in languages appears to be a possible reduction of a once more extensive system. A reduction in the number of classes of names, as well as a change in their qualitative composition, though it is not an indicator of language decay, is indicative of a change in the language; a situation of linguistic shift is set in motion, which in many cases may lead to decline in modern conditions, often ending in the death of the language.

The materials of the article can be used in reading courses on linguistics, history and theory of language.

Keywords: name classes, class indicators, language decline, animacy, classification system, language death

For citation: Krasnoschekov E.V. Disappearance of nominal classes as one of the factors of language restructuring. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 101 – 107.

Received: August 19, 2023; Revised: October 21, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Магомедова А.Н., доцент,
Идрисова Н.П., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

Научная методология в журналистике

Аннотация: журналистика современной эпохи в связи с появившимся большим количеством направлений и методов рождает новые способы удовлетворения потребностей аудитории через разного рода зрелищ, скандалов, творческим и духовным просвещением и многим другим. Сегодня журналист как никогда должен быть в постоянном поиске новых творческих идей и всегда чувствовать стремительно меняющиеся интересы и требования аудитории. Спрос рождает предложение. Потому и с журналистики, особенно с аналитической журналистики сегодня особый спрос и требование к подаваемому материалу и его качеству. В статье рассматриваются научные методы, которыми пользуются журналисты при создании своего творческого продукта в журналистике. Автором статьи, сравнивая журналистику с другими науками, приводит анализ методологии, как способа, востребованного в журналистском творчестве, и показывает его особую роль в формировании конечного продукта аналитической журналистики для качественного удовлетворения потребностей аудитории. В каждой науке применяются методы, которые наиболее полно раскрывают предмет исследования, направленные на достижение цели и задач, заявленных в начале исследовательской работы. Правильно выбранный метод при создании материала – залог успешного исследования.

Ключевые слова: журналистика, наука, метод, методология, анализ, подходы, печать, телевидение, интернет

Для цитирования: Магомедова А.Н., Идрисова Н.П. Научная методология в журналистике // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 108 – 111.

Поступила в редакцию: 18 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 21 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Термин методологию в научных словарях и работах трактуют как учение о научном способе изучения и исследования событий и явлений. Методологию можно представить и как область науки, познающую разного рода активность человека, и является очень сложным комплексом различных способов и принципов, направленных на формирование теоретической деятельности и практики.

Методология включает в себя разнообразные стратегии, способы и методы, которые разработаны экспертами этого поля на основе тщательного изучения основных принципов деятельности и процессов работы в определенной сфере.

Известный исследователь в данной сфере М.Н. Ким трактует термин методологию как область знания, изучающая методы, способы, а также и технологии, применяемые в определенной науке. По мнению исследователя методология является системой логического приема и сущностной наукой, которая помогает применять различные методы при познании журналистом разного рода явлений и событий для обеспечения полноты разрешения вопросов, стоящих перед ним.

Из трактовки термина «методология» М.Н. Кимом видно, что автор дает интерпретации методологии, исходя из общенаучных и специализированных наук. Методология есть способ решения поставленных цели и задач перед исследователем, и она для легкости восприятия структурирована в группы, элементы и подэлементы.

М.В. Коновалова в своей статье, рассматривая жанры в журналистике и их методологические подходы в исследовании, выявила следующие разграничения: аналитический, общенаучный, социологический, прикладной, лингвистический. Каждый из которых включает в себя конкретные методы в исследовании.

Ученые выделяют в методологии несколько самостоятельных разделов: «а) общая методология познания; б) методы научного познания; в) методологические основы научной и творчески познавательной деятельности; г) методологические принципы изложения» [4].

Разделение на данные области дает осознание, что у всех наук есть универсальные и специфические методологические приемы в исследовании, и журналистика не является исключением данной закономерности. Журналистика как наука имеет свой историзм, культуру своего исторического развития, которая тоже зависит от общих закономерностей социальных и исторических исследований.

А.А. Новикова выделяет два подхода в исследовании современной журналистики: коммуникативный и культурологический, по ее мнению – это основные два взаимодополняющих методологических подхода,

которые, как пишет исследователь, преобладают в средствах массовой информации. Далее ученый пишет, что в современных условиях, когда технологии и средства массовой коммуникации стремительно меняются и развиваются, коммуникационный подход, объединяющий опыт предыдущих подходов, представляется наиболее перспективным для исследования и понимания индустрии телерадиовещания. В то же время, необходимо учитывать, что без учета данных о телевизионных программах и их аудитории, которые являются предметом культурологического исследования, коммуникационный подход не может предоставить полной картины в данной области [5].

Исследование методологии в публицистике А.А. Калмыковым разделяется на две сферы: а) средства массовой информации как коммуникативный и социально-культурный феномен; б) эмпирический феномен, которым пользуются в научной деятельности. Далее развивая свои мысли и давая им пояснения, исследователь пишет, что предметная сфера исследований ограничивается социальными, политическими и психологическими науками, поскольку определяется системой средств массовой информации, которая формируется в качестве социально-культурного и коммуникативного феномена. Для достижения поставленных целей в данной области необходимо использование соответствующей методологии, а также материалов, связанных с тематикой исследования [1].

Из чего видно, что под первой сферой понимается методология использования в специальных науках, а вот вторую сферу автор относит уже к эмпирической сфере, используемой в разных науках. Он пишет, что это особая созидательная активность предполагающий собирание и изучение материала о событиях или явлениях с использованием методологического инструментария таких наук, как филология, языковедение, искусствоведение, литературоведение. Эти методы предполагают рассмотрение текстов и дискурсов как продуктов языковой и интеллектуально-творческой деятельности человека, которые производятся и функционируют в информационных пространствах, из чего можно сделать вывод о общенаучных методах в исследовании [1].

Методология представляет собою структуру исследования, состоящую из таких элементов, как функции, уровни, принципы, виды и т.д.

Любая методология содержит логическое обоснование своей деятельности, которую можно обозначить как структуру, состоящую из элементов. Если рассматривать логическую структуру деятельности, то она состоит из следующих элементов:

- Субъект – это активный элемент исследования.
- Объект – это то, что изучает исследователь.
- Предмет – это отдельное свойство объекта, вопрос или проблема, находящаяся в его рамках.
- Формы – это способ организации содержания и результатов.
- Средства – это инструменты, которые помогают ученым исследовать окружающий мир.
- Методы – это средство познания, способ проведения исследования для достижения определенного результата.

Метод является частью методологии, как обобщенной части различных методов в арсенале журналиста-профессионала.

Методы можно назвать частями общего, т.е. методологии, из чего следует, что методология есть обобщение всего арсенала в исследовательской работе журналиста.

Методы в зависимости от специализации науки, в которой она применяется, имеют общие и специальные особенности, теоретическую и эмпирическую части исследования.

Теоретическая стадия исследования ориентирована на раскрытие объекта исследования на основе проводимых ранее исследования авторов и разработанных теорий. Теоретическая часть исследования является основой в исследовательской деятельности, но проверка теории и выдвинутых положений происходит при помощи опыта и практики.

Теоретическая часть исследования включает в себя изучение данного объекта в исследовании других авторов и после поставленных перед собою предположений, исследователь переходит на эмпирический уровень, в котором начинает использовать процесс наблюдения за объектом или проводить эксперимент, поставив объект в специальные условия.

Эмпирическая стадия исследования занимается проверкой теоретических положений при помощи применения их на практике: систематизирует, обобщает, находит противоречия, а также прогнозирует исследуемые явления.

Прикладное исследование является исследованием, направленным на решение социально-практических задач, которые помогают обществу в познании нового. Если говорить о познании нового в журналистике, то можно с уверенностью сказать, что сама профессия является продуктом познания нового, например, но-

востная лента СМИ есть познание нового как для самой группы журналистов, работающих над получением информации, так и для аудитории, на которую направлена данная программа, передача и т.д.

Если говорить о методах, то в научном познании они подразделяются на два вида: методы изучения и изложения.

В первом случае к ним относят способы, при помощи которых происходит познание явлений и объектов, во втором случае идет представление об идеале, на основании чего, исследователь проводит некоторый сравнительный анализ, рассказывая о нем сквозь призму идеала.

Журналистика в своем становлении применяла методы других наук с той существенной разницей, что она адаптировала их согласно возникающим специфическим явлениям. Журналистика таким образом постоянно пополняет арсенал методов для своих увеличивающихся отраслей журналистского творчества. Интеграцию методов в журналистике можно назвать мобильностью, где журналистика легко адаптируется к изменениям общества, появлению новых направлений в журналистике и постоянной необходимостью изменения способов и методов к познанию в этих направлениях для удовлетворения потребности людей получать быструю, достоверную информацию.

В журналистике как в науке использование различных методов складывается и по причине выбора объекта своего исследования, который представляет собою человека, группу, толпу, их сознательное или бессознательное, двигавшего ими в процессе их жизни, а также мировоззрение, картину мира участника репортажа, статьи, очерка в двух аспектах: теоретическом и практическом.

Литература

1. Калмыков А.А. Медиология Интернета. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21591767> (дата обращения: 09.11.2023)
2. Ким М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011. С. 25. 400 с.
3. Коновалова М.В. Основные методы исследований в современной журналистике // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2013. Т. 2. № 12. С. 28 – 30.
4. Методологические основы журналистской деятельности. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://uchebnikfree.com/tvorcheskoy-deyatelnosti-osnovyi/metodologicheskie-osnovyi-journalistskoy-38659.html> (дата обращения: 09.08.2023)
5. Новикова А.А. Методы культурологических исследований в журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2011. № 4. С. 43-44.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/106550> (дата обращения: 05.08.2023)
7. Толковый словарь Ушакова. 2012. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov.html> (дата обращения: 09.08.2023)

References

1. Kalmykov A.A. Mediologija Interneta. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21591767> (data obrashhenija: 09.11.2023)
2. Kim M.N. Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista: uchebnik dlja vuzov. SPb.: Piter, 2011. S. 25. 400 s.
3. Konovalova M.V. Osnovnye metody issledovanij v sovremennoj zhurnalistike. Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2013. T. 2. № 12. S. 28 – 30.
4. Metodologicheskie osnovy zhurnalistskoj dejatel'nosti. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://uchebnikfree.com/tvorcheskoy-deyatelnosti-osnovyi/metodologicheskie-osnovyi-journalistskoy-38659.html> (data obrashhenija: 09.08.2023)
5. Novikova A.A. Metody kul'turologicheskikh issledovanij v zhurnalistike. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10, Zhurnalistika. 2011. № 4. P. 43 – 44.
6. Tolkovyj slovar' Ozhegova S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/106550> (data obrashhenija: 05.08.2023)
7. Tolkovyj slovar' Ushakova. 2012. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://slovar.cc/rus/ushakov.html> (data obrashhenija: 09.08.2023)

*Magomedova A.N., Associate Professor,
Idrisova N.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University*

Scientific methodology in journalism

Abstract: journalism of the modern era, due to the large number of directions and methods that have appeared, gives rise to new ways to meet the needs of the audience through various kinds of spectacles, scandals, creative and spiritual enlightenment, and many others. Today, more than ever, a journalist should be in constant search of new creative ideas and always feel the rapidly changing interests and demands of the audience. Demand creates supply. Therefore, journalism, especially analytical journalism, has a special demand and requirement for the submitted material and its quality today. The article discusses the scientific methods used by journalists when creating their creative product in journalism. The author of the article, comparing journalism with other sciences, provides an analysis of methodology as a method in demand in journalistic creativity, and shows its special role in the formation of the final product of analytical journalism for the qualitative satisfaction of the needs of the audience. In each science, methods are used that most fully reveal the subject of research, aimed at achieving the goals and objectives stated at the beginning of their research work. The correctly chosen method when creating the material is the key to successful research.

Keywords: journalism, science, method, methodology, analysis, approaches, print, television, Internet

For citation: Magomedova A.N., Idrisova N.P. Scientific methodology in journalism. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 108 – 111.

Received: August 18, 2023; Revised: October 21, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Тюкина Л.А., кандидат филологических наук,
Ярославский государственный технический университет*

Детский анекдот как представитель юмористического дискурса (на материале русскоязычного анекдота)

Аннотация: статья рассматривает детский анекдот в жанре юмористического дискурса. Целью данной статьи является определение места детского анекдота в юмористическом дискурсе. Задачи исследования: проанализировать корпус детских анекдотов с точки зрения их тематики, героев текстов анекдота и ситуаций, описываемых в анекдотах, а также описать особенности детского анекдота. Для исследования был собран корпус анекдотов, содержащий 112 текстов детского анекдота. Автор перечисляет особенности детского анекдота и его отличия от взрослого анекдота (тематика, уровень юмора, язык, персонажи, мораль). Автор коротко останавливается на истории возникновения детского анекдота. Дискутируется вопрос определения времени появления большинства детских анекдотов, поскольку они существуют вне времени. Собранный автором корпус анекдотов проанализирован с точки зрения композиционного строения и структуры анекдота. В статье затрагиваются некоторые особенности стиля рассказывания анекдотов детьми, такие как непосредственность и простота, юмор и каламбуры, смешные персонажи и ситуации. Автор приводит примеры детских анекдотов различной тематики и анализ данных анекдотов с точки зрения прагматического подхода. Делается вывод о том, что детский анекдот несет в себе важную функцию развития коммуникативных навыков детей.

Ключевые слова: анекдот, детский анекдот, персонаж, тематика, юмор, каламбур, юмористический дискурс

Для цитирования: Тюкина Л.А. Детский анекдот как представитель юмористического дискурса (на материале русскоязычного анекдота) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 112 – 117.

Поступила в редакцию: 18 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 19 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Анекдот как устный жанр юмористического дискурса всегда соответствует духу времени: исчезают анекдоты, связанные с какими-то прошедшими событиями (как, например, исчезли анекдоты о Василии Ивановиче Чапаеве и Петьке, и современное общество не поймет, о чем в них идет речь; исчезают анекдоты об уходящих политиках), но появляются новые анекдоты, «на злобу дня», которые также просуществуют ровно столько, пока проблема волнует общество. Существуют анекдоты, присущие только одной стране мира, высмеивающие какие-то локальные проблемы, которые совершенно непонятны людям других стран [6, с. 149].

Детский анекдот является ярким представителем юмористического дискурса. Он обладает рядом особенностей, которые делают его уникальным и привлекательным для детей. Одной из главных особенностей детского анекдота является его простота и понятность. Дети обычно не понимают сложных шуток или иронии, поэтому детские анекдоты пишутся простым языком и содержат яркие образы.

Еще одной особенностью детского анекдота является его эмоциональная насыщенность. Детские анекдоты часто вызывают смех и радость у детей, что помогает им расслабиться и насладиться временем, проведенным вместе. Кроме того, детские анекдоты могут быть использованы для обучения и развития детей, так как они могут содержать элементы морали или познавательные истории.

В целом, детский анекдот является важным элементом культуры и общения детей. Он помогает им развивать свое чувство юмора, учиться понимать шутки и наслаждаться жизнью.

Тема детского анекдота давно интересует лингвистов и исследователей. Изучением детских анекдотов занимались различные ученые и литературоведы. Одним из первых исследователей был американский юморист, писатель Марк Твен, который написал книгу «Жизнь и приключения Тома Сойера». В этой книге он рассказывает о своем детстве и о том, как он придумывал шутки и анекдоты вместе со своими друзьями. Феномену детского анекдота посвящены работы отечественных исследователей Архиповой А.С. [1], Мухлынина М.А. [5], Лурье М.Л. [4], Утехина И.В. [9].

История появления детских анекдотов связана с развитием детской литературы и культуры в целом. Первые детские анекдоты появились в XIX веке в Европе и были основаны на народных сказках и легендах. В XX веке с развитием массовой культуры и телевидения появились новые виды детских анекдотов,

основанные на популярных мультфильмах и фильмах. В настоящее время детские анекдоты продолжают развиваться и адаптироваться к новым условиям жизни.

Детские анекдоты отличаются от взрослых анекдотов по нескольким параметрам:

1. Тематика: детские анекдоты обычно связаны с детскими интересами, персонажами из сказок и мультфильмов, играми и повседневными ситуациями, в которые попадают дети. Они могут быть основаны на простом юморе, например, путанице, игре слов или неожиданных решениях. Взрослым может быть сложно понять некоторые аспекты этих шуток, так как они не имеют отношения к их повседневному опыту.

2. Язык: детские анекдоты часто используют более простой и понятный детям язык, избегают сложных слов и выражений. Это облегчает понимание и восприятие юмора детьми.

3. Уровень юмора: дети обычно имеют более непосредственное чувство юмора, нежели взрослые, и могут находить юмор в ситуациях, которые кажутся взрослым незначительными или глупыми.

4. Персонажи: детские анекдоты чаще всего рассказывают о детях, их родителях, учителях или друзьях. Взрослые персонажи также могут появляться в детских анекдотах, но обычно они представлены в более карикатурном или упрощенном виде.

5. Мораль: в отличие от взрослых анекдотов, детские обычно имеют четкую мораль или урок, который дети могут усвоить через юмор и забавную ситуацию.

Практически невозможно определить время появления большинства детских анекдотов, поскольку они существуют вне времени. Данное утверждение можно оспорить, поскольку к категории детских анекдотов относятся и анекдоты про Вовочку, существующие уже очень давно. По мнению А.Ф. Белоусова, анекдоты про Вовочку появились еще в 50-е годы прошлого века, но вначале имя в них не фигурировало вообще, а потом героя анекдотов стали называть Петька-матерщинник и только в 60-е годы стали использовать имя Вовочка, которое и закрепилось за самым популярным героем детских анекдотов [2]. Первые анекдоты про Вовочку были короткими и забавными историями, которые рассказывали о его приключениях в школе и дома. Но со временем они стали более длинными и сложными, с множеством персонажей и сюжетных линий. Сегодня анекдоты про Вовочку продолжают оставаться популярными, хотя их тематика и стиль могут меняться в зависимости от времени и места. Анекдоты про Вовочку появляются по сей день, доказательством этому может служить следующий анекдот:

(1) — *Вовочка, как по-английски будет «великий пост»?* — *Лонгрид, Марьиванна!*
[<https://anekdotovstreet.com/>]

Анекдот (1) основан на игре слов, учительница имеет ввиду церковный пост, а Вовочка – пост в социальных сетях. Не так давно длинные посты в социальных сетях начали называть лонгридами (от англ. long read – длинное чтение).

В данной работе анализируется и рассматривается довольно обширный корпус детских анекдотов, собранный на сайтах анекдотов <https://anekdotbar.ru/>, <https://anekdot-book.com/> и <https://anekdotovstreet.com/>. Нами было собрано 112 анекдотов, которые можно отнести к разряду детских анекдотов.

Если анализировать собранный корпус детских анекдотов с точки зрения структуры анекдота, то данный тип анекдота представлен и короткими (68 анекдотов) и длинными (44 анекдота) текстами анекдотов. Композиционное построение характеризуется большим количеством анекдотов, имеющих интродуктивную строку (74 анекдота), соответственно, без интродуктивной строки было обнаружено меньше анекдотов (38 анекдотов).

Детские анекдоты можно классифицировать по разным признакам. Например, можно разделить их на группы по возрасту детей, на которых они рассчитаны. Можно также классифицировать анекдоты по темам – например, анекдоты о животных, о школе, о друзьях и т.д. Еще один способ классификации – по типу юмора: анекдоты могут быть смешными, ироничными, саркастическими и т.д.

Все детские анекдоты условно можно разделить на следующие тематики:

- про детский сад;
- про школу;
- про детей и родителей;
- про игрушки;
- про животных.

В качестве героев детских анекдотов на материале нашего исследования выделим следующих действующих лиц: учительница Марья Ивановна (ее чаще всего называют в анекдотах коротко и слитно – Марьиванна), Вовочка – самый популярный герой детского анекдота, мама, папа, крокодил Гена и Чебурашка, иногда мальчик + мужское имя, чаще всего с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Это могут быть

как вымышленные персонажи, так и реальные люди. Также в детских анекдотах часто встречаются персонажи из мультфильмов и сказок. Довольно часто встречающийся персонаж детского анекдота – мама.

Марь Иванна – учительница, которая часто становится объектом шуток в детских анекдотах. Она может быть строгой и требовательной, но в то же время доброй и заботливой. Марь Иванна всегда готова помочь своим ученикам, даже если они не всегда ведут себя хорошо. Марь Иванна – это распространенное имя для учителя в детских анекдотах. Это имя стало нарицательным для обозначения учителя, который строг и требователен к своим ученикам. Вообще детских анекдотов про школу великое множество и этому есть вполне логичное объяснение. Школа – это одно из самых важных мест в жизни ребенка, где он проводит большую часть своего времени. В школе ребенок учится, общается со сверстниками и взрослыми, узнает что-то новое. Поэтому неудивительно, что школа часто становится темой для анекдотов.

Стоит отдельно отметить стиль рассказывания анекдотов детьми. Дети часто рассказывают анекдоты в своей уникальной манере, которая может быть очень забавной и очаровательной для взрослых. Перечислим некоторые особенности стиля рассказывания анекдотов детьми:

1. Непосредственность и простота. Дети обычно не используют сложные обороты и выражения, а просто говорят то, что знают и чувствуют. Их анекдоты могут быть простыми и наивными, но при этом невероятно милыми и искренними.

2. Юмор и каламбуры. В детских анекдотах часто используются шутки и каламбуры, которые могут быть непонятны взрослым, но которые являются невероятно смешными для самих детей. Они могут использовать игру слов, двусмысленности и забавные сравнения, чтобы сделать свои анекдоты более веселыми.

3. Смешные персонажи и ситуации. В своих анекдотах дети любят использовать знакомых им персонажей из мультфильмов, сказок или просто выдуманных героев. Эти персонажи часто попадают в смешные и нелепые ситуации, и детям это кажется очень забавным.

Детей волнует, какое впечатление они произведут на своих слушателей, им важно одобрение, которое при рассказывании анекдота, как правило, выражается смехом. По нашему мнению, «успех или неуспех, т.е. непонимание анекдота, зависят не только от понимания или непонимания содержания анекдота слушателем, но и от артистичности рассказчика: как правило, анекдот рассказывается серьезным тоном, без тени улыбки, что должно несколько сбить с толку слушателя, запутать его и подготовить к основной фразе анекдота – пуанте. Рассказчик должен приспособиться не только к аудитории, которой он рассказывает анекдот, но и к текущей ситуации, т.е. начать импровизировать. Анекдот не должен звучать как речь, подготовленная заранее, он хорош своей неожиданностью» [7, с. 96-97].

Продemonстрируем примеры детских анекдотов и попробуем дать их анализ:

(2) – *Мама, купи собаку.*

– *Не мешай, я не куплю!*

– *Мама, ну, купи собаку!*

– *Нет! Не хочу! И вообще, иди во двор и там продавай...* [<https://anekdot-book.com/>]

Анекдот (2) построен на том, что все дети просят у родителей какое-нибудь домашнее животное, будь то кошка, собака, хомячок или попугай. Классический ответ родителей: «Не куплю!», «Не заведу!» и т.д., поскольку не все родители хотят, чтобы у детей была живая игрушка. Обычный разговор закончился бы фразой родителя о том, что домашнее животное не будет куплено. Но в данном анекдоте сработал закон жанра, последняя фраза мамы играет роль панч-лайна: *Нет! Не хочу! И вообще, иди во двор и там продавай...*

Следующий анекдот (3) показывает, что действие происходит в школе и участниками диалога являются два самых популярных героя детских анекдотов – Вовочка и Марьяванна:

(3) *Учительница географии показывает на глобус и говорит:*

– *Вовочка, найди мне Северный полюс.*

– *Хорошенькое дело, Мариванна! Пири искал и не нашёл, Кук его тоже не нашёл, а теперь вот я должен вам его найти!* [<https://anekdot-book.com/>]

В анекдоте (3) юмор построен на двояком значении глагола «найди» в конкретном контексте: учительница просит «показать» Северный полюс на карте, а Вовочка воспринимает это буквально и реагирует именно таким образом. Стоит отметить, что Вовочка здесь выглядит довольно эрудированным учеником. Упомянутый им Роберт Пири был американским исследователем Арктики и первым человеком, достигнувшем Северного полюса. Однако, практически одновременно о достижении Северного полюса говорил и американец Фредерик Кук, с чем Пири не согласился. Споры об этом длились до самой смерти Пири, но дискуссия остается открытой, доказательств их присутствия на Северном полюсе нет.

Поскольку школьная тематика является самой популярной среди тематик детских анекдотов, приведем еще несколько примеров:

(4) *Вовочка как чувствовал, что от этого онлайн-образования стоит ждать какого-то подвоха. И тут на втором занятии Марья Ивановна сказала: — Вовочка, папу с мамой быстро к монитору!* [<https://anekdotovstreet.com/>]

Это еще один анекдот, который, как и анекдот (1), показывает, что анекдоты про Вовочку не теряют своей актуальности. Если в анекдоте (1) нельзя точно установить время его появления, то здесь есть четкий указатель на время – онлайн-образование было введено в России весной 2020 года, следовательно, анекдоту нет еще и 4 лет.

(5) *На уроке литературы:*

— *Вовочка, что тебе известно о Чехове и Пушкине?*

— *Чехов – это город, и Пушкин – это город.*

— *А кто же тогда Толстой?..*

— *А Толстой – это лев.* [<https://anekdotovstreet.com/>]

В отличие от анекдота (3), где Вовочка предстает перед нами достаточно образованным, в анекдоте (5) на уроке литературы Вовочка изображен абсолютным неучем. В данном анекдоте использован упомянутый нами выше детский каламбур (*Чехов – это город, и Пушкин – это город*), а города Толстой в России нет, поэтому, по мнению Вовочки, *Толстой – это лев*.

(6) — *Вовочка, за что у тебя двойка по физкультуре?*

— *Учитель сказал: «Видишь, стоит козел? Обложи его матами».*

— *Ну и что?*

— *Я ответил: «Николай Петрович, вижу вас хорошо. Мать вашу так и растак!»* [3]

В данном анекдоте (6), как видим, пересекаются два скрипта: 1) козел как гимнастический снаряд, вокруг которого нужно положить маты – спортивные мягкие подложки и 2) козел как обзывательство, как человек, которого нужно «обложить матами», то есть обругать бранными словами. Обложить матами имеет в русском языке два значения (обругать матерными словами и разложить маты вокруг какого-либо спортивного снаряда). Русский человек в первую очередь воспримет первое значение – обругать матерными словами, вследствие чего и возник комический эффект: ребенок «покрыл матом» учителя [8, с. 136-137].

Следующий анекдот (7) демонстрирует понятный только детям каламбур, основанный на запутывании собеседника:

(7) *Идут Крокодил Гена и Чебурашка по саду. Чебурашка спрашивает:*

— *Гена, это что такое?*

— *Красная смородина.*

— *Ген, а почему она желтая?*

— *А потому что еще зеленая...* [<https://anekdotovstreet.com/>]

Детские анекдоты практически всегда имеют очень короткую интродукцию, как это можно было заметить по приведенным выше примерам. Однако, довольно часто встречаются и анекдоты, не имеющие интродуктивной строки, при этом из диалога становится понятно, кто является героем анекдота. Приведем пример:

(8) — *Во что вы в садике играете?*

— *Каждый день что-то новое. Сегодня играли в доктора.*

— *Это как? Слушал? Уколы делал?*

— *Просидел в коридоре под дверью полдня.* [<https://anekdot-book.com/>]

Данный пример (8) хоть и не имеет интродукции, но читателю (слушателю) становится понятным, что разговаривают родитель и маленький сын (глаголы используются в мужском роде). Пуанта данного анекдота заключена в последней фразе, которая переносит нас в мир взрослой поликлиники: — *Просидел в коридоре под дверью полдня*. Из данного анекдота становится понятным, что дети активно копируют жизнь взрослых.

Основываясь на вышесказанном, можем сделать вывод о том, что детский анекдот – это короткий юмористический рассказ, предназначенный для детей. Он может быть основан на забавном случае, игре слов или каламбуре. Детские анекдоты часто используются для обучения детей юмору и развитию их критического мышления. Детские анекдоты помогают детям развивать свое чувство юмора, учат их понимать шутки и находить в них смысл. Они также могут помочь детям улучшить свои коммуникативные навыки, так как умение рассказывать анекдоты может быть полезным в общении с другими людьми. Детские анекдоты вызывают интерес у лингвистов, поскольку представляют себе несколько иной пласт юмористического дискурса, нежели взрослые анекдоты. Их отличает наивность и простота рассказа, в них практически нет

сложной языковой игры, которая часто встречается во взрослых анекдотах. В целом, детский анекдот является важным элементом юмористического дискурса и играет важную роль в создании атмосферы радости и веселья в семье. Он помогает детям развивать свое чувство юмора и позволяет взрослым общаться с ними на их уровне, создавая более гармоничные отношения между поколениями.

Литература

1. Архипова А.С. Ролевые структуры детских анекдотов // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19-21 февраля 2001. С. 298 – 338. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Белоусов А.Ф. Вовочка сначала был Петькой-матерщинником. <https://iz.ru/news/288593> (дата обращения: 16.09.2023)
3. Лендвай Э. Сопоставительная прагматика и межкультурная коммуникация. 2011. URL: https://janus.ttk.pte.hu/tamop/tananyagok/komparativ_pragmatika/index.html (дата обращения: 20.02.2020)
4. Лурье М.Л. О современном детском анекдоте // Традиционная культура и мир детства: Материалы международной научной конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 3. С. 53 – 58.
5. Мухлынин М.А. Анекдот в системе жанров русского детского фольклора (к постановке проблемы) // Мир детства и традиционная культура: Материалы III чтений памяти Г.С. Виноградова (Виноградовские чтения). М., 1990. С. 76 – 77.
6. Тюкина Л.А. Юмористический диалогический дискурс: Анекдоты в эпоху COVID-19 // Казанская наука. 2021. № 4. С. 148 – 151.
7. Тюкина Л.А., Мельникова К.А., Бабаян В.Н. Проблема непонимания в юмористическом дискурсе // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: Сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, Брянск, 14-16 октября 2021 года. Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Брянский государственный инженерно-технологический университет", 2021. С. 95 – 100.
8. Тюкина Л.А. Лингвопрагматические особенности юмористического диалогического дискурса на материале англоязычного, немецкоязычного и русскоязычного анекдота: специальность 10.02.19 "Теория языка": дис. ... канд. филолог. наук. Ярославль, 2021. 209 с.
9. Утехин И.В. О детском анекдоте и чувстве юмора у детей // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. СПб., 2001 Вып. 1. С. 214 – 229.
10. Anekdotbar.ru. [Электронный ресурс]. URL: www.anekdotbar.ru (дата обращения: 23.08.2023)
11. Anekdotovstreet.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://anekdotovstreet.com/> (дата обращения: 22.08.2023)
12. Anekdot-book.com [Электронный ресурс]. URL: <https://anekdot-book.com/> (дата обращения: 22.08.2023)

References

1. Arhipova A.S. Rolevyje struktury detskih anekdotov // Mifologija i povsednevnost': Gendernyj podhod v antropologičeskix disciplinax. Materialy nauchnoj konferencii 19-21 fevralja 2001. S. 298 – 338. SPb.: Aletejja, 2001.
2. Belousov A.F. Vovochka snachala byl Pet'koj-matershhinnikom. <https://iz.ru/news/288593> (data obrashhenija: 16.09.2023)
3. Lendvai Je. Sopostavitel'naja pragmatika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2011. URL: https://janus.ttk.pte.hu/tamop/tananyagok/komparativ_pragmatika/index.html (data obrashhenija: 20.02.2020)
4. Lur'e M.L. O sovremennom detskom anecdote. Tradicionnaja kul'tura i mir detstva: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «XI Vinogradovskie chtenija». Ch. 3. S. 53 – 58.
5. Muhlynin M.A. Anekdot v sisteme zhanrov russkogo detskogo fol'klora (k postanovke problemy). Mir detstva i tradicionnaja kul'tura: Materialy III chtenij pamjati G.S. Vinogradova (Vinogradovskie chtenija). M., 1990. S. 76 – 77.
6. Tjukina L.A. Jumoristicheskiy dialogičeskij diskurs: Anekdoty v jepohu COVID-19. Kazanskaja nauka. 2021. № 4. S. 148 – 151.
7. Tjukina L.A., Mel'nikova K.A., Babajan V.N. Problema neponimanija v jumoristicheskom diskurse. Voprosy sovremennoj filologii i problemy metodiki obuchenija jazykam: Sbornik nauchnyh statej po itogam IX Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Brjansk, 14-16 oktjabrja 2021 goda. Brjansk: Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija "Brjanskij gosudarstvennyj inženerno-tehnologičeskij universitet", 2021. S. 95 – 100.

8. Tyukina L.A. Lingvopragmaticheskie osobennosti jumoristicheskogo dialogicheskogo diskursa na materiale anglojazыchnogo, nemeckojazыchnogo i russkojazыchnogo anekdota: special'nost' 10.02.19 "Teorija jazыka": dis. ... kand. filolog. nauk. Jaroslavl', 2021. 209 s.
9. Utehin I.V. O detskom anekdote i chuvstve jumora u detej. Trudy fakul'teta jetnologii Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. SPb., 2001 Vyp. 1. S. 214 – 229.
10. Anekdotbar.ru. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.anekdotbar.ru (data obrashhenija: 23.08.2023)
11. Anekdotovstreet.com. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://anekdotovstreet.com/> (data obrashhenija: 22.08.2023)
12. Anekdot-book.com [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://anekdot-book.com/> (data obrashhenija: 22.08.2023)

*Tyukina L.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Yaroslavl State Technical University*

Children's joke as a representative of humorous discourse (on the material of the Russian-language joke)

Abstract: the paper considers the children's joke in the genre of humorous discourse. The aim of this paper is to determine the place of children's joke in humorous discourse. The objectives of the study are to analyze the corpus of children's jokes in terms of their themes, characters of the joke texts and situations described in the jokes, as well as to describe the features of children's jokes. A corpus of jokes containing 112 texts of children's joke was collected for the study. The author lists the features of children's joke and its differences from adult joke (theme, level of humour, language, characters, morality). The author briefly discusses the history of the origin of the children's joke. The question of determining the time of appearance of most children's jokes is discussed, since they exist outside of time. The corpus of jokes collected by the author is analyzed from the point of view of compositional structure and joke structure. The paper touches upon some features of children's jokes telling style, such as directness and simplicity, humour and puns, funny characters and situations. The author gives examples of children's jokes on various topics and analyses these jokes from the point of view of pragmalinguistic approach. The author concludes that children's jokes have an important function of developing children's communicative skills.

Keywords: joke, children's joke, character, theme, humour, pun, humorous discourse

For citation: Tyukina L.A. Children's joke as a representative of humorous discourse (on the material of the Russian-language joke). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 118 – 123.

Received: August 18, 2023; Revised: October 19, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Кормильцева А.Л., кандидат филологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Термины родства как гендерный маркер в поговорках и афоризмах русского и английского языков

Аннотация: в статье рассматриваются поговорки и афоризмы двух разнотипных языков, содержащие термины родства. Соответствующая семантическая группа анализируется с позиции гендерного подхода. Автор анализирует представленность лексем, обозначающих различные родственные связи в паремииолого-афористическом фонде, где традиционно термины родства представляют существительные, обозначающие различные типы отношений в семье (кровное родство, брачное родство, социально-статусные роли). Детальное рассмотрение представленных в данной группе единиц позволяет говорить о том, что термины родства различаются по признаку «пол» и могут выступать гендерным маркером. Автор приводит примеры наиболее частотных лексем-терминов родства и анализирует степень представленности подобных выражений в паремииолого-афористическом дискурсе русского и английского языков, подчеркивает неравное соотношение исследуемого материала и наличие национально-специфичного в исследуемом корпусе, а также тот факт, что в некоторых высказываниях наблюдается максимальная генерализация терминов родства. Актуальность данного вопроса все еще находится на пике, поскольку гендерные данные эволюционируют в ходе исторических изменений в социуме.

Ключевые слова: поговорка, афоризм, родство, термин родства, гендер, пол, гендерный маркер

Для цитирования: Кормильцева А.Л. Термины родства как гендерный маркер в поговорках и афоризмах русского и английского языков // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 118 – 123.

Поступила в редакцию: 12 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Материалом анализа в данной статье выступают словари английских и русских поговорок и сборники афоризмов («Английские поговорки и поговорки и их русские соответствия» [7], «Пословицы русского народа» [3], «Dictionary of proverbs» [16], «The Penguin Dictionary of proverbs» [17] и др.). Выбор материала и актуальность тематики диктуются необходимостью анализа представленности терминов родства в русских и английских поговорках и афоризмах с точки зрения сопоставления их гендерной значимости.

Язык является обширным хранилищем знаний, представлений, интерпретаций человеком окружающей его действительности сквозь века, а заложенный в нем гендерный потенциал, дает возможность более четко проанализировать структуры формирования тех самых знаний. В целом, такие понятия, как гендер или пол, гендерные особенности, гендерное поведение, стереотипы периодически рассматриваются в фокусе различных отраслей наук.

Любым человеческим сообществом отмечаются различия между мужчинами и женщинами, которые проявляются биологически, психологически, а также и в языковой рефлексии. Так, понятие пола уже очень давно не является понятием только биологического характера. Гендерные представления неразрывно связаны с языком, культурой, а их своеобразное понимание находит отражение в языковых единицах. Современные ученые говорят о том, что *«гендер отчетливо отделился от биологической роли, предписываемой физиологическими особенностями организма»* [4, с. 2].

В связи с развитием гендерных отношений в современном мире все более широкому кругу читателей становится интересен вопрос рефлексии гендерных стереотипов, складывающихся веками, в языковом фонде. По мнению А.Г. Фомина, гендер, как *«психолингвистическая категория представляет собой многокомпонентную структуру, модель социальных отношений, созданную основными институтами общества и построенную самими индивидами в соответствии с их гендерной идентификацией, которая находит в языке и речи»* [12, с. 84].

Само по себе понятие «гендер» складывалось в течение нескольких десятилетий, плавно перерождаясь из описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским» в совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Взаимоотношения между грамматическим гендером (грамматической категорией) и гендером как проявлением социокультурных стереотипов (социокультурный гендер) подразумевают некоторые различия. Грамматический гендер не является гендером в его более глубоком понимании. То есть гендерные стереотипы создаются не природой, а социумом.

Некоторые ученые говорят о бинарности категории гендера. Мужчины и женщины, а также свойственные им биологические, социальные и культурные качества и характеристики, образуют две бинарные категории, которые могут быть соотнесены с «мужским» (маскулинным) или «женским» (фемининным) началом. Это и есть гендер. Пол же являет собой лишь физические различия между индивидами. Биологический пол – более материальное понятие, нежели пол социокультурный, который принято именовать «гендером».

Непосредственное проявление гендерных предубеждений в той или иной культурной среде предстает в номинативной системе языка, так называемых языковых структурах. Таким образом, гендер, как часть ассоциативного мышления, не относится к грамматической категории пола и проявляется в метафорах, устойчивых выражениях, паремиях и афоризмах. Они представляют собой ключ к пониманию основ конструирования знаний человечества о половой идентичности, о том, какие особенности гендерного типа личности фиксируются в паремиях и афоризмах, какие образные и поведенческие модели заключены в языковых единицах в разнотипных языках.

Лингвисты на современном этапе не имеют единого мнения о трактовке понятий «афоризм» и «паремия». Разноречия по данному вопросу не только не уменьшились, но и скорее углубились со временем во множестве мнений ученых. Одна точка зрения не предполагает разделения понятий «афоризм» и, например, «пословица». Об этом свидетельствует определение понятия «афористикон» как *«совокупность известных, распространенных высказываний, крылатых выражений, принадлежащих конкретным лицам или народам»* [13, с. 29], изложенное в энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов. С другой стороны, многие исследователи говорят о существенной грани между данными понятиями. Например, Н.Н. Семененко считает афоризм *«устойчивым книжным выражением, кратко и оригинально излагающим авторское мнение относительно какого-либо жизненного явления или философского понятия»* [1, с. 242]. В своем труде «Literary forms in the new testament» James Bailey различает афоризмы: *«an aphorism represents «personal insight or individual authority»* [15, р. 98] и паремии (пословицы и поговорки), что определяет как *«collective wisdom or ancestral authority»* [15, р. 98]. Многие современные сборники афоризмов содержат указанные единицы без упоминания авторства, часто афористические высказывания обнаруживаются в соответствующих сборниках наряду с паремиями (пословицами и поговорками). Современные исследования фразеологического корпуса, придерживаясь широкого понимания фразеологии, включают в поле анализа афоризмы, приравнивая их к паремиям и фразеологизмам [11]. Некоторыми учеными выделяются афоризмы фольклорные (пословицы и поговорки) и афоризмы нефольклорного происхождения (собственно афористические высказывания) [1, с. 242], а также языковые (паремии) и речевые (индивидуальные авторские) афоризмы [2, с. 6]. Из всего вышеперечисленного следует, что паремии – репрезентация народного творчества, мысль народа, практически безлика, представляют собой обобщенные знания и интерпретации действительности, а афоризмы – устойчивые выражения, обладающие определенным авторством, на примере которых представляется возможным проследить особенности гендерного мышления определенной нации.

Паремии и афоризмы любой языковой культуры репрезентируют как вековой опыт и знания, передающиеся из поколения в поколение, так и единичные и сугубо личные взгляды определенного автора на мир и человека в нем. Анализируемый материал достаточно самобытно раскрывает стереотипы гендерности, заложенные во внутренней форме исследуемых единиц. Ведь гендерная составляющая в устойчивых выражениях (в данном случае паремиях и афоризмах), содержащих термины родства, является весьма распространенным речемыслительным явлением.

Гендерная маркированность отдельных языковых единиц определяется наличием в языке неких маркеров, *«эксплицитно или имплицитно указывающих на присутствие гендерной семантики»* [6, с. 35], так как гендерная маркированность является основным лингвистическим приемом в анализе языковой реализации гендера. Паремииолого-афористический фонд, содержащий термины родства, представляет огромный интерес с точки зрения отражения в нем стереотипов гендерности. Под гендерной маркированностью понимаются признаки, позволяющие *«идентифицировать языковую единицу как относящуюся к тому или иному полу»* [5, с. 226].

Основной задачей гендерного направления в лингвистике, по мнению ученых, является описание «мужского» и «женского» в виде культурных концептов и определение их составляющих через анализ языковых явлений, таких, например, как паремии и афоризмы. Паремии и афоризмы дают представление о культуре нации несколькими способами. Так как они передаются из поколения в поколение, они сохраняют традиционные, а иногда и устаревшие взгляды, модели поведения, опыт, ценности. Современные исследуемые единицы отражают изменяющуюся роль женщины в социуме, а также в них прослеживается культурная составляющая в оценочной коннотации отдельных элементов либо целостного суждения. Времена изменились, но мы продолжаем наблюдать парадокс. Несмотря на то, что женщины заняли свою социальную по-

зицию, представители противоположного пола продолжают рассматривать женский образ со своей андрогенной позиции. Об этом говорят современные высказывания: *a woman without a man is like a fish without a bicycle* [16, p. 367]; *it seems that the intelligence of man cannot solve the problem of woman* [18, p. 3]; *women as a sex are Sphinxes without secrets* [18, p. 55].

Приведем данные результатов анализа паремий и афоризмов, содержащих термины родства, на предмет гендерности. Прежде всего, рассмотрим представленность лексем, обозначающих различные родственные связи в паремиолого-афористическом фонде, где традиционно термины родства представляют существенные, обозначающие различные типы отношений в семье (статус, социальные роли и отношения и пр.).

В русскоязычном материале встречаются лексемы, обозначающие как брачное («муж», «жена», «теща», «свекровь», «невестка»), так и кровное родство («дочь», «сын», «мать», «отец», «бабушка», «дедушка» и др.), а также социально-статусные роли («невеста», «жених», «кум», «кума», «невестка» и пр.): *красна пава пером, а жена – умом* [10, с. 81]; *худо дело, коли жена велела* [9]; *у тещи семь пятниц на неделе* [10, с. 73]; *бабушка Варвара на мир три года серчала, с тем и умерла, что мир не узнал* [8, с. 30]; *муж – жене, жена – куме, а кума – всему свету* [11, с. 339]; *знает кум, да кума, да людей пол села* [8, с. 461]; *кумушка, кума, купи себе ума – да на свои денежки* [11, с. 351]; *пусть бы невестка и дура, только бы огонь пораньше дула* [11, с. 352]; *три матери у земли русской: одна бежит – то Волга, другая стоит – то Москва, а третья летит – то мудрость женская* [9]. Однако, некоторые из них (к примеру, «дочь», «сын») представлены довольно скудно: *дочь замершего якута «глупая женщина»* [11, с. 351]; *глупому сыну и родной отец ума не пришьет* [3, с. 141]. Такие термины, как «внук», «внучка», «тетя», «дядя» и вовсе не находят отражения в исследуемом фонде.

В английском материале наибольшей частотностью обладают лексемы «husband», «wife», обозначающие брачное родство. Они щедро представлены в паремиях и афоризмах: *he that tells his wife news is but newly married* [14, p. 20], *I haven't spoken to my wife in years, I didn't want to interrupt her* (R. Dangerfield) [11, с. 338], *long-tongued wives go long with bairn* [11, с. 338], *the cunning wife makes her husband her apron* [11, с. 343], *an ideal wife is any woman who has an ideal husband* (B. Tarkington) [20, p. 147]. Лексемы с семантикой кровного родства («father», «mother», «daughter», «son») обладают не столь значимой частотностью: *like father like son* [14]; *like mother like daughter* [14]; *the mother's breath is ay sweet* [14]. Стоит отметить, что здесь подчеркивается главенствующая роль родителей: *one father is enough to govern one hundred sons, but not a hundred sons one father* [7, с. 234]. Прослеживаются и гендерно-нейтральные компоненты («children», «child», «baby»): *little children, little sorrows; big children, big sorrows* [7, с. 197]; *a babe is mother's anchor. She cannot swing far from her moorings* (H.W. Beecher) [19]. В этой связи довольно значительная часть существующих в английском языке терминов родства в пословично-афористическом фонде представлена скудно («aunt», «uncle», «grandmother», «stepmother»): *if my aunt had been a man, she would have been my uncle* [17, p. 38]; *there are as many good stepmothers as white ravens* [17, p. 139]. Некоторые из существующих терминов вообще не находят отражения в исследуемом фонде («brother-in-law», «daughter-in-law», «niece», «nephew», etc.).

Английские лексемы, обозначающие гендерную принадлежность, такие, как («son», «daughter») не характерны для пословично-афористическо фонда английского языка: *two daughters and a back door are three arrant thieves* [17, p. 47]. Гендерно-нейтральная лексика, обобщающая лиц обоих полов и не указывающая на имеющиеся различия («child» / «children») обладает большей частотностью: *the child says nothing but what is heard by the fire* [7, с. 279]; *the burnt child dreads the fire* [7, с. 278]. Метафорический перенос также указывает на гендерную маркированность некоторых единиц: *put not your hand between the rind and the tree (between husband and wife)* [17].

Таким образом, приведенные выше данные дают основание говорить о гендерном характере паремий и афористических высказываний русского и английского языков, содержащих термины родства. В исследуемых разноструктурных языках женский референт подразумевает своеобразное, характерное мужской точке зрения отношение. Во взгляде на мужское/женское проявляются некие стереотипы, заложенные в очень далекие времена, когда социальное неравенство носило еще достаточно ярко выраженный характер. Данные стереотипы четко прослеживаются в паремиях (пословицах и поговорках), утерявших авторство с течением времени и ставших «народными». Однако веяния указанных стереотипов сохраняются в исследуемых единицах по сей день, о чем говорит преобладающее количество достаточно свежих афористических высказываний. Можно заключить, что термины родства в паремиолого-афористических фондах обоих языков, отражая специфические представления нации, являются гендерно-маркированными. Особой частотностью в обоих фондах пользуются единицы, содержащие термины прямого и близкого родства.

Основные выводы таковы:

- паремии и афоризмы несут в себе преломление мужского мировидения и отражение заложенных на протяжении веков маскулинных стереотипов: *жена льстит – лхое мыслит* [8, с. 336], *и дура-жена мужу правды не скажет* [8, с. 311], *ладно, кума, лишь бы правда была* [8, с. 461], *the wife that loves the looking-glass hates the saucepan* [14, p. 84];

- анализ степени разработанности проблемы гендерной маркированности в паремиолого-афористическом дискурсе указывает на неравное соотношение исследуемого материала. В русском языке доля исследуемых единиц значительно превышает долю подобных единиц в английском материале;

- термины родства различаются по признаку «пол», что дает основание говорить о гендерном характере паремий и афоризмов, содержащих данные термины: *ты учи жениха щи варить, да на уполовнике вшей давить* (говорят девке, которая умничают) [11, с. 352];

- национально-специфичное в исследуемом корпусе проявляется в русскоязычном материале в детальном разграничении роли женщины в родственных, семейных, социально-статусных отношениях: *кума хвалилась, да не показывала* [8, с. 461]; чего не наблюдается в английском материале;

- большинство отрицательных высказываний в русском паремиолого-афористическом дискурсе относятся к номинации «жена», в английской – к номинации «wife»;

- в некоторых высказываниях наблюдается максимальная генерализация, то есть лексемы носят обобщающий характер, не допускающий гендерной маркированности: *little children, little sorrows; big children, big sorrows* [7, с. 197]. Также, в русском языке существует гендерно нейтральное понятие «человек», в то время как в английском языке понятие «man» является гендерно маркированным: *the noblest sight on earth is a man talking reason and his wife listening to him* [14, p. 84]; *a man is in general better pleased when he has a good dinner upon his table, than when his wife talks Greek* (S. Johnson) [11, с. 348].

Подводя итоги, следует отметить, что понятие гендера прослеживается на всех уровнях изучения языка и культуры отдельных наций, не говоря даже о смежных и других, неязыковых науках. Кажется практически невозможным исследование лексических, речевых, семантических, оценочных и других явлений в языке в отрыве от имеющихся на современном этапе гендерных данных. Язык и гендер составили единое, целое, неделимое пространство для дальнейших исследований вопросов взаимосвязи пола и лингвокультуры. Однако актуальность данного вопроса все еще находится на пике, поскольку гендерные данные эволюционируют в ходе исторических изменений в социуме.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М: Русская книга, 1996. 2080 с.
4. Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2016. 688 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»)
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.
6. Коробейникова А.А. Мужчина глазами женщины: лексический аспект: на материале женской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2008. 173 с.
7. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2007. 467 с.
8. Мокиенко В.М., Ниткитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
9. Муж и жена – пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: <http://arina-nikitina.ru/article/muzh-i-zhena-poslovitsi-i-pogovorki> (дата обращения: 10.11.23)
10. Даль В.И., Садовников Д.Н., Афанасьев А.Н. Русский народ: пословицы, загадки, сказки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 384 с.
11. Соловьева Н.С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии): монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 466 с.
12. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. Кемерово: Кузбасс вузиздат, 2003. 236 с.
13. Тихонов А.Н., Хашимов Р.И., Журавлева Г.С. и др. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. Т. 1. 840 с.
14. Lois Kerschen American proverbs about women: a reference guide. USA: Greenwood Press, 1998. 206 p.
15. Bailey J.L., Lyle de Vander Broek Literary Forms in the New Testament: a handbook. 1st ed. Westminster: John Knox Press, 1992. 222 p.

16. Dictionary of Proverbs, George Latimer Apperson. Wordsworth Editions Ltd, 2005. 656 p.
17. Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of proverbs. Kent, Penguin Books, Market house books. 2000. 365 p.
18. George W.L. The Intelligence of Woman. Creative Media Partners, LLC, 2019. 250 p.
19. Kin D. Dictionary of American Maxims. Соединенные Штаты Америки: Philosophical Library/Open Road. 2022. 958 p.
20. The Guinness Book of Poisonous Quotes. Chicago, IL, USA: Contemporary Books, 1993. 348 p.

References

1. Alefirenko N.F., Semenenko N.N. Frazeologija i paremiologija: uchebnoe posobie dlja bakalavrskogo urovnja filologičeskogo obrazovanija. M.: Flinta: Nauka, 2009. 344 s.
2. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedčeskaja teorija slova. M.: Russkij jazyk, 1980. 320 s.
3. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda: v 3 t. M: Russkaja kniga, 1996. 2080 s.
4. Il'in E.P. Pol i gender. SPb.: Piter, 2016. 688 s.: il. (Serija «Mastera psihologii»)
5. Kirilina A.V. Gendernye issledovanija v lingvistike i kommunikacii. M.: ROSSPJeN, 2004. 252 s.
6. Korobejnikova A.A. Muzhchina glazami ženshhiny: leksičeskij aspekt: na materiale ženskoi poezii XX veka: dis. ... kand. filol. nauk. Orenburg, 2008. 173 s.
7. Modestov V.S. Anglijskie poslovicy i pogovorki i ih russkie sootvetstvija. M., 2007. 467 s.
8. Mokienko V.M., Nitkitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. 1024 s.
9. Muzh i žena – poslovicy i pogovorki [Elektronnyj resurs]. URL: <http://arina-nikitina.ru/article/muzh-i-zhena-poslovitsi-i-pogovorki> (data obrashhenija: 10.11.23)
10. Dal' V.I., Sadovnikov D.N., Afanas'ev A.N. Russkij narod: poslovicy, zagadki, skazki. M.: OLMA Media Grupp, 2007. 384 s.
11. Solov'eva N.S. Dinamika gendernyh stereotipov v anglijskoj i russkoj jazykovyh kartinah mira (na materiale frazeologii): monografija. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2014. 466 s.
12. Fomin A.G. Psiholingvističeskaja koncepcija modelirovanija gendernoi jazykovoj ličnosti. Kemerovo: Kuzbass vuzizdat, 2003. 236 s.
13. Tihonov A.N., Hashimov R.I., Zhuravleva G.S. i dr. Jenciklopedičeskij slovar'-spravočnik lingvističeskikh terminov i ponjatij. Russkij jazyk: v 2 t. pod obshh. red. A.N. Tihonova, R.I. Hashimova. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2014. T. 1. 840 s.
14. Lois Kerschen American proverbs about women: a reference guide. USA: Greenwood Press, 1998. 206 p.
15. Bailey J.L., Lyle de Vander Broek Literary Forms in the New Testament: a handbook. 1st ed. Westminster: John Knox Press, 1992. 222 p.
16. Dictionary of Proverbs, George Latimer Apperson. Wordsworth Editions Ltd, 2005. 656 p.
17. Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of proverbs. Kent, Penguin Books, Market house books. 2000. 365 p.
18. George W.L. The Intelligence of Woman. Creative Media Partners, LLC, 2019. 250 p.
19. Kin D. Dictionary of American Maxims. Soedinennye Shtaty Ameriki: Philosophical Library. Open Road. 2022. 958 p.
20. The Guinness Book of Poisonous Quotes. Chicago, IL, USA: Contemporary Books, 1993. 348 p.

*Kormiltseva A.L., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University*

Kinship terms as gender marker in paremias and aphorisms of the Russian and English languages

Abstract: the article examines paremias and aphorisms of two differently-structured languages containing kinship terms. The corresponding semantic group is analyzed from a gender perspective. The author analyzes the representation of lexemes denoting various kinship relations in the paremiological-aphoristic fund, where traditionally kinship terms represent nouns denoting various types of relationships in the family (consanguinity, marital kinship, socio-status roles). A detailed consideration of the units presented in this group allows us to say that the terms of kinship differ in terms of "sex" and can act as a gender marker. The author gives examples of the most frequent lexeme-terms of kinship and analyzes the degree of representation of such expressions in the paremiological-aphoristic discourse of the Russian and English languages, emphasizes the unequal ratio of the material under study and the presence of nationally specific in the corpus under study, as well as the fact that in some statements there is a maximum generalization of kinship terms. The relevance of this question is still at its peak, as gender data evolve in the course of historical changes in society.

Keywords: paremia, aphorism, kinship, kinship term, gender, sex, gender marker

For citation: Kormiltseva A.L. Kinship terms as gender marker in paremias and aphorisms of the Russian and English languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 118 – 123.

Received: August 12, 2023; Revised: October 13, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Яруллина О.А., старший преподаватель,
Набережночелнинский государственный педагогический университет*

Когнитивный подход в изучении адъективных фразеологических единиц английского и татарского языков

Аннотация: *цель исследования* – определить общие и специфические характеристики адъективных фразеологических единиц английского и татарского языков; рассмотреть модели адъективных фразеологических единиц, используя изучение языкового опыта. В статье рассматриваются понятия «фрейм», развитие взглядов по данным направлениям в трудах ученых, исследовавших данное явление филологии. При помощи когнитивной фразеологии, о которой идет речь в статье, занимается выявлением полей лексико-фразеологических единиц. В работе озвучивается идея о том, что фрейм является формой выражения значения фразеологизма через его восприятие носителем языка, так как фразеологизм может быть рассмотрен как микротекст, что позволяет дать глубокий анализ специфики восприятия носителями языка окружающей действительности. Научная новизна исследования заключается том, что предпринята попытка анализа фреймовых структур адъективных фразеологических единиц татарского и английского языков. В результате работы доказано, что адъективные фразеологические единицы английского и татарского языков, представляя собой микротекст, структурируются путем толкования носителем языка семантической информации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокогнитивный подход, фрейм, микротекст, фразеологические единицы

Для цитирования: Яруллина О.А. Когнитивный подход в изучении адъективных фразеологических единиц английского и татарского языков // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 124 – 128.

Поступила в редакцию: 12 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Средствами языка человек способен приобретать, хранить и перерабатывать информацию о мире и самом себе, в связи с этим получила своё развитие когнитивная лингвистика. Лингвокогнитивный подход не столь разработан в исследованиях в области фразеологии. Для когнитивной лингвистики имеет значение функционирование и формирование языковых значений в сознании субъекта, познающего мир.

Когнитивным анализом лексических единиц занимались М.В. Милованова, И.М. Кобозева, И.С. Стернина, Е.С. Кубрякова.

Н.Н. Болдырев отмечает такие задачи когнитивной лингвистики, как «показать соотношение и взаимодействие и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта – опыта использования языковых единиц – смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи» [1].

«Когнитивная лингвистика выделяет точки взаимодействия единиц языка и содержащихся в их основе структур знания – фреймов» [2]. До возникновения понятия «фрейм» существовали схожие понятия в таких областях, как Теория лексических полей Й.Трира в языкознании, теория прототипов, гештальт-психология, логико-философский анализ значения Дж.Ст Милля. Термин «фрейм» ввел М. Минский, он появился в его книге «Фреймы для представления знаний». Также свою лепту в распространение теории фреймов внесли Т.Хофман, Ч. Филлмор, Дж. Андор. Ответим на вопрос о том, чем занимается когнитивная фразеология. Она рассматривает выявление полей лексико-фразеологических единиц; если преобразовывать компоненты свободных словосочетаний, происходят процессы фразеологизации; аспекты знания, связанные с культурно-национальными особенностями [3]. Фрейм выражает значение фразеологизма через носителя языка, его восприятие.

Фразеологизм – это микротекст, если рассмотреть его через призму когнитивного знания. Этот микротекст характеризует субъекта речевого общения, он структурируется путем понимания и толкования носителем языка семантической информации фразеологизма [4].

Свойства фрейма дают возможность осуществить глубокий анализ специфику восприятия носителями языка человека и явлений окружающего мира. Рассмотрим эти свойства: динамический характер, стройная иерархическая структура, принцип организации знаний категориями; тематически единая, типическая ситуация для представления знаний.

Если мы попытаемся изобразить фрейм графически, то это можно сделать в виде узлов, соединенных дугами. По верхним слоям будут находиться сведения, которые объединяют класс объектов и входят в понятие фрейма. Фреймы нижнего уровня охватывают непостоянные данные, которые специфичны. Слотовые узлы не меняются, терминалы меняются. Фрейм подсвечивает типичное и нетипичное в определенной культуре. Фреймовая структура ведет себя по-разному в разных языках и это помогает проанализировать специфику национального взгляда на внешнюю реальность, отследить логику наделения объектов определенными характеристиками.

Во фразеологических единицах различных языков выражается познание человеком окружающей реальности и самого себя. Разберем фрейм «внешность» на основе фразеологизмов английского и татарского языков.

Лексико-семантическая сфера описания внешности человека охватывает достаточно объемный процент фразеологических единиц как в татарском, так и в английском языке. Во внешности человека мы можем выделить несколько направлений: лицо, голова, фигура, одежда, осанка. По каждому из данных подфреймов выпадают фразеологические единицы положительной, либо отрицательной коннотации. Например, при описании лица человека можем дать положительное описание – *as brown as a berry* и отрицательное – *as pale as a ghost*; *as graceful as a swan*; алма кебек матур, кояштай якты.

Рассмотрим структуру фразеологической семантики: 1) макрокомпонент прагматический 2) компонент денотативный; 3) макрокомпонент коннотативный. В работах таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранова, Е.В. Ивановой, М.А. Терпак концепт и фрейм находятся в центре внимания, они являются частью семантики когнитивной. По их исследованиям когнитивной базой являются: 1) особенность фреймовой организации; 2) способность когнитивных структур складывать фраземы 3) отличительная природа концепта фразеологического. Концепт и фрейм по своей сути могут оцениваться по-разному как структуры с родовидовыми отношениями или равноправные структуры. Возьмем концепт и фрейм в качестве когнитивных структур, которые равноправны, тогда фразеологический концепт определяется как мыслительная категория, кванта смыслового образования не столь структурированного, ценностно-ориентированного и описательно-образного характера [5]. Вид концепта, который служит когнитивной базой фразеологического значения, назвали оноματοпоэтическим концептом назвали тот, который служит когнитивной базой фразеологического значения [6]. Чувственный опыт; предметно-практическая деятельность, речемыслительные операции образуют многослойную структуру фразеологического концепта.

Двухъярусную структуру имеет смысловая структура фразеологизма, т.е. это фреймовая структура. Такая структура и обуславливает сущностную специфику когнитивной выжимки фразеологического значения. В связи с этим некоторые ученые озвучивают вопрос о двойного фрейма. Дело в том, что базой фразеологической семантики являются сложные или разветвленные когнитивные структуры [7]. Тот подход, где концепт и фрейм рассматриваются как автономные структуры воспринимается наиболее целесообразным [8].

Но в то же время концепт и фрейм могут рассматриваться как автономные, но и пересекающиеся когнитивные структуры. Концепт многослойный, а фрейм – сетевидный. Н.Ф. Алефиренко так описывает функции фрейма и концепта, которые дополняют друг друга: «Концепт служит смыслообразующим фактором, а фрейм когнитивной основой понимания фразеологического значения и смысла всего фразеоцентрического высказывания» [9]. Лингвисты приходят к выводу, что фрейм помогает сформулировать концепт. Фрейм – структура более объемная, таким образом, служит «обобщенной моделью организации культурного знания вокруг некоторого концепта» [8]. Фреймовая структура отличается целостностью, а также окраской взаимодействия и противопоставления и между элементами, что соответствует принципам моделирования. Тематическое единство с разделением фразеологизмов на группы отражает целостность фреймовой модели.

Субфреймы или узлы вложены в основной фрейм, это меньшие по объему когнитивные образования, что составляет единство фреймовой модели [10]. По теории М.Минского фреймы представлены динамичными сценариями и статичными образами. В английском и татарском языках можно выделить фразеологические единицы, в которых основу семантики составляют либо фреймы-сценарии (т.е. динамичные фреймы), либо статичные фреймы в качестве базовых когнитивных образований: здоровье, внешность, эмоциональное состояние, черты характера. Разграничение на сценарии и образы довольно условно, так как описания также возможно представить в виде сценариев. Динамичные фреймы являются культурно обусловленными, так как в них сценарии поведения и действия зависят от норм морали в рассматриваемой культуре [11]. Моделируемость различных типовых ситуаций обусловлена стереотипностью данных сценариев. Представления о концепте, объединяющиеся во фреймовую модель, собирают вокруг концепта с понятийным компонентом, например, «характер человека», информацию по определенной теме. Динамичность

фреймовой модели осуществляется благодаря самым подвижным компонентам модели - терминалам. Воспроизвести фреймовую модель можно благодаря ассоциативному эксперименту и полученным данным. Подвижность свойственна и динамичным сценариям и статичным образам, что говорит о возможности расхождений в семантике и интерпретации фразеологизма.

Фрейм и концепт – категории самостоятельные, но пересекающиеся. Фрейм служит моделированию концепта. Отличительные черты фразеологической семантики можно понять с помощью анализа составляющих фреймовой модели. Мы видим, что когнитивная лингвистика привнесла новый опыт, появилась возможность объяснить значения через структуру знания. Когнитивные и языковые структуры взаимодействуют с помощью неких механизмов. Фреймовый анализ ложится на когнитивный подход к языковым явлениям. Фрейм – основа данного анализа. М.Минский был родоначальником категории фрейма, в теории искусственного интеллекта он организовывал базы данных. С помощью этой базы данных можно распределить структурно весь объём информации. Что такое фрейм? Прежде всего, это когнитивная структура знания, содержащая представления о типической ситуации. Субфреймы образуют структуру, так как расположены иерархически представляют собой слоты. Субфреймы – это тематически единые признаки, а слоты – это формы выражения признака.

Ученые рассматривают наиболее важные для своей работы свойства фрейма. Тем не менее, есть что-то, что объединяет исследования с использованием фреймового анализа:

- 1) категория фрейма рассматривается как один из элементов метаязыка;
- 2) авторы едины во мнении, что категориальный принцип организации знания по категориям; динамическая и иерархическая структуры, могут быть представлены в виде структуры. Так языковая единица может быть изучена более глубоко;
- 3) Фреймовый анализ рассматривают как метод моделирования когнитивного и семантического. С помощью фреймового анализа можно изучить языковые значения и структуры знания.

К фреймовому анализу существует несколько подходов. Те, кто следуют за Ч.Филлмором, говорят, что суть фреймового анализа в том, чтобы описать мыслительное представление, которое стоит за словом. При данном подходе возьмем стереотипную ситуацию, выявим семантико-синтаксические особенности лексических единиц. Этот подход позволяет привлечь лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Соответственно можно направить внимание на культурно-специфические характеристики. В традиционном подходе это не всегда получается. Фрейм обладает способностью упорядочения терминосистемы, можно создать описание в виде структурированной формы. Сторонниками этого варианта фреймового анализа были Т.А. Дубовая, Т.Д. Дьяченко, И.В. Колмагоров, О.Ю. Рыскина, С.Б. Уланова

Согласно второму подходу между отражением действительности в семантической системе языка и самой действительностью существуют особые структуры знания в сознании говорящего. К этим структурам обращается говорящий, когда выделяет важные признаки. Исследователи О.Ю.Ромашина, Ю.Н.Рогачева, Т.В.Яскевич в форме когнитивно-пропозициональной структуры моделируют фреймовую структуру языкового материала. Пропозиция выступает языковым коррелятом фрейма, его операционной единицей.

В третьем подходе фигурирует теория метафорического моделирования. «Существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-мишени» [12]. Данное направление в сфере фреймового анализа придерживаются Г.Г. Молчанова, А.П. Чудинов. Этот подход позволяет с помощью фрейма и метафоры показать механизм когнитивной обработки того или иного отрезка действительности.

Фреймовый анализ – это четвертый подход. Это направление достаточно перспективно, количество работ еще не так многочисленно, как в остальных направлениях (А.Н. Баранов, Н.Ф. Алефиренко, А.Б. Феоктистова, Т.В. Филипенко, Д.О. Добровольский). Благодаря изучению фразеологизмов с помощью фреймового анализа можно проанализировать глубинную структуру фразеологизмов, определить принципы структуры, на которые носитель языка опирается в своей речи. Традиционный языковой материал прорабатывается в новом свете. Естественным образом данный четвертый подход к фреймовому анализу представляет для нас наибольший интерес.

В татарском и английском языках рассмотрим концепт с понятийным компонентом «эмоциональное состояние». В тематическом единстве, предполагающем вычленение следующих групп фразеологических единиц, проявляется целостность фреймовой модели:

- 1) эмоциональное состояние растерянности (балык кебек телсез, as motionless as a carving, as dumb as a fish);
- 2) эмоциональное состояние невозмутимости (as cool as a cucumber, сарык кебек тыныч);
- 3) внешность – способ передачи эмоционального состояния (ачы катык кебек, as bright as button);

4) эмоциональное состояние ярости (as fierce as a tiger, юлбарыстай ярсулы).

Также в основе моделирования фреймовой структуры лежат противопоставления, например: здоровье – недуг (as fresh as a daisy – as pale as a ghost; жен кебек таза), красота – неприглядность (as fair as a lily – as dry as mummy; алма кебек чак), покладистость – крутой нрав (as gentle as dove -as rough as bags; бозаудай юеш).

Таким образом, мы видим, что такие свойства, как: динамический характер, стройная иерархическая структура, принцип организации знаний категориями; тематически единая, типическая ситуация для представления знаний свойственны адеквативным фразеологическим единицам английского и татарского языков. Нами были рассмотрены адеквативные фразеологические единицы двух языков по категориям внешность, здоровье, эмоциональное, состояние, черты характера, общие и специфические характеристики.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопр. когнитив. лингвистики. 2004. № 1. С. 23 – 24.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 272 с.
4. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 22 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознание, культура. М.: Academia, 2002. 391 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
7. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских, русских пословиц). СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2002, 160 с.
8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 296 с.
9. Алефиренко Н.Ф. Фреймовая основа фразеологической семантики // К 60-летию профессора А.В. Жукова: юбилейный сб. науч. тр. Великий Новгород, 2007. С. 4 – 11.
10. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 358 с.
11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.А.Кронгауз, вступ. ст. Е.Д. Падучевой. М.: Рус. Словари, 1996. 416 с.
12. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. Р. 91 – 105.

References

1. Boldyrev N.N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki. Vopr. kognitiv. lingvistiki. 2004. № 1. S. 23 – 24.
2. Baranov A.N., Dobvol'skij D.O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znak, 2008. 656 s.
3. Alefirenko N.F. Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigim. M.: Jelpis, 2008. 272 s.
4. Kovshova M.L. Kul'turno-nacional'naja specifika frazeologicheskikh edinic: kognitivnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1996. 22 s.
5. Alefirenko N.F. Pojeticheskaja jenergija slova: sinergetika jazyka, soznanie, kul'tura. M.: Academia, 2002. 391 s.
6. Alefirenko N.F. Jazyk, poznanie i kul'tura: kognitivno-semiologicheskaja sinergetika slova: monografija. Volgograd: Peremena, 2006. 228 s.
7. Ivanova E.V. Poslovichnye kartiny mira (na materiale anglijskih, russkih poslovic). SPb: Filol. fak. SPbGU, 2002, 160 s.
8. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku: ucheb. posobie. M.: Flinta; Nauka, 2006. 296 s.
9. Alefirenko N.F. Frejmovaja osnova frazeologicheskaj semantiki. K 60-letiju professora A.V. Zhukova: jubilejnyj sb. nauch. tr. Velikij Novgorod, 2007. S. 4 – 11.
10. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku. M.: Jeditorial URSS, 2003. 358 s.
11. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie: per. s angl. M.A.Krongauz, vstup. st. E.D. Paduchevoj. M.: Rus. Slovarei, 1996. 416 s.
12. Chudinov A.P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskaj metafory. Vopr. kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. P. 91 – 105.

*Yarullina O.A., Senior Lecturer,
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*

Cognitive approach to the adjectival phraseological units study in the English and Tatar languages

Abstract: the purpose of the study is to determine the general and specific characteristics of the adjectival phraseological units of the English and Tatar languages; consider models of adjectival phraseological units relying in the language studies. The article discusses the frame notion, the views development in these areas in the scientists works studying this language phenomenon. With the help of cognitive philology, considered in the article, identifying the lexico-phraseological units fields. The paper voices the idea that the frame is the form of expressing the meaning of a phraseological unit through its perception by a native speaker since a phraseological unit can be considered as a microtext which makes it possible to give a deep analysis of the surrounding reality perception specifics by the native speakers. Scientific novelty of the study lies in the analysis attempt of the frame structures of the Tatar and English adjectival phraseological units. It is proved as a result of the work that adjectival phraseological units of the Tatar and English phraseological units being microtexts are structured in the way of explaining the semantic information by the native speaker.

Keywords: cognitive linguistics, linguo-cognitive approach, frame, microtext, phraseological units

For citation: Yarullina O.A. Cognitive approach to the adjectival phraseological units study in the English and Tatar languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 124 – 128.

Received: August 12, 2023; Revised: October 13, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Агапова З.Ш., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический университет им. Расула Гамзатова*

К вопросу о функционировании междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц

Аннотация: описание фразеологических единиц междометного, модального и дискурсивного характера имеет важное значение для речевой коммуникации и дискурса. Оно весьма актуально и в такой же степени трудно и сложно. Сложность обусловлена рядом факторов: с одной стороны, довольно глубокое и многостороннее изучение общей фразеологии, и с другой стороны, небольшое количество исследований по классам указанных типов фразеологизмов. Каждый из описываемых типов фразеологизмов обладает определенными свойствами: модальные фразеологизмы выражают эмоции, дают возможность участникам коммуникации передать весь спектр субъективных ощущений. Междометные ФЕ служат для выражения речевых актов, которые относятся к типу экспрессивных. Дискурсивные ФЕ представляют собой вербально-поведенческие действия субъектов дискурса. Они, функционируя в структуре дискурса, являются производными от значения в позиции отдельной реплики. При анализе вопросов междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц и особенностей их функционирования необходимо учитывать различные классы и подклассы ФЕ, поскольку это влияет на их семантические и функциональные соотношения.

Ключевые слова: фразеологические единицы, междометные, модальные, дискурсивные, релятивы, лексико-фразеологические системы, акт коммуникации, дискурс, экспрессивность, эмоциональность

Для цитирования: Агапова З.Ш. К вопросу о функционировании междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 129 – 132.

Поступила в редакцию: 15 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

В последние годы наблюдается тенденция активного употребления фразеологических единиц разных типов.

Актуальность темы. Несмотря на то, что употребление фразеологических единиц в коммуникативной речи в целом заметно активизировалось, работ, посвященных вопросам междометных, модальных, дискурсивных фразеологических единиц мало. Данный факт и обуславливает актуальность работы. Данные виды фразеологических единиц наименее разработанная часть фразеологии.

Основная цель: описание вопросов, связанных с составом и функционированием междометных, модальных и дискурсивных ФЕ.

Задачи:

-описать классы и подклассы исследуемых видов фразеологизмов;

-дать характеристику функционирования междометных, модальных и дискурсивных ФЕ.

Исследование вопросов междометных, модальных фразеологических единиц весьма перспективное направление. Такие вопросы фразеологии интересны тем, что в них решаются частные вопросы фразеологии, вводят в научный обиход свежий фактический материал, ставятся общетеоретические вопросы фразеологии.

Сложна и многогранна сама фразеология в системе языка. В ней тесно сплетаются не только лексико-семантические и морфолого-синтаксические связки языка, но и то, что в нее проникают и удерживаются историко-культурные, психолого-этнографические мотивы жизни носителей языка.

На наш взгляд, исследования такого типа не лишены и недостатков. Недостаточно обращают внимание на коннотативные свойства фразеологизмов. Очевидно, что в фразеологии их роль значительно выше, чем в других сферах языка. Для выработки оптимального метаязыка описания фразеологизмов важно учесть семантические характеристики различных видов ФЕ.

Анализ фразеологических релятивов, куда входят междометные, модальные и дискурсивные ФЕ представляет большой интерес. Общим значением единиц этой подсистемы является выражение реакции на ситуацию общения, на реплику участника акта коммуникации, на развитие дискурса [2, с. 17].

Во многие фразеологические словари не включены данные виды фразеологизмов. Исходя из этого, мы будем рассматривать особенности семантики фразеологических единиц всех указанных трех видов, которые необходимо учитывать при составлении и описании ФЕ в двуязычных словарях.

В круг таких фразеологических единиц входят единицы следующего плана, междометные: боже мой, черт побери, черт возьми, шутка ли, с ума сойти; Модальные: что и говорить, чем черт не шутит, чего доброго, слава богу; дискурсивные: сколько зим, добро пожаловать, как бы не так, была не была, скатертью дорожка, с легким паром.

Всем приведенным ФЕ свойственно одно общее качество, которое дает возможность их рассматривать как отдельную подсистему в составе фразеологии. Эта подсистема ФЕ отличается от номинативных, предикативных, грамматических фразеологизмов.

«Одним из самых продуктивных способов пополнения системы вторичных составных релятивов и междометий служит в любом языке переосмысление единиц различных уровней языка» [10, с. 20].

Все рассматриваемые виды фразеологических единиц служат для выражения речевых актов особых типов. Другая их особенность заключается в том, что они употребляются в таких коммуникативно-синтаксических позициях, как позиция отдельной коммуникативной единицы, то есть отдельного высказывания в составе дискурса, в позиции сопровождающей коммуникативной единицы, представляющей дополнительный речевой акт, который выражен либо модальной, либо междометной ФЕ. Наличие намерений, интенций, которые лежат в основе речевого акта определяют цель таких ФЕ.

Такие ФЕ «отражают специфику языка, стратегии общения между людьми, уровень эмоциональности носителей того или иного языка» [4, с. 3].

При анализе семантики рассматриваемых фразеологизмов важно дополнить описание методикой текст-анализа с учетом содержательной стороны речевого акта, гипотетически выражаемого ФЕ, так и семантических параметров позиции ФЕ в контексте дискурса. Они, обладают специфическими особенностями функционирования в предложении и в дискурсе.

Междометные фразеологизмы выполняют ту же функцию, что и междометия – выражают эмоции [7].

Такие ФЕ имеют следующие особенности: семантика фразеологизма расплывчата они могут выражать «досаду, радость, восторг, боль и другие эмоции и чувства» [5, с. 91].

Данные фразеологизмы используются как эмоциональные реагирования субъекта речи на те или иные действия, события, происходящие в жизни.

Модальные фразеологизмы, выражающие различные эмоции, позволяют участникам коммуникации передать богатство эмоциональной жизни человека, многообразие субъективных ощущений [8].

Дискурсивные ФЕ – носители прагматической функции, которая направлена на регулирование поведения человека. Им свойственны следующие особенности: представляют собой вербально-поведенческие действия субъектов дискурса, реально функционируют в структуре дискурса, значения, приобретаемые в других позициях, являются производным от значения в позиции отдельной реплики.

Исследование фразем и паремий как репрезентант коллективного опыта народа и его культуры в синергии дискурсивного пространства языка может пролить свет и на процессы борьбы и смены идеологий и дискурсивных практик [6].

Они «не имеют постоянного, закреплённого денотата», а имеют только эмоциональное значение – коннотацию [9, с. 160].

Все эти признаки являются показательными признаками, которые позволяют достаточно определенно различать эти виды.

Свойства значения фразеологических единиц рассматриваемых видов обуславливают специфику функционирования процессов переходности в пределах этих подклассов: а) характер в соотношениях типовых репрезентантов каждого класса и промежуточных типов; б) динамику параметра частеречной принадлежности.

Среди рассматриваемых ФЕ отмечается характерное возникновение конкурирующих лексико-семантических вариантов значения, которые находятся в близких отношениях. Достаточно специфичен характер изменений семантики иллюкутивного параметра значения модальных ФЕ в зависимости от позиции их употребления в предложении или в качестве самостоятельного элемента дискурса.

«Фраземопорождающий потенциал дискурсивно-модусного концепта формируется благодаря широкому ассоциативно-дискурсивному спектру неконвенциональной имплицатуры (имплика-туры дискурса)» [1].

Эти свойства нужно учитывать при разработке принципов описания семантики фразеологизмов в двуязычных словарях. При этом важно принимать во внимание как специфические особенности семантики каждого из указанных видов, так и особенности соотношенности единиц этих видов в разных языках. То есть, в данном случае имеет значение межъязыковая корреляция.

Вовлеченность представителей определенного этноса в сеть стереотипов обуславливает декодирование сенсорных, аксиологических, антропоморфных, зооморфных и др. метафор, конверсационных имплицатур, переинтерпретацию различных культурных кодов [3, с. 231].

Лексико-фразеологические системы любых двух языков находятся между собой в отношении лексической и фразеологической неконгруэнтности, то есть неполного совпадения по семантике, составу этих единиц.

Степень несовпадений двух фразеологических систем разных языков зависит от характера отношений между этими языками. К примеру, при анализе типов фразеологической корреляции между родственными языками (в данном случае между дагестанскими языками) отмечаются фразеологическое тождество, фразеологическая эквивалентность, фразеологические аналоги).

При типологическом контрастивном описании неродственных языков (русского и дагестанских языков) наблюдается распределение характера взаимосвязей фразеологических единиц по большему количеству типов: а) эквивалентность; б) вариантность; в) функциональные аналоги; г) безэквивалентность.

При установлении характера фразеологических взаимоотношений двух неродственных языков имеют место и те типы взаимоотношенности, характерные для родственных языков.

Учет видов межъязыковых связей ФЕ важен при разработке структуры словарной статьи двуязычного фразеологического словаря. В отдельных современных двуязычных фразеологических и паремииологических словарях отмечается наличие примеров с межъязыковыми коррелятами.

Таким образом, при описании вопросов междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц и особенностей их функционирования важно учитывать различные классы и подклассы ФЕ, так как эти свойства существенно влияют на выбор той или иной модификации метаязыка описания, а также на специфику семантического и функционального соотношения межъязыковых фразеологических коррелятов. А при их включении в двуязычные фразеологические словари важно разграничивать позицию семантически и функционально близкого коррелята.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фраземосемииозиса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 7 – 12.
2. Киприянов В.Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке. Владимир, 1975. 68 с.
3. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
4. Литовкина А.В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 2005. 24 с.
5. Маслова В.И. Возможность параметризации фразеологических единиц междометного характера // Фразеологическая параметризация в Машинном фонде русского языка. М., 1990. 205 с.
6. Селиванова Е.А. Дискурсивная природа фразеологизмов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 2. С. 130 – 134.
7. Сюткина Н.П. Междометные фразеологические единицы в ситуации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 38 – 43.
8. Усачева Н.Б. Шведова Н.В. Использование модальных фразеологических единиц в публичной речи // Записки горного института. Санкт-Петербург, 2005. Т. 161. Ч. 1. С. 151 – 153.
9. Холодионова С.И. Междометие как языковая единица: особенности классификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2016. № 3. Ч. 2. С. 160 – 162.
10. Яковлева Е.В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 2017. 203 с.

References

1. Alefirenko N.F. Diskursivno-modusnyj koncept kak istochnik frazemosemiozisa. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. № 3. S. 7 – 12.
2. Kiprijanov V.F. Frazeologizmy-kommunikativy v sovremennom russkom jazyke. Vladimir, 1975. 68 s.
3. Krasnyh V.V. Jetnolingvistika i lingvokul'turologija. M.: Gnozis, 2002.
4. Litovkina A.V. Mezhdometnye frazeologicheskie edinicy: semanticheskie, strukturno-sintaksicheskie i funkcional'nye harakteristiki (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov. 2005. 24 s.
5. Maslova V.I. Vozmozhnost' parametrizacii frazeologicheskix edinic mezhdometnogo haraktera. Frazeologicheskaja parametrizacija v Mashinnom fonde russkogo jazyka. M., 1990. 205 s.
6. Selivanova E.A. Diskursivnaja priroda frazeologizmov. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2011. T. 24 (63). № 1. Ch. 2. S. 130 – 134.

7. Sjutkina N.P. Mezhdometnye frazeologicheskie edinicy v situacii jemocional'noj modifikacii. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. № 1. S. 38 – 43.
8. Usacheva N.B. Shvedova N.V. Ispol'zovanie modal'nyh frazeologicheskih edinic v publichnoj rechi. Zapiski gornogo instituta. Sankt-Peterburg, 2005. T. 161. Ch. 1. S. 151 – 153.
9. Holodionova S.I. Mezhdometie kak jazykovaja edinica: osobennosti klassifikacii. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. Gramota. 2016. № 3. Ch. 2. S. 160 – 162.
10. Jakovleva E.V. Funkcional'naja specifika mezhdometij i reljativnyh konstrukcij kak jelementov jemotivnogo smysla v tekstah psihologicheskoj prozy: dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol'. 2017. 203 s.

*Agavova Z.Sh., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State Pedagogical University named after Rasul Gamzatov*

On the question of the functioning of interjective, modal and discursive phraseological units

Abstract: the description of phraseological units of an interjective, modal and discursive nature is important for speech communication and discourse. It is very relevant and equally difficult and complicated. The complexity is due to a number of factors: on the one hand, a fairly deep and multifaceted study of general phraseology, and on the other hand, a small number of studies on the classes of these types of phraseological units. Each of the described types of phraseological units has certain properties: modal phraseological units express emotions, enable communication participants to convey the full range of subjective sensations. Interjective PE are used to express speech acts that are of the expressive type. Discursive PE are verbal and behavioral actions of the subjects of discourse. They, functioning in the structure of discourse, are derived from the meaning in the position of a separate replica. When analyzing the issues of interjective, modal and discursive phraseological units and the peculiarities of their functioning, it is necessary to take into account various classes and subclasses of PE, since this affects their semantic and functional relationships.

Keywords: phraseological units, interjective, modal, discursive, relatives, lexico-phraseological systems, act of communication, discourse, expressivity, emotionality

For citation: Agavova Z.Sh. On the question of the functioning of interjective, modal and discursive phraseological units. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 129 – 132.

Received: August 15, 2023; Revised: October 17, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Даренская Н.А., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет*

Роль литературных претекстов и музыкальной цитации в смысловом пространстве повести А.И. Куприна «Впотьмах»

Аннотация: в статье анализируется роль различных «текстов-доноров», выбранных молодым Куприным для создания повести. Показывается экстраполяция в ткань повествования отдельных мотивов, различных аллюзий из произведений как русской классической литературы («Пиковая дама» А.С. Пушкина, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Сон смешного человека», «Преступление и наказание», «Бесы» М.Ф. Достоевского), так и зарубежной (Г. Гейне «Хотел бы в единое слово...», И. Гете «Фауст», «Лесной царь»). Причем тексты зарубежных классиков вплетены в текст в основном посредством музыкальной репрезентации (либретто к опере, романс, вальс). Показано, что конгломерация многочисленных литературных аллюзий, разнообразных жанровых форм и даже видов искусства позволяет автору уже на этапе вхождения в литературу заявить о себе как писателе «Серебряного века», с его борьбой и взаимовлияниями реализма и модернизма, создать уникальный, прецедентный текст.

Целью исследования является осмысление феномена игрового начала в поэтике раннего Куприна на примере повести «Впотьмах». Новизна работы связана с отсутствием в современной купринистике исследований, подробно и полно анализирующих репрезентацию игровых форм в повести. Методы исследования – интерпретационный и интертекстуальный анализ текста.

Задача исследования – выявление в смысловой структуре повести интертекстуальных артефактов, принадлежащих к разным жанрам и направлениям искусства: осмысление роли музыкального экфрасиса и интертекстуальных связей в сюжетно-композиционной канве, поэтике названия, создании системы образов.

Ключевые слова: А.И. Куприн, аллюзия, интертекст, литературная игра, претекст, музыкальный экфрасис

Для цитирования: Даренская Н.А. Роль литературных претекстов и музыкальной цитации в смысловом пространстве повести А.И. Куприна «Впотьмах» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 133 – 138.

Поступила в редакцию: 15 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Новаторство молодого Куприна состояло в смелой экспериментаторской попытке соединить художественную литературу со смежными видами искусства, например, музыкальной оперой, романсом, создать прецеденты «музыкальной цитации» как сложный жанровый симбиоз. В повести «Впотьмах» (1893), как и других ранних произведениях, писатель пытается найти свою стилистическую манеру, его привлекают новаторские эксперименты, литературно-игровые формы художественного освоения реальности.

Большую роль в структуре текста играет музыкальный экфрасис – словесное описание музыкальных произведений, их пение или частичное цитирование. Повесть насчитывает около пяти эпизодов музыкальной цитации, что было подмечено исследователями творчества Куприна, однако до сих пор нет сколько-нибудь последовательного толкования их роли в смысловом пространстве текста. В писательской практике музыка часто является средством психологической характеристики героев, механизмом передачи их настроений, чувств, мыслей. В этом плане, с одной стороны, Куприн не является исключением. С другой стороны, его приемы музыкальной цитации – инструмент игры с читательской памятью, средство создания дополнительных смыслов, попытка рождения новой жанровой синкретической формы. Музыкальный экфрасис «Впотьмах» – это сложная лаборатория игры словесной репрезентации музыкальных произведений с целью актуализации значимых культурных кодов у читателя, а также способ прочтения судьбы персонажей через архетипические схемы. Рассмотрим эту мысль на примере первого эпизода – знакомства Зинаиды Павловны с Аларинным в поезде.

Зинаида Павловна напевает две строчки, демонстрируя свой чудесный голос. Это строки из романса «Хотел бы в единое слово...», положенные на музыку немецкого композитора Феликса Мендельсона, автор стихов – Г. Гейне. И хотя отсылка к дуэту Мендельсона очень лаконична, малоинформативна, музыкальный экфрасис привносит дополнительные смысловые коннотации в знакомство героя и героини. Музыка и литературный текст, если с ним читатель хорошо знаком, как бы программируют, предопределяют характер дальнейших отношений героев задолго до фабульного развития действия. Не случайно именно в этом

эпизоде возникает мотив связи, судьбы, ср.: «Ведь это положительно судьба, что мы с вами попали в один и тот же вагон...» [1, с. 57]. Стихотворение Г. Гейне относится к жанру романтической любовной лирики, наполнено грустью и печалью, тоской героя от неразделенной любви: «И пусть бы то слово печали// По ветру к тебе донеслось// И пусть бы всегда и повсюду// Оно тебе в сердце лилось!» [2, с. 307]. Тоскуя, лирический герой не теряет надежды на взаимность, хотя бы посредством услышанного возлюбленной «слова печали» во сне. Меланхолическая «печаль» как лейтмотив романа семантически предвосхищает у Куприна будущий событийный ряд повести, подсвечивая трагической ноткой суть ложных иллюзий героини о своем счастье. Мечтательная Зинаида Павловна питает романтические надежды на то, что обрела в лице Аларина истинного рыцаря-спасителя и защитника, друга, которому сможет поверять свои радости и беды, однако ее романтическим грезам в дальнейшем не суждено будет сбыться.

Следующий эпизод музыкального цитирования связан с оперой «Фауст» (одноименная опера Шарля Гуно, написанная на сюжет первой части трагедии Гете «Фауст»), отрывки из которой для Лизы исполняет Зинаида Павловна, а Кашперов становится случайным слушателем. Это значимая сцена в произведении, актуализирующая явные литературные параллели: Зинаида Павловна – Маргарита, Аларин – Фауст, соперник Кашперов – его Фауст-двойник. Основанием для сближения Зинаиды Павловны и Маргариты является изоморфность судьбы двух героинь – обе, следуя цитате из либретто, «жертв[ы] любви несчастной» [3]. Фаустом-искусителем для Зинаиды Павловны выступают одновременно как Аларин, так и Кашперов. Последний в глазах героини наделяется еще и чертами Мефистофеля (ср.: «... в нем есть «что-то магнетическое»). В первого она влюбляется, ждет взаимности, но обманывается в своих чувствах, домогательствам второго страшится, но волею судьбы вынуждена будет принести свою честь в жертву слепой любви.

В следующем эпизоде повести Кашперов слушает, как Зинаида Павловна исполняет балладу Гете «Лесной царь» (нем. *Erlkönig*) на музыку Шуберта. Написанная в 1782 году, баллада описывает смерть ребенка в присутствии некоего сверхъестественного существа – лесного царя. Этот музыкальный экфрасис также выполняет важную интерпретационную функцию с позиции проецирования на сюжетную канву и взаимоотношения героев. Ведь Кашперов в своей последующей безумной одержимости, стремлением любой ценой обладать Зинаидой Павловной, схож с лесным царем. Ср.: «Если я поклялся, что вы будете моей, то отдам жизнь, пойду на каторгу, уничтожу всякого, кто станет мне на дороге, а вы все-таки будете моею... Да, моей!» [1, с. 86]. В балладе Гете лесной царь столь же неистов: «Дитя, я пленился твоей красотой// Неволей иль волей, а будешь ты мой» [4, с. 13-14]. Смерть младенца в балладе и смерть невинной девушки (Зинаиды Павловны), принесшей себя в жертву, это параллели одного смыслового ряда. Характерно, что мотив «невинности» героини отчетливо звучит и в «Фаусте» (ср. Фауст о Маргарите: «Как скромна, как прелестна! И как дитя невинна!» [3]).

Неоконченное пение баллады Зинаиды Павловны переходит в *cis-moll*-ный вальс Шопена (Op. 64 № 2 *cis-moll*). Известный седьмой вальс великого польского композитора также не случаен в повествовательной канве, поскольку его элегическая печаль полностью созвучна настроению героини. Нежная, гармоничная музыка вальса Шопена передает эмоциональное настроение Зинаиды Павловны, ее романтическую тоску о возлюбленном. Однако основная функция музыкального экфрасиса заключается в предвосхищении еще пока не существующего нарративного пространства повести – сцены бала, где героиня будет приглашена танцевать вальс, кружить с прекрасно вальсирующим Аларинным, испытывая «чудное, сладкое забытие, – состояние, подобно которому она еще никогда не испытывала» [1, с. 81].

Известно, что вальс является лейтмотивом первого действия в «Фаусте», передавая праздничное ощущение, царящее на городской площади. В голосе хора есть призывы отдалиться «страсти живой»:

За вальс, за вальс опять, за вальс опять!
Лёгкий вальс, прелестный и воздушный
Пусть дольше продлится эта игра,
Готова кружиться я до утра! [3]

«Фаустианский» мотив вальсирования, инкорпорированный в повесть Куприна путем механизма музыкальной цитации, делает художественное пространство более сложным, семантически многомерным, позволяя читателю актуализировать те или иные ассоциативные связи и комбинации.

Песенка Маргариты о фульском короле (второе действие из либретто «Фауст»), которую также поет Зинаида Павловна, является в повести Куприна, в некотором смысле, семантической констелляцией сюжета. Ведь в финале Кашперов повторит судьбу короля песенки, пригубившего «в память женщины любимой» отравленное зелье из ценного кубка, с той лишь только разницей, что примет сильный раствор синильной кислоты. Кашперов отравит себя из-за своей возлюбленной – Зиночки/Маргариты.

Большую роль в поэтике повести играют приемы писательской игры с целым корпусом мотивов, навеянных русской классической литературой. Факт воссоздания в Аларине сниженного образца типа «лишнего

человека» отмечался исследователями [5, 6], также упоминались некоторые ассоциативные связи с предшествующими текстами. По мнению Тихомировой А.О., в повести «немало и заимствований, иногда прямых (волнение Лизы на первом балу – подобные переживания Наташи Ростовской, намерение Аларина убить ростовщика – действия Раскольникова), но чаще обобщенных, архетипического характера» [6, с. 210]. Действительно, романтический красавец Аларин представляет собирательный образ, кумуляцию архетипа лишнего человека. Например, в своей склонности к рефлексии («анализу своих внутренних побуждений»), некоторой презрительной циничности по отношению к окружающим, он схож с лермонтовским Печориным. Примечательно, что сам Аларин называет себя «раздвоенным человеком». В своей убежденности в необходимости коренных реформ в сфере семьи и общественного воспитания он пародирует Базарова. Язывательный отзыв о произведениях Тургенева, которыми увлекалась Зинаида Павловна (ср.: «...у него, пожалуй, многое и в архив можно сдать» [1, с. 56]) также вызывает аллюзии с тургеневским нигилистом. В поведении героя обращает внимание театральность, тяга к ироническому самолюбованию, позерству. Герой все время как бы играет определенную роль на сцене. Даже в манере говорить имеется некая «эффектная деланность», он часто говорит не столько для кого-то, сколько для собственного удовольствия, «для красоты слога» (ср.: «Он с эффектной деланной злобой говорил»). Примечательно, что и свою службу по инженерной части в порту герой воспринимает как нечто ненастоящее, а существующее только «в виде декорации». В создании образов главных героев Куприн явно использует прием пародирования. Молодой писатель понимает, что «жонглирует» известными литературными штампами, и не скрывает этого, а наоборот, делает предметом игры. В одном из эпизодов писатель иронически проговаривается устами своего героя: «Та или другая роль зависит от настроения духа или прочитанной книжки...» [1, с. 55]. Как любой начинающий писатель, Куприн находится, с одной стороны, под огромным влиянием литературной традиции, а с другой, всячески стремится дистанцироваться от предшествующего литературного опыта, уйти от «плагиатства». Одним из таких средств и является игровое переосмысление доставшегося в наследство культурного багажа. Таковы интертекстуальные прецеденты в повести. Например, узнаваемой аллюзией на «Пиковую даму» А.С. Пушкина служит сцена проигрыша: «Александр Егорович посмотрел на свою карту: оказалась дама бубен, и в его уме почему-то быстро мелькнул и скрылся образ Зинаиды Павловны» [1, с. 91]. Герой Куприна, как и пушкинский Германн, нарушает условие сакрального лица – в данном случае, Зинаиды Павловны, не играть в карты сегодня, поэтому за «непослушание» оказывается наказанным. Аларин оказывается в ситуации возмездия и потому, что пренебрегает любовью Зинаиды Павловны, не ценит ее жертвенность и чувства. В этом он схож с Германном, для которого воспитанница старой графини – Лизавета Ивановна, была лишь средством обогащения. Оба героя не исполняют данное ими слово, игнорируют те обязательства, которые на них возложены – быть рыцарем, возлюбленным, наконец, жениться, поэтому и терпят столь жестокое фиаско. Германн сходит с ума в прямом смысле, Аларин после проигрыша находится в состоянии временного умопомешательства (ср.: «Игроки, толпившиеся вокруг стола, глядели на его судорожную развязность, близкую к умопомешательству...»; «Его губы бормотали бессвязные слова, встречавшиеся с ним прохожие невольно останавливались, провожая его взорами» [1, с. 92, 98]).

Оба игрока – и пушкинский Германн, и купринский Аларин, в своей одержимости игрой превращаются в глазах дам в злодеев, теряют все человеческое. Примечательно, что в «Пиковой даме» Лизавета Ивановна называет Германна «чудовищем». В повести Куприна звериное начало подчеркивает и сам Аларин, по мнению которого «...человек во время игры становится самым опасным из всех диких зверей» [1, с. 80]. Когда Аларин видит деньги, принесенные Зинаидой Павловной для спасения, то лицо его принимает «жадное, почти зверское выражение» [1, с. 113]. Таким образом, наиболее последовательны игровые корреляции повести Куприна с пушкинским текстом, начиная с профессии (оба героя – инженеры), внешности (романтический образ, сверкающие «черные глаза»), заканчивая мотивной и сюжетной перекличкой.

В образе Зинаиды Павловны, готовой продать свою невинность, чтобы на вырученные деньги спасти близкого человека, писателем транспонированы и жертвенность Сонечки Мармеладовой Ф.М. Достоевского, и трагедия обманутой «бесприданницы» Ларисы Огудаловой из драмы А.Н. Островского (в этой связи показательны слова Кашперова Зиночке: «...а вы все-таки будете моею... Да, моей! Слышите ли: моей любовницей, моей вещью...» [1, с. 86]).

Мотив проигрыша «чужих денег» главным героем и его мысли о самоубийстве в сознании читателя актуализируют еще одну ассоциативную параллель (Аларин – Николай Ростов из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»). Душевные терзания героя Толстого: «Все кончено, я пропал <...>. Теперь пуля в лоб – одно остается» [7, с. 79] созвучны внутреннему состоянию героя Куприна в 12-ой главке. При этом писатель может играть как с отдельным мотивом или образом, так и прибегнуть к «общим местам» – комплексу философских идей или воззрений героев своих литературных предшественников. Таковы думы героя о самоубийстве и ужасах загробной жизни, представляющие игровой конгломерат философской рефлексии героев

романов Ф.М. Достоевского. Идея Аларина пустить себе пулю в лоб, чтобы избавиться от мучений, отдаленно напоминает мысли известного самоубийцы-философа, также молодого инженера, брюнета с черными глазами (!) Кириллова из «Бесов» Достоевского, считающего, что «всякий, кто хочет главной свободы, тот должен смель убить себя» [8, с. 15]. Рефлексии героя Куприна о самоубийстве как способе избавления от страданий одновременно созвучны и воззрениям молодого человека, персонажа из «Сна смешного человека». Ср.: «... застрелюсь я, и мира не будет, по крайней мере для меня» [9, с. 5]. Кроме того, мысли Аларина о пустоте и ужасе потустороннего мира представляют аллюзию на философские размышления героев Достоевского о загробной жизни. Обвиняя себя в малодушии, он с укором произносит: «Нет, брат, коли хочешь умереть, так всоси в себя мысль о ничтожестве, привыкни к тому, что не только темноты погребца, а ровно ничего не будет, – ничего, ни света, ни темноты, ни времени, ни пустоты даже. Ничего!» [1, с. 112]. Такое представление о загробном как о небытии в виде темного холодного погребца является аллюзией на размышления Свидригайлова о вечности в «Преступлении и наказании». Ср.: «...представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [10, с. 21]. Таким образом, за счет использования имплицитных и эксплицитных форм интертекстуальности достигается семантическая сгущенность текста произведения.

Смысл названия повести – «Впотьмах», на первый взгляд, кажется затуманенным, непонятным. Теме не менее, мотив темноты в той или иной вариации присутствует на всем протяжении повествования. В 1-ой главке он возникает посредством упоминания незначительных деталей: герои знакомятся в «полутьме вагона», значимо, что Аларин не совсем может разглядеть лицо девушки из-за плохого света и редкой вуали. В дальнейшем «таинственная полутьма» окрашивает исполнение Зинаидой Павловной «Фауста». «Непроницаемая темнота» окружает главного героя и в тот момент, когда он идет на преступление, вынимая казенные деньги у себя дома из шкапулки. Погружение в бездну, отдача себя темным силам усиливается характерной репликой: «А, не один ли черт!» [1, с. 89]. Мотив тьмы продолжает свое развитие и в эпизоде игры в доме Круковского, напоминающей некий шабаш, вертеп (ср.: «уехать из этого вертепа и лечь спать»), средоточие темных сил и страстей. Не случайно лица у игроков бледные, некоторые кажутся «совсем мертвыми».

В развертывании фабулы писатель широко используемый в русской литературе прием двойничества, с помощью которого разворачиваются смыслы повести: философский (тема судьбы и ответственности за свои поступки, тема добра и зла), нравственно-психологический (высокое и низменное в человеке). Двойниками-соперниками, участниками любовного треугольника выступают Аларин и Кашперов. Кашперов, у которого служит гувернанткой Зинаида Павловна, – человек со страстями, человек-игрок, обольститель женщин. Но, в отличие от Аларина, он – игрок удачливый. Ср.: «Он играл, рискуя последним, и всегда был баснословно счастлив <...> в любви, как и во всем остальном, он не знал проигрыша...» [1, с. 75]. В этой фразе можно увидеть прямую полемическую отсылку к пушкинскому тексту, противостояние двух мировоззренческих позиций героев-игроков: если у Пушкина Германн говорит о себе, что «не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее», то Кашперов, как и Аларин, в повести Куприна рискуют последним, что у них было. Однако в своих притязаниях на любовь Зинаиды Павловны Кашперов менее удачлив, чем его соперник, так как молодая девушка отвергает его любовь.

Смысл указанного двойничества заключается в том, чтобы показать читателю «истинного рыцаря», «истинного короля». И идея эта реализуется в том числе посредством вплетения в повествовательную ткань текста музыкальных и литературных претекстов разных жанров. Герои являются соперниками, «Фаустами», но в своем соревновании проходят разные пути нравственных изменений. Если Кашперов в начале развертывания сюжета движим несерьезными и даже грязными помыслами, то в дальнейшем, постепенно, осознает свою любовь к Зинаиде Павловне как настоящую и готов принести в жертву все, даже свою жизнь, чтобы быть рядом с ней. То есть его путь можно маркировать как «нравственное восхождение». Совершенным антагонистом выглядит Аларин: вначале он покровительствует молодой девушке (в первой главке в прямом смысле выступает рыцарем-спасителем, оберегая от грязных домогательств вагонного «восточного человека»), влюбляет ее в себя, дает надежды на совместную счастливую жизнь, затем обесценивает ее чувства настолько, что даже не способен оценить жертвенный поступок, поэтому он – герой с отрицательной эволюцией. Не случайно повесть имеет замкнутую кольцевую композицию, выстроенную по принципу игрового контраста, суть которого состоит в демонстрации нравственного падения главного героя, его погружения «во тьму». Эта мысль заложена в структурно-композиционной организации пространства текста. Показательными маркерами деградации во всех смыслах – физической, нравственной, материальной – служат несколько символически значимых деталей. Например, в начале повести (1-ая главка) герой садится в поезд второго класса, а в заключительной 14-ой главке едет уже в вагоне третьего класса, что расценивается как признак финансовой несостоятельности. Значительные перемены происходят

и во внешности. Если в начале повести Аларин предстает смуглым красавцем, то в конце от былой красоты не остается и следа: «Щеки <...> ввалились и пожелтели от забот и бессонных ночей, в волосах серебрились седые волосы» [1, с. 118]. Нравственная деградация подчеркивается еще одной знаковой деталью: в финале повествования герой оказывается в условно моделируемой ситуации исповеди, поскольку его случайным попутчиком оказывается священник. Следуя логике жизненных обстоятельств, герой потенциально получает возможность покаяния в своих поступках, но не использует ее, о чем свидетельствует демонстративное поведение. Ср.: «...как пришел в вагон, так и забился в самый дальний угол, почти не отвечая на вопросы своего соседа, словоохотливого толстого священника...» [1, с. 118]. Таким образом поэтика названия повести – «Впотьмах», приобретает дополнительные смысловые коннотации, связанные с эволюцией жизни героя, его личность и душа остаются темной, нравственного просветления не происходит, и сам герой это осознает.

Если в советской купринистике ранние произведения Куприна считались «малоценными», не представляющими художественной значимости, подражательскими, то в современных исследованиях фокус все чаще смещается в сторону обоснования сложной семиотической структуры его текстов, в том числе ранних [11]. Повесть «Впотьмах» как прецедент раннего творчества не является исключением, демонстрируя смелые игровые эксперименты писателя с используемыми приемами, стремление создать новый литературный продукт путем переосмысления разнообразных культурных кодов и артефактов.

Литература

1. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Произведения 1889-1896. М.: Художественная литература, 1970. Т. 1. 512 с.
2. Стихотворение Г. Гейне цитируется в переводе Л. Мея. Цит. по: Мей Л. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1972. 680 с.
3. Цит. по: Либретто опер. Ш. Гуно. Фауст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libretto-oper.ru/>, свободный (дата обращения: 10.09.2023)
4. Стихотворение Гете цитируется в переводе В. Жуковского. Цит. по: Родные поэты: Стихотворения русских поэтов-классиков XIX и начала XX века / Сост.сб. и биогр. справки Н.С. Шер; Портр. В. Панова. 7-е изд. М.: Дет. лит., 1979. 286 с.
5. Соценко Н.Ф. Интертекстуальность прозы А.И. Куприна 1890-1900-х годов.: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02: утв. 22.06.08. Харьков, 2008. 210 с.
6. Тихомирова А.О. Повесть А.И. Куприна «Впотьмах»: традиции и новаторство // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): Сборник статей по итогам III Международной научной конференции. М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2019. С. 203 – 210.
7. Толстой Л.Н. Война и мир. Роман: в 4 т. М.: ЭКСМО, 2008. Т. II. ч 1. 733 с.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 7. 845 с.
9. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1995. Т. 14. 783 с.
10. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 573 с.
11. См., например, работы: Скубачевская Л.А. Специфика неореализма А.И. Куприна: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02: утв. 23.05.07. Харьков. 2007. 206 с.; Соценко Н.Ф. Игра как инструментальный поэтики А.И. Куприна (роль толстовского интертекста в рассказе А.И. Куприна «Просительница») // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Сер. Філологія. 2011. № 963. Вип. 62. С. 129 – 133.; Даренская Н.А. А.И. Куприн и Ф.М. Достоевский. О поэтике рассказа Куприна «Лунной ночью» // Филологический аспект. 2020. № 2 (58). С. 49 – 54.; Даренская Н.А. Литературно-игровое начало в рассказе А.И. Куприна «Последний дебют» // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 2. С. 56 – 61.; Даренская Н.А. О роли пушкинского претекста в рассказе А.И. Куприна «Игрушка» // Филологический аспект. 2022. № 07 (87). С. 150 – 155.

References

1. Kuprin A.I. Sbranie sochinenij: v 9 t. Proizvedenija 1889-1896. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1970. T. 1. 512 s.
2. Stihotvorenje G. Gejne citiruetsja v perevode L. Meja. Cit. po: Mej L. Izbrannye proizvedenija. L.: Sovetskij pisatel', 1972. 680 s.
3. Cit. po: Libretto oper. Sh. Guno. Faust [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://libretto-oper.ru/>, svobodnyj (data obrashhenija: 10.09.2023)

4. Stihotvorenje Gete citiruet'sja v perevode V. Zhukovskogo. Cit. po: Rodnye pojety: Stihotvorenija russkih poetov-klassikov XIX i nachala XX veka. Sost.sb. i biogr. spravki N.S. Sher; Portr. V. Panova. 7-e izd. M.: Det. lit., 1979. 286 s.
5. Socenko N.F. Intertekstual'nost' prozy A.I. Kuprina 1890-1900-h godov.: dis. ... kand. filolog. nauk: 10.01.02: utv. 22.06.08. Har'kov, 2008. 210 s.
6. Tihomirova A.O. Povest' A.I. Kuprina «Vpot'mah»: tradicii i novatorstvo. Slovesnoe iskusstvo Serebrjanogo veka i Russkogo zarubezh'ja v kontekste jepohi («Smirnovskie chtenija»): Sbornik statej po itogam III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, 2019. S. 203 – 210.
7. Tolstoj L.N. Vojna i mir. Roman: v 4 t. M.: JeKSMO, 2008. T. II. ch 1. 733 s.
8. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij: v 15 t. L.: Nauka, 1990. T. 7. 845 s.
9. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij: v 15 t. L.: Nauka, 1995. T. 14. 783 s.
10. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v 15 t. L.: Nauka, 1989. T. 5. 573 s.
11. Sm., naprimer, raboty: Skubachevskaja L.A. Specifika neorealizma A.I. Kuprina: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02: utv. 23.05.07. Har'kov. 2007. 206 s.; Socenko N.F. Igra kak instrumentarij pojetiki A.I. Kuprina (rol' tolstovskogo interteksta v rasskaze A.I. Kuprina «Prositel'nica»). Visnik HNU im. V.N. Karazina. Ser. Filologija. 2011. № 963. Vip. 62. S. 129 – 133.; Darenskaja N.A. A.I. Kuprin i F.M. Dostoevskij. O pojetike rasskaza Kuprina «Lunnoj noch'ju». Filologicheskij aspekt. 2020. № 2 (58). S. 49 – 54.; Darenskaja N.A. Literaturno-igrovoe nachalo v rasskaze A.I. Kuprina «Poslednij debjut». Uspehi gumanitarnyh nauk. 2022. № 2. S. 56 – 61.; Darenskaja N.A. O roli pushkinskogo preteksta v rasskaze A.I. Kuprina «Igrushka». Filologicheskij aspekt. 2022. № 07 (87). S. 150 – 155.

*Darenskaya N.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Saint Petersburg State Pediatric Medical University*

The role of literary pretexts and musical citation in the semantic space of A.I. Kuprin's novella “In the dark”

Abstract: the article analyzes the role of various "donor texts" chosen by the young Kuprin to create the story. The extrapolation into the narrative fabric of individual motifs, various allusions from works of both Russian classical literature ("The Queen of Spades" by A.S. Pushkin, "War and Peace" by L.N. Tolstoj, "The Dream of a Funny Man", "Crime and Punishment", "Demons" by M.F. Dostoevsky) and foreign (G. Heine "Would like in a single word ...", I. Goethe "Faust", "The Forest King"). Moreover, the texts of foreign classics are woven into the text mainly through musical representation (opera libretto, romance, waltz). It is shown that the conglomeration of numerous literary allusions, various genre forms and even types of art allows the author, already at the stage of entering literature, to declare himself as a writer of the "Silver Age", with its struggle and mutual influences of realism and modernism, to create a unique, precedent text.

The purpose of the study is to comprehend the phenomenon of the beginning of the game in the poetics of early Kuprin on the example of the story "In the Dark". The novelty of the work is associated with the lack of research in modern kuprinistics that analyzes in detail and fully the representation of game forms in the story. The research methods are interpretative and intertextual analysis of the text.

The aim of the research is to identify intertextual artifacts belonging to different genres and art directions in the semantic structure of the story: understanding the role of musical ecphrasis and intertextual connections in the plot and compositional canvas, the poetics of the title, and the creation of a system of images.

Keywords: A.I. Kuprin, allusion, intertext, literary play, pretext, musical ecphrasis

For citation: Darenskaya N.A. The role of literary pretexts and musical citation in the semantic space of A.I. Kuprin's novella “In the dark”. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 133 – 138.

Received: August 15, 2023; Revised: October 17, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Ли О.Д., старший преподаватель,
Владивостокский государственный университет*

Функции предложно-падежных сочетаний с производными предлогами противительной семантики в структуре предложения и текста

Аннотация: настоящее исследование выполнено в русле одного из современных лингвистических направлений – изучения процессов грамматикализации.

Целью статьи является представление результатов изучения функционирования в русском языке отменных производных предлогов «в противоположность», «в противовес», «в противопоставлении», относящихся к служебным словам с противительной семантикой. Показано, что названные предложные единицы участвуют в установлении отношений противопоставления в синтаксических конструкциях трехчленного типа.

В ходе исследования было установлено, что предложно-падежные сочетания с предлогами «в противоположность», «в противовес» выполняют текстообразующую функцию.

В предложении предложно-падежные сочетания с производными предлогами «в противоположность», «в противовес», «в противопоставлении» -выполняют функцию введения дополнительного сообщения, что подчеркивается пунктуационным выделением этих сочетаний в письменном тексте.

Результаты настоящего исследования могут применяться при составлении словарей служебных слов русского языка, в преподавании курсов лексикологии, морфологии, синтаксиса, методики преподавания русского языка как иностранного студентам филологических специальностей, а также на занятиях по дисциплинам «Русский язык в деловом общении» и «Русский язык и культура речи» студентам нефилологических направлений. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при обучении русскому языку как неродному иностранных учащихся.

Ключевые слова: производный предлог, синтаксическая конструкция, трехчленная конструкция, текст, пунктуация, вставная конструкция, обособление

Для цитирования: Ли О.Д. Функции предложно-падежных сочетаний с производными предлогами противительной семантики в структуре предложения и текста // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 139 – 145.

Поступила в редакцию: 15 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 16 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Переход знаменательных частей речи в классы служебных является активным процессом современного русского языка.

Трансформация имен существительных в предлоги началась в XVIII веке в связи с ростом экономики, торговых отношений и развитием деловой документации.

Состав предложных образований с базовым словом – именем существительным неоднороден: некоторые единицы находятся на завершающих этапах опредложивания и фиксируются в современной научной литературе как предлоги, другие выполняют предложную функцию только в определенных контекстах, в иных же случаях остаются существительными.

Производные предлоги и предложные новообразования являются объектом исследований таких ученых, как М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов [5], Л.М. Финкель [17], М.И. Конюшкевич [9], Е.Т. Черкасова [19], М.А. Леоненко [11, 12], Е.Н. Виноградова [2, 3, 4], Е. С. Шереметьева [20], Г.А. Шиганова [21].

Предложные образования противительной семантики наряду с единицами других уровней реализуют отношения противопоставления в языке.

Проблеме семантики противительности и средствам её выражения посвящены труды Н.Н. Холодова [18], О.Ю. Иньковой-Манзотти [7], Д.С. Ишхановой [8] М.С. Миловановой [13] и других.

Предложные образования противительной семантики представляют собой обширную группу слов, различающихся степенью опредложивания, оттенками значений, спецификой сочетаемости.

В данной статье рассматриваются такие средства выражения противительной семантики, как «в противовес», «в противоположность», «в противопоставлении».

Сбор языкового материала проводился методом сплошной выборки в Национальном корпусе русского языка.

Было обнаружено следующее количество употреблений: «в противоположность» – 1862 в основном корпусе и 279 вхождений в газетном, «в противовес» – 736 вхождений и 479 соответственно, «в противопоставлении» – 110 и 35 (в настоящем исследовании единицы «в противопоставлении к», «в противопоставлении с», «в противопоставление» отнесены к формальным вариантам предложного новообразования «в противопоставлении» ввиду идентичности их синтаксических свойств и специфики сочетаемости).

«В противовес» и «в противоположность» квалифицируются в лексикографических источниках как производные предлоги [6, 14, 16].

Описаний единицы «в противопоставлении» в научной литературе обнаружено не было, а анализ языкового материала позволил установить, что сочетание выполняет предложную функцию в 34% случаев, в остальных же выступает как существительное с первообразным предлогом.

Предлоги «в противоположность», «в противовес» и единица «в противопоставлении», выполняющая предложную функцию, оформляют отношения противопоставления между компонентами синтаксических конструкций.

Синтаксическая конструкция – это «синтаксическое целое, состоящее из определенного количества взаимосвязанных компонентов, организованных по определенной формально-синтаксической модели» [20, с. 216]. В ходе исследования было установлено, что описываемые единицы формируют синтаксические конструкции трехчленного типа. Трехчленные конструкции – это синтаксические структуры, в состав которых входят параллельные компоненты (левый и правый) и общий компонент.

Обратимся к примерам.

(1) **Эта категория студентов пользовалась большим уважением в консерватории, в противовес другой группе – талантливых лентяев, которых не любили и охотно исключали** [Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)].

В данном примере левым компонентом конструкции является словосочетание *категория студентов*, правым компонентом – *(другой) группе*. Общий компонент – *пользовалась уважением*.

Общий член связан с левым компонентом: *категория студентов пользовалась уважением* и с правым: *пользовалась уважением в противовес (другой) группе*.

Предлог «в противовес» оформляет противительные отношения между параллельными компонентами конструкции: *категория студентов в противовес (другой) группе*.

Приведем аналогичные примеры с другими описываемыми единицами.

(2) **Грамматическая конструкция дает осмысление этих стихов в противопоставлении пассивным и безличным построениям** [Ю. М. Лотман. Структура художественного текста (1998)].

Левый компонент – *(грамматическая) конструкция*, правый компонент – *(пассивным и безличным) построениям*, общий компонент – *дает осмысление*.

(3) **Дарья Фоминична, жена Токарева, в противоположность мужу высокая, полнотелая, поставила перед Павлом тарелку пшенной каши и, вытирая белым фартуком влажные губы, сказала добродушно <...>** [Н.А. Островский. Как закалялась сталь (1930-1934)].

Левый компонент конструкций – *жена Токарева*, правый компонент – *мужу*, общий член – *высокая, полнотелая*.

Как видно из примеров, общий член конструкции одновременно связан с левым и правым компонентами. Связь общего и правого компонента реализуется посредством предложной единицы.

Предлог и предложное новообразование оформляют противительные отношения между параллельными компонентами конструкций: *грамматическая конструкция в противопоставлении пассивным и безличным построениям; жена Токарева в противоположность мужу*.

Синтаксические конструкции такого типа встречаются в текстах различной стилевой принадлежности: художественной литературе, публицистике, научных работах по филологии, истории и философии.

Исследование показало, что в существенной части проанализированных текстов предлоги «в противоположность» (33% употреблений) и «в противовес» (40% вхождений) используются в начале предложения и имеют связь с предшествующим текстом.

Это явление описано в работах М.А. Леоненко: «лексическое наполнение оборотов с сопоставительными и противительными предлогами находится в соответствии с их ролью опорных компонентов текста: они, как правило, лексически соотношены с предшествующей частью текста» [12, с. 200].

Приведем пример:

(4) **Исследователи обнаружили, что профиль здоровья у мужчин-рентгенологов, окончивших медицинские учебные заведения после 1940 года, был лучше, чем у психиатров. Уровень смертности рентгенологов был ниже, также не было обнаружено доказательств повышенной смертности от причин, связанных с радиацией, например, от рака или сердечно-сосудистых заболеваний. В противоположность этому**

рентгенологов, окончивших медицинские учебные заведения до 1940 года, были обнаружены более высокие показатели смертности <...> [Раздел «Политика». Суд отменил штраф в размере 300 тысяч рублей для ассоциации «Голос» // gazeta.ru, 2016.07].

Предлог «в противоположность» находится в начале предложения и вводит анафорический элемент этому. Анафорическое местоимение отсылает к информации в предшествующем фрагменте текста (об уровне и причинах смертности рентгенологов, закончивших обучение после 1940 г.), Одновременно предложно-падежное сочетание с анафорическим местоимением, обозначая описанную в предшествующем контексте ситуацию в свернутом виде (в виде номинации), противопоставляет ее новой информации (об уровне смертности рентгенологов, закончивших обучение до 1940 г.), данной в том предложении, в которое входит предлог. Тем самым устанавливаются противительные отношения между двумя фрагментами текста, следовательно, Предлог «в противоположность» выполняет текстообразующую функцию.

Аналогичную функцию выполняет предлог «в противовес» в следующем примере:

(5) *Имея громадное численное превосходство в начале войны, Наполеон постепенно расплыл свои силы и напоследок остался без резервов. **В противовес этому** русское командование рационально использовало резервы, смогло мобилизовать значительные людские и материальные ресурсы и сконцентрировать главные силы в решающий момент и в решающем месте* [Виктор Безотосный. «От великого до смешного...» // «Знание-сила», 2012].

Подобных примеров с сочетанием «в противопоставлении» в предложной функции в НКРЯ не обнаружено, следовательно, на данном этапе исследования говорить о текстообразующей функции данного сочетания нельзя.

Для конструкций с предлогами «в противовес», «в противоположность» и предложным новообразованием «в противопоставлении» нет строго установленных правил пунктуации, что находит отражение в использовании разных знаков препинания.

В ходе анализа материала было установлено, что вводимый предлогом компонент конструкции может выделяться с помощью запятой, тире, скобок, но может и не выделяться знаками препинания.

Использование пунктуационного выделения встретились в 45% примеров с предлогом «в противоположность», в 35% вхождений с предлогом «в противовес», в единичных случаях употребления «в противопоставлении». Поскольку регламентация по постановке пунктуационных знаков в таких случаях отсутствует, постановка знака препинания является решением автора.

Выбор знака препинания определяется его выделяющей функцией.

Названные пунктуационные знаки выделяют в предложении особо значимые части, участвуют в передаче сообщений, имеющих дополнительную смысловую нагрузку.

Разница в степени выделенности подчеркивается выбором знака: запятая (меньшая степень), тире (средняя степень), скобки (высшая степень выделенности) [1, с. 496].

В большинстве примеров предложно-падежное сочетание выделяется запятыми. Например:

(6) ***В противоположность Копенгагену, Стокгольм** произвел впечатление столицы хотя и небольшого, но высококультурного государства* [А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3 (1947-1953)].

(7) *Именно поэт, **в противовес** находящемуся внутри него **критику**, испытывал страсть к сочным, размашистым стихам и жизненному жесту Поплавского* [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)].

Знаки препинания есть также в примерах (1), (3), приведенных выше.

Предлог и правый компонент конструкции вводят в предложение дополнительное к основной информации сообщение, иногда такое сообщение интонационно выделяется говорящим, что в письменном тексте отражается с помощью пунктуации.

При анализе примеров не было обнаружено случаев постановки запятых для пунктуационного выделения компонентов конструкций, оформляемых предложным новообразованием «в противопоставлении», но были выявлены факты использования знака «тире». Например:

(8) *Так — **в противопоставление марксистской теории** — возникла теория «общества среднего класса»* [Ирина Прусс. Ищите и обрящите. Непременно // «Знание – сила», 2009].

В примере (8) знак «тире», как и в предыдущих случаях постановка запятых, отражает интонационное выделение дополнительного сообщения на письме.

Исследователи определяют тире как знак «эмоционально-экспрессивного паузирования» [10, с. 61], а одной из его функций является «смысловая: передача значений условия, времени, сравнения, следствия, противопоставления и сопоставления, в тех случаях, когда эти значения не выражены лексически; в конечном счете это тоже фиксация своеобразных пропусков» [1, с. 495]. В связи с этим можно предположить, что

знак «тире» усиливает характер противопоставления между компонентами конструкции и подчеркивает значение «абсолютного контраста».

Тире в качестве выделительного знака было обнаружено в предложениях с предлогами «в противоположность» и «в противовес». Например:

(9) *Но как раз туркам было почти нечего скрывать, и жест Талаада – в противоположность сербам и грекам – был умен и понятен* [П.Н. Миллюков. Воспоминания (1859-1917). Том второй (1940-1943)].

(10) *Тем часом, дабы быть – в противовес Михаилу – во всеоружии своего дела, я усердно посещал императорский Эрмитаж и прочел немало иностранных увражей касательно чудесных коллекций картин* [О.Д. Форш. Одеты камнем (1924-1925)].

Примеры такого типа относятся к вставным конструкциям.

Вставка – это факультативная часть высказывания, имеющая ценность как дополнительная информация, «отсутствие которой не может повлиять ни на содержание, ни на структуру высказывания» [15, с. 159].

Вставные конструкции, обнаруженные в ходе данного исследования, относятся к неконструктивному типу, то есть в случае снятия тире или скобок предложная конструкция сохраняет свое место в структуре предложения и грамматическая целостность предложения не разрушается.

В научной литературе тире описано как пунктуационный знак, который в определенных случаях может использоваться для выделения вставных конструкций, однако специальным знаком вставной конструкции считаются скобки.

По мнению исследователей, скобки лучше всего передают факультативность и одновременно самостоятельность вставного компонента.

Примеры, в которых предложно-падежное сочетание представляют собой вставку, выделенную на письме скобками, немногочисленны, но встречаются с каждой описываемой предложной единицей. Например:

(11) *Эта партия выступает за независимость Фландрии, жесткое ограничение иммиграции и сохранение «традиционных фламандских ценностей» (в противоположность декаданству франкоязычных валлонов)* [Илья Бараникас. Сильная рука – надежда человечества // Московский комсомолец, 2016.03].

(12) *Вы это название, конечно, слышали, оно не сходит со страниц прессы в качестве синонима кабинета премьер-министра, совета министров и вообще исполнительной власти (в противопоставление главе государства и президентской власти, которые связывают с Елисейским дворцом, резиденцией президента)* [Б. М. Носик. Прогулки по Парижу. Левый берег и острова (2001)].

(13) *Ведь от признания их «законными носителями государственной власти» (в противовес «узурпаторам-большевикам») зависела, как считалось, степень их поддержки* [Василий Цветков. «Откуда есть пошло» Белое движение // «Родина», 2007].

Приведенные примеры показывают, что скобки используются в целях усиления отношений противопоставления и акцента на равносильности сопоставляемых явлений или ситуаций.

Итак, описываемые предложные единицы оформляют противительные отношения между компонентами трехчленных конструкций. Предложные единицы «в противоположность», «в противовес» и вводимые ими правые компоненты, находясь в позиции абсолютного начала предложения, создают отношения противопоставления между фрагментами текста и выполняют текстообразующую функцию.

Функция предложно-падежного сочетания с предлогами «в противоположность», «в противовес» и предложным новообразованием «в противопоставлении» – вводить дополнительное сообщение, что подчеркивается обособлением в структуре предложения. В случае обособления предложно-падежное сочетание в основном выделяется запятыми, за исключением структур с предложным новообразованием «в противопоставлении».

В то же время было установлено, что в единичных случаях «в противопоставлении» и вводимые ей компоненты конструкций выделяются при помощи знаков «тире» и «скобки».

Предлоги «в противовес» и «в противоположность» и вводимые ими компоненты также могут быть выделены пунктуационными знаками «тире» и «скобки».

Выбор знака подчеркивает самостоятельность дополнительного сообщения по отношению к высказыванию и степень выраженности отношений противопоставления.

Литература

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: учебник / Под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.

2. Виноградова Е.Н. Описание предлогов как части речи: проблемы и перспективы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб., 2016. № 5. С. 91 – 95.

3. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Том 15. № 3. С. 299 – 316.
4. Виноградова Е.Н. Существительное или предлог? (о роли согласованного определения) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015б. Т. 4. С. 15 – 19.
5. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М: URSS, 2014. 304 с.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova>
7. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2001. 47 с.
8. Ишханова Д.С. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2007. 19 с.
9. Коношечевич М.И. Релятивный потенциал имени // Лінгвістичні студії. Зб. наук. праць. Донецьк: ДонНУ, 2008. Вип. 16. С. 60 – 66.
10. Куликова И.С. Салмина Д.В. Термин *ture* вне лингвистического дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2017. № 184. С. 58 – 64.
11. Леоненко М.А. Конструкция с вторичными предлогами сопоставительно-выделительного значения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ, 1971. 25 с.
12. Леоненко М.А. Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста // Синтаксис текста / Под ред. Г.А. Золотовой. М.: Наука, 1979. С. 197 – 203.
13. Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: монография. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. 346с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус.яз., 1984. 797 с.
15. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
16. Рогожникова. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: около 1 500 устойчивых сочетаний русского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2003. 414 с.
17. Финкель Л.М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке Харьков, Изд-во Харьковского гос. ун-та 1962. 237 с.
18. Холодов Н.Н. Проблема отношений аналогичности и неаналогичности в синтаксисе // Вопросы языкознания, 1985. № 5. С. 94 – 103.
19. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
20. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: монография. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. 236 с.
21. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2001. 318 с.

References

1. Valgina N.S., Rozental' D.Je., Fomina M.I. Sovremennyj russkij jazyk: uchebnik. Pod red. N.S. Valginov. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Logos, 2002. 528 s.
2. Vinogradova E.N. Opisanie predlogov kak chasti rechi: problemy i perspektivy. Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. SPb., 2016. № 5. S. 91 – 95.
3. Vinogradova E.N., Klobukova L.P. Predlog: bol'shie problemy malen'koj chasti rechi. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2017. Tom 15. № 3. S. 299 – 316.
4. Vinogradova E.N. Sushhestvitel'noe ili predlog? (o roli soglasovannogo opredelenija). Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2015b. T. 4. S. 15 – 19.
5. Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa: materialy k funkcional'no-grammaticheskomu opisaniju real'nogo upotreblenija. Pod obshh. red. M.V. Vsevolodovoj. M: URSS, 2014. 304 s.
6. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij jazyk, 2000. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/explanatory/efremova>

7. In'kova-Manzotti O.Ju. Konnektory protivopostavlenija vo francuzskom i russkom jazykah. Sopostavitel'noe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 2001. 47 s.
8. Ishhanova D.S. Protivitel'nye otnoshenija na razlichnyh jarusah sintaksisa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Stavropol', 2007. 19 s.
9. Konjushkevich M.I. Reljativnyj potencial imeni. Lingvistichni studii. Zb. nauk. prac'. Donec'k: DonNU, 2008. Vip. 16. S. 60 – 66.
10. Kulikova I.S. Salmina D.V. Termin tire vse lingvisticheskogo diskursa. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 2017. № 184. S. 58 – 64.
11. Leonenko M.A. Konstrukcija s vtorichnymi predlogami sopostavitel'no-vydelitel'nogo znachenija v sovremennom russkom literaturnom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: MGPI, 1971. 25 s.
12. Leonenko M.A. Sopostavitel'nye predlogi i ih rol' v sintaksise teksta. Sintaksis teksta. Pod red. G.A. Zolotovoj. M.: Nauka, 1979. S. 197 – 203.
13. Milovanova M.S. Semantika protivitel'nosti: opyt strukturno-semanticheskogo analiza: monografija. Moskva: FLINTA: Nauka, 2015. 346s.
14. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka: ok. 57000 slov. Pod red. dokt. filol. nauk, prof. N.Ju. Shvedovoj. M.: Rus.jaz., 1984. 797 c.
15. Prijatkina A.F. Russkij jazyk. Sintaksis oslozhnennogo predlozhenija. M.: Vyssh. shk., 1990. 176 s.
16. Rogozhnikova. Tolkovyj slovar' sochetanij, jekvivalentnyh slovu: okolo 1 500 ustojchivyh sochetanij russkogo jazyka. Moskva: Astrel': AST, 2003. 414 s.
17. Finkel' L.M. Proizvodnye prichinnye predlogi v sovremennom russkom literaturnom jazyke Har'kov, Izd-vo Har'kovskogo gos. un-ta 1962. 237 s.
18. Holodov H.H. Problema otnoshenij analogichnosti i neanalogichnosti v sintaksise. Voprosy jazykoznanija, 1985. № 5. S. 94 – 103.
19. Cherkasova E.T. Perehod polnoznachnyh slov v predlogi. M.: Nauka, 1967. 280 s.
20. Sheremet'eva E.S. Otymennye reljativy sovremennogo russkogo jazyka. Semantiko-sintaksicheskie jetjudy: monografija. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2008. 236 s.
21. Shiganova G.A. Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom jazyke. Cheljabinsk: Izd-vo Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2001. 318 s.

*Li O.D., Senior Lecturer,
Vladivostok State University*

**Functions of preposition-case combinations with derivative prepositions
of oppositional semantics in sentence and text structure**

Abstract: the present study is conditioned by the topical tendencies of modern tendencies in linguistics – the study of the processes of transition of independent parts of speech into classes of function words.

The present study is carried out in the context of one of the modern linguistic trends—the study of grammaticalization processes.

The aim of the article is to present the results of the study of the functioning in the Russian language of the otymene derivative prepositions "in contrast", "in opposition", "in opposition", relating to the service words with antithetical semantics.

The described prepositional units participate in the establishment of oppositional relations in syntactic constructions of the three-member type.

In the course of the study it was established that prepositional-case combinations with prepositions “v protivopolozhnost’”, “v protivoves” have a text-forming function.

In a sentence, units perform the function of introducing an additional message, which is emphasized by the allocation of different punctuation marks.

The results of the present research can be used in compiling dictionaries of function words of the Russian language, in teaching lexicology, morphology, syntax, methods of teaching Russian as a foreign language to students of philological specialties, as well as in the classes of "The Russian language in business communication" and "The Russian language and culture of speech" to students of non-philological specialties. Besides, this article can be used while teaching Russian as a non-native language to foreign students.

Keywords: derivative preposition, prepositional neologism, syntactic structure, prepositional function, three-components structure, punctuation mark, insertion structure

For citation: Li O.D. Functions of preposition-case combinations with derivative prepositions of oppositional semantics in sentence and text structure. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 139 – 145.

Received: August 15, 2023; Revised: October 16, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Литвяк О.В., кандидат филологических наук, доцент,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова*

Структурно-семантические особенности немецкоязычных ИТ-аббревиатур

Аннотация: целью статьи было изучение структурных и семантических характеристик немецкоязычных аббревиатур ИТ.

Среди методов исследования был выбран метод анализа, синтеза и метод сплошной выборки аббревиатур.

Результатом исследования стал анализ методов перевода сокращений компьютерных технологий, взятых из руководств для ПК серии Sony avaiо VPCE на русском и немецком языках.

Результат исследования: при переводе немецкоязычных ИТ-аббревиатур используются методы заимствования иностранных сокращений при сохранении латинского написания, использование ИТ-аббревиатур в исходном виде (в названиях), использование специфичных для немецкого языка аббревиатур и другие.

Вывод. Аббревиатуры несомненно, являются важным элементом ИТ-терминологии. Они позволяют сокращать сложные термины или слова, состоящие из нескольких частей, чтобы облегчить восприятие и более быструю передачу информации.

Ключевые слова: аббревиатура, немецкий язык, русский язык, англицизм, ИТ-аббревиатуры

Для цитирования: Литвяк О.В. Структурно-семантические особенности немецкоязычных ИТ-аббревиатур // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 146 – 151.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 4 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

В современном методе преподавания иностранных языков в школе важно, чтобы учащиеся развивали способность понимать иностранный язык в его различных проявлениях (технические термины) и даже использовать его на своем языке. Поэтому в школьной лингвистике важно решать проблему ограничения в рамках разумного списка терминов, с которыми учащиеся могут ознакомиться, а проверка понимания текстов данных предлагается в рамках аудирования или вводного чтения. Изучение указанных вопросов в настоящее время находится на начальной стадии своего развития.

В современной терминологии существует научный интерес к изучению компьютерных терминов на материале одного и того же языка, поскольку компьютеры стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Таким образом, актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что оно предлагает структурно-семантические особенности немецкоязычных ИТ-сокращений для ознакомления со словообразовательными моделями компьютерных терминов немецкого языка в процессе изучения языка на более высоком уровне обучения.

Актуальность этого исследования обусловлена как широким распространением и постоянным обновлением ИТ-терминологии, так и связанной с этим проблемой правильного и адекватного перевода терминов на немецкий язык. Трудности перевода возникают из-за наличия в языке нескольких эквивалентов одного термина или их отсутствия, слишком быстрого устаревания терминологических словарей, перевода англоязычных терминов в неадаптированной форме и т.д. В то же время современный переводчик (особенно научно-технический) должен обладать способностью выбирать или создавать наиболее подходящий перевод термина. В этом контексте выявление определенных закономерностей, по-видимому, упростит процесс перевода англоязычной ИТ-терминологии на русский язык.

Терминология является неотъемлемой частью любого технического текста и доминирует в техническом переводе и, следовательно, в переводе в области информационных технологий. Терминология каждой отрасли знаний характеризуется своими особенностями, в том числе формированием, которые формируют «шаблоны» для новых терминов и позволяют переводчикам, обладающим достаточными знаниями, разрабатывать общие правила их перевода.

В начале XX века можно наблюдать тенденцию к снижению частоты употребления многосложных слов в немецком и английском языках, при этом сокращенные слова сосуществовали одновременно с полными исходными формами. На протяжении долгого времени технология сокращения слов постоянно развивалась и изменялась, однако важно отметить, что ее первоначальным принципом являлась связь с производящей единицей, т.е. формой исходного слова. В XX веке аббревиатуры усовершенствовались и стали довольно

устойчивым продуктом словообразовательного процесса. Лексическая аббревиация продолжала развиваться очень быстрыми темпами и заняла прочные позиции в языке.

Можно утверждать, что интенсивное использование сокращений разного рода является одной из наиболее ярко выраженных черт развития и формирования современных национальных терминологий и национальных языков в целом, ведь сокращенные слова широко распространены как в письменных документах, так и в повседневном устном общении. Например: LKW (der Lastkraftwagen), der (Bild)schirm, der Krimi(nalfilm), die Disko(theke), der Pulli (Pullover) и др. а в английском языке, например: BCE (Before the Common/Current/Christian Era), FAQ (Frequently Asked Question), AKA (also known as), ASAP (as soon as possible), BTW (by the way), OMG! (Oh my god!).

Таким образом, терминология в области информатики и информационных технологий, которая использовалась с начала XX по XXI века ознаменовалась бурным развитием благодаря постоянному совершенствованию компьютерных систем, появлению Интернета, программ дистанционного обучения и т. д. полученный, не является исключением.

Специфические особенности терминологии в этой области были в центре внимания многих исследователей, которые выделяют следующие характеристики: международный характер, обусловленный глобализацией и доминирующим положением английского языка, относительное единство терминологии независимо от особенностей языка. и культура, широкое распространение частных терминов и специфика английского языка, доступность терминов с помощью терминов, предоставленных компаниями-разработчиками глоссариев, тенденция к частотному употреблению сокращений различных по виду лексических единиц.

Процессы аббревиации имеют многовековую историю, начало которой соотносят с деятельностью древних римлян. Аббревиации поддавались не только имена нарицательные и собственные, но и математические явления, например, запись цифр (С – centum; М – mille). Сейчас использование аббревиатур и акронимов не ограничено узким кругом отраслей, в связи с их многофункциональностью во многих профессиональных и бытовых сферах жизни [3].

Понятие аббревиации воспринимается рядом исследователей как вариант словообразования, использующийся для преобразования средств речи и восприятия их содержательной составляющей. Представителями данной точки зрения являются Ильченко Л.М., Кубрякова Е.С., Дюжикова Е.А. и другие. По их мнению, лингвистическая операция, связанная с сокращением исходной языковой единицы в виде утраты некоторых ее элементов, является аббревиацией. Таким образом, аббревиация представляет понятие, описывающее процесс, содержащий в себе конкретные способы сокращения слов в словосочетании [4].

Одним из наиболее распространенных частных случаев аббревиации является понятие «аббревиатура», означающее сокращение единиц языка на лексическом уровне с присвоением статуса слова.

В определении В.Н. Базылева толкование понятия аббревиатуры осуществляется через результат процесса – это буква или группа букв, заменяющая исходное выражение или слово, между которыми существует алфавитное сходство, для достижения лаконичности [1].

В толковом словаре В.И. Даля аббревиатура описана как существительное, составные части которого являются усеченными от начальных словосочетаний или сложных слов. В толковании данного источника особое внимание уделяется сохранению целой неусеченной формы последнего элемента аббревиатуры. Например, e-mail, e-learning [2].

С точки зрения стилистики языка, по мнению О.Н. Кошелевой, аббревиатура – это соответствие взаимозаменяемых слов и выражений, обладающих структурно-стилистическим соответствием, компонентами которого, с одной стороны, являются развернутые номинативные единицы, а с другой – единицы в сокращенном виде [3]. С точки зрения словообразования аббревиатур Л.К. Латышев обращает внимание на безаффиксальность данного явления: основы аббревиатур формируются из усеченных основ оригинальных слов с сохранением их семантики [4].

Одним из частных примеров аббревиации также является понятие «акроним», часто соотносящееся с понятием «аббревиатура» в связи со схожими способами образования и функциями. Согласно В.М. Лейчик, акроним представляет собой аббревиатуру, сформированную начальными буквами или звуками (инициальная аббревиатура) и представляющую в результате самостоятельное слово в графическом и звуковом плане [5]. В «Толковом словаре живого великорусского языка», размещенном в сети Интернет, при определении акронима особое внимание обращается на фонетическое выражение инициальной аббревиатуры или той, которая составлена из начальных элементов слов или выражений, произношение которой созвучно обычному слову [6].

Противоположную точку зрения о определении акронима выражает исследователь Н. В. Разумова, так как, по ее мнению, это полностью произносимое слово, не содержащие в себе точек, а также отдельный от аббревиатуры вид словообразования [7].

Таким образом, рассмотрев несколько точек зрения на интерпретацию определений, можно сделать вывод, что аббревиация воспринимается многими исследователями как процесс сокращения слов, словосочетаний и выражений; аббревиатура – как продукт аббревиации, лексическая единица, произносимая по буквам или как целое слово; акроним – как результат аббревиации, лексическая единица, произносимая как обычное слово в соответствии с фонетической системой данного языка

Аббревиатуры настолько вжились в речь немецкого обывателя, что сила их «вторжения» даже не ощущается. Феномен увеличения числа сокращений развивается настолько стремительно, что почти невозможно «идти с ним в ногу».

Многие ученые в России (В.В. Виноградов, Л.Б. Ткачева и И.В. Арнольд) и в Германии (К. Мюллер, Д. Коблер-Триль и Г. Беллман, В. Фляйшер и др.) занимались изучением аббревиатур, но так и не пришли к единой и полной их классификаций. Однако при рассмотрении их работ можно заметить, что главные типы сокращений совпадают.

Согласно Л.Б. Ткачевой и И.В. Арнольд аббревиатуры делятся на инициальные, сокращения, полученные в результате усечения, стяжения и акронимии. Инициальные сокращения Л.Б. Ткачева делит по типу произношения на звуковые и буквенные, а по количеству начальных букв – на однобуквенные, двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестибуквенные [8].

Советский лингвист В.В. Виноградов составил одну из самых полных и обширных классификаций, которая включает в себя множество разных типов и подтипов и позволяет легко ориентироваться при работе с аббревиатурами [9]. Ученый выделяет следующие главные типы сложносокращённых слов – слоговые и инициальные сокращения. К слоговым сокращениям относятся смешанные аббревиатуры, которые также имеют подтипы: слова, составленные из части слова и полного слова; слова, составленные из слоговой части и начальных букв; слова, составленные из начальных звуков и слоговой части слова. К инициальным сокращениям В.В. Виноградов относит звуковые, буквенные и буквенно-звуковые аббревиатуры.

В Германии одна из первых четких классификаций была представлена в 1930г. немецким ученым К. Мюллером, который делит аббревиатуры на три подтипа: слова с опущением начальной части, конечной и средней. Также К. Мюллер рассматривает инициальные аббревиатуры, которые в свою очередь делятся на звуковые, буквенные и частично- сокращенные. Такие ученые как Г. Беллман и Д.Коблер- Триль вводят абсолютно новый критерий для классификации: число сегментов слова, вследствие чего аббревиатуры делятся на односегментные и многосегментные. Односегментные аббревиатуры могут быть образованы тремя разными способами: из начальной части слова (апокоп или *Korfwörter*), из конечной части (апофрез или *Endwörter*), а также из средней (слово- остов или *Rumpfwörter*). Многосегментные сокращения делятся на звуковые, буквенные и частично- сокращенные [10].

В современной лингвистике существует несколько классификаций структурных типов аббревиатур. Основными аббревиатурами, которые используются в немецком языке, являются:

1. Die Abkürzung der ersten Buchstaben des Namens (аббревиатура из первых букв названия);

2. Akronym (акроним). В последние десятилетия стал типичным новый способ аббревиации – акронимия, главная цель которого заключается в образовании сокращенных 9 единиц, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов.

Акронимия не отменяет и не заменяет все другие способы аббревиации, а наоборот, развиваясь на их основе, она становится дополнением, но при этом имеет некоторые важные отличительные свойства. Поэтому не все критерии и методы, которые используются при исследовании акронимов, являются пригодными для анализа других видов аббревиатур, и наоборот. Так, Н.В. Разумова утверждает, что сферы употребления акронимов, как правило, ограничены [7]. Например, некоторые акронима как (P.S. – *post scriptum*) могут использоваться практически во всех дискурсах, а также часто используются в устной речи, однако другие акронимы употребительны лишь в определенных сферах, например SWAT (*special weapons and tactics*) и HRC (*Human Rights Committee*) – используются в политическом дискурсе, BP (*Blood pressure*), Ca (*Cancer*) и DRK (*Deutsches Rotes Kreuz*)– используются в медицинском дискурсе.

Апроним – аббревиатура, которая состоит из нескольких букв термина (необязательно только первых), и образует новое слово [11]. Пример Апронимов: INTERPOL (сокращение от *Internationale Kriminalpolizeiliche Organisation*).

В немецкой литературе часто можно встретить сокращения, включающие в себя сокращенные варианты разных частей речи:

1) Предлог + существительное: z. Z. = *zur Zeit* (в настоящее время), a.d.S. = *an der Saale*, a.B. = *auf Bestellung*.

2) Прилагательное + предлог: f. v. = *frei von* (свободный от к-либо, члибо).

3) Местоимение + существительное: d. J. = *dieses (desselben) Jahres* (сего (текущего) года).

- 4) Прилагательное + существительное: I. E. = Internationale Einheit (международная единица).
 5) Местоимение + глагол: d. h. = das heißt (то есть).
 6) Предлог + прилагательное + существительное: m. a. W. = mit anderen Worten (другими словами, иначе говоря), a. b. W. = auf besonderem Wege.
 7) Предлог + артикль + существительное: i. d. Sek. = in der Sekunde (в секунду)
 8) Существительное + предлог + существительное: AEF - Ausschuss für Einheiten und Formelgrö, AAAMP - Ausschuss für Apotheken-, Arzneimittel, BAMF - Bundesamt für Migration und Flüchtlinge [11].

Для анализа способов перевода аббревиатур в области компьютерных технологий были взяты руководства пользователя персонального компьютера Sony avaiо серии VPCE на русском и немецком языке.

Einrichten einer Netzwerkverbindung (LAN)	Использование локальной сети (LAN)
Einrichten einer Wireless LAN-Verbindung	Использование беспроводной локальной сети (WLAN)
Bluetooth-Funktion - Peripheriegeräte	Использование функции Bluetooth

В этом примере переводчик использовал метод заимствования иностранной аббревиатуры (с сохранением латинского написания). Это связано с тем, что эти сокращения широко известны во всех странах мира и не требуют перевода на русский язык.

Отличительной чертой буквенных аббревиатур является то, что они возникают с помощью первых букв слов, которые составляют словосочетание, и являются условными формулами, сокращениями сложных понятий. Их различие от сложных слов и словосочетаний заключается в том, что они произносятся при чтении в сокращенной, а не полной форме (в отличие от однобуквенных графических сокращений, произносимых при чтении развернуто). Таким сокращенным лексическим единицам свойственен номинативный характер, то есть они обозначают названия предметов или явлений и принадлежат к классу существительных [12].

*Mit der Taste **Num Lk** aktivieren Sie den Ziffernblock. Durch erneutes Drücken wird der Ziffernblock wieder deaktiviert. Wenn diese Anzeige nicht leuchtet, ist der numerische Ziffernblock deaktiviert.*

Выделенные жирным шрифтом тексты оставили сокращения в их первоначальном виде, поскольку они указывают название клавиш на клавиатуре компьютера. Буквенные аббревиатуры, которые были заимствованы из английского языка по большей части читаются по-английски.

Sie können Ihren Computer entweder über ein Netzgerät oder einen Akku mit Strom versorgen	Для подачи питания на компьютер можно использовать адаптер переменного тока или аккумулятор
--	--

В немецком тексте используется аббревиатура Akku (Слоговая аббревиатура), которая уходит корнями в лингвистический узус немецкого языка и используется чаще, чем полное слово Akkumulator. Однако необходимо учитывать, что эквивалентной аббревиатуры в русском языке не существует. Переводчик в данном случае должен был передать немецкую аббревиатуру русскому слову аккумулятор [13].

Рассмотрим другие примеры:

- Der erste Schritt für die DIY-Therapie lautet immer: Die Notifications deaktivieren! – Do it yourself означает самодельные изделия и сокращается до DIY, что означает, что данная аббревиатура является многокомпонентной и инициальной, состоящей из 3 букв и читающейся отдельно по буквам;

- Die Vorstellung, mein „Tech-Problem“ mit „Tech“ zu lösen, gefällt mir, deswegen probiere ich einfach drei der zahlreichen Angebote aus.- Усечение Tech-Problem обозначает «техническую проблему» и является апокопом, то есть конечная часть слова сокращена от слова Technologie;

- Mittlerweile entlarvt man 3-D-Models nicht mehr auf den ersten, sondern erst auf den zweiten oder dritten Blick. Аббревиатура 3-D-Models является сокращением от английского словосочетания three-dimensional, что означает «трехмерная графика». Аббревиатура относится к многосегментным инициальным сокращениям [14].

Аббревиатуры, несомненно, являются важным элементом IT-терминологии. Они позволяют сокращать сложные термины или многокомпонентные слова, чтобы информация воспринималась проще и передавалась быстрее.

Литература

1. Базылев В.Н. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; отв. ред. к. филол. наук. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 779 с.
3. Кошелева О.Н. Лексико-семантические и словообразовательные аспекты профессионального подъязыка предметной сферы «компьютерные технологии» (на материале английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 22 с.
4. Латышев Л.К. Технология перевода: уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: в 4 т. М.: аст, 2004. Т. 3. 928 с.
7. Разумова Н.В. Лексико-грамматические особенности перевода научно-технической литературы с немецкого языка // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/11/8385>
8. Ткачёва Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.
9. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: монография. М.: Наука, 1977. 312 с
10. Тюленев С.В. Теория перевода: учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 336 с.
11. Хакиева З.У. Место терминологии в лексической системе языка // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 209 – 212.
12. Шарапова Т.Н. Наиболее эффективные способы перевода научно-технической литературы бионической тематики // Язык науки и техники в современном мире: материалы IV Междунар. студен. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. С. 214 – 217.
13. Шарафутдинова Н.С. Словообразовательные модели сложных технических терминов в немецком языке // Преподаватель XXI век. 2016. № 4-2. С. 542 – 551.
14. Соколова Т.В. К проблеме перевода немецкой терминологии авторского права // Омские социально-гуманитарные чтения – 2011: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. С. 303 – 307.

References

1. Bazylev V.N. Osnovnye ponjatija perevodovedenija (otechestvennyj opyt): terminologicheskij slovar'-spravochnik. Otd. jazykoznanija; otv. red. k. filol. nauk. M.B. Rarenko. M.: INION RAN, 2010. 260 s.
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka v 4 t. M.: Russkij jazyk, 2000. T. 2. 779 s.
3. Kosheleva O.N. Leksiko-semanticheskie i slovoobrazovatel'nye aspekty professional'nogo pod#jazyka predmetnoj sfery «komp'juternye tehnologii» (na materiale anglijskogo i nemeckogo jazykov): avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Stavropol', 2012. 22 s.
4. Latyshev L.K. Tehnologija perevoda: uch. pos. po podgotovke perevodchikov (s nem. jaz.). M.: NVI-TEZAURUS, 2001. 280 s.
5. Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. 4-e izd. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.
6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. Sovremennoe napisanie: v 4 t. M.: ast, 2004. T. 3. 928 s.
7. Razumova N.V. Leksiko-grammaticheskie osobennosti perevoda nauchno-tehnicheskoy literatury s nemeckogo jazyka. Gumanitarnye nauchnye issledovanija. 2014. № 11. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/11/8385>
8. Tkachjova L. B. Osnovnye zakonomernosti anglijskoj terminologii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987. 200 s.
9. Vinogradov V.V. Leksikologija i leksikografija: monografija. M.: Nauka, 1977. 312 s
10. Tjulenev S.V. Teorija perevoda: uchebnoe posobie. M.: Gardariki, 2004. 336 s.
11. Hakieva Z.U. Mesto terminologii v leksicheskoj sisteme jazyka. Sovremennaja filologija: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2011 g.). Ufa: Leto, 2011. S. 209 – 212.
12. Sharapova T.N. Naibolee jeffektivnye sposoby perevoda nauchno-tehnicheskoy literatury bionicheskoy tematiki. Jazyk nauki i tehniki v sovremennom mire: materialy IV Mezhdunar. studen. nauch.-prakt. konf. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. S. 214 – 217.

13. Sharafutdinova N.S. Slovoobrazovatel'nye modeli slozhnyh tehniceskikh terminov v nemeckom jazyke. Prepodavatel' XXI vek. 2016. № 4-2. S. 542 – 551.

14. Sokolova T.V. K probleme perevoda nemeckoj terminologii avtorskogo prava. Omskie social'no-gumanitarnye chtenija – 2011: materialy IV Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferen-cii. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2011. S. 303 – 307.

*Litvyak O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov*

Structural and semantic features of German-language IT abbreviations

Abstract: the purpose of the article was to study the structural and semantic features of German-language IT abbreviations.

Among the research methods, the method of analysis, synthesis, and the method of continuous sampling of abbreviations was chosen.

The result of the study was an analysis of the ways of translating abbreviations in the field of computer technology, where the user manuals of the Sony avaiio VPCE series personal computer were taken in Russian and German.

The result of the study: the translator used the method of borrowing a foreign abbreviation (while preserving the Latin spelling the translator left the abbreviations in their original form, as they denote the name of the keys on the keyboard.

The German text uses the abbreviation Akku, which has taken root in the linguistic usage of the German language and has become more commonly used.

Conclusion. Abbreviations are undoubtedly an important element of IT terminology. They allow you to shorten complex terms or multicomponent words so that information is perceived easier and transmitted faster.

Keywords: abbreviation, German, Russian, anglicis, IT-abbreviations

For citation: Litvyak O.V. Structural and semantic features of German-language IT abbreviations. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 146 – 151.

Received: August 6, 2023; Revised: October 4, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Самситова Л.Х., доктор филологических наук,
Институт стратегических исследований,
Академия наук Республики Башкортостан

Языковая личность Ф.А. Надршиной (на материале книги “Слово народное”)

Аннотация: данная статья посвящена описанию структурно-семантической характеристики языковой личности Ф.А. Надршиной. Языковая личность ученого рассматривается с позиций лингвокультурологии, когнитологии, этнолингвистики, лингвистики текста, социолингвистики и других антропоцентрических направлений. Трехуровневая модель личности, разработанная Ю.Н. Карауловым, стала ключевой при описании языковой личности доктора филологических наук, башкирского ученого-фольклориста, Лауреата государственной премии имени Салавата Юлаева, Кавалера ордена Салавата Юлаева, Заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, Почетного академика Академии наук Республики Башкортостан Фанузы Аитбаевны Надршиной. Описание модели языковой личности Ф.А. Надршиной осуществляется, включая все три аспекта. Анализ показал, что знание истории, народного творчества и умелое введение в контекст книги исторических персонажей, архаизмов, диалектных особенностей речи придает научному изданию Ф.А. Надршиной исторический колорит, историческое правдоподобие. Анализ языковой картины мира на материале башкирских народных пословиц и поговорок, загадок, проведенный Ф.А. Надршиной, позволяет исследовать богатство языковой личности самого автора.

Ключевые слова: язык, культура, языковая личность, языковая личность Ф.А. Надршиной, башкирские народные пословицы и поговорки, загадки

Для цитирования: Самситова Л.Х. Языковая личность Ф.А. Надршиной (на материале книги “Слово народное”) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 152 – 156.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 4 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Проблема формирования языковой личности начала интересовать ученых еще в начале XX века. Воздействие культуры на язык, языка на культуру осуществляется через языковую личность.

Термин *языковая личность* впервые появился в книге немецкого языковеда Й.Л. Вайсгерберера «Родной язык и формирование духа» (1927 г.). В своём понимании языка он делал акцент на коллективизм. По его мнению, язык является наиболее всеобщим культурным достоянием; никто не владеет языком только благодаря собственной языковой личности, а, наоборот, человек владеет им благодаря тому, что принадлежит к определённому языковому сообществу [1, с. 37].

В отечественной науке термин был впервые употреблён В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930 г.) [2]. Несмотря на то, что учёные употребляли термин, они не дали ему научного определения. Только в 1980-х годах Г.И. Богин и Ю.Н. Караулов занялись вплотную данным термином.

В своей докторской диссертации Г.И. Богин пишет о предметно-образительной, выразительной, эстетико-поэтической, металингвистической функциях, которые «выступают для весьма развитой языковой личности не как цели сообщения, а как разные аспекты единого подхода к нему» [3, с. 9].

Наибольший вклад в разработку лингвистического аспекта языковой личности внес Ю.Н. Караулов, который языковую личность определяет как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков» [4, с. 29].

По Ю.Н. Караулову, модель языковой личности состоит из трех компонентов: 1) нулевой (вербально-семантический), 2) первый или лингвокогнитивный (тезаурусный), 3) высший (мотивационный) [Там же].

Трехуровневая модель личности, разработанная Ю.Н. Карауловым, станет для нас ключевой при описании языковой личности доктора филологических наук, башкирского ученого-фольклориста, Лауреата государственной премии имени Салавата Юлаева, Кавалера ордена Салавата Юлаева, Заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, Почетного академика Академии наук Республики Башкортостан Фанузы Аитбаевны Надршиной. Описание модели языковой личности Ф.А. Надршиной осуществляется, включая все три аспекта.

Системный подход к антропонимии монографии ученого позволяет выявить специфику выражения авторской идеи, представить языковую личность автора. Употребление автором большого количества фамилий является ключом в интерпретации материала. Они делают картину времени более полной, исторически реалистической. В книге ученого употреблены башкирские фамилии, образованные при

помощи суффиксов *-ов, -ев, -ин*, которые порождают большим разнообразием семантики и словообразовательных средств, отраженных в основах. В тексте также немало русских фамилий, роль которых значительна, так как они помогают создать широкое исторически-бытовое полотно, вскрыть связь между именами и бытием в художественном целом. Например: *Э.И. Харисов, Э.Н. Кирзев, Ф.Б. Хөсәйенов, Н.Т. Зарипов, Ж.Ф. Кейекбаев, В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, С.Е. Малов, И.А. Батманов, Э.В. Севортыан, М.Э. Әхмәтов, М.Х. Нәзерғолов, М. Каиғари, Р.Г. Кузеев, Н.А. Баскаков, С.Г. Рыбаков, М. Өмөтбаев, В.В. Катаринский, Ф. Амантай, М.А. Кулаев, С.Ә. Ғалин, Н.Д. Шоңқаров, К.Ә. Әхмәтйәнов, Ә.Х. Вахитов, Н.Т. Зарипов, М.М. Сәғитов, М.Х. Әхтәмов, Хәбибулла Ғәбитов, Нуриғзәм Таһиров, Ғабдулла Амантай, Дауыт Юлтый, Мөхәмәтша Буранғолов, Ғәйнан Әмири, Шәриф Биккол, Хәким Ғиләжев, Али Карнай, Мөхәмәтйәров Хәй, Мәжит Ғафури, Шәйехзада Бабич* и т.д.

Как и другие виды народного творчества, пословицы и поговорки основаны на вековых наблюдениях и опытах, появились они на основе наблюдений окружающего мира, поведения людей. Например: *Колойзан куркып, Әһәм сукынған. Этколдоң башы оло, Моратшаның йәше лә оло. Сәйем булһа, Сәйфи ағай за Сәйфи ағай, сәйем булһаһа, кәкре лә бөкрө. Ишәй ише менән, Ишмөхәмәт бисәһе менән* (С. 23).

Во все времена во всех культурах значению имени придавали большое значение. Иногда ребенка нарекали звериным именем, искренне веря, что с таким именем ребенок станет таким же сильным как волк или лев. Наши предки верили, что такое имя защитит от нечистой силы и недобрых людей, и поскольку в те времена люди были ближе к природе, чем сейчас, думали, что дикие животные примут его как своего и не причинят ему зла. Кого-то нарекали птичьим именем. Иногда имя ребенка отражало род занятий его семьи. Об этом и сказано в книге Ф.А. Надршиной «Слово народное». В доказательство тому автор приводит такие имена, как: *Арыслан, Муйнак, Ғарыбаш, Шоңқар, Аккош, Тауис*.

Книга Ф.А. Надршиной отличается богатством средств языковой выразительности. Автор умело распределяет лексику по стилистическим сферам, также системно включает в контекст своей книги башкирские народные пословицы и поговорки, башкирские народные загадки. Башкирский фольклор (в том числе проза, поэзия) изобилуют языковыми средствами. Народ их умело использует. Анализируя башкирские народные пословицы и поговорки, загадки, автор пишет о следующих выразительных средствах языка:

Тропы:

Метафора: *Муйыны – дуга, аркаһы – эйәр (дөйә). Башы – тарак, койроғо – урак (әтәс). Өй башында йәшел қаз, йәшел қаздың башы таз (миндек) – загадки; Балалы өй – базар, балаһыз өй – мазар. Үз илем – алтын бишек – паремии.*

Метонимия: *Тишек тимергә кайын үскән (балта). Тимер ат, сүс дилбегә (әнә менән еп) – загадки; Карама беләккә, кара йөрәккә. Ғабанда һайрашмаһаң, ырзында ыңғырашырһың. Бар яраштыра, юк талаштыра – паремии.*

Эпитет: *Кара малай көзгәнән қарай (һөлөк). Аргы ситән буйында қызыл әтәс йүгерә (ут) – загадки; Қаты һүзән тал һына, йомшак һүзән таш ирей. Қолақтан кергән һалқын һүз йөрәккә етһә боз була. Ак акса қара көн өсөн – паремии.*

Синекдоха: *Бер кешелә мең күз (лампа селтәре). Кибет, кибет, эсендә ике мең егет (көнбағыш). Бер соқорға мең соқор (иләк) – загадки; Ялқауға көн дә байрам, көн дә туй. Ауырыу хәлен һау белмәс. Мулла қатаһыз булмәс, бәндә хатаһыз булмәс – паремии.*

Сравнение: *Тышы шарзай, эсе қандай, тәме балдай (қарбуз). Аяғы аттай, қараһы қаззай, мороно моззай, күзе тоззай, йүгергәне қыззай (һайысқан) – загадки; Қуршенең тауығы қаззай, қилене қыззай. Дөрөслөк яуган қарзан ақ, аққан һыузан пақ. Ялғандың төймәләйе дөйәләй булыр – паремии.*

Олицетворение: *Биш ағай бура бурай (ойок әнәләре, ойок бәйләу). Дүрт ағай юлға сыққан, икеһе – алдан, икеһе арттан бара (арба тәгәрмәстәре) – загадки; Қар башына қар етер. Урман – қолақ, ялан – күз. Етем илаһа, ер-һыу илар – паремии.*

Гипербола: *Егет кешегә етмеш төрлә һөнәр зә аз. Алдақсының теле мең қолас. Бүзәнәнең ун ике бот майы бар – паремии.*

Аллегория: *Эттең койроғона баһаң, езнә, ти. Ат аяғын дағалағанда, тәлмәрийән ботон қыстырыр – паремии.*

Фигуры речи:

Антитеза: *Берәу ақса йыя, берәу тоқсай тегә. Дуҫ илатып өйрәтер, дошман көлдөрөп өйрәтер. Баузың – озоно, һүззең қысқаһы яқишы. Хезмәттең үзе эсе лә, емеше татлы – паремии.*

Оксюморон: *Ишеге юк, тәзрәһе юк – эсе тулы халық (қыяр). Қарт әбей үлеп ята. Үзе көләп ята (бүрәнә ярығы) – загадки;*

Изобразительные возможности лексики:

Синонимы: *Йыртык тишектән көлгән. Кәкерегә бөкөрө. Абынганды һөрөнгән түпәләгән* – паремии.

В формировании языковой личности важную роль играют топонимы. Они имеют высокую лингвокультурологическую ценность, потому что названия водных объектов, гор, городов и т.д. сохраняются веками и мало подвергаются изменениям. В топонимах устойчиво сохраняются архаизмы и диалектизмы, они часто восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории в прошлом. Умелое использование автором топонимов сыграло немаловажную роль в выявлении структурно-семантического пространства языковой личности Ф.А. Надршиной:

- ойконимы: *Әбйәлил, Дәүләкән, Ауырғазы, Архангель, Кырмыскалы, Гафури райондары, Ырымбур, Силәбе, Свердловск, Пермь, Курган, Куйбышев өлкәләре, Бохара, Ургенч калалары, Иран, Кытай илдәре;*
- гидронимы: потамонимы (*Агизел, Дим, Изел, Гакмар, Иртыш, Урал, Яйык, Ғырдаръя, Волга, Дон, Сена, Тобол*), пелагонимы (*Ғары диңгез, Балтик диңгезе*), лимнонимы (*Асылыкүл, Байкал*);
- оронимы: *Урал*.

Использование сложноподчиненных предложений позволяло автору ёмко охарактеризовать образ действия, его причину, условие, чаще из которых встречаются дополнительные придаточные предложения. Большинство из них образованы синтетическим путем при помощи местоимения *шуны*, которое выполняет роль дополнения в главном предложении. **Частое употребление таких видов предложений помогает увеличить значимость мыслей, выраженных в каждом предложении:** *Шуны ла әйтеп үтергә кәрәк: мәкәлгә ата-баба мирасы итеп карау башка халыктарза ла киң таралган* (С. 5). *Шуны ла әйтергә кәрәк: 20 йылдарза, хатта 30 йылдарзың башында, халык ижадын йыйыу һәм өйрәнәү эшенә әле бик кашылыклы мөнәсәбәттәр булды* (С. 43). *Шуны ла әйтергә кәрәк: мәкәлдәрзең тыуыуы – өзлөкһөз процесс* (С. 65). *Күзәтәүзәр шуны күрһәтә: башкорт халкының күп кенә мәкәлдәре башка халыктарзың мәкәлдәре менән мәгәнәүи һәм формаһы ягынан тап килә* (С. 77). *Шуны билдәләү мөһим: югары катлам вәкилдәре тураһындагы тәнкитле сатирик мәкәлдәр фольклорзың башка жанрларындагы сатирик образдар менән ауаздаш яңғырайзар* (С. 97).

Ф.А. Надршина отмечает, что в башкирских народных пословицах и поговорках чаще всего встречаются придаточные предложения условия [5, с. 119]. Данные предложения пронизаны такими высокими чувствами как, *халык, тел, намыс, патриотизм, тыуган ил, дуслык*. Используемые в тексте башкирские народные пословицы и поговорки характеризует языковую личность автора как ученого. Например: *Ике кәңәш бер булһа, илле егет йөз була. Дус дуска ялынһа, дустың күңеле алына. Ил төкөрһә, күл булып*. Кроме этого, встречаются и другие виды сложноподчиненных предложений: определительное придаточное предложение (*Кызы барзың назы бар. Ауызы ашка тейгән эт тирмән яламай түзә алмай*), дополнительное предложение (*Жолак ишетмәгәнде күз күрер. Ғин белгәнде мин киптереп элгән*), придаточное предложение места (*Ат аунаған ерзә төк калыр. Ут булмаған урындан төтөн сыкмас*), придаточное предложение сравнения (*Дөйәләй талабың булғансы, төймәләй эшең булһын*), придаточное предложение уступительное (*Өй кысык булһа ла, күңел киң. Тау менән тау орашамаһа ла, кеше менән кеше ораша*).

В книге часто встречаются двусоставные распространенные и односоставные определённо-личные предложения, осложненные деепричастными оборотами, характеризующие события как происходящие независимо от волевого усилия человека: *Пар күгәрсендәй гөрләшеп, шат йәшәгез* (С. 6). *Уның башкортса-русса кулъязма һүзлегендә, мәсәлә, үзе тарафынан язып алынып, руссага тәржемә ителгән байтак кына мәкәл һәм фразеологизмдар бирелгән* (С. 49). *Кешенең тормошондагы күпселек әйберзәр, нык тоторокко булып, быуаттан быуатка, быуындан быуынга күсә килә* (С. 159). *Мәкәлдәр, кешеләрзең тормош-көнкүреш тәҗрибәһен, йәмгиәттәге әхлаки нормаларзы образлы рәүештә калыпка һалып, язылмаған канундар ролен үтәп йөрөгән* (С. 173).

Простые двусоставные предложения выполняют текстообразующую роль в книге Ф.А. Надршиной, которые играют немаловажную роль в раскрытии содержания языковой личности ученого и позволили автору простым понятным языком донести до читателя актуальность темы, заострить внимание читателя на важном, с авторской точки зрения, фрагменте текста, и при этом вынести за пределы высказывания все усложняющие восприятие компоненты: *Хызыр Ильяс юлдаш булһын* (С. 7). *М. Өмөтбаев, М. Кыуатов, Б. Юлыев кеүек галим һәм һәүәскәрзәрзең эшмәкәрлеге тап ана шул турала һөйләй* (С. 38). *Хатта үтә фантастик образдарзың да реаль тарихи-ижтимағи ерлеге бар* (С. 81). *Паремик ижадта дингә, дин әһелдәрәнә кағылышлы мәкәл-әйтемдәр байтак* (С. 96). *Мәкәлдәр халыктың укыған, белемле кешеләрзе хөрмәт итеүен, уларга югары баһа биреүен сағылдыра, йәшәү-тормош өсөн белемдең мотлаклығын һызык өстөнә ала* (С. 99). *Башкорт халкының бөтә тормош-көнкүреше элек-электән ат менән бәйлә булған була* (С. 100). *Якшылыкты – яманлыктан, дөрөслөктө – гәзелһезлектән, тоғролокто – хыянаттан, матурлыкты йәмһезлектән айыра белергә өйрәтәүзә уларзың мөмкинлектәре ифрат зур* (С. 173).

Специфика восприятия действительности через синтаксис иллюстрируется автором на примере простых двусоставных предложений, в которых и подлежащее, и сказуемое выражены именем существительным, и изначально заложено своеобразное видение мира башкирским этносом. Использование простых двусоставных распространенных предложений позволяло автору ёмко охарактеризовать образ действия, его причину, условие: *Төрлө теләк һүзәр, һүз, өн уйнатыузар, шаян яуаптар – шиғри калыпка тартылыуға, кыскалыкка, һүз тапкырлығына королған жанр төрзәре* (13). *Мәкәл – дөйөм хәжикәт рәүешендә йөрөй торған фәлсәфәүи жанр* (С. 81). *Бөркөт образы – халык аңында ир-егетлек, батырлык символы* (С. 88). *Хезмәт – кешенең үзен кеше иткән фактор* (С. 103).

В книге Ф.А. Надршиной «Слово народное» реже встречаются сложносочиненные предложения: *Китапта тел материалдарына миҫал рәүешендә төрки халыктарының 250 мәкәлә (аңлатмалары менән) бирелгән, шуларҙың кайһыларын, мәгәнәүи тап килгәндәрен, башкорт мәкәлдәре араһында хәзер зә осратырға мөмкин* (С. 22). и подлежащее, и сказуемое выражены именем существительным; сложные синтаксические конструкции: *Шуныһы шатлыклы: халықтың боронго поэтик мирасына байтак йылдар буйы каршылыклы фекерҙәр йәшип килһә лә, улар әзәби процеска һәм халык ижадын йыйыу, баһтырып сығарыу кеүек эштәргә һизелерлек кире йогонто яһай алманьлар* (С. 43); простые односоставные предложения: *Орхон-йәнәсәй ташъязмаларының әзәби комарткылар буларак танылғанлығын да онотмайык* (С. 20).

Немаловажную роль в исследованиях ученого играют зоонимы, которые часто используются в башкирских народных пословицах и поговорках, загадках: *Аккош – пак кош. Аккош атыу килешмәй – яңғызлыкка була. Торна атһаң, бәлә-каза килә. Торна китһә, тором юк. Кәжүк ауылға осоп килһә, аслык булып. Йылан мөгөзөн калдырһа, мөгөзөнән дә йылан сығыр. Йыланға юлдаш булһаң, кулың сағыр.*

Автор, используя безэквивалентную лексику башкирского языка, обеспечивает связь между поколениями. Особенно хорошо описана история рода *кыпсақ, үсәргән, бөрийән, юрматы, түңгәүер*, единицы военной лексики *барымта, карымта. Ырыу* (род), *барымта, карымта* отражены и в башкирских народных пословицах и поговорках, используемых Ф.А. Надршиной: *Ырыулы ил – узаны, ырыуһыз ил – тузаны. Ырыулының уғы юғалмас. Карымтаға карымта. Барымтаға барымта. Барымтанан курккан мал йыймас* (С. 93).

Умелое использование автором культурных концептов помогает созданию объективной картины языковой личности ученого. Структуру языковой личности Ф.А. Надршиной составляют концепты «кеше», «һүз», «тел», «хезмәт», «йола», «эхлак», «ғаилә», «тыуған ил» и др., где ядром является концепт «кеше», все остальные концепты составляют приядерную зону, башкирские народные пословицы и поговорки, загадки – периферию.

Книга Ф.А. Надршиной отличается богатством средств языковой выразительности, умением распределять лексику по стилистическим сферам, варьировать соотношение литературной, диалектной лексики. Автор органично включает в контекст своей книги стихотворения *Р. Гарипова, Ш. Бабича, Р. Назарова, Р. Бикбаева, Х. Назара, К. Аралбаева* и др. Документальные источники, фактические материалы, воспоминания, образцы фольклора, отрывки из текста также оказывают существенное влияние на языковые личности героев книги и помогает раскрыть содержание и структуру языковой личности самого автора. Ученый не оставляет без объяснения слова или выражения, факты, документы, понимание которых может вызвать затруднение у читателя, от чего сюжетно и композиционно данная книга только выигрывает.

Знание истории, народного творчества и умелое введение в контекст книги исторических персонажей, архаизмов, диалектных особенностей речи придает научному изданию Ф.А. Надршиной исторический колорит, историческое правдоподобие.

Таким образом, языковая личность ученого рассматривается с позиций лингвокультурологии, когнитологии, этнолингвистики, лингвистики текста, социолингвистики и других антропоцентрических направлений. Ф.А. Надршина показывает своих персонажей, путем создания словесных рядов, что отражает языковую сторону образа ученого. Анализ языковой картины мира на материале башкирских народных пословиц и поговорок, загадок, проведенный Ф.А. Надршиной, позволяет исследовать богатство языковой личности самого автора.

Литература

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с. (История лингвофилософской мысли).
2. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.-Л., 1930. 187 с.
3. Богин И.Г. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984. 354 с.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7 изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Нәзәршина Ф.А. Халык һүзе (Башкорт халык мәкәл-әйтемдәре һәм йомактарның тарихи ерлеге һәм жанр үзенсәлектәре). Тулыландырылган икенсе басма. Өфө: Башк энцикл., 2021. 176 б.
6. Самситова Л.Х. Языковая личность профессора Г.С. Кунафина // Сохранение и развитие духовной культуры и родного языка в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан Гиниятуллы Сафиуллиновича Кунафина. 25 декабря 2021 г. Уфа: БГУ, 2021. С. 63 – 68.

References

1. Vajsergerber J.L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha: per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. 2-e izd., ispr i dop. M.: Editorial URSS, 2004. 232 s. (Istorija lingvofilosofskoj mysli).
2. Vinogradov V.V. O hudozhestvennoj proze. M.-L., 1930. 187 s.
3. Bogin I.G. Model' jazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov: dis. ... dokt. filol. nauk. L., 1984. 354 s.
4. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 7 izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.
5. Нәзәршина Ф.А. Халык һүзе (Башкорт халык мәкәл-әйтемдәре һәм йомактарның тарихи ерлеге һәм жанр үзенсәлектәре). Тулыландырылган икенсе басма. Өфө: Башк энцикл., 2021. 176 б.
6. Samsitova L.H. Jazykovaja lichnost' professora G.S. Kunafina. Sohranenie i razvitie duhovnoj kul'tury i rodnogo jazyka v uslovijah mnogonacional'nogo gosudarstva: problemy i perspektivy: Materialy konferencii, posvjashhennoj 75-letiju doktora filologicheskikh nauk, professora, chlena-korrespondenta Akademii nauk Respubliki Bashkortostan Ginijatully Safiulloviicha Kunafina. 25 dekabrya 2021 g. Ufa: BGU, 2021. S. 63 – 68.

*Samsitova L.Kh., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor),
Institute for Strategic Studies,
Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*

The linguistic personality of F.A. Nadrshina (based on the material of the book “The word of the People”)

Abstract: this article is devoted to the description of the structural and semantic characteristics of the linguistic personality of F.A. Nadrshina. The linguistic personality of a scientist is considered from the standpoint of linguoculturology, cognitology, ethnolinguistics, text linguistics, sociolinguistics and other anthropocentric directions. A three-level personality model developed by Yu.N. Karaulov, became the key in describing the linguistic personality of Doctor of Philological Sciences, Bashkir folklore scientist, Laureate of the Salavat Yulaev State Prize, Knight of the Order of Salavat Yulaev, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan Fanuza Aitbayevna Nadrshina. The description of F.A. Nadrshina's model of linguistic personality is carried out, including all three aspects. The analysis showed that knowledge of history, folk art and skillful introduction of historical characters, archaisms, dialect features of speech into the context of the book gives F.A. Nadrshina's scientific publication a historical flavor, historical plausibility. The analysis of the linguistic picture of the world based on the material of Bashkir folk proverbs and sayings, riddles, conducted by F.A. Nadrshina, allows us to explore the richness of the linguistic personality of the author himself.

Keywords: language, culture, linguistic personality, linguistic personality of F.A. Nadrshina, Bashkir folk proverbs and sayings, riddles

For citation: Samsitova L.Kh. The linguistic personality of F.A. Nadrshina (based on the material of the book “The word of the people”). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 152 – 156.

Received: August 6, 2023; Revised: October 4, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Брагина О.А., кандидат филологических наук,
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина Министерства обороны Российской Федерации в г. Челябинске*

Этнонимы как способ пополнения военного жаргона

Аннотация: тема статьи «Этнонимы как способ пополнения военного жанра» относится к специальному разделу языкознания, анализирующему отдельные пласты лексики. Предметом изучения являются этнонимы, которые встречаются в военном жаргоне. Статья написана при использовании лингвогенетического, описательного и сопоставительных методов. Автор статьи рассматривает этнонимы как способ пополнения военного жаргона, которые конкретизируют противника и его отношение к определенным событиям или явлениям. Этнонимы направлены на конкретизацию как противников, так и союзников. На образование военных этнонимов влияет не только национальная принадлежность военнослужащего, но и время и место конфликта. Автор выделяет несколько групп этнонимов, а также рассматривает способы их словообразования. Результаты исследования могут быть использованы в жаргонологии, лингвистике, могут выступать в качестве основы для изучения отдельных сфер применения жаргонизмов. Кроме того, результаты работы могут быть применены и в военном деле при обучении военнослужащих, а также при обучении населения в период военных конфликтов. В итоге анализа этнонимов автор приходит к выводу, что наиболее распространенными способами пополнения этнонимов являются суффиксация, словосложение и сокращение. Зачастую эти способы употребляются одновременно.

Ключевые слова: этноним, военный жаргонизм, конфликт, словообразование, суффиксация, словосложение, сокращение

Для цитирования: Брагина О.А. Этнонимы как способ пополнения военного жаргона // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 157 – 161.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 8 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Жаргонизмы, как часть сниженной лексики, достаточно часто становятся предметом лингвистических исследований. Однако военной лексике при этом уделяется значительно меньше внимания. Полагаем, это обусловлено закрытостью и спецификой военного дела. Однако изучение лексики не только с лингвистической, но и с лингвокультурологической точки зрения позволит понять национальные и культурные особенности военной лексики, что, в свою очередь, позволит актуализировать не только познания в области лингвистики, но и расширить представления в сфере изучения военного дела. Таким образом, тематика статьи представляется крайне актуальной как в период военных конфликтов, так и в период мирного взаимодействия.

Этнический статус дифференциальной семы может быть обозначен через антропонимы, топонимы и т.д., а также посредством этнонимов или словосочетаний, в которых используются такие единицы. Чужая культура, ее изучение приводит к формированию целого пласта лексики безэквивалентного характера. Одним из признаков чужой культуры является этничность, которая позволяет дифференцировать ту или иную характеристику лексики. Кроме того, такие языковые единицы обозначаются в специальных словарях.

В этой связи С.А. Питина отмечает, что слова или словосочетания, в которых присутствует обозначение того или иного этноса, часто встречаются в разных языковых культурах. Это обусловлено желанием народа обозначить, выделить себя при использовании средств языка, или же, наоборот, отделить себя от странных или непонятных явлений другой культуры [6].

Несмотря на то, что этнонимы не являются новым объектом для изучения, в научной литературе нет единого мнения относительно сущности данного пласта лексики. Так, И.А. Саликова и И.А. Френкель приходят к выводу, что, с одной стороны, этнонимы могут быть отнесены к числу имен собственных, поскольку индивидуализируют этническую группу людей, но с другой стороны, этнонимы с лингвистической точки зрения ближе к именам нарицательным [8].

Д.А. Шен отмечает, что несмотря на наличие ряда признаков, этноним не может считаться именем собственным, поскольку направлен на обозначение целой группы, класса, а не носит индивидуального характера [13]. Полагаем, данная позиция полностью обоснована, поскольку этноним обобщает те признаки, ко-

торыми обладает человек, который относится к тому или иному этносу. Именно данные признаки определяют его принадлежность.

Следует также согласиться с И.А. Грищенко в том, что посредством этнонимов могут быть обозначены не только признаки того или иного этноса или народности, но также и оценочное описание данного этноса. Это может быть выражено через описание внешности, места жительства, образа жизни и т.д. [3].

К аналогичному выводу приходит и Т.А. Таганова, которая отмечает, что в английском языке не редко можно встретить слова, содержащие компонент этнонима, обозначающие предметы быта, музыкальные инструменты, блюда национальной кухни и т.д., то есть, все то, что характеризует жизнедеятельность этноса переносится в его описание [11].

Таким образом, мы видим, что этнонимы отражают специфику того или иного этноса посредством не только его обозначения, но и описания, что позволяет более точно обозначить ту или иную народность в целях идентификации. В связи с этим, этнонимы используются в различных сферах. Военное дело не является исключением. Однако в наибольшей степени применение этнонимов проявляется в военном жаргоне, поскольку это позволяет в большей степени точно обозначить противника, а также дает возможность с помощью языка выделить определенные явления, факты или эмоции, которыми обладает тот или иной этнос.

Изучение этнонимов посредством анализа военных жаргонизмов особенно важно, поскольку, как считает Б.Л. Бойко, именно военный жаргон является наиболее влиятельным на общеупотребительную лексику и на национальный язык в целом [2]. В.И. Беликов связывает важность таких исследований с тем, что на национальный язык все большее влияние оказывают отдельные профессиональные сообщества, среди которых военные занимают особое место [1].

В целом, мы согласны с данными позициями, поскольку изучение военных этнонимов-жаргонизмов позволит не только определить признаки или черты тех или иных народов, но также и обозначить различные этнические стереотипы.

Использование этнонимов в разных языковых культурах может быть различным. Так, в структуре американского военного жаргона могут быть обозначены две группы этнонимов: отдельно представлены этнонимы с обозначением этносов азиатских стран, и отдельно всех остальных.

В первую группу входят этнонимы, которые отличаются большим разнообразием. Кроме того, данная группа может быть разделена на следующие подгруппы:

1. Этнонимы, а также словосочетания, включающие в себя этнонимы, которые характеризуются уничижительным отношением. В военном жаргоне американской армии к числу таких этнонимов относятся обозначения японцев, китайцев или вьетнамцев.

Так, например, фраза *Chinese three-point landing* применяется в тех случаях, когда необходимо обозначить «крушение самолета, произошедшее во время посадки по вине пилота». Семантика данного выражения обозначает оценку произошедшего с насмешливой стороны [10].

Еще одним похожим выражением, которое использовалось летчиками в период Второй мировой войны, была фраза с этнонимом *Chinese landing*, которая, в отличие от предыдущего примера, наоборот, обозначала отличную посадку, что придавало особое значение умениям пилота.

Для обозначения запрета на возможность использования или распространения информации, относящейся к категории секретной, использовалась фраза *Chinese wall*, то есть, «китайская стена».

Еще одним примером использования этнонима в значении китайский является - *China White*, который обозначает одного из самых крупных поставщиков наркотиков. То есть, значение также носит негативный характер.

Интерес представляет такой жаргонизм, как *chino*. Его формирование обусловлено двумя процессами: усечением конца одного слова и прибавлением к нему суффикса. В контексте данного исследования примечательно то, что суффикс – о в военном жаргоне направлен на обозначение прозвищ. То есть, использование исследуемого жаргонизма говорит о фамильярном и пренебрежительном отношении к тому, к кому он употребляется.

Интерес представляют не только этнонимы и фразы с этнонимами, обозначающие предметы, но также и команды и другие обозначения, применение которых можно найти при изучении военного жаргона.

Например, *Indian file* – является выражением неформального типа, обозначающие наличие того или иного изменения в строю. В частности, для осуществления операции в условиях вражеской территории необходима перестройка отдельных военных структурных подразделений.

Для обозначения территории, условия которой неизвестны, используется такой этноним, как *Indian country*, который может быть переведен как «индийская деревня».

Еще один этноним – *Vietnamization*, который переводится как «вьетнамизация» используется для обозначения более глобальных процессов. В частности, речь идет о тех изменениях, которые претерпела поли-

тика в отношении Вьетнама в 1969 году. Результатом данных изменений стал вывод войск из страны в 1973 году. В более широких кругах анализируемый процесс получил наименование «Ускоренное освоение Вьетнама» (Accelerated Turn-Over to the Vietnamese) – АСТОВ. Здесь мы можем увидеть аналогию в процессе образования этнонима, как это произошло при освоении своих территорий Британией — «indianization».

Примером перехода военного жаргонизма в общеупотребительный язык является также обозначение тех знаков отличия, которые были получены в период вьетнамской войны. Так, например, словосочетание с этнонимом *vietnam service medal* обозначало медаль, вручаемую военнослужащим, проходившим службу в Юго-Восточной Азии. На медали представлены звезды, обозначающие участие в боевых действиях. Стрела обозначала прыжок с парашютом.

Фраза *Vietnam is forever* (букв. «Вьетнам навсегда») представляет собой слоган ироничного характера, семантика которого определяется выражением протеста против войны. Данный слоган часто употребляется совместно с лозунгом «Vietnam. Love it or Leave it!» («Люби Вьетнам, или покинь его»).

Пример с обобщающим жаргонизмом *Asiatic* был приведен в первой главе. Е.В. Саушева отмечает, что данный этноним может быть отнесен к числу коннотативных, поскольку выражает негативное отношение [9]. В американской субкультуре данным этнонимом обозначается сумасшедший или эксцентричный человек.

2. Жаргонизмы-этнонимы, которые обозначают субъектов военного конфликта (союзников или противников) в американской субкультуре.

Этноним в структуре военного жаргона может быть образован суффиксальным способом, при этом он может иметь различную коннотацию. Так, например, *Guinea* имеет различные семантические значения и может обозначать как итальянца, так и жителя Новой Гвинеи и даже японца. Точное значение может быть определено только из контекста или коннотативных характеристик.

Еще один пример – *The Greeks*. Данный этноним обозначает те проекты, которые реализуются в рамках функционирования агентства по военным спецоперациям. Проекты данного агентства получали названия в соответствии с заглавными буквами греческого алфавита.

Рассмотрим еще один этноним, который относится к числу военных жаргонизмов – *Mexican standoff*. Перевод данного жаргонизма обозначает «ничью по-мексикански». Данный этноним используют при обозначении тупиковой ситуации, при которой для противника нет выхода. Решение такой ситуации зависит от исхода дипломатической миссии. Изучая данный жаргонизм О.Б. Пономарева пришла к выводу, что его использование в большей части было задействовано во времена холодной войны, когда имели место быть переговоры между США и СССР [7]. Анализируемое словосочетание с этнонимом вошло в обиход в период политического и военного кризиса, который был в Мексике в конце XIX века.

Анализ показал, что в военном жаргоне могут быть также обозначены этнонимы, которые характеризуются гетеростереотипными коннотациями отрицательного характера. Впрочем, данный признак выделения этнонима характерен не только для военной лексики.

Так, например, этноним *french flu* (букв. «французский грипп») семантически обозначает трусость. Такое обозначение возникло в результате отрицательного отношения американских военных к французским военнослужащим, которых они считают трусливыми.

Фраза *French leave, может быть переведена, как «уйти по-французски»*. Использовалась в тех случаях, когда необходимо было уйти тихо, не прощаясь. В условиях военного времени означала отступление. Примечательно, что в русском и французском языках в аналогичных ситуациях используется фраза «уйти по-английски».

Проходит время, и военные жаргонизмы периода Второй мировой войны в большей своей части выходят из употребления. Однако они не перестают вызывать интерес, в том числе, в связи с процессом их образования. Так, например, этноним – жаргонизм *Herman the German* был использован для составления рифмовок антифашистского содержания.

Рифмующиеся жаргонизмы используются для идентификации противника. Так, например, *Isaac the Iraq* используется для обозначения террористов.

Этноним может быть использован не только для обозначения противника, но также и в целях выражения отношения к нему [12]. Так, в период военных действий в заливе появился этноним-жаргонизм *Scarab the Arab*, который использовался для обозначения противника и часто обозначался в речевках, обладая при этом четкой отрицательной коннотацией, поскольку обозначал презрительное отношение к исламским террористам.

В этнонимах часто обозначены отдельные черты народности, которые, по мнению других народов, для нее характерны. Чаще всего такие характеристики имеют либо отрицательную, либо ироничную коннота-

цию [5]. Так, например, этноним-жаргонизм *Irish Pennant* (букв. «ирландское знамя»), обозначает солдата, у которого неаккуратная форма, вообще обозначает распушенность в одежде [14].

Семантика или коннотация того или иного этнонима часто различаются в разных национальных культурах. Это обусловлено тем, что войны в каждой стране имеют свою историческую и культурную роль. И тот народ, который является дружественным для одного, для другого является военным противником. Соответственно и отношение к народам и этносам может быть различным, что находит свое отражение в военном жаргоне разных стран.

В частности, афганская война конца прошлого века имеет для нашей страны особое значение. Это нашло свое отражение и в языке, поскольку появились новые жаргонизмы, содержащие в себе компонент этнонима. Так, для обозначения участника тех событий используется жаргонизм – *афганец*, а сами события обозначаются, как *афганищина* [4]. Здесь мы видим суффиксальный способ словообразования. При этом суффикс также обозначает и отрицательную коннотацию самого жаргонизма.

Анализ различных источников показал, что в русском языке отсутствуют военные жаргоны, обозначающие этноним «русский». Аналогичная ситуация с этнонимом *American* в американском национальном языке. Считаем, это обусловлено тем, что отношение к собственному народу, его культуре и особенностям всегда имеют положительные характеристики, поэтому использование в жанре жаргона считается уничтожительным по отношению к собственной культуре.

Наиболее часто в отношении военных жаргонов в разных языках используются такие приемы, как калькирование или заимствование. При заимствовании слово подвергается ассимилированию в соответствии с теми правилами, которые используются в языке противника. При этом для создания эффекта отрицательного отношения, превосходства, иронии, применяются такие приемы словообразования, как суффиксация, словосложение, а также сокращение. Причем использование их может осуществляться одновременно.

В целом, можно утверждать, что военные жаргонизмы, в составе которых имеется этноним, в большей степени направлены на обозначение негативного отношения к противнику.

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 2001. 315 с.
2. Бойко Б.Л. Военный профжаргон и профессиональная речь военных // Организационная психоллингвистика. 2018. № 2 (2). С. 8 – 18.
3. Грищенко И.А. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современном языке и фразеологии: материалы международной конференции. Ярославль, 2007. С. 40 – 52.
4. Керекеш А.С. Лексика афганской войны // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium*. 2009. № 1 (5). С. 64 – 68.
5. Митчел П.Т. Американский военный сленг. Влияние войны в Персидском заливе // Язык и культура. 2015. С. 46 – 48.
6. Питина С.А. Особенности английских этнонимов // Язык. Культура. Коммуникация: материалы второй междунар. науч. конф. / отв. ред. А.П. Нестеров. Челябинск : Полиграф-мастер, 2005. С. 170 – 173.
7. Пономарева О.Б. Синонимическая вариативность нестандартной лексики современного английского языка // Вестник ТюмГУ. 2004. № 4. С. 131 – 137.
8. Саликова И.А., Френкель И.А. Специфика семантики этнонима в составе фразеологических единиц французского языка // Гуманитарные исследования. Астрахань. 2012. № 1. С. 36 – 41.
9. Саушева Е.В. Военный жаргон и его свойства в речи представителей американской субкультуры // Вестник филологических наук. 2022. Т. 2. № 4. С. 92 – 97.
10. Суслопарова М.М., Кибишева А.Н. Отличительные особенности американского военного сленга // Научные исследования современных ученых. Астрахань, 2016. С. 45 – 46.
11. Таганова Т.А. Этноним и фразеологические единицы с этнонимом в английском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1 (18). С. 73 – 77.
12. Чистяков Д.В. Жаргонизмы как явление вторичной номинации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 155 с.
13. Шен Д.А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 21 с.
14. Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. New York Crowell, 1975. 279 p.

References

1. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika. M.: Ros. gos. gumanit. un-t., 2001. 315 s.
2. Bojko B.L. Voennyj profzhargon i professional'naja rech' voennyh. Organizacionnaja psiholingvistika. 2018. № 2 (2). S. 8 – 18.
3. Grishhenko I.A. Istochniki vozniknovenija jekspressivnyh jetnonimov (jetnofolizmov) v sovremennom russkom i anglijskom jazykah: jetimologičeskij, motivacionnyj i derivacionnyj aspekty. Aktivnye processy v sovremennom jazyke i frazeologii: materialy mezhdunarodnoj konferencii. Jaroslavl', 2007. S. 40 – 52.
4. Kerekesh A.S. Leksika afganskoj vojny. Vestnik nauchnoj asociacii studentov i aspirantov istoričeskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogičeskogo universiteta. Serija: Stadia Historica Jenium. 2009. № 1 (5). S. 64 – 68.
5. Mitchel P.T. Amerikanskij voennyj sleng. Vlijanie vojny v Persidskom zalive. Jazyk i kul'tura. 2015. S. 46 – 48.
6. Pitina S.A. Osobennosti anglijskih jetnonimov. Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija: materialy vtoroj mezhdunar. nauch. konf. otv. red. A.P. Nesterov. Cheljabinsk : Poligraf-master, 2005. S. 170 – 173.
7. Ponomareva O.B. Sinonimicheskaja variativnost' nestandartnoj leksiki sovremennogo anglijskogo jazyka. Vestnik TjumGU. 2004. № 4. S. 131 – 137.
8. Salikova I.A., Frenkel' I.A. Specifika semantiki jetnonima v sostave frazeologičeskikh edinic francuzskogo jazyka. Gumanitarnye issledovanija. Astrahan'. 2012. № 1. S. 36 – 41.
9. Sausheva E.V. Voennyj zhargon i ego svojstva v rechi predstavitelej amerikanskoj subkul'tury. Vestnik filologičeskikh nauk. 2022. T. 2. № 4. S. 92 – 97.
10. Susloparova M.M., Kibisheva A.N. Otlitel'nye osobennosti amerikanskogo voennogo slenga. Nauchnye issledovanija sovremennyh učenyyh. Astrahan', 2016. S. 45 – 46.
11. Taganova T.A. Jetnonim i frazeologičeskije edinicy s jetnonimom v anglijskom jazyke. Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2018. № 1 (18). S. 73 – 77.
12. Chistjakov D.V. Zhargonizmy kak javlenie vtorichnoj nominacii: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009. 155 s.
13. Shen D.A. Jetnonim v leksiko-semantičeskom prostranstve anglijskogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2009. 21 s.
14. Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. New York Crowell, 1975. 279 p.

*Bragina O.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Military Training and Research Center of the Air Force Air Force Academy named after Professor
N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin of the Ministry of Defense of the Russian Federation in Chelyabinsk*

Ethnonyms as a way to replenish military jargon

Abstract: the topic of the article "Ethnonyms as a way to replenish the military genre" refers to a special section of linguistics that analyzes individual layers of vocabulary. The subject of the study are ethnonyms that are found in military jargon. The article is written using linguogenetic, descriptive and comparative methods. The author of the article considers ethnonyms as a way to replenish military jargon, which concretize the enemy and his attitude to certain events or phenomena. Ethnonyms are aimed at concretizing both the enemy and allies. The formation of military ethnonyms is influenced not only by the nationality of the serviceman, but also by the time and place of the conflict. The author identifies several groups of ethnonyms, and also considers the ways of their word formation. The results of the study can be used in jargonology, linguistics, and can serve as a basis for studying individual areas of jargon application. In addition, the results of the study can be applied in military affairs in the training of military personnel, as well as in the training of the population during military conflicts. As a result of the analysis of ethnonyms, the author comes to the conclusion that the most common ways of adding ethnonyms are suffixation, word composition and abbreviation. Often these methods are used simultaneously.

Keywords: ethnonym, military jargon, conflict, word formation, suffixation, compounding, abbreviation

For citation: Bragina O.A. Ethnonyms as a way to replenish military jargon. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 157 – 161.

Received: August 6, 2023; Revised: October 8, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Чигринова Е.А., кандидат филологических наук,
Ефремова Н.В., кандидат филологических наук,
Слащева Н.И., кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный медицинский университет,
Белоконева К.А., кандидат филологических наук,
Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации*

**Особенности трансформации фразеологизмов в поэтических текстах
(на материале сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена»)**

Аннотация: в статье рассматриваются фразеологические единицы со структурно-семантическими изменениями, представленные в сборнике «Порыв. Новые имена». Целью исследования является подробное рассмотрение, выборка и анализ разных типов устойчивых выражений, созданных авторами сборника. Выделяются несколько типов фразеологизмов со структурно-семантическими изменениями. На основе данных преобразований авторами создана классификация фразеологизмов: с сокращением компонентов фразеологизма, с изменением мест компонентов фразеологизма, с расширением лексического состава фразеологизма, с парадигматическим изменением стержневого компонента фразеологизма, с заменой одного компонента фразеологизма другим.

Ключевые слова: поэтический текст, наращение смыслов, трансформация фразеологизмов, фразеологические выражения, сборник стихотворений

Для цитирования: Чигринова Е.А., Ефремова Н.В., Слащева Н.И., Белоконева К.А. Особенности трансформации фразеологизмов в поэтических текстах (на материале сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена») // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 162 – 168.

Поступила в редакцию: 3 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 8 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Поэтические тексты от текстов прозаических отличаются особыми формами и средствами создания материала. Лексические единицы, средства выразительности, особый ритм – все это характеризует автора и создает определенную атмосферу и среду, в которую попадает читатель. Для привлечения внимания читающего авторы используют всевозможные лексико-стилистические и синтаксические средства. Среди лексико-стилистических средств наиболее часто употребляется неологизм, метафора, используется прецедентный текст, языковая игра и др. Созданию определенной экспрессивности и эмоциональности каждого стихотворения помогает использование фразеологизмов в их исходной (словарной) и видоизмененной формах.

Смысловая сложность заключается в том, что за внешним текстовым образом всегда стоит глубинный внутренний смысл. Смысловая двуплановость и многоплановость закономерна для поэтического текста. Строй поэтического текста условен, ненормативен из-за чрезмерной активности субъективного начала, и поэтому «наращение смыслов» в поэтическом тексте происходит значительно активнее, нежели в тексте прозаическом, в нем выше степень концентрации смысла [1].

Поэты в XX веке расширяют границы возможностей для создания стихотворений, которые будут наполнены не только глубокими мыслями, но и в которые будут включены особые средства создания образности и связи с читателем. Одним из главных таких средств, в рассматриваемой нами поэзии, является фразеологизм [2, с. 115].

В качестве основного материала для анализа контаминации фразеологических единиц нами был выбран сборник стихов «Порыв. Новые имена» (1989). В этом сборнике собраны стихи как начинающих (К. Джангиров, М. Дубаев, Д. Новиков, С. Щербаков и др.), так уже и опытных (Ю. Арабов, И. Жданов, О. Николаева, М. Шелехов и др.) поэтов 80-х годов.

Сборник «Порыв» – это попытка открытого конкурса дарований, который так необходим многим. Это поэтический турнир самых разных на сегодня направлений и взглядов. Это эстетический плюрализм – многоголосье. Составитель, редактор книги, издательство стремились показать тенденции развития сегодняшней поэзии, полярные методы поэтического мышления, столкновения разных идей и образных систем. Новая волна отечественной поэзии, которую так долго ждали ценители поэзии и о которой так много и несправедливо говорили критики, все-таки возникла. Непредсказуемые, неожиданные, одаренные, стремительные или медлительные, ищущие, ошибающиеся, находящие архаисты и новаторы наших дней...» [3, с. 5].

В данной работе мы обратили особое внимание на одну из главнейших тенденций поэтов, представленных в анализируемом сборнике – на использование всевозможных форм и видов фразеологических единиц. С учетом собранного материала, мы создали собственную классификацию преобразованных в поэтическом тексте фразеологических единиц, основанную на различного рода изменениях. Получившуюся классификацию можно представить в следующем виде:

Таблица 1

Классификация фразеологических единиц с точки зрения изменений структуры и семантики

Фразеологические единицы	
I. С неизменной структурой и семантикой (30% от общего объема сборника «Прорыв»)	II. Со структурно-семантическими изменениями

Трансформация фразеологических единиц представляет собой процесс, включающий «различные способы (в том числе и сочетание способов) обновления узуальных устойчивых выражений для наиболее адекватной характеристики описываемой ситуации» [4, с. 68]. Это особенно продуктивный прием усиления выразительности, воздействующей силы произведения. Вторая группа нашей таблицы заслуживает собственной классификации, которая представляется нам в следующем виде:

Таблица 2

Виды структурно-семантических изменений фразеологических единиц

Фразеологизмы со структурно-семантическими изменениями						
Сокращение компонентов ФЕ (5% от общей картотеки)	Смена мест компонентов ФЕ (10% от общего материала)	Расширение лексического состава ФЕ (25% от общего количества материала)	Парадигматические изменения стержневого компонента ФЕ (5% от общей картотеки)		Замена одного компонента ФЕ другим (25% от общего количества материала)	
			Изменение глагольных форм	Изменение форм существительного	Появление нового оттенка у основного значения ФЕ	Усиление/уменьшение эмоциональности значения ФЕ

В результате исследования, нами выявлено, что только 30% от общего объема сборника «Прорыв» представляют собой неизменные ФЕ в исходной словарной форме. Это можно объяснить тем, что поэты отдают предпочтение преобразованию единиц, так как с помощью этого проявляется их творческая индивидуальность, текст характеризуется образностью и эмоциональностью, устанавливается контакт с внимательным читателем. При этом поэт изменяет фразеологизмы таким образом, чтобы они вписывались в общую идею стихотворения, его тему и форму [5, с. 5].

Рассмотрим первую группу фразеологических единиц, в которых произошло **сокращение компонентного состава**. Данная группа представлена небольшим количеством примеров в отобранном нами материале и составляет 5% от общей картотеки.

Итак, в стихотворении «Золотые качели» Сергея Таска находим:

*Проехали, хоть ты соловьем в окошко свисти,
Даже врач (чернокнижник – рвач) не зайдет-
На книжных полках шаром покати <...>* [3, с. 377].

В данном случае происходит сокращение фразеологической единицы, «хоть шаром покати» до «шаром покати», так как компонент «хоть» не несет особой смысловой нагрузки. Следовательно, сохраняется словарное значение фразеологизма: «Нет ничего. Совершенно пусто» [6, с. 336]. Другой пример сокращения обнаруживаем в стихотворении Елены Саран:

*На кладбище, куда я не ходила,
Есть бабушки недавняя могила –
Единственная на моем счету.
Потом я их по пальцам не сочту <...>* [3, с. 359].

Фразеологизм «по пальцам можно сосчитать» представлен в более усеченной форме, вследствие чего смысл не изменяется.

*В стихотворении Виктора Коркия:
В этом слове вся тайна сокрыта.*

В этой тайне собака зарыта <...> [3, с. 203].

Исходная форма, «вот где собака зарыта», сокращается до «собака зарыта». Вследствие такого сокращения коммуникативная направленность стихотворения не изменяется, и данный фразеологизм даже в редуцированной форме может использоваться в ситуации высказывания, в которой требуется выяснить истинную причину, суть дела [6, с. 442].

В стихотворении Татьяны Щербиной сокращается глагольный компонент, в результате чего фразеологизм приобретает следующую форму:

*Не орел, не решка, – значит вопрос ребром,
Не король, не пешка, – значит ход конем <...> [3, с. 455].*

В использованной форме фразеологизма «вопрос ребром» подразумевается фразеологическая единица «ставить вопрос ребром», даже без наличия глагольного компонента не теряет свою семантику, так как в контексте глагол подразумевается.

Следующая группа фразеологизмов – **единицы с измененным местоположением компонентов**, составляет 10% от общего материала. Данные изменения объясняются желанием автора акцентировать внимание читателя на конкретное слово, которое в составе фразеологической единицы ставится на первое место, например:

*Или за дядек, мужей их обманутых, стыдно,
Что долгие годы их за нос водили,
По-прежнему водят и будут, как видно <...> [3, с. 412].*

Здесь Олег Хлебников хотел подчеркнуть особое влияние сочетания «за нос» для общего смысла стихотворения.

В стихотворении «Переписка Грозного с Курбским» Олеся Николаева использует данный прием, ставя глагольный компонент на первое место во фразеологизме. Таким образом, выделяется именно действие, а не предмет, о котором идет речь в стихотворении.

*Разливаются реки, не сдерживаемые берегами,
И гудит земля, и горит земля под ногами;
Полнолуние, солнечное затмение <...> [3, с. 278].*

Также, инверсия может использоваться в стихотворении для более четкой ритмической структуры. К примеру, Виктор Коркия изменяет фразеологизм «ум за разум заходит» на «заходит ум за разум»:

*Некому смотреть залитым глазом,
Постигая мир своим умом.
Навсегда заходит ум за разум,
Забываясь коллективным сном <...> [3, с. 196].*

Преследуя эту же цель, Олег Хлебников в своем стихотворении, пишет:

*Я среди них – как сыр катаюсь в масле.
Они живут друг с другом в несогласье,
Свою любовь от ревности храня <...> [3, с. 220].*

Фразеологизм «как сыр в масле кататься» несет в себе следующее значение: жить в довольстве, в достатке [6, с. 196]. Особого внимания заслуживает то, что в случае такого изменения компонентного состава фразеологической единицы его коммуникативно-прагматическая направленность не изменяется, так как семантика устойчивого выражения остается первоначальной (словарной).

Следующая рассматриваемая нами группа основана на принципе **расширения лексического состава фразеологических единиц**.

Александр Шаталов в стихотворении «Художница» пишет следующие строки:

*Где она молодость? – в зеркало смотрит старуха.
Белые волосы ровною челкой легли.
– Ну так чего, соберешься ль когда-нибудь с духом?...*

Что вы все лезете с вашим сочувствием в душу! <...> [3, с. 431].

В первом случае, расширение лексических границ не несет в себе какой-либо семантической значимости, значение фразеологизма не изменяется. А в следующей строке – А. Шаталов вставкой «с вашим сочувствием» расширяет значение фразеологизма «влезать в душу», что ярче подчеркивает негодование и озлобленность героини стихотворения, которая не хочет, чтобы ее жалели и ни просто «лезли в душу», а с «сочувствием», что еще сильнее задевает старуху.

Сергей Новиков в стихотворении «Другу» расширяет фразеологическую единицу «ни гроша» до «скупого гроша»:

Я знаю, никто не положит

*На сердце, как на руку, жгут.
За жизнь эту нашу, быть может,
Скупого гроша не дадут <...> [3, с. 306].*

Использование определения «скупой» подчеркивает никчемность и отсутствие ощущения ценности жизни в контексте стихотворения, приближая нас к философской лирике, заставляя задуматься о смысле жизни.

Строки из стихотворения Александра Еременко также направляют наши мысли к проблеме смысла жизни и бытия:

*Игорь Александрович Антонов,
Наша смерть уже не за горами,
То есть через несколько ионов
Ты, как светоч, пролетишь над нами <...> [3, с. 105].*

Добавление лексемы «смерть» к фразеологизму «не за горами» указывает на пессимистический настрой автора. Обновленная фразеологическая единица «без конца и без края» в стихотворении «Невольное» Игоря Иртеньева, расширяет границы того чувства, которое возникает при прослушивании душевной песни:

*О чем эта песня – не знаю,
Но знаю – она хороша,
Она без конца и без края,
Как общая наша душа <...> [3, с. 153].*

В следующем отрывке, Владимир Салимон для усиления чувства удивления к фразеологизму «разинуть рот» добавляет лексему «широко»:

*– Взгляни! На площади соборной
На шум собравшийся народ
Стоит, кто руки потирая,
Кто, широко разинув рот <...> [3, с. 353].*

Фразеологизм «разинуть рот» имеет несколько значений: 1. Начинать говорить что-либо; высказывать, выразить свое мнение. 2. Быть крайне рассеянным, невнимательным или неосмотрительным. 3. Крайне изумляться, удивляться и т.п. 4. Сильно увлечься, слушая кого-либо; заслушаться [6, с. 380]. В контексте стихотворения реализуются два последних значения, прагматическое воздействие на читателя усиливается благодаря обстоятельству «широко», которое распространяет не только структурно, но и семантически, рассматриваемый фразеологизм.

Таким образом, расширение лексического состава фразеологической единицы непосредственно отражается на его семантике. Данная группа, в которой представлены фразеологические единицы с расширением лексического состава, в нашей картотеке занимает 25% от общего количества материала.

Следующее объединение отличается от всех предыдущих парадигмой фразеологических единиц. В состав следующей группы вошли фразеологизмы, компоненты **которых имеют формы, отличные от исходных**, записанных во фразеологическом словаре русского языка. Здесь можно говорить о парадигме разных компонентов по частеречной принадлежности.

Для начала рассмотрим **глагольную парадигматику**. Юрий Арабов в стихотворении «Мистический случай» использует форму 2 лица, единственного числа глагола «сходить», из фразеологизма «сходить с ума»:

*И от беспомощности скуля,
И на судьбу про себя пеняя,
Арсений тихо сошел с ума,
Как в детстве прыгивают с трамвая <...> [3, с. 20].*

Виктор Коркия также изменяет исходную глагольную форму:

*Блажен, кто других загонял в гроб,
Чтобы за гробом идти <...> [3, с. 197].*

В стихотворении «Антипсолом» используется вновь форма 2 лица, единственного числа глагола «загонять». Исходная форма глагола в словаре – «вгонять в гроб». Таким образом, что помимо лица, у глагола изменяется значение, которое зависит от употребленной приставки в каждом из случаев. «Вгонять» несет в себе значение непосредственного вовлечения куда-либо, во что-либо, а «загонять», в свою очередь, передает значение подталкивания, предложения зайти куда-либо в грубой форме.

Александр Лаврин в рамках четверостишья употребляет сразу пару преобразованных фразеологических единиц:

*Пускали пыль в глаза и пели,
И воду в ступе толкли,*

*Но вы любили, и терпели,
И к мертвым на могилы шли <...> [3, с. 242].*

В первом случае, исходная форма фразеологизма «пускать пыль в глаза», представленная в тексте, отличается от исходного – 3 лицо множественное число. Во второй же строке помимо преобразованной формы глагола от «толочь» к «толокли», сохранение беглой гласной, скорее всего, говорит о том, что поэт хотел добавить народного колорита в стихотворение и употребил просторечный вариант глагола. Также, во втором случае мы наблюдаем изменение порядка компонентов: словарная форма «толочь воду в ступе», а в нашем случае – «воду в ступе толокли». Следовательно, в рамках одного стихотворения и даже одной фразеологической единицы могут быть представлены разные виды преобразований.

Следующий компонент, который подвергается парадигматическим изменениям, представлен такой частью речи как существительное [7, с. 41]. Рассмотрим это на конкретных примерах.

В стихотворении «В горах Афганистана» Александра Карпенко находим изменение исходной формы компонента, которое выражается в изменении числа существительного:

*Горы молчат, словно рыбы в воде, молчат.
Только в висках Мысли бешеной дробью стучат <...> [3, с. 169].*

Исходная форма фразеологизма – «как рыба в воде», в стихотворении же используется «рыбы в воде», то есть происходит изменение числа с единственного на множественное.

Другой пример представлен у Юлианы Новиковой:

*Каплей в море останься красиво...
Я останусь, хоть гиблое дело,
Хоть вердикт откровенно суров,
Хоть из басни не выбросить слов <...> [3, с. 106].*

Приведенная фразеологическая единица – «каплей в море» (творительный падеж) отличается от исходной – «капля в море».

Последняя группа нашей классификации посвящена исследованию фразеологических единиц, в которых произошла **замена одного или нескольких компонентов**. Начнем с одного из самых ярких примеров данной группы – отрывок из стихотворения Ирины Знаменской, рассказывает о быстротечности времени человеческой жизни:

*Не умолчав о смертном часе,
Как с гуся годы с нас стекают
Мы – в выпускном 30м классе,
Но, кажется, нас выпускают! <...> [3, с. 139].*

Замена лишь одного компонента «вода» на «годы», и стихотворение заиграло новыми красками и оттенками значений [7, с. 13]. Ирина Знаменская сравнивает, на первый взгляд, совершенно полярные значения, однако, мы понимаем, что жизнь, состоящая из лет, как и вода быстротечна и не стоит на месте, в данном случае их можно назвать контекстуальными синонимами.

Стихотворение «Клятва» Ивана Жданова имеет интересную замену компонента в одной из своих строк:

*И при слове клятвы ты знаешь, чему в залог
Ты себя отдаешь, перед чем ты как жертва строг,
От владений твоих остается один замок,
Да и тот без ключа. Остальное ушло в песок <...> [3, с. 126].*

Выделенная фразеологическая единица по значению, но не по содержанию компонентов, схожа со словарным фразеологизмом «кануть в Лету», который несет в себе семантику вещей бесследно исчезнувших. Исчезло все из жизни героя стихотворения, остался лишь замок, а что с ним сделаешь без ключа? Вновь авторы обращают наше внимание на вечные ценности, которыми должны быть не вещи, а духовно-нравственные качества.

Владимир Вишневский в стихотворении «87й» заменяет компонент фразеологизма, таким образом, что он приобретает современное звучание.

*Пока свежо; на улице весенней
Пока завалы – был обилён сор.
А выносили сор из помещений,
Куда был вход заказан до сих пор <...> [3, с. 44].*

Вспоминаем фразеологическую единицу «выносить сор из избы», Вишневский заменяет слово «изба» на «помещение». Условно мы относим данный фразеологизм к структурно измененным, понимая, то, что с такой заменой компонента фразеологической единицы происходит и его семантическое переосмысление: поэт говорит не о деревянном крестьянском доме, а именно о современном жилом ограниченном простран-

стве. Обратимся ко второму фразеологизму, «вход заказан», который также подвергся замене одного компонента. Вспомним фразеологизм «заказывать путь, дорогу, кому-либо» – делать недоступным что-либо, закрывать доступ куда-либо [6, с. 164]. Вишневский заменой «путь» на «вход» уточняет место, которое находится под запретом.

В нашей картотеке группа с заменой компонентов составляет 20% от общего количества фразеологических единиц. Таким образом, можно сделать вывод о том, что структурные изменения различного характера, а именно: сокращение фразеологизма, его расширение, парадигматические преобразования единиц, замена компонентов – широко представлены в русской поэзии, конкретно в стихотворениях 80-х годов двадцатого века. Данные изменения, их разновидности могут переплетаться в рамках одного стихотворения или даже отрывка. Так, в стихотворении могут быть фразеологизмы с заменой компонентов, а в строке ниже фразеологическая единица с сокращением или расширением компонентов. Следовательно, в рамках одного стихотворения возможно взаимодействие различных фразеологизмов с измененной структурой и семантикой.

Литература

1. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с. <https://evartist.narod.ru/text14/24.htm>
2. Данилова Н.Н. Эстетическая функция фразеологизмов в художественной коммуникации // Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. М., 1986. Вып. 266. Лексико-фразеологическая система в аспектах микро- и макроструктур. С. 104 – 121.
3. Порыв. Новые имена: Сборник стихов. М.: Советский писатель, 1989. 464 с.
4. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе: объективная закономерность // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 4 (33). С. 67 – 71.
5. Бойченко В.В. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц: автореф. дис ... канд. филол. наук. Спб., 1993. 16 с.
6. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.
7. Наумова Е.В. Развитие семантики именных фразеологических единиц как фактор их трансформации в речи: дис... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999. 164 с.
8. Машина О.Ю. Фразеологическое значение и его оттенки: автореф. дис ... канд. филол. наук. Новгород, 1998. 25 с.

References

1. Valgina N.S. Teorija teksta: uchebnoe posobie. M.: Logos, 2003. 280 s. <https://evartist.narod.ru/text14/24.htm>
2. Danilova N.N. Jesteticheskaia funkcija frazeologizmov v hudozhestvennoj kommunikacii. Sb. nauch. tr. Mosk. gos. ped. in-ta inostr. jaz. M., 1986. Vyp. 266. Leksiko-frazeologicheskaia sistema v aspektah mikro- i makrostruktur. S. 104 – 121.
3. Poryv. Novye imena: Sbornik stihov. M.: Sovetskij pisatel', 1989. 464 s.
4. Gusejnova T.S. Transformacija frazeologicheskikh edinic v publicisticheskom diskurse: ob#ektivnaja zakonornost'. Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2015. № 4 (33). S. 67 – 71.
5. Bojchenko V.V. Individual'no-avtorskie preobrazovanija frazeologicheskikh edinic: avtoref. dis ... kand. filol. nauk. Spb., 1993. 16 s.
6. Vojnova L.A., Zhukov V.P., Molotkov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka: Svyshhe 4000 slovarnyh statej. Pod red. A.I. Molotkova. 4-e izd., stereotip. M.: Rus. jaz., 1986. 543 s.
7. Naumova E.V. Razvitie semantiki imennyh frazeologicheskikh edinic kak faktor ih transformacii v rechi: dis... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 1999. 164 s.
8. Mashina O.Ju. Frazeologicheskoe znachenie i ego ottenki: avtoref. dis ... kand. filol. nauk. Novgorod, 1998. 25 s.

*Chigrinova E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Efremova N.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Slashcheva N.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Volgograd State Medical University,
Belokoneva K.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

Features of the transformation of phraseological units in poetic texts (based on the material of the collection of poems of the XX century “Impulse. New names”)

Abstract: the article discusses phraseological units with structural and semantic changes presented in the collection "Impulse. New names." The purpose of the study is a detailed examination, selection and analysis of different types of stable expressions created by the authors of the collection. There are several types of phraseological units with structural and semantic changes. Based on these transformations, the authors have created a classification of phraseological units: with a reduction of phraseological components, with a change in the places of phraseological components, with an expansion of the lexical composition of phraseology, with a paradigmatic change in the core component of phraseology, with the replacement of one component of phraseology by another.

Keywords: poetic text, extension of meanings, transformation of phraseological units, phraseological expressions, collection of poems

For citation: Chigrinova E.A., Efremova N.V., Slashcheva N.I., Belokoneva K.A. Features of the transformation of phraseological units in poetic texts (based on the material of the collection of poems of the XX century “Impulse. New names”). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 162 – 168.

Received: August 3, 2023; Revised: October 8, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Яблонских А.В., кандидат филологических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы*

Особенности продвижения Web 3.0 (NFT) проектов

Аннотация: технология блокчейн берёт начало в 2008 году, первой криптовалютой на её основе стал Биткойн. Позже, в 2012 году, появились первые NFT-токены, «Coloured coins» или «цветные монеты». С тем пор рынок блокчейна и криптопроектов вырос до показателя в 26,8 триллиона американских долларов.

NFT используется компаниями в качестве инструмента для продвижения продукции на рынке и повышения узнаваемости бренда. Так даже самые консервативные организации показывают свою вовлечённость в мир технологий, привлекая платёжеспособную аудиторию.

Возможности продвижения проектов, связанных с NFT, ограничены каналами коммуникаций и законодательствами разных стран. Рассмотрим особенности продвижения Web 3.0 (NFT) проектов с учётом этих особенностей.

Ключевые слова: блокчейн, NFT, медиакоммуникации, интернет-продвижение, социальные сети, блогеры, реклама, криптопроекты, реклама

Для цитирования: Яблонских А.В. Особенности продвижения Web 3.0 (NFT) проектов // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 169 – 174.

Поступила в редакцию: 14 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 18 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

В данном исследовании описываются возможности продвижения компаний, которые открывает использование технологий Web 3.0 (NFT), и особенности продвижения данных проектов.

Развитие технологий меняет реальность, влияет на жизнь людей в разных отраслях. Блокчейн относится к категории экспоненциальных технологий, то есть технологий, производительность которых увеличивается вдвое каждые несколько лет. В 2021 году рынок криптопроектов достиг 2,22 триллиона американских долларов, что обозначило рост в 3 раза по сравнению с показателем 2020 года [1]. В 2022 году по данным CB Insights объём инвестиций в блокчейн и крипто-компании составил 26,8 трлн долларов [2].

К аудитории подобных проектов могут относиться не только профессиональные инвесторы, использующие блокчейн, в частности, NFT, для извлечения прибыли, так и представители иных платёжеспособных аудиторий. А инструменты, которые могут использовать организаторы NFT-проектов, ограничены законодательством, действующим в конкретной стране.

В исследовании рассмотрим особенности законодательства и инструменты и каналы коммуникаций для продвижения NFT-проектов.

Методы исследования

В рамках исследования составлен список законодательных ограничений, действующих в отношении подобных проектов в ряде стран. Предложены инструменты продвижения.

Анализ возможностей различных каналов, особенностей законодательства различных стран в отношении блокчейна в целом и NFT-проектов в частности позволил составить список инструментов, которые помогут специалистам по медиакоммуникациям и PR-специалистам реализовать новые проекты, имея достаточное количество информации для составления соответствующей стратегии.

Результаты и дискуссия

В исследовании были рассмотрены кейсы NFT-проектов, каналы продвижения проектов, связанных с блокчейн в целом и NFT в частности, особенности законодательства разных стран.

К наиболее эффективным и актуальным способам и каналам продвижения относятся:

- 1) Сетевые сообщества;
- 2) Рекламные сети;
- 3) Блогосфера;
- 4) Поисковое продвижение;
- 5) Медийная реклама;
- 6) PR-статьи, пресс-релизы;
- 7) Специальные PR-мероприятия.

При создании сетевого сообщества важно обозначить исключительность его участников, привлекая таким образом новых пользователей. В качестве площадки для создания такого сообщества в России можно использовать Телеграм: эксперты считают, что это наиболее эффективный канал для продвижения NFT-проектов.

Для продвижения проекта можно использовать рекламные сети, такие как Google, Yandex и Telegram. Реклама у блогеров позволит привлечь аудиторию, которая прямо не интересовалась NFT-проектами. Поисковое продвижение сайта, с другой стороны, поможет привлечь тех, кто ищет информацию о подобных проектах и планирует участвовать в них. С помощью медийной рекламы можно получить трафик на сайт и подписчиков на страницы в социальных сетях.

PR-статьи, пресс-релизы эксперты относят к наиболее эффективным инструментам для продвижения NFT-проектов. Также эффект будет иметь участие в различных мероприятиях, которые проходят в оффлайн и онлайн-форматах: например, участие в профессиональных и отраслевых конференциях или спонсорство хакатонов.

Историческая справка

Технологию блокчейн применили в криптовалюте Биткойн в 2008 году. В 2012 году был реализован первый NFT-проект: «Coloured coins»[3], в переводе на русский язык «цветные монеты». Номинал монет начинается с одного «сатоши» – это минимальная единица биткойна. Монеты можно использовать для предоставления таких активов, как имущество, купоны, собственная криптовалюта, акции компаний, подписки и цифровые предметы коллекционирования.

В 2014 году была организована компания «Counterparty». Компания предоставляла платформу для создания криптоактивов. Протокол Counterparty позволял перевести оффлайн игры в онлайн среду и создавать уникальные активы на основе токена «ХСР».

В 2015 году была выпущена первая в мире игра на блокчейне и платформе NFT. Игроки «Spells of Genesis»[4] используют и продают криптовалюту на других серверах и в обменных пунктах. Разработчики данной игры, компания Everdreamsoft, профинансировала токен «BitCrystals» в качестве внутриигровой валюты.

В 2016 году для «Counterparty» были созданы мемы Rare Pepe [5] (рис. 1). Проект получил популярность. Стоимость одного мема могла составлять десятки тысяч долларов. Изображения с персонажем Pepe стали предметом торговли, цифровым активом. Уникальность каждой картинки подтверждается с помощью NFT.

Рис. 1. Мемы Rare Pepe

После успеха Rare Pepe появились такие коллекции NFT, как Cryptopunks (рис. 3) и CryptoKitties (рис. 2). Благодаря таким проектам общество стало понимать, что подобные картинки – не игрушка, а серьёзные инструменты для извлечения прибыли [6]. Только владельцы платформы с котятками заработали более 100 тысяч долларов на продаже иллюстраций.

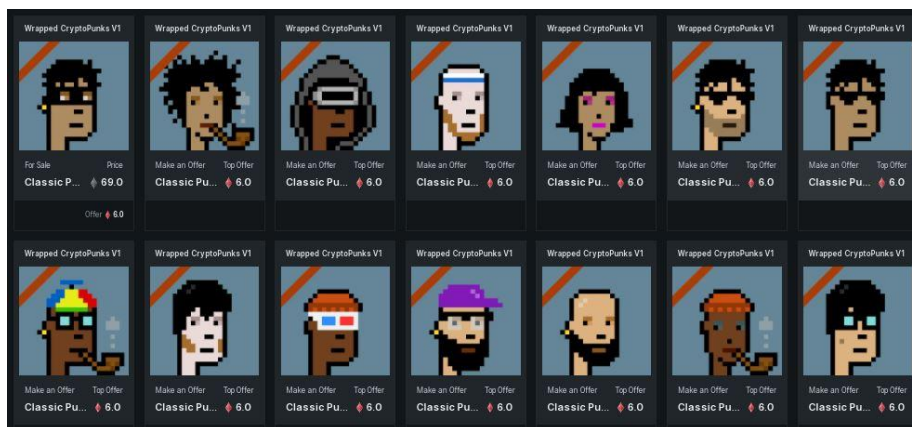

Рис. 2. NFT-коллекция Cryptopunks

Рис. 3. NFT-коллекция CryptoKitties

К 2018 году на рынке были уже более 1000 готовых проектов. В их числе – картина «Вечная роза»[7] за 1 млн долларов ирландского фотографа К. Абоша и система CRYPTOKICKS[8] от Nike, в которой NFT используются, с одной стороны, для удостоверения подлинности конкретной пары обуви, и с другой – для продажи виртуальных кроссовок.

Особенности законодательства, регулирующего продвижение NFT-проектов

Продвижение блокчейн-проектов, включая криптовалюты и NFT, должно осуществляться согласно законодательству, действующему в конкретной стране.

На Ближнем Востоке и в Азии ряд государств прямо запрещает рекламу токенов.

В США и странах Западной Европы продвижение токенов не запрещено, но ограничивается – необходимо соблюдать ряд правил.

В России реклама NFT и других криптопроектов возможна, но должна содержать[9]:

- наименование лица, которое выпускает цифровые активы;
- адрес сайта, где есть решение о выпуске таких активов;
- максимальную сумму, на которую неквалифицированные инвесторы могут приобрести цифровые активы;
- упоминание, что криптовалюта сопряжена с высокими рисками и ее покупка может привести к потере денежных средств.

Способы и каналы продвижение NFT-проектов

1. Сетевые сообщества

Продвигать NFT-проект позволяет сообщество, созданное вокруг бренда[10]. Пользователи становятся частью сообщества, ощущают причастность к бренду, собственную исключительность.

В России основным каналом для создания сообщества является мессенджер Телеграм, который из мессенджера превратился в социальную сеть с широкими возможностями, различными форматами представления контента.

Рекламировать NFT-проекты можно в экспертных сообществах. Таким образом организатор NFT-проекта формирует имидж продукта и привлекает внимание необходимой аудитории.

2. Рекламные сети

Различные международные медийные площадки позволяют рекламировать NFT-проекты. К таковым относятся Google, Facebook (деятельность на территории РФ запрещена, деятельность компании-владельца – Meta – признана экстремистской), Twitter (заблокирована на территории России), TikTok (на момент написания статьи сервис запрещает публикацию видео с территории Российской Федерации).

Таким образом, в России криптопроекты можно продвигать в рекламных сетях Google, Yandex и Telegram.

Табл. 1 демонстрирует возможности продвижения криптопроектов в различных каналах. К наиболее перспективным площадкам относится Telegram, где уже сейчас в Топ-3 самых активных рекламодателей входят криптопроекты.

Таблица 1

«+» – реклама разрешена, «-» – реклама запрещена, «лицензия» – требуется предоставление лицензии, «договоренность» – по договоренности с руководством платформы, «?» – нет данных

	Google	Facebook*	Twitter	Яндекс	myTarget	Telegram	TikTok
Оборудование для майнинга	+	Лицензия	?	+	Договоренность	+	-
Майнинг	?	?	?	+	Договоренность	+	-
Налоговые и юридические услуги	+	+	?	+	?	+	-
Обучающие материалы и новости	+	+	+	+	?	+	-
Услуги и продукты на базе блокчейн технологии	?	?	+	?	?	+	-
Блокчейны и смарт-контракты	?	?	?	+	?	+	-
Криптовбиржи	Лицензия	Лицензия	Лицензия	?	Договоренность	+	-
«Горячие» криптокошельки	Лицензия	Лицензия	Лицензия	?	Договоренность	+	-
Аппаратные криптокошельки	Лицензия	Лицензия	+	?	Договоренность	+	-
Обменники криптовалют	?	?	?	+	?	+	-
Криптовалютные киоски/банкоматы	?	?	Лицензия	?	?	+	-
Криптовалютные кредитные/дебетовые карты	?	?	Лицензия	?	?	+	-
Контракты на разницу цен (CFDs)	?	?	Лицензия	?	?	+	-
Инвестиции в криптовалюту, майнинг или ICO	?	?	?	Лицензия	?	+	-
NFT	?	+	Лицензия	?	?	+	-
Блокчейн- и NFT-игры, игры Play-to-Earn	?	?	-	?	?	+	-
Объявления о продаже, покупке и обмене криптовалют	-	?	?	?	?	+	-
Лендинги с конкурентным анализом криптовалют	-	?	?	?	?	+	-
Платформы для покупки и продажи токенов	?	?	?	?	-	+	-

3. Блогосфера

Привлечение инфлюенсеров относится к наиболее важным технологиям продвижения NFT. Этот инструмент особенно актуален для продвижения на неподготовленную аудиторию – на людей, не являющихся профессионалами на крипторынке. Таким образом можно привлечь платёжеспособную аудиторию, которая не интересуется блокчейн изначально.

3. Поисковое продвижение

Запуск сайта и наполнение его интересным, полезным и разнообразным контентом позволит привлечь аудиторию, которая интересуется темой NFT. Обновлять сайт нужно регулярно, подбирая ключевые фразы для того, чтобы вывести сайт в топ-выдачи по данным поисковым запросам. Данный инструмент требует сложной и системной работы.

4. Медийная реклама

Привлечь трафик на сайт, подписчиков в сетевые сообщества, блоги и аккаунты в социальных сетях поможет медийная реклама.

Необходимо использовать вербальные и невербальные элементы для баннерной рекламы в сети Интернет, учитывая психологический и поведенческий особенности аудитории.

5. PR-статьи, пресс-релизы

Традиционные каналы коммуникаций, такие как статьи в СМИ и пресс-релизы, также могут быть использованы для продвижения NFT-проектов.

Эксперты отмечают, что данный инструмент является эффективным для продвижения криптопроектов. Сама тема блокчейна, криптопроектов и NFT является востребованной в СМИ: таким образом, первые лица организации-эмитента NFT-токенов могут предоставлять журналистам экспертные комментарии, публиковать колонки в отраслевых и других изданиях.

Инструмент поможет повысить узнаваемость бренда, сформировать позитивный имидж, привлечь интерес со стороны потенциальных инвесторов [11].

6. Специальные PR-мероприятия

В течение всего года проходят различные офлайн и онлайн-мероприятия, посвящённые новым технологиям и инвестициям в целом, а также блокчейну и NFT-проектам в частности.

В числе таких мероприятий: отраслевые и профессиональные конференции, хакатоны, стартап-акселераторы.

Выводы

История применения NFT для извлечения прибыли составляет более десяти лет. При этом в 2021 и 2022 году мы видим серьёзный скачок данного рынка.

Возможности продвижения подобных проектов зависят от законодательства страны, в которой данный проект реализовывается, а также от имеющихся у организации-эмитента ресурсов – как финансовых, так и человеческих.

Команда из специалистов по маркетингу, рекламе, PR, SMM, организации мероприятий, комьюнити-менеджеры при грамотном подходе сможет составить стратегию и организовать продвижение для привлечения инвесторов, используя информацию из данного исследования, а также собственный опыт в этой или других отраслях.

Литература

1. Инвестиции в криптовалюту 2022: риски и перспективы. Варианты инвестиций [Электронный ресурс]. <https://mining-cryptocurrency.ru/cryptocurrency-investments/>
2. State of Blockchain 2022 Report [Электронный ресурс]. <https://www.cbinsights.com/research/report/blockchain-trends-2022/>
3. Что такое NFT и для чего они нужны [Электронный ресурс] // <https://signalikriptoalut.ru/chto-takoe-nft/>
4. Игра Spells of Genesis отмечает 5-летие открытием виртуального музея истории NFT [Электронный ресурс]. <https://www.block-chain24.com/news/novosti-nft/igra-spells-of-genesis-otmechaet-5-letie-otkrytiem-virtualnogo-muzeya-istorii-nft>
5. Редкий Пепе – “самый важный NFT в истории искусства” – продается за 205 ETH [Электронный ресурс]. <https://cryptohamster.org/redkiy-pepe-samyu-vazhnyy-nft-v-istorii-i>
6. Что такое NFT? [Электронный ресурс]. <https://dzen.ru/a/Yfgy2mbU7CY9KpSv/>
7. Крипто-фотографию красной розы продали за 1 миллион долларов [Электронный ресурс]. <https://www.fxtaa.com/kripto-fotografiyu-rozy-prodali-za-1-mln/>
8. WEB3 кроссовки CRYPTOKICKS IRL. [Электронный ресурс]. <https://nikefans.ru/metaverse/cryptokicks-irl/>

9. Шабалина А.В. К вопросу о правовом статусе невзаимозаменяемых токенов в России // Молодой ученый. 2022. № 45 (440). 209 с.
10. Харламенкова Д.А. Внедрение NFT и блокчейн-технологий в маркетинг // Проблемы управления 2022: Материалы 30-й Всероссийской студенческой конференции. Москва, 2022. 239 с. (дата обращения: 27.02.2023) [Электронный ресурс] // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49806188&ppf=1>
11. Как в 2022 году продвинуть свою криптовалюту: реально ли это и как избежать ошибок [Электронный ресурс]. <https://vc.ru/crypto/525569-kak-v-2022-godu-prodvinut-svoyukriptovalyutu-realno-li-eto-i-kak-izbezhat-oshibok>

References

1. Investicii v kriptovaljutu 2022: riski i perspektivy. Varianty investicij [Jelektronnyj resurs]. <https://mining-cryptocurrency.ru/cryptocurrency-investments/>
2. State of Blockchain 2022 Report [Jelektronnyj resurs]. <https://www.cbinsights.com/research/report/blockchain-trends-2022/>
3. Chto takoe NFT i dlja chego oni nuzhny [Jelektronnyj resurs] // <https://signalikriptoalut.ru/chto-takoe-nft/>
4. Igra Spells of Genesis otmechaet 5-letie otkrytiem virtual'nogo muzeja istorii NFT [Jelektronnyj resurs]. <https://www.block-chain24.com/news/novosti-nft/igra-spells-of-genesis-otmechaet-5-letie-otkrytiem-virtualnogo-muzeja-istorii-nft>
5. Redkij Pepe – “samyj vazhnyj NFT v istorii iskusstva” – prodaetsja za 205 ETH [Jelektronnyj resurs]. <https://cryptohamster.org/redkiy-pepe-samyj-vazhnyj-nft-v-istorii-i>
6. Chto takoe NFT? [Jelektronnyj resurs]. <https://dzen.ru/a/Yfgy2mbU7CY9KpSv/>
7. Kripto-fotografiju krasnoj rozy prodali za 1 million dollarov [Jelektronnyj resurs]. <https://www.fxtaa.com/kripto-fotografiyu-rozy-prodali-za-1-mln/>
8. WEB3 krossovki CRYPTOKICKS IRL. [Jelektronnyj resurs]. <https://nikefans.ru/metaverse/cryptokicks-irl/>
9. Shabalina A.V. K voprosu o pravovom statuse nevzaimozamenjaemyh tokenov v Rossii. Molodoj uchenyj. 2022. № 45 (440). 209 s.
10. Harlamenkova D.A. Vnedrenie NFT i blokchejn-tehnologij v marketing. Problemy upravlenija 2022: Materialy 30-j Vserossijskoj studencheskoj konferencii. Moskva, 2022. 239 s. (data obrashhenija: 27.02.2023) [Jelektronnyj resurs] // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49806188&ppf=1>
11. Kak v 2022 godu prodvinut' svoju kriptovaljutu: real'no li jeto i kak izbezhat' oshibok [Jelektronnyj resurs]. <https://vc.ru/crypto/525569-kak-v-2022-godu-prodvinut-svoyukriptovalyutu-realno-li-eto-i-kak-izbezhat-oshibok>

*Yablonskih A.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Features of the promotion of Web 3.0 (NFT) projects

Abstract: blockchain technology originated in 2008, with Bitcoin being the first cryptocurrency based on it. Later, in 2012, the first NFT tokens, known as "Coloured coins," were introduced. Since then, the blockchain and crypto projects market has grown to reach a value of 26.8 trillion US dollars.

Companies use NFTs as a tool for promoting their products in the market and increasing brand recognition. Even the most conservative organizations demonstrate their involvement in the world of technology by attracting a paying audience.

The promotion opportunities for NFT-related projects are limited by communication channels and legislation in different countries. Let us consider the peculiarities of promoting Web 3.0 (NFT) projects, taking these factors into account.

Keywords: blockchain, NFT (non-fungible tokens), media communication, internet promotion, social networks, bloggers, advertising, crypto projects, promotion

For citation: Yablonskih A.V. Features of the promotion of Web 3.0 (NFT) projects. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 169 – 174.

Received: August 14, 2023; Revised: October 18, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Медведева Е.С., аспирант,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского*

Грамматическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений в устной и письменной речи обучающихся билингвов

Аннотация: в статье представлены результаты исследования грамматических ошибок при выполнении обучающимися заданий письменной и устной части тренировочного тестирования в формате основного государственного экзамена по английскому языку. Проанализировано 100 устных и 100 письменных работ учащихся, выполненных при проведении пробного экзамена в Брянской области в 2023 году. Цель исследования состояла в выявлении психолингвистических причин появления грамматической ошибки в письменной и устной монологической речи в ситуации учебного двуязычия. Сбор корпуса ошибок осуществлялся вручную методом сплошной выборки. Для статистического анализа и визуализации полученных данных использовалась программа Microsoft Excel и методы описательной статистики. Для выявления стратегий, используемых обучающимися, был применен метод анализа ошибок и количественный метод. Автор приходит к выводу, что в основе грамматических ошибок обучающихся билингвов лежат стратегии, используемые ими при продуцировании высказывания. В статье выделены и описаны стратегии, применение которых приводит или может привести к возникновению грамматических ошибок в ситуации учебного двуязычия.

Ключевые слова: грамматическая ошибка, учебное двуязычие, обучающийся билингв, коммуникативная стратегия, стратегия достижения цели

Для цитирования: Медведева Е.С. Грамматическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений в устной и письменной речи обучающихся билингвов // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 175 – 179.

Поступила в редакцию: 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

В последние годы наблюдается устойчивое повышение внимания исследователей к проблемам двуязычия. Если исходить из определения билингвизма как существования в сознании индивида «более чем одного языка, то есть родного и еще какого-то количества знаний, умений и навыков неродного, иностранного», можно с уверенностью говорить, что подавляющее большинство людей на нашей планете в настоящее время являются билингвами, так как иностранный язык является обязательным для изучения в средних и высших учебных заведениях большинства стран мира. Поскольку при этом второй лингвокультурный код усваивается вне естественной языковой среды, возникает искусственный билингвизм субординативного типа с доминантным речевым механизмом, относящимся к родному языку [1].

Овладение и пользование вторым языком как в естественной, так и в искусственно созданной среде невозможно без отклонения от норм изучаемого языка, то есть без совершения ошибок. Значительное количество таких отклонений связано с нарушением грамматической правильности высказывания, то есть с появлением грамматической ошибки – ошибки в «действиях и операциях с грамматическим материалом, нарушающей закономерности и правила грамматики и приводящей к несоответствию замыслу высказывания» [6, с. 10].

В связи с наблюдающейся в настоящее время тенденцией к повышению требований к грамматической правильности высказываний обучающихся на иностранном языке, нашедшей свое отражение, в частности, в ужесточении подходов к оцениванию грамматической стороны устных и письменных ответов участников Единого государственного экзамена, повышается актуальность исследований причин возникновения грамматических ошибок в речи обучающихся билингвов. В связи с вышеизложенным цель нашего исследования состоит в изучении стратегий, применяемых обучающимися билингвами при продуцировании устных и письменных монологических высказываний с фокусировкой внимания на тех стратегиях, обращение к которым приводит или может привести к возникновению грамматически некорректного высказывания.

Понятие «стратегия» как закономерность в принятии решений в ходе познавательной деятельности человека» [3, с. 318] широко используется исследователями при обсуждении процессов овладения и пользования иностранным языком. Впервые термин «коммуникативная стратегия» для описания процессов, при-

водящих к возникновению ошибок в промежуточном языке обучающихся, был использован Л. Селингером [14].

Анализ литературы по вопросу использования коммуникативных стратегий в речевой деятельности позволяет говорить о четырех основных подходах исследователей: интерактивном, психологическом, социолингвистическом и прагматическом [5]. При прагматическом подходе коммуникативные стратегии рассматриваются с точки зрения их использования для достижения взаимопонимания между участниками речевого взаимодействия [10].

Социолингвистический подход предполагает изучение коммуникативных стратегий как части социального взаимодействия [12]. Приверженцы психологического подхода увязывают коммуникативные стратегии с различными когнитивными процессами [11]. Сторонники интерактивного подхода различают стратегии сокращения, включающие в себя уход от основной цели высказывания, изменение коммуникативной цели или полный отказ от нее, и стратегии достижения, или компенсаторные стратегии, применение которых позволяет говорящему или пишущему достичь цели высказывания несмотря на возникновение коммуникативного затруднения [15].

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужили устные монологические и письменные ответы участников тренировочного тестирования по английскому языку среди выпускников 9 классов Брянской области в 2023 году. Были проанализированы 100 устных и 100 письменных высказываний, отобранных методом сплошной выборки. Сбор корпуса ошибок осуществлялся вручную. Для статистического анализа и визуализации полученных данных использовалась программа Microsoft Excel и методы описательной статистики. Для выявления стратегий, используемых обучающимися, был применен метод анализа ошибок и количественный метод.

Результаты

При анализе работ участников исследования было выявлено 287 грамматических ошибок в письменных высказываниях и 509 грамматических ошибок в устных, то есть количество ошибок в устной речи в 1,77 раза превышает количество ошибок в письменной. Для выявления степени корреляции между данными, полученными в ходе исследования, была составлена корреляционная матрица (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционная матрица с использованием коэффициента корреляции Пирсона

	Общий балл	Аудирование	Чтение	Грамматика	Количество ошибок в письменной речи	Количество ошибок в устной речи
Общий балл	1,00	0,72	0,76	0,83	- 0,6	- 0,47
Аудирование	0,72	1,00	0,52	0,54	- 0,42	- 0,32
Чтение	0,76	0,52	1,00	0,66	- 0,47	- 0,34
Грамматика	0,83	0,54	0,66	1,00	- 0,59	- 0,47
Количество ошибок в письменной речи	- 0,6	- 0,42	- 0,47	- 0,59	1,00	0,58
Количество ошибок в устной речи	- 0,47	- 0,32	- 0,34	- 0,48	0,58	1,00

В таблице отражены связи между количеством ошибок в устных и письменных ответах участников тренировочного тестирования, а также их общим баллом за тестирование и баллами за задания по чтению, аудированию и грамматике. Для дачи качественной оценки количественным показателям силы корреляции была использована шкала Чеддока [9, с. 121] (табл. 2).

Таблица 2

Шкала Чеддока для определения тесноты связи

Количественная мера тесноты связи	Качественная характеристика тесноты связи
0,91 – 0,99	Сильная
0,71 – 0,9	Тесная
0,51 – 0,7	Заметная

Продолжение таблицы 2

0,31 – 0,5	Умеренная
0,11 – 0,3	Слабая
0 – 0,1	Отсутствует

Согласно данным, представленным в табл. 1 и 2, наблюдается заметная связь между количеством ошибок в устной и письменной речи (коэффициент корреляции 0,58). Так же обнаружена заметная отрицательная корреляция между количеством ошибок в письменной речи и баллом участника тестирования по грамматике и за экзамен в целом, то есть количество ошибок тем выше, чем ниже уровень знаний, продемонстрированный участником. При этом коэффициент корреляции между этими данными и количеством ошибок в устной части значительно ниже (-0,48). Не выявлено заметной корреляции между результатами выполнения заданий разделов «Аудирование» и «Чтение» и количеством ошибок в продуктивных видах деятельности. Таким образом, общий уровень владения языком является не единственным фактором, влияющим на появление грамматических ошибок в устной и письменной речи обучающихся билингов.

Тщательный анализ грамматически некорректных высказываний участников исследования позволил предположить, что грамматические ошибки могут появляться в речи обучающихся в результате применения ими определенных стратегий, а именно:

1. Стратегия воспроизведения заученного материала. В долговременной памяти учащихся хранятся не только отдельные лексические единицы, но и блок частично автоматизированных эксплицитных декларативных знаний относительно построения высказывания из языковых единиц, что позволяет учащимся использовать готовые конструкции при продуцировании речи [2]. При этом в ментальном лексиконе обучающегося билингва могут содержаться как грамматически корректные, так и изначально неправильно заученные клишированные фразы или фрагменты текстов, в связи с чем при выборе из ряда активных конкурирующих единиц могут быть выбраны единицы, запускающие программу построения девиантного высказывания [7].

2. Стратегия ассимилирования. Данная стратегия связана с одновременной активацией и наложением двух или более синонимических структур для выражения одной и той же мысли при продуцировании речи. Например, фразы *He is clever* и *He is a clever boy* приводят к продуцированию отклоняющегося от нормы *He is a clever**.

3. Стратегия буквального перевода. При отсутствии в поверхностном ярусе ментального лексикона результатов привычного включения лексических единиц в контекст суждений или умозаключений обучающиеся билингвы нередко прибегают к стратегии буквального мысленного перевода [8]. При использовании данной стратегии ярко проявляется влияние кода родного языка обучающихся на новую языковую систему, получившее название межъязыковой интерференции [4]. Обращение к стратегии буквального перевода часто приводит к ошибкам в употреблении предлогов, неправильному порядку слов в предложении, ошибкам при выборе части речи.

4. Стратегия генерализации. Данная стратегия представляет собой обобщение «языковых явлений на основе неких интуитивно принятых за основание параметров». Сознательно или неосознанно обучающийся строит свою систему правил и норм, которая часто включает в себя неправильные гипотезы относительно того или иного грамматического явления. При этом обучающийся может игнорировать ограничение правила или распространять его на те ситуации, в которых оно неприменимо. Такие ошибки называют «ошибками развития» («developmental errors»), и они отражают уровень развития промежуточного языка обучающегося билингва.

5. Стратегия симплификации. Данная стратегия связана с тем, что промежуточном языке обучающегося билингва могут содержаться более простые грамматические структуры, чем те, которые действительно существуют в изучаемом языке. Элементы, которые с точки зрения говорящего или пишущего не несут коммуникативной нагрузки, могут опускаться при продуцировании речи [13]. Для русскоязычных учащихся в английском языке в роли таких «необязательных» элементов часто выступают артикли, вспомогательные глаголы, глаголы-связки, окончания существительных и глаголов.

6. Стратегия «отзеркаливания» вербальной опоры. Перестроение текста задания для продуцирования собственного высказывания дает возможность справиться с коммуникативной задачей даже тем обучающимся, которые находятся на невысоком уровне владения изучаемым языком. Обучающиеся обращаются к данной стратегии сознательно, и в большинстве случаев это обращение приводит к продуцированию грамматически корректного высказывания. В то же время в отдельных случаях использование этой стратегии

может привести к построению грамматически девиантного высказывания, например, при перестроении вопросительного предложения в утвердительное.

Заключение

В ходе исследования была подтверждена гипотеза, согласно которой применение одних и тех же стратегий достижения цели может привести как к продуцированию грамматически корректного, так и грамматически девиантного высказывания. Помимо того, одинаковые ошибки могут стать результатом обращения к разным стратегиям. Использование стратегий достижения цели может быть сознательным и неосознанным. Грамматические ошибки, совершаемые при обращении к стратегиям достижения цели, отражают уровень развития промежуточного языка и тесно связаны с такими явлениями как межъязыковая и внутриязыковая интерференция. Понимание стратегий преодоления коммуникативных затруднений, применяемых формирующимися билингвами при построении письменного и устного монологического высказывания, может дать ключ к организации эффективной работы по сокращению ошибок в речи учащихся в ситуации учебного двуязычия.

Литература

1. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.: Изд-во МГУ, 1969. 322 с.
2. Галактионова О.С. Аспекты порождения устного текста на родном и неродном языках (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 214 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М: РГГУ, 1999. 382 с.
4. Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с.
5. Капуста Т.А. Коммуникативные стратегии в обучении иностранному языку: к истории вопроса // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2002. № 1. С. 60 – 66.
6. Клочков Ю.Б. Грамматические ошибки японских учащихся в речи на русском языке: пути предупреждения и устранения: автореферат дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 25 с.
7. Мохамед Н.В. Фоссилизация как одно из проявлений универсальных процессов стабилизации промежуточного языка. Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 160 – 164.
8. Пойменова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 214 с.
9. Сизова Т.М. Статистика: учебное пособие. СПб.: НИУ ИТМО, 2013. 176 с.
10. Kasper G. Beyond reference // Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 345 – 360.
11. Kellerman E., Bialystok E. On psychological plausibility in the study of communication strategies // Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 31 – 48.
12. Rampton D. A sociolinguistic perspective on L2 communication strategies // Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 279 – 303.
13. Richards J. Social Factors, Interlanguage, and Language Learning // Error Analysis. London: Longman Group Limited, 1984. P. 64 – 91
14. Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10. P. 209 – 232.
15. Yule G., Tarone E. Investigating communication strategies in L2 reference: pros and cons // Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 17 – 30.

References

1. Vereshhagin E.M. Psihologicheskaja i metodicheskaja harakteristika dvujazychija. M.: Izd-vo MGU, 1969. 322 s.
2. Galaktionova O.S. Aspekty porozhdenija ustnogo teksta na rodnom i nerodnom jazykah (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2008. 214 s.
3. Zalevsckaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. M: RGGU, 1999. 382 s.
4. Zalevsckaja A.A. Vvedenie v teoriju uchebnogo dvujazychija: uchebnik dlja magistrantov. Tver': Tver. gos. un-t, 2016. 269 s.
5. Kapusta T.A. Kommunikativnye strategii v obuchenii inostrannomu jazyku: k istorii voprosa. Visnik Zapoz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki. 2002. № 1. S. 60 – 66.
6. Klochkov Ju.B. Grammaticheskie oshibki japonskih uchashhihsja v rechi na russkom jazyke: puti prepuzhdenija i ustranjenja: avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk. M., 1999. 25 s.

7. Mohamed N.V. Fossilizacija kak odno iz projavlenij universal'nyh processov stabilizacii promezhutochnogo jazyka. Slovo i tekst: psiholingvisticheskiy podhod. 2014. № 14. S. 160 – 164.
8. Pojmenova A.A. Leksicheskaja oshibka v svete strategij preodolenija kommunikativnyh zatrudnenij pri pol'zovanii inostrannym jazykom: dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1999. 214 s.
9. Sizova T.M. Statistika: uchebnoe posobie. SPb.: NIU ITMO, 2013. 176 s.
10. Kasper G. Beyond reference. Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 345 – 360.
11. Kellerman E., Bialystok E. On psychological plausibility in the study of communication strategies. Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 31 – 48.
12. Rampton D. A sociolinguistic perspective on L2 communication strategies. Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 279 – 303.
13. Richards J. Social Factors, Interlanguage, and Language Learning. Error Analysis. London: Longman Group Limited, 1984. P. 64 – 91
14. Selinker L. Interlanguage. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10. P. 209 – 232.
15. Yule G., Tarone E. Investigating communication strategies in L2 reference: pros and cons. Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. L., N.Y.: Longman, 1997. P. 17 – 30.

*Medvedeva E.S., Postgraduate,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky*

Grammatical error in the light of strategies for overcoming communication difficulties in oral and written speech of bilingual students

Abstract: the article presents the results of a study of grammatical errors when students perform tasks in the written and oral part of training testing in the format of the main state exam in the English language. 100 oral and 100 written works of students completed during a trial exam in the Bryansk region in 2022 were analyzed. The purpose of the study was to identify the psycholinguistic reasons for the appearance of grammatical errors in written and oral monologue speech in a situation of educational bilingualism. The collection of errors was carried out manually using the continuous sampling method. For statistical analysis and visualization of the obtained data, Microsoft Excel and descriptive statistics methods were used. Error analysis and quantitative method were used to identify the strategies used by students. The author comes to the conclusion that the grammatical errors of bilingual learners are based on the strategies they use when producing utterances. The article identifies and describes strategies, the use of which leads or may lead to the occurrence of grammatical errors in the situation of educational bilingualism.

Keywords: grammatical error, educational bilingualism, bilingual learner, communicative strategy, goal achievement strategy

For citation: Medvedeva E.S. Grammatical error in the light of strategies for overcoming communicative difficulties in oral and written speech of bilingual students. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 175 – 179.

Received: August 14, 2023; Revised: October 18, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Скрипченко С.Н., кандидат педагогических наук,
Владимирский государственный университет

Грамматическая категория модальности в современном английском языке

Аннотация: данная статья посвящена анализу категории модальности в современном английском языке. Философские понятия безусловной и условной модальности имеют большое значение в лингвистике, так как выступают основой субъективной и объективной модальности в языке. Современное понимание объективной и субъективной модальности в языкознании неразрывно связано в том числе и с трудами советских ученых-языковедов второй половины 20 в., которые приходят к выводу, что модальность как неотъемлемая и присущая часть языка является основой коммуникации. В нашей недавней статье по данной теме приведены убедительные доказательства, что, например, в литературе по психологии данная категория способствует созданию определенного процесса коммуникации с читателем, что улучшает личностное развитие индивида и заставляет осуществлять работу над собой, своими ошибками и заблуждениями. является базовой и необходимой. В текстах по юриспруденции модальные глаголы доносят до юридического или физического лица степень необходимости, возможности, разрешения, дозволения и запрещения предпринимаемых ими действий в рамках закона. В этой статье анализ используемой в современном английском языке категории модальности расширяется текстами художественной литературы начала 21 века. В ней также представлен используемый в лингвистике анализ модальных глаголов по следующим критериям: формально-грамматическому, формально-структурному, семантическому, стилистическому и функциональному.

Ключевые слова: категория модальности, современный английский язык, субъективная модальность, объективная модальность, основа коммуникации, художественная литература 21 в., частотность употребления модальных глаголов, критерии анализа модальных глаголов

Для цитирования: Скрипченко С.Н. Грамматическая категория модальности в современном английском языке // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 180 – 183.

Поступила в редакцию: 14 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Анализ категории модальности в современной лингвистике в целом и в английском языке, в частности, следует неразрывно связывать с анализом исследований данного феномена в области философии. Она составляет основу изучения модальности и способствует глубокому и всеобъемлющему пониманию этого языкового явления.

Само осознание факта, что категория модальности берет свое начало в философских трудах, начиная с древнейших времен, и последовательно рассматривается известными учеными разных эпох в развитии европейской цивилизации, накладывает огромную ответственность на лингвистов-исследователей, в очередной раз пытающихся дать свою интерпретацию данного вопроса в языкознании. Такие выдающиеся мыслители, как древнегреческий философ Аристотель [8], средневековый схоласт Д. Скотт [8], философы нового времени Г. Лейбниц [8] и И. Кант [8] представили собственные оригинальные концепции категории модальности, бесспорно, требующие изучения и анализа в лингвистике. Мы бы хотели в общих чертах коснуться философских учений такого уровня, чтобы в очередной раз подчеркнуть тесную взаимосвязь философии как формы познания окружающей реальности (бытия) с научными исследованиями в различных областях и в, частности, в лингвистике.

Разделение всего «сущего» на сущее в действительности и сущее в возможности лежит в основе аристотельского понятия категории модальности, при этом сущее в возможности понимается намного шире и включает три типа явлений: возможные, потому что существуют в действительности; возможные, так как могли бы произойти; объединяющие первые два типа как одинаково могущие и не могущие произойти. Древнегреческий философ ставит проблему соотношения возможного и действительного с необходимым. Так, сущее в действительности соотносится с безусловной необходимостью и имеет безусловную модальность. Сущее в возможности предполагает условную необходимость и, следовательно, обладает условной модальностью. Данные понятия безусловной и условной модальности в философии имеют большое значение в лингвистике, так как выступают основой субъективной и объективной модальности в языке. Известный западноевропейский ученый-лингвист прошлого столетия Ш. Бали для обозначения объективной и субъективной модальности, используя заимствованные из философии термины «диктум» и «модус».

Современное понимание объективной и субъективной модальности в языкознании неразрывно связано в том числе и с трудами советских ученых второй половины 20 в. В.В. Виноградов [2] и И.Р. Гальперин [3] в своих фундаментальных исследованиях неопровержимо доказывают, что каждое предложение текста содержит средства выражения модальности, то есть указания на отношение к действительности. Следовательно, модальность как неотъемлемая и присущая часть языка является основой коммуникации. Субъективная модальность связана с трудами лингвистов, рассматривающих эту категорию как реальное по отношению к действительности с точки зрения говорящего (В.З. Панфилов) [6]; как противопоставление реального и нереального действия (Г.А. Золотова) [5]. Некоторые ученые (А.В. Бондарко [1], М. Грепл [4] и др.) разделяют модальность на две составляющие: отношение субъекта высказывания к действительности и отношение говорящего к самому высказыванию.

Отношение к модальности как к базовой части речевого взаимодействия имеет большое значение при анализе этой грамматической категории в английском языке. В нашей недавней статье по данной теме [7] мы рассматривали тексты по психологии и юриспруденции на предмет использования в них различных средств выражения модальности. В статье приведены убедительные доказательства, что, например, в литературе по психологии данная категория является базовой и необходимой. Она способствует созданию определенного процесса коммуникации с читателем, что улучшает личностное развитие индивида и заставляет осуществлять работу над собой, своими ошибками и заблуждениями. При этом основную часть средств выражения модальности составляют модальные глаголы, используемые в следующем порядке по убыванию: *can (could), may (might), must, should, would, shall, will*. В юридических текстах и различной документации модальные глаголы также являются основным средством выражения модальности и основой осуществляемой коммуникации с индивидом в письменном виде. Они доносят до юридического или физического лица степень необходимости, возможности, разрешения, дозволения и запрещения предпринимаемых ими действий в рамках закона. В статье со ссылкой на последние исследования в этой области представлена доминирующая группа модальных средств, включающая следующие модальные глаголы в порядке убывания: *shall, may, must, will, can, could, might*.

В этой статье мы бы хотели расширить анализ используемой в современном английском языке категории модальности текстами художественной литературы начала 21 века. Мы считаем, что основу изучения этой научной темы в области теоретической и практической грамматики составляют модальные глаголы, которые к тому же активно употребляются в разных формах сослагательного наклонения, также входящего в данную грамматическую категорию. Р.П. Мильруд и А.С. Карамнов [8], на наш взгляд, дали яркое и подробное представление о модальности как основе коммуникации при анализе произведений Дж. Ролинг о Гарри Поттере. Бесспорно, изучение частотности употребления модальных глаголов является важным критерием для определения степени важности тех или иных грамматических структур в современном английском языке. К тому же авторы утверждают, что исследование частотности употребления модальных глаголов в аутентичных текстах способствует определению приоритета в процессе преподавания. Результаты их исследования приводят к интересным выводам, касающимся важности и востребованности разных модальных глаголов в современной художественной литературе. В порядке убывания востребованность модальных глаголов можно представить следующим образом: *could, would, can, will, might, must, need, should, may, ought, shall, dare*. Такое исследование показывает общие тенденции в употреблении модальных глаголов, хотя в нем отсутствует определенная конкретизация, а именно: например, не уточняется в какой роли (вспомогательной или модальной) употреблены глаголы *will* и *shall*, так как анализ осуществлялся с использованием компьютерной программы.

Большой интерес представляет проведенный этими учеными анализ модальных глаголов по следующим критериям: формально-грамматическому, формально-структурному, семантическому, стилистическому и функциональному. Формально-грамматический критерий традиционно делит модальные глаголы на две группы: присоединяющие и не присоединяющие частицу *to*. В этой связи в современном английском языке появилась, например, тенденция не употреблять частицу *to* в вопросительных и отрицательных предложениях после модальных глаголов *ought* и *dare*, например, *We ought not (to) shut our eyes to these facts*. Данный критерий также делит глаголы на модальные и полумодальные, при этом также наблюдаются определенные грамматические трансформации, так как язык находится в постоянном движении и развитии. Но мы бы хотели указать на тенденцию в целом, не углубляясь в детали. Это должно подготовить изучающих английский язык к различного рода грамматическим изменениям категории модальности, которые могут встречаться в художественной литературе при чтении и анализе текстового материала.

В художественной литературе встречаются составные модальные конструкции, что можно отнести к определенным диалектам, используемых на некоторых территориях США и Шотландии. В таких конструкциях характерно употребление в сочетании следующих модальных глаголов: *could might, might could, might*

can, might should, might would и др. В качестве примера можно привести следующее предложение: *I might can fix it*. Подобные модальные конструкции лежат в основе классификации модальных глаголов по формально-структурному критерию.

В английском языке не существует единой классификации глаголов по семантическому критерию. Одна классификация делит модальные глаголы на основе внутренней (*intrinsic*) и внешней (*extrinsic*) модальностей, что соответствует выражению в коммуникативной ситуации внутреннего контроля над происходящими событиями или отражает осведомленность и оценку человеком предполагаемых событий в будущем. Другая, например, классификация является практически идентичной первой, различия существуют исключительно в терминологии: отношение говорящего к содержанию высказывания (*epistemic modality* и вмешательство в ход событий и их изменение *root modality*). Но основной трудностью для студентов и всех изучающих английский язык является многозначность модальных глаголов и резкое изменение их значения в зависимости от контекста. Эта их характерная черта в полной мере проявляется именно в художественной литературе. Например, глагол *can* обладает значениями физической или умственной возможности, разрешения, запрещения, просьбы, сомнения, удивления.

Классификация модальных глаголов по стилистическому критерию связана с определением частоты их употребления в разных языковых стилях. Например, для научного стиля характерно использование глаголов *should, will*. Исследования в области коммуникативной лингвистике лежат в основе классификации модальных глаголов по функциональному критерию. Однако функциональный и семантический критерии дифференциации глаголов имеют существенные отличия. Функциональный критерий предполагает субъективную оценку происходящих событий, а не причинно-следственную, характерную для семантического критерия.

Таким образом, представленная в данной статье общая характеристика категории модальности в современном английском языке указывает на ее глубину и многогранность. Темы, связанные с категорией модальности, непрерывно появлялись и появляются в исследованиях на уровне дипломных, кандидатских, докторских работ и монографий. Не менее важное место занимает категория модальности при практическом изучении английского языка студентами-лингвистами. Правильное использование модальных глаголов, учитывая свойственную им многозначность, выступает одной из основ письменного и устного перевода.

Литература

1. Бондарко А.В. Реальность / ирреальность и потенциальность // ТФГ. М.: Наука, 1990. С. 72 – 80.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53 – 87.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.
4. Грешл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии 1956-1974: сб. статей / под ред. А.Г. Широковой. М.: Прогресс, 1978. С. 277 – 301.
5. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // ФН. 1962. № 1. С. 65 – 80.
6. Панфилов В.З. Категории модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // ВЯ. 1977. № 4. С. 37 – 48.
7. Селезнева Т.А.К вопросам логико-философских истоков языковой модальности. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-logiko-filosofskih-istokov-yazykovoy-modalnosti>
8. Симатова С.А. Логико-философские концепции категории модальности. <https://cyberleninka.ru/article/n/logiko-filosofskie-kontseptsii-kategorii-modalnosti>
9. Скрипченко С.Н. Выражение категории модальности в английской профессиональной литературе (на примере текстов по психологии и юриспруденции). <https://su-journal.ru/archives/10632>
10. Лушников В.В. К вопросу о дефиниции модальности. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25353/1/avfn_2013_07.pdf
11. Мильруд Р.П. Карамнов А.С. Подходы к классификации английских модальных глаголов. <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/03/image/03-042.pdf>
12. Шакирзянова Р.М. Роль модальности в лингвистике. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-modalnosti-v-lingvistike>

References

1. Bondarko A.V. Real'nost'. irreal'nost' i potencial'nost'. TFG. M.: Nauka, 1990. S. 72 – 80.
2. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke. V.V. Vinogradov. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike. M.: Nauka, 1975. S. 53 – 87.

3. Gal'perin I.R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M., 1981. 139 s.
4. Grepl M. O sushhnosti modal'nosti. Jazykoznanie v Chechoslovakii 1956-1974: sb. Statej. pod red. A.G. Shirokovej. M.: Progress, 1978. S. 277 – 301.
5. Zolotova G.A. O modal'nosti predlozhenija v russkom jazyke. FN. 1962. № 1. S. 65 – 80.
6. Panfilov V.Z. Kategorii modal'nosti i ee rol' v konstruirovanii struktury predlozhenija i suzhdenija. VJa. 1977. № 4. S. 37 – 48.
7. Selezneva T.A.K. voprosam logiko-filosofskih istokov jazykovoj modal'nosti. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-logiko-filosofskih-istokov-yazykovoy-modalnosti>
8. Simatova S.A. Logiko-filosofskie koncepcii kategorii modal'nosti. <https://cyberleninka.ru/article/n/logiko-filosofskie-kontseptsii-kategorii-modalnosti>
9. Skripchenko S.N. Vyrazhenie kategorii modal'nosti v anglijskoj professional'noj literature (na primere tekstov po psihologii i jurisprudencii). <https://su-journal.ru/archives/10632>
10. Lushnikov V.V. K voprosu o definicii modal'nosti. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25353/1/avfn_2013_07.pdf
11. Mil'rud R.P. Karamnov A.S. Podhody k klassifikacii anglijskih modal'nyh glagolov. <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/03/image/03-042.pdf>
12. Shakirzjanova R.M. Rol' modal'nosti v lingvistike. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-modalnosti-v-lingvistike>

*Skripchenko S.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Vladimir State University*

A grammatical category of modality in the modern English language

Abstract: this article is devoted to the analysis of the category of modality in the modern English language. The philosophical notions of unconditional and conditional modality are of great importance in linguistics because they are basis of subjective and objective modality in the language. The modern notion of objective and subjective modality is connected with the names of well-known Russian linguists of the second part of the 20th century. They came to the conclusion that modality in the language is the basis of communication. Our recent article has proved that this category makes a process of communication with a reader in the texts on psychology. As a result it improves the personal development of an individual and makes him work on his mistakes and delusions. So this category is of great importance here. Legal literature informs natural and incorporated persons about the necessity, possibility, permission and prohibition of their actions in accordance with the law. This article makes analysis of the usage of modality in modern belletristic literature. Besides the article analyses this category according to the following criteria: grammatical, structural, semantic, stylistic and functional.

Keywords: the category of modality, the modern English language, the subjective modality, the objective modality; the basis of communication, the belletristic literature of the 21st century, the frequency of modal verbs, the criteria of modal verbs analysis

For citation: Skripchenko S.N. A grammatical category of modality in the modern English language. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 180 – 183.

Received: August 14, 2023; Revised: October 10, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Тамбиева Ф.А., кандидат филологических наук, доцент,
Дзейтова Х.Б., доцент,
Юсупова С.С.-А., кандидат филологических наук, доцент,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Вариативность реплик-реакций с глаголами в речи (на материале французского и русского языков)

Аннотация: цель исследования – рассмотреть реплики-реакции с глаголами в речи, выраженные речевыми актами согласия и несогласия во французском и русском языках. В статье исследуются одиночные глаголы и глагольные выражения согласия и несогласия.

Реплики-реакции с глаголами в речи, отражающие согласие и несогласие, выражают прагматические и социокультурные факторы использования языка в целях выполнения различных коммуникативных функций. Согласие и несогласие являются важнейшими аспектами человеческого общения, употребление которых входит в коммуникативную потребность языка. Анализируя оборот лексем, используемых при согласии и несогласии, исследователи стремятся раскрыть глубинные механизмы человеческого общения с различных теоретических точек зрения, включая прагматику. Прагматика – это раздел лингвистики, который фокусируется на изучении языка в контексте и на том, как значение конструируется посредством использования языка. В рамках прагматики речевые акты анализируются с точки зрения их иллокутивной силы, которая относится к предполагаемому значению или эффекту высказывания. Согласие и несогласие можно рассматривать как речевые акты, обладающие собственной иллокутивной силой. Прагматические теории, такие как теория речевых актов, разработанная Дж.Л. Остином и расширенная Джоном Серлом, обеспечивают основу для понимания того, как говорящие совершают эти действия.

Ключевые слова: реплика-реакция, речевой акт, согласие, несогласие, общение

Для цитирования: Тамбиева Ф.А., Дзейтова Х.Б., Юсупова С.С.-А. Вариативность реплик-реакций с глаголами в речи (на материале французского и русского языков) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 184 – 187.

Поступила в редакцию: 12 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу диалогических реплик-реакций с глаголами в речи, выражающих речевые акты согласия и несогласия в процессе общения.

Речевые акты согласия и несогласия могут варьироваться в разных культурах и социальных контекстах. Лингвисты исследовали, как культурные нормы и социальные факторы влияют на лингвистические стратегии, используемые для выражения.

Дискурсивный анализ: лингвисты также анализируют согласие и несогласие в более широком контексте дискурса. Дискурсивный метод анализа фокусируется на структуре, организации и функциях устной или письменной речи, выходящих за рамки отдельных высказываний [7, с. 94]. Исследователи изучают, как согласие и несогласие проявляются в разговорах или текстах, изучая их роль в построении смысла, динамике переговорной силы и формировании социальной идентичности. В целом, лингвистические исследования речевых актов согласия и несогласия углубляются в сложные способы, с помощью которых язык используется для выражения этих позиций, принимая во внимание как прагматические, так и социокультурные факторы [1, с. 121]. Анализируя лингвистические стратегии, используемые при согласии и несогласии, исследователи стремятся раскрыть глубинные механизмы человеческого общения и его социальные последствия.

Отметим еще раз, что согласие – это признание правильности мысли своего партнера. Во французском языке существует достаточное количество выражения глаголов одобрения, как одиночных, так и глаголов-сочетаний. Говоря о самостоятельных глаголах, выражающих положительную оценку, можно выделить *accorder (qch)*, *admettre*, *approuver*, *accepter (de faire qch)*, *consentir à*, *convener*, *souscrire à* [6, с. 33]. Обратимся к примеру:

– *Vous savez quoi, je vais vous filer vingt dollars, vous allez me montrer cette chambre et tout le monde sera content.* – *Vous êtes dur en affaires. Mais j'accepte.* – *Знаете, что я дам вам двадцать долларов, вы покажете мне эту комнату, и все будут довольны.* – *Вы суровы в делах. Но я согласен.*

В данном диалоге мы наблюдаем конструкцию простого предложения. Респондент говорит, что принимает условия. Это пример обыденной ситуации, где полностью подходящим вариантом будет употребление глагола *accepter*.

Глаголы *dire oui, partager l'opinion de qn, être d'accord, exprimer leur d'accord, se ranger à l'avis de; donner son approbation* находят свое применение в официально-деловой речи, благодаря своей сложной конструкции:

– *Dans le canton. – J'ai votre approbation? – Vous l'avez. – Да, в округе. – Могу я сослаться на ваше согласие? – Можете.*

Для разговорной речи вполне применимо выражение *être d'accord*:

– *Je ne sais pas... J'ai été stupide... – Une fois encore je suis parfaitement d'accord avec vous. Avez-vous néanmoins des projets? – Не знаю... Дура я была... – Опять же полностью согласен. Тем не менее, какие ваши планы?*

В двух примерах прослеживается разная тональность коммуникации. На уровне различия стилей речи употребляются те или иные выражения. И хоть они и означают одну сему - согласие - предписано использовать их корректно, в соответствии с установленными нормами речи.

В русском, как и во французском, существует достаточное количество глагольных вариантов, выражающих согласие. К таким глаголам относятся следующие: согласиться, принимать, одобрять, разделять чью-либо точку зрения, придерживаться чьего-либо мнения и т.п. Помимо этого, данная часть речи может делиться на глаголы речемыслительной деятельности (*знать, понимать*); глаголы, передающие осведомленность о каком-либо событии (*слышать, видеть*); модусные глаголы (*верить, желать*).

Например:

– *И ты мне все равно что сестра милая. – Знаю я, Иван Северьяныч, все знаю и разумею.*

В представленном примере наблюдаем использование глагола речемыслительной деятельности в качестве согласия. Подобные глаголы употребляются либо самостоятельно в форме 1 лица, единственного или множественного числа, настоящего времени, либо в комплексе с личными местоимениями 1 лица [5, с. 54].

Например:

– *Я актер! – Да я слышал!*

В качестве согласия в ответной реплике использована лексическая единица «слышал». Эти глаголы осведомления могут употребляться в тех же формах, что и глаголы речемыслительной деятельности, но еще и в прошедшем времени. Нередко к ним добавляется релятив «да», что мы и наблюдаем в приведенном примере.

Реплики, содержащие модусные глаголы типа «верить», и «желать», зачастую незакончены в связи с тем, что прерывается несдержанностью коммуниканта;

– *Она аккомпанировала Печерской. Если желаете... – Желая.*

Если взять во внимание русские глаголы, употребляемые в официально-деловой речи, как во французском языке, можно увидеть, что они могут быть использованы в различных стилях речи. Они не имеют особой коннотации. То есть, такие лексические единицы как, например, «*одобрять, дать добро*» могут быть использованы в бытовой ситуации, в констатации политических событий и т.п.:

– *Это такое прекрасное чувство, такое... – Верю, верю, разделяю и одобряю...*

Заключение

Таким образом, в сопоставлении двух языков мы приходим к выводу, что существует вариативность способов выражения согласия через глаголы, но во французском языке каждой речевой ситуации соответствует свой глагол, в то время как в русском языке такого разделения нет.

Реплика несогласия, являясь семантической категорией, имеет различные значения и выражается разными способами: либо прямо или косвенно, либо эксплицитно или имплицитно.

Речевые замыслы, по М.Я. Гловинской, отражают содержание высказываний и употребляются соответствующими глаголами [4, с. 133]. Полагаясь на данное утверждение, выделим следующие глаголы несогласия во французском: *objecter, contester, riposter, opposer, répliquer, rétorquer, désapprouver, prétexter etc.*; в русском: *отрицать, возражать, опровергать, отменить, отнекиваться, запрещать* и т.п. Обратимся к примерам:

(1) – *Désolée. Vous vouliez répondre? – J'allais juste rétorquer: «C'est comme ça.» – Извините, вы хотели ответить? – Да, мой ответ будет «Потому что я так сказал».*

(2) – *Quand j'ai vérifié, à chaque fois qu'on essaye de faire quelque chose, ça fini toujours mal. – Une fois de plus, je dois te désapprouver. – Последнее, что я понял, что каждый раз, когда мы пытались что-то сделать, все заканчивалось плохо. – О, и снова я вынужден с тобой не согласиться.*

В приведенных примерах выше мы наблюдаем ситуацию несогласия с мнением собеседника. В данных диалогах использованы глаголы, которые имеют семантику отрицания [10, с. 21]. Они обладают достаточной интенсивностью для проявления негативной реакции. Полагаясь на труды Я.В. Боргер, глаголы могут подразделяться на смысловые категории: запрет, осуждение/упрек, отрицание [3, с. 18]. Обратимся к примерам:

– *J'ai peine à y croire. Interdis-moi de t'abandonner encore. – Je te l'interdis. – Мне трудно в это поверить. Не вели мне уходить от тебя. – Не уходи, я запрещаю.*

В русском:

– *Получал ли он письма?.. – Доктор запретил ему передавать их.*

В двух рассматриваемых примерах показана реализация коммуникативного хода несогласия в ситуации запрещения [8, с. 257]. Обычно данная реакция проявляется в ходе вопроса на разрешение выполнения какого-либо действия.

Коммуникативный ход осуждения реализуется в ситуации несогласия, непринятия поступка того или иного индивидуума, его взглядов и намерений [9, с. 123].

Во французском:

– *C'est juste que je ne leur parle plus maintenant. – Non, mais tu juges tout le monde, et tu me demandes de ne pas te juger. – Просто сейчас я с ними не общаюсь. – Нет, но ты всех осуждаешь, и тем не менее просишь не осуждать тебя.*

В русском:

– *Как я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда с наслаждением будете вспоминать ее, потому что самоотвержение, которым вы живете теперь... – Я не принимаю ваших похвал, – перебил он ее поспешно, – напротив, я беспрестанно себя упекаю.*

Ш. Балли писал, что отрицание в коммуникации указывает на то, что соответствующая утвердительная мысль отвергается говорящим как ложное [2, с. 286]. Данное изложение основывается на том, что отрицание – это речевой акт.

Во французском:

– *J'étais au courant pour Nola. Mais pour le reste? – Il nie d'autres faits. – Я знал о Ноле. Но что касается всего остального? – Он отрицает другие факты.*

В русском:

– *Я требую только справедливости. – Так значит вы отрицаете ваше тождество и хотите освобождения!*

Выводы

Таким образом, мы определили реплики-реакции с глаголами в речи, выражающие речевые акты согласия и несогласия в двух языках и пронаблюдали их реализацию в процессе общения. Большинство глаголов имеет высокую вариативность и интенсивность при выражении согласия и несогласия.

Литература

1. Архипова Е.В. Речевой акт согласия/несогласия как объект лингвистических исследований. Язык и дискурс: семантический, прагматический и лингводидактический аспекты / УО МГПУ им. И.П. Шамякина. Мозырь, 2011. С. 117 – 126.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. Боргер Я.В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТГУ, 2004. С. 21.
4. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Модели действий. М.: Наука, 1992. С. 123 – 140.
5. Любимова М.К. Реагирующие реплики согласия // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: межвуз. науч. тр. Курск, 2002. С. 54 – 55.
6. Нестерович Т.Н. Речевой акт согласия/несогласия в современном французском языке. Минск: МГЛУ, 1997. № 22. С. 40.
7. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учебное пособие. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2002. 117 с.
8. Оразалинова К.А. Коммуникативные смыслы согласия и способы их вербализации в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. № 2. С. 256 – 262.

9. Тамбиева Ф.А. Согласие / несогласие во французском и русском диалогическом общении // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 4. С. 120 – 124.

10. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: язык и его функционирование. Москва: Наука, 1986. С. 17 – 58.

References

1. Arhipova E.V. Rechevoj akt soglasija/nesoglasija kak ob#ekt lingvisticheskikh issledovanij. Jazyk i diskurs: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvodidakticheskii aspekty. UO MGPU im. I.P. Shamjakina. Mozyr', 2011. S. 117 – 126.

2. Balli Sh. Francuzskaja stilistika. M.: Izd-vo inostrannoј literatury, 1961. 394 s.

3. Borger Ja.V. Kompleksnyj analiz rechevyh aktov negativnoj reakcii (na materiale sovremennyh dramaticheskikh proizvedenij): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen': TGU, 2004. С. 21.

4. Glovinskaja M.Ja. Russkie rechevye акты i vid glagola. Logicheskij analiz jazyka. Modeli dejstvij. M.: Nauka, 1992. S. 123 – 140.

5. Ljubimova M.K. Reagirujushhie repliki soglasija. Aktual'nye problemy issledovanija jazyka: teorija, metodika, praktika obuchenija: mezhvuz. nauch. tr. Kursk, 2002. S. 54 – 55.

6. Nesterovich T.N. Rechevoj akt soglasija/nesoglasija v sovremennom francuzskom jazyke. Minsk: MGLU, 1997. № 22. S. 40.

7. Oleshkov M.Ju. Osnovy funkcional'noj lingvistiki: diskursivnyj aspekt: uchebnoe posobie. Nizhnij Tagil: Nizhnetagil'skaja gosudarstvennaja social'no-pedagogicheskaja akademija, 2002. 117 s.

8. Orazalinova K.A. Kommunikativnye smysly soglasija i sposoby ih verbalizacii v russkom jazyke. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. Vyp. № 2. S. 256 – 262.

9. Tambieva F.A. Soglasie. nesoglasie vo francuzskom i russkom dialogicheskom obshhenii. Izvestija Chenchenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2023. № 4. S. 120 – 124.

10. Jakubinskij L.P. O dialogicheskoј rechi. Jakubinskij L.P. Izbrannye raboty: jazyk i ego funkcionirovanie. Moskva: Nauka, 1986. S. 17 – 58.

*Tambieva F.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dzeitova Kh.B., Associate Professor,
Yusupova S.S.-A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kadyrov Chechen State University*

Variability of responses to verbs in speech (on French and Russian language material)

Abstract: the aim of the study is to examine responses to verbs in speech expressed by speech acts of agreement and disagreement in French and Russian. The article examines simple verbs and verbal expressions of agreement and disagreement.

Reply-reactions with speech verbs reflecting agreement and disagreement express pragmatic and socio-cultural factors of language use in order to fulfil various communicative functions. Agreement and disagreement are the most important aspects of human communication, and their use is part of the communicative needs of language. By analysing the rotation of lexemes used in agreement and disagreement, researchers seek to discover the underlying mechanisms of human communication from different theoretical perspectives, including pragmatics. Pragmatics is a branch of linguistics that focuses on the study of language in context and how meaning is constructed through the use of language. In pragmatics, speech acts are analysed in terms of their illocutionary force, i.e. the intended meaning or effect of an utterance. Agreement and disagreement can be considered as speech acts with their own illocutionary force. Pragmatic theories, such as the theory of speech acts developed by J.L. Austin and extended by John Searle, provide a framework for the study of the illocutionary force of speech acts.

Keywords: replication-reaction, speech act, agreement, disagreement, communication

For citation: Tambieva F.A., Dzeitova Kh.B., Yusupova S. S.-A. Variability of responses to verbs in speech (on French and Russian language material). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 184 – 187.

Received: August 12, 2023; Revised: October 10, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Чжан Юфань,
Московский педагогический государственный университет

Микрополе «Традиция» как компонент концептуального поля «Праздник» в русской лингвокультуре

Аннотация: лексема «традиция» – одна из основополагающих частей в концептуальном поле «Праздник». Концепт «Праздник» является важной частью картины мира русского языка. Важным смысловым компонентом концептуального поля «Праздник» является микрополе ТРАДИЦИЯ, которое позволяет с точки зрения этнолингвокультурологии установить семантические связи между данными концептуальными смыслами. Целью данного исследования является раскрытие содержания и структуры микрополя «традиция» как компонента концептуального поля «Праздник» в русской языковой картине мира, в выявлении особенностей его языковой репрезентации и смыслового наполнения в лексикографических источниках, а также в языковом сознании носителей русского языка. Традиции являются важным элементом языковой картины мира русского языка. Особенности традиций в русских праздниках изучены не полностью: традиция и праздник понимаются как ‘способ соблюдения давно устоявшихся норм жизни’, то есть ‘ценностей’, передаваемых из поколения в поколение. Данная статья является первой попыткой изучить национальные особенности русских традиций посредством семантического анализа репрезентативных элементов концепта ТРАДИЦИЯ и связанных с ними поговорок, пословиц, песен и др. Микрополе ТРАДИЦИЯ как компонент концепта «Праздник», выделяются основные компоненты основного концепта, чтобы определить те ТГ (тематические группы) микрополя ТРАДИЦИЯ, которые входят в данный концепт. Соответственно, рассмотрены четыре ТГ микрополя Традиция как компонента концепта Праздник: 1) «элементы социального и культурного наследия»; 2) «нормы поведения»; 3) «устойчивость»; 4) «хранители традиций».

Ключевые слова: русская языковая картина мира, концепт, культурный концепт, праздник, традиция, традиционный, пословицы, поговорки

Для цитирования: Чжан Юфань Микрополе «Традиция» как компонент концептуального поля «Праздник» в русской лингвокультуре // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 188 – 195.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 8 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Основная часть

В современной лингвистике изучение языка как эффективного способа представления и выражения культуры народа является ключевым моментом в рамках системы человеческого мышления и характеристики нации, так как язык открывает «дорогу как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений» [11, с. 131]. В настоящее время многие российские отечественные ученые исследуют лингвокультурологические особенности языковых единиц (Воробьев В.В. (1997), Маслова В.А. (2001), Воркачëв С.Г. (2001), Лучинина Е.Н. (2004), Колесникова С.М. (2008), Зиновьева Е.И. (2009) и т.д.), ср.: «взаимоотношения языка, культуры, этноса и народного менталитета» [17, с. 28]; «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [14, с. 12]; исследование «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» [3, с. 45].

Изучение *традиции* различных этнических праздников, передаваемых из поколения в поколение, основано на стыке этнолингвокультурологии, объединившей «себе достижения этнолингвистики и лингвокультурологии» [5, с. 3], например, паремиологический фонд языка, народное творчество является богатым материалом для изучения традиций определенного народа.

В ходе исследований установлено, что концепты являются важной частью лингвокультурологии и важным узловым моментом в человеческой идеологии: во-первых, концепт «существует по-разному, в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [25, с.45]; во-вторых, «помогает расширить знания не только о языке, но и о русской культуре и менталитете русского народа» [13, с. 54].

Лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию [1], например: русский праздник *Новый год*, в традиционном смысле, передает стереотипный ‘способ его празднования’, который заключается в том, что каждая семья готовит ужин, дарит подарки всем членам семьи, пьёт шампанское, смотрит «Новогодний огонёк», фильмы советской эпохи и танцует под елкой и т.д. [30]. Этот сте-

реотип – привычные действия, сложившиеся в сознании людей с опорой на имеющиеся традиции россиян в период данного праздника.

В процессе исследования были использованы метод компонентного анализа (или семного анализа) и метод когнитивной интерпретации значений лексической единицы.

Слово *традиция* происходит от латинского существительного *tradition* со значением «передача, вручение, предание, давняя привычка», также от глагола *trādere* «передавать» [24]. Семантика слова основывается на архисеме ‘вхождение в привычку’. В концепте ТРАДИЦИЯ два семантических аспекта: 1) передача, вручение чего-либо; 2) привычка.

Семантические компоненты лексемы обычно извлекаются из дефиниций толковых словарей: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935-1940); «Толковый словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1949-1952); «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998); «Толковый онлайн-словарь русского языка» Ефремовой Т.Ф. (2000); «Краткий психологический словарь» (1998); «Современная энциклопедия» (2000); «Новейший философский словарь» (Грицанов, 1999); «Толковый словарь русского языка» (Ожегов, 2022); «Толковый словарь русского языка» (Даль, 2020). По данным словарей осуществляется обобщение словарных дефиниций и устанавливаются все лексикографические значения как имени существительного *традиция*, так и имени прилагательного *традиционный*. По данным словарей слово *традиция* имеет следующие значения: 1. исторически сложившиеся ценности; 2. передавать из поколения к поколению; 3. устойчивые ориентиры в деятельности, нормы поведения или общения; 4. обычные, привычные действия для многих поколений людей; 5. правила в поведении или общении, сложившиеся длительное время назад; 6. повторяемая кем-либо норма создания или исполнения чего-либо, образец для подражания в искусстве, литературе и т.п.

Лексема *традиционный* имеет следующие значения: 1. Основанный на традиции; 2. Происходящий в силу установившейся традиции, устраиваемый по заведенному обычаю; 3. Придерживающийся традиции, обычая; 4. Лишенный оригинальности вследствие длительной традиции, долгого применения; банальный.

На основе вышеперечисленных дефиниций лексем *традиция* и *традиционный* выделяются следующие семантические компоненты: *исторически сложившиеся ценности; передача от поколения к поколению; устойчивые ориентиры; нормы поведения, общения; обычаи; привычки в поведении; многие поколения людей; длительное время; установившийся; повторяемость; банальность; отсутствие оригинальности.*

Компоненты *исторически сложившиеся ценности, нормы поведения и общения, обычаи* служат для обозначения признанных в определенном обществе установок. При этом компонент *нормы поведения и общения* выражает не только общественное одобрение, но закрепленность в некоем своде законов, в то время как компонент *обычаи* не связана с узаконением. Компонент *привычка* выражает образ действий, поведение, ставшие обычными, постоянными как у одного человека, так и у целой группы людей. Компонент *передача, передавать* выражает целенаправленное действие по перемещению предмета или информации из одних рук в другие. Компонент *ориентир* имеет значение цели, к которой следует стремиться. Компоненты *длительное время, от поколения к поколению, многие поколения людей, повторяемость, установившийся* подчеркивают последовательность, продолжительность, непрерывность действия или неизменность состояния.

Наличие в содержании концепта *традиция* как положительной, так отрицательной коннотации. Положительный признак несут компоненты *устойчивые ориентиры, ценности*. Негативные оттенки значения есть у компонентов *банальный* и *отсутствие оригинальности*.

Важное место в лингвистических исследованиях занимает синонимия, т.к. она является одним из главных средств отражения системного отношения языковых единиц. Как известно, близость синонимичных слов основана не на тождестве, а на семантике. Они имеют «общее ядро» и «разнообразные расхождения в значении» [7, с. 118]. Благодаря этой их особенности, синонимы играют важную роль в репрезентации концептуальной системы индивида.

По данным словарей, синонимический ряд лексемы *традиция* выглядит следующим образом: *обычай, обыкновение; наследие, принято, установление, ценность, повелось, так повелось, неписанный закон, так принято, так заведено, норма, заведено.*

Ядро данного синонимического ряда образует лексема *обычай*, которая означает «общепринятый, установившийся, традиционный порядок, укоренившийся в быту того или иного класса с давних пор» [28]. Слово *обыкновение* трактуется как «привычка, заведенный порядок в чем-нибудь» [28]. На основании приведенных дефиниций можно выделить следующие семантические компоненты: *порядок, привычка, принятый, определенная общность людей.*

Наследием называют «обладание и пользование доставшимся после кого-то духовным или материальным богатством». На основании данного определения выделяем компоненты *обладание* и *ценности*.

В Толковом словаре Ожегова лексема *установление* в устаревшем значении трактуется как «закон, устав» [20]. Согласно этому же словарю, *норма* – это узаконенное установление. Выделяется компонент *закон*.

Лексеммы так *принято, заведено, так заведено, повелось* указывают на наличие правил поведения, определенного порядка действий, закрепившихся некоторое время назад.

На основании лексикографических толкований лексем *традиция* и *традиционный*, а также синонимического ряда можно представить содержание микрополя *традиция* в виде следующих тематических групп (ТГ): 1) «элементы социального и культурного наследия»; 2) «нормы поведения»; 3) «устойчивость»; 4) «хранители традиций»; 5) «повторяемая кем-либо норма создания или исполнения». Поскольку мы рассматриваем микрополе ТРАДИЦИЯ как компонент концепта «Праздник», необходимо выделить основные компоненты основного концепта, чтобы определить те ТГ микрополя ТРАДИЦИЯ, которые входят в данный концепт.

М.М. Бахтин видел в празднестве не просто ‘способ отдыха’, но некую ‘форму человеческой культуры’ [2, с. 5]. В более поздних исследованиях это направление было подхвачено и другими учеными, и в празднике стали видеть не только закрепление традиции, но и ее передачу другим поколениям. И.В. Степанова в своей статье «Определение праздника. Проблемы терминологии» анализируя различные дефиниции слова *праздник*, приходит к выводу, что праздник – это социальное явление, самобытная форма культурного развития. Соблюдение праздников она считает «одной из форм коллективного поведения людей», которая позволяет не только укреплять социальные связи, но и демонстрировать свои общечеловеческие социально-культурные качества [26, с. 47]. В содержание концепта входят такие компоненты, как *традиция, культура, передача от поколения к поколению, память, закон, норма поведения, социальные связи*. Исходя из данного компонентного состава концепта «ПРАЗДНИК», в микрополе его компонента ТРАДИЦИЯ, следует исключить выделенную нами ТГ (тематические группы) «повторяемая кем-либо норма создания или исполнения» [27]. Соответственно, нами будут рассмотрены следующие ТГ микрополя *Традиция* как компонента концепта *Праздник*: 1) «элементы социального и культурного наследия»; 2) «нормы поведения»; 3) «устойчивость»; 4) «хранители традиций».

Тематическая группа «Элементы социального и культурного наследия»

В работе «Эстетика» Н. Гартман перечисляет следующие классы *ценностей*, начиная классификацию «снизу»: *ценности блага, ценности удовольствия, жизненные ценности, нравственные ценности, эстетические ценности, познавательные ценности* [6, с. 477]. Единицами данной ТГ будут слова, связанные с обычаями, привычками, обрядами. В ТГ можно выделить подгруппы: *еда, подарки, быт, предметы религиозного культа, обряды*.

Фразеологические единицы и поговорки являются хранилищем разноаспектных знаний и представлений народа об окружающем мире. Их формирование происходит в определенной социокультурной среде, поэтому их анализ даст представление о познавательных особенностях и культурной специфике народности.

В русском языке существует большое число поговорок, связанных с едой. Как, например: *Сладкая еда не всегда полезна; И дурак кашу съест – было бы масло; Все едино, что мед, что калина, только мед давай наперед; Ешь капусту, да не мели попусту; Ешь, пока хлеб свеж; Щи да каша пища наша; Кашу маслом не испортишь; Заварил кашу – не жалея масла; Хороша кашка, да мала чашка; Вместе каша гуще; Сам кашу заварил, сам и расхлебывай; Горшок бы каши, да ведро простокваши; Щи из топора только в сказке; Есть блин, так вместе съедим*. В русских поговорках зафиксированы традиционные кулинарные предпочтения русского человека. Это такая простая еда, как каши (предпочтительно с маслом), супы, блины, хлеб, соль. При этом в таких поговорках, как *И дурак кашу съест – было бы масло; Заварил кашу – не жалея масла* зафиксировано признание, что каша особенно вкусна с маслом, а в поговорке *Щи из топора только в сказке* показано, что для приготовления щей требуется несколько ингредиентов. Поговорка *Вместе каша гуще* означает, что в компании приятно посидеть за столом, а поговорка *Есть блин, так вместе съедим* относится к такой традиции, как гостеприимство: русский человек всегда поделится с гостем или тем, кто рядом.

К хлебу в русской культуре особое отношение, о чем свидетельствует большое количество поговорок и поговорок: *Хлебушко – батюшка, картошка – матушка; Любая беда – ерунда, лишь бы хлеба побольше; Хлеб да вода – здоровая еда*. Поговорки показывают огромное значение, которое придавалось хлебу, обязательное его присутствие на столе. Так, поговорка *Хлебушко – батюшка, картошка – матушка*, приравнивая хлеб к главе семьи, показывает его значимость. Также в поговорке *Хлеб – всему голова* хлеб сравнивается с чем-то важным (головой как частью тела или высоким статусом в обществе). По традиции хлеб обязательно должен сопровождать любой прием пищи, о чем говорится в следующих поговорках: *Горек обед без хлеба; Плох обед, коли хлеба нет; Без хлеба и воды худо жить; Без соли не вкусно, без хлеба не сытно; Без хлеба куска везде тоска*. При этом хлеб считается здоровой едой: *Хлеб да вода – здоровая еда*, - которая

может спасти в голодное время: *Ешь пироги, а хлеб вперед береги; Любая беда – ерунда, лишь бы хлеба побольше.*

Если хлеб – это обязательное блюдо за любым обедом, то пироги – это украшение обеда, праздничное блюдо, которое обязательно должно быть на торжестве: *Красен обед пирогами, а река – берегами; Без блина не маслена, без пирога не именинник.* При этом следующая пословица показывает, что пироги нравятся всем: *Тот дурак, кто пирогу не рад.*

Пословица *За хлебом солью всякая шутка хороша* подчеркивает дружескую атмосферу, которая царит за общим столом, приятное времяпрепровождение для гостя. Радужное, хлебосольное отношение к гостю – традиция, идущая из глубины веков. Поэтому в русском языке существует большое количество пословиц и поговорок о госте: *Гостю почет – хозяину честь; Хороший кусок – для хорошего гостя; Лучшему гостю – первое место; Гость на гостя – хозяину радость; Хоть в тягость – да гость!; Гость доволен – хозяин рад; Гость не кость – за дверь не выкинешь; Гостю щей не жалей, а погуще налей; У нас на Руси прежде гостю поднеси; За пустой стол гостей не сажают.* Негативное отношение к негостеприимному хозяину, который не накормил гостя досыта, выражает пословица: *Звали гостей, да посадили глотать костей.* Следующая пословица показывает отрицательное восприятие нелюдимого человека: *И в гости не ездит, и к себе не зовет.* Однако, хотя принято встречать гостя радушно, паремии демонстрируют и возможное разное отношение к гостю: *Для дорогого гостя и ворота настежь; Для спесивого гостя и дверь пола; Доброму гостю и хозяин рад; Добрый гость всегда в пору.*

Любое событие или праздник традиционно сопровождалось застольем, где полагалось изобилие яств, что отразилось в русских паремиях: *И скупая свадьба лучше веселых похорон. Веселым пирком, да и за свадьбу; На свадьбу носи подарок, на поминки – брюхо.*

Подгруппы ТГ «Элементы социального и культурного наследия» *еда, обряды.* Обратимся к подгруппам *подарки и быт.*

В русском языковом сознании праздник часто ассоциируется со словом *подарки.* Традиция дарить подарки на личные торжества очень старая и она зафиксирована в том числе и в паремиях. При этом подарок – это не обеспечение материальными благами, а символ хорошего отношения, любви: *Не дорог подарок, дорога любовь; Ради милого дружка и сережка из уха; Не подарок мил, а внимание.* Конечно, подарок, как любое внимание и знак теплых чувств, человеку как социальному существу приятен, но только не в том случае, если он сделан человеком, к которому одариваемый испытывает негативные эмоции: *От того, кто не мил, и подарок постыл; Кума не мила – и гостинцы постылы; Недруг дарит – зло мыслит.*

Важным предметом *быта* на Руси была баня, что отразилось на паремиологическом фонде русского языка: *Помни день субботний: иди в баню; В баню идти – пару не бояться; Пар любить – баню топить;* Приписываемый бане оздоровительный эффект получил отражение в пословицах и поговорках: *Баня – мать наша: кости расправит и все тело поправит; Баня парит и здоровье правит; В бане помылся – заново родился; Банька лечение и развлечения; Баня здоровит, разговор веселит; Баня все правит; Баня парит, баня правит; Баня парит, баня правит, баня все поправит.* Анализ паремий показывает, что париться в баню традиционно ходили по субботам, старались ее хорошо протопить (*Пар костей не ломит; Баня без пару, что щи без навару*), с собой брали веник (*В бане веник – господин, в печи – кочерга*) и воспринимали ее как приятное времяпрепровождение, которое идет на пользу здоровью (*В баню сходил – себя омолодил*).

В данной ТГ в микрополе ТРАДИЦИЯ можно выделить компонент и с отрицательной эмоциональной оценкой. Это традиция связана с потреблением алкоголя. Например: *Вино уму не товарищ; Вино полюбил – семью разорил; Вино ремеслу не товарищ; Вино вину творит; Где вино, там и горяшко; Горя вином не зальешь, а радость пропьешь; Много вина пить – беде быть; Много пить – добру не быть; Где пиво, там и диво; Вино веселит, да от вина же и голова болит; Бывает иногда от рюмки водки и до могилы путь короткий; Пить – делу вредить; Не учись пиво пить, учись деньги копить.* В русской языковой картине мира закрепилось негативное отношение к алкоголю. Выпив вино сверх меры, люди теряли «семью, разум, радость, доброту, дело», получали только «горе, беду, вину и даже могилу».

Тематическая группа «Нормы поведения»

В русском языковом сознании традиции как социальное явление неразрывно связаны с нормами морали и поведения в обществе. Так, в русских паремиях часто фигурируют правила приема гостей, поведения себя в гостях. Как уже отмечалось выше, гостеприимство очень ценится в человеке, а оно заключается в том, чтобы гостю выказать весь возможный почет: обязательно угостить гостя (*За пустой стол гостей не сажают; Что есть в печи, все на стол мечи*), подать гостю блюдо первому (*У нас на Руси прежде гостю поднеси*). Для гостей также приписываются правила поведения: гость должен быть благодарен за прием и не отказываться от предлагаемых угощений (*В гостях как же не поесть – надо хозяйку почесть*), лучше прийти в гости с гостинцем (*В гости иди, гостинцу неси*), гость должен быть скромным, толерантным (*У гостя*

не своя воля: угощают – кушай, не угощают – не спрашивай; В гостях не дома: воля не своя; В гостях добро, а дома вольно; В гостях гостить – не свою волю творить; Гость хозяину не указчик; В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив), нужно знать меру и не надоедать хозяевам своим присутствием (Гостям два раза рады: когда они приходят и когда уходят; Незванный гость хуже татарина; Частый гость, что в горле кость).

Как отмечалось ранее, традиция приписывает на личные торжества дарить подарки. Подарок является знаком внимания. Однако и тому, кто дарит, и тому, кто преподносит подарок, приписываются определенные нормы поведения: одариваемый должен принимать подарки с радостью и благодарностью, показывать, что ему приятно внимание (*Дар не купля: не хаят, а хвалят; Дареному коню в зубы не смотрят; Дают – бери, а бьют – беги*), подарки нужно дарить от чистого сердца, ничего не требуя взамен (*Чем дарят, тем не корят; Чем корить, лучше не дарить; Лучшие не дари, да после не кори; Чем дарят, тем не корят; Подарочек – не отдарочек*). Следует отметить, что в поговорках зафиксирована и возможность преподнесения подарков в ответ: *Подарки любят отдарки; Дар дара ждет*.

Русские пословицы и поговорки призывают быть вежливым, соблюдать нормы поведения в обществе (*От учтивых (вежливых) слов язык не отсохнет; Посади дурака за стол, а он и ноги на стол*), честным (*Честное слово и быину голову смиряет; Правду похоронишь, да сам из ямы не вылезешь; Не тот прав, кто сильный, а тот, кто честный*), уважать старших по возрасту и по положению в обществе (*Чин чина почи тай, а меньшей садись на край! Не суйся, буки, наперед аза! Не лезь наперед отца в петлю!*).

Тематическая группа «Устойчивость»

К данной тематической группе можно отнести следующие пословицы и поговорки: *Обычай – деспот меж людей; Обычай не клетка, не переставишь; Обычай старше закона; Обычай крепче (старше) закона; У нас так ведется, что изба веником метется; Что в обычай вошло, — не смешно; Безобычному человеку с людьми не жить; Старый обычай молодого тверже*. В этих поговорках зафиксировано представление русского народа об устойчивом характере традиций, их народном происхождении, необходимости подчинению издавна установленным правилам общественной жизни.

Тематическая группа «Хранители традиций»

В паремиологическом фонде русского языка нашли отражение специфические особенности традиций в зависимости от географического расположения народа: *И город – нор, и человек – обычай; Что город – то нор, что дом (деревня) – то обычай; В каком народе живешь, такого обычая и держишься; В какой народ попадаешь, такую и шапку наденешь; Какова страна, таков и обычай; В чужой монастырь со своим уставом не ходи; Где жить, там богам и молиться; У всякого попа свой обиход; В лесу жить – пенкам молиться; В траве идет – с травой вровень, в лесу – с лесом; Между воронами и сорока по-вороньи каркает; Соколу лес не в диво, волку зима за обычай; С волками жить – по-волчьи выть*. В поговорках закреплена идея, что каждый народ, город, деревня или даже семья имеет свои традиции, которые хранятся и передаются по наследству представителям этого социума. Нормы общественной жизни требуют уважения к таким традициям и их соблюдения в случае присоединения к коллективу-хранителю традиций.

Заключение

Проведенный в статье анализ микрополя ТРАДИЦИЯ как компонента концептуального поля «Праздник» в русской лингвокультуре позволяет заключить, что традиция представляет собой важный культурный феномен, в котором представитель социума имеет возможность как продемонстрировать свои общечеловеческие качества, так и укрепить социальные связи. Этимологический и дефиниционный анализ лексем-репрезентантов и синонимического микрополя ТРАДИЦИЯ позволил определить тематические группы микрополя: «элементы социального и культурного наследия»; «нормы поведения»; «устойчивость»; «хранители традиций». Исследование фразеологических средств объективации каждой из тематических групп показало, что микрополе «традиция» обладает богатым лингвокультурным содержанием.

Для русской лингвокультуры важными элементами традиции являются еда, предметы обихода, подарки, обряды. Анализ показал, что традиционно в обычные дни на стол подавались супы, каши с маслом, хлеб. Особое отношение русских к хлебу зафиксировано в большом количестве пословиц: хлеб признается полезной едой, приносящей насыщение, важным компонентом каждого приема пищи. Для некоторых праздников специально готовили определенные хлебобулочные изделия, которые являлись символами данных торжеств, как например, блины на Масленицу, каравай или пряник на свадьбу и т.д. При этом в поговорках отражено отношение русского человека к таким хлебобулочным изделиям. Обязательным атрибутом праздника являлось застолье с большим изобилием блюд. За праздником непременно следовали трудные будни, что также отразилось в пословицах и поговорках. Очень важная традиция на Руси – гостеприимство. Гостей полагалось радушно встречать, угощать. Гость же должен с благодарностью принимать угощения и проявлять толерантность. Однако к крепким алкогольным напиткам у русского народа сложилось негатив-

ное отношение, хотя они также являются обязательным атрибутом застолья. Также анализ показал, что в народе ценилась вежливость, уважение старших, соблюдение традиций и норм поведения в обществе. При этом в русской языковой картине мира зафиксировано признание существования разных традиций в разных социумах, а также уважительное отношение к ним.

Таким образом, традиция в русском языковом сознании направлена на сохранение и передачу следующему поколению значимых для общества ценностей и норм поведения.

Литература

1. Бастриков А.В., Бастрикова Е.М. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета // Вестник ТГГПУ. 2012. № 3. С. 15 – 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-kak-osnova-azykovogo-mentaliteta> (дата обращения: 23.08.2023)
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. 262.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Под редакцией, с вступительной статьей и комментариями Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
5. Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 543 с.
6. Гартман Н. Эстетика. М.: Иностранная литература, 2004. 640 с.
7. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1983. 232 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Эксмо, 2020. 896 с.
9. Даль В.И. Пословицы русского народа // Сборник: в 2-х т. СПб - М: Изд-во Т-ва М.О. Вольф, 1879. Т. 1. 750 с.
10. Даль В.И. Пословицы русского народа и // Сборник: в 2-х т. СПб-М: Изд-во Т-ва М.О. Вольф, 1879. Т. 2. 638 с.
11. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I. С. 131 – 256.
12. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзифович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.
13. Колесникова С.М. Смыслообразующие начала понятия семья в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № (5). С. 53 – 59
14. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 248 с.
15. Краткий психологический словарь. URL: <https://psychology.academic.ru/2680> (дата обращения: 15.08.2023)
16. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.
17. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.
18. Намжилон Л.Н. Волшебные четки: словарь с комментариями: (108 слов). Улаан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 1996. 77, [2] с.
19. Новейший философский словарь / под. ред. А.А. Грицанова. Минск: Книжный Дом А.А. Грицанов, 1999.
20. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (Дата обращения: 18.10.2023)
21. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург. 2000. 937 с.
22. Пасха, христианский праздник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.
23. Словарь синонимов русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/synonyms> (дата обращения: 20.08.2023)
24. Современная энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/48122> (дата обращения: 15.08.2023)
25. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
26. Степанова И.В. Определение праздника. Проблемы терминологии // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 1. С. 46 – 47.
27. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 15.08.2023)
28. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 15.08.2023)

29. Толстой Н.И. Вербное воскресенье // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого / Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 336 – 338.
30. Традиции и обычаи Нового года // Семья. Проект KP.ru. URL: <https://www.kp.ru/family/prazdniki/traditsii-novogo-goda/> (дата обращения: 16.08.2023)
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. Н. Трубачева. М., 1964.

References

1. Batrikov A.V., Batrikova E.M. Lingvokul'turnye koncepty kak osnova jazykovogo mentaliteta. Vestnik TGGPU. 2012. № 3. S. 15 – 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-kak-osnova-jazykovogo-mentaliteta> (data obrashhenija: 23.08.2023)
2. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M., 1965. 262.
3. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika. Pod redakciej, s vstupitel'noj stat'ej i kommentarijami Ju.S. Stepanova. M.: Progress, 1974. 448 s.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 1998.
5. Brysina E.V. Jetnolingvokul'turologicheskie osnovy dialektnoj frazemiki Dona: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2003. 543 s.
6. Gartman N. Jestetika. M.: Inostrannaja literatura, 2004. 640 s.
7. Golovin B.N. Vvedenie v jazykoznanie. M.: Vysshaja shkola, 1983. 232 s.
8. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Jeksmo, 2020. 896 s.
9. Dal' V.I. Poslovcy russkogo naroda. Sbornik: v 2-h t. SPb - M: Izd-vo T-va M.O. Vol'f, 1879. T. 1. 750 s.
10. Dal' V.I. Poslovcy russkogo naroda. Sbornik: v 2-h t. SPb-M: Izd-vo T-va M.O. Vol'f, 1879. T. 2. 638 s.
11. El'mslev L. Prolegomeny k teorii jazyka. Novoe v lingvistike. M., 1960. Vyp. I. S. 131 – 256.
12. Zhukova I.N., Lebed'ko M.G., Proshina Z.G., Juzefovich N.G. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii. pod red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshinoj. M.: Flinta: Nauka, 2013. 632 c.
13. Kolesnikova S.M. Smysloobrazujushhie nachala ponjatija sem'ja v russkoj lingvokul'ture. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2018. № (5). S. 53 – 59
14. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija. M.: ITDGK «Gnozis», 2002. 248 s.
15. Kratkij psihologicheskij slovar'. URL: <https://psychology.academic.ru/2680> (data obrashhenija: 15.08.2023)
16. Krylov G.A. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. SPb: ООО «Poligrafuslugi», 2005. 432 s.
17. Maslova V.A. Lingvokul'turologija: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb, zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. 208s.
18. Namzhilon L.N. Volshebnye chetki: slovar' s kommentarijami: (108 slov). Ulaan-Ydje: Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 1996. 77, [2] s.
19. Novejšij filosofskij slovar'. pod. red. A.A. Gricanova. Minsk: Knizhnyj Dom A.A. Gricanov, 1999.
20. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (Data obrashhenija: 18.10.2023)
21. Bezrukova V.S. Osnovy duhovnoj kul'tury (jenciklopedicheskij slovar' pedagoga). Ekaterinburg. 2000. 937 s.
22. Pasha, hristianskij prazdnik. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907.
23. Slovar' sinonimov russkogo jazyka. URL: <https://gufo.me/dict/synonyms> (data obrashhenija: 20.08.2023)
24. Sovremennaja jenciklopedija. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/48122> (data obrashhenija: 15.08.2023)
25. Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 824 s.
26. Stepanova I.V. Opredelenie prazdnika. Problemy terminologii. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2008. № 1. S. 46 – 47.
27. Tolkovyj onlajn-slovar' russkogo jazyka Efremovoj T.F. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (data obrashhenija: 15.08.2023)
28. Tolkovyj slovar' Ushakova. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (data obrashhenija: 15.08.2023)
29. Tolstoj H.I. Verboe voskresen'e. Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar'. Pod red. N.I. Tolstogo. Institut slavjanovedenija RAN. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. T. 1. S. 336 – 338.
30. Tradicii i obychai Novogo goda. Sem'ja. Proekt KR.ru. URL: <https://www.kp.ru/family/prazdniki/traditsii-novogo-goda/> (data obrashhenija: 16.08.2023)
31. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: per. s nem. N. Trubacheva. M., 1964.

*Zhang Yufan,
Moscow State Pedagogical University*

The TRADITION micropole as a component of the conceptual field "Holiday" in the Russian linguoculture

Abstract: the lexeme "tradition" is one of the fundamental parts in the conceptual field of "Holiday". The concept of "Holiday" is an important part of the picture of the world of the Russian language. An important semantic component of the conceptual field "Holiday" is the TRADITION micropole, which allows, from the point of view of ethnolinguoculturology, to establish semantic links between these conceptual meanings. The purpose of this study is to reveal the content and structure of the micropole "tradition" as a component of the conceptual field "Holiday" in the Russian language picture of the world, to identify the features of its linguistic representation and semantic content in lexicographic sources, as well as in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language. Traditions are an important element of the linguistic picture of the world of the Russian language. The peculiarities of traditions in Russian holidays have not been fully studied: tradition and celebration are understood as a 'way of observing long-established norms of life', that is, 'values' passed down from generation to generation. This article is the first attempt to study the national characteristics of Russian traditions through a semantic analysis of the representative elements of the concept of TRADITION and related sayings, proverbs, songs, etc. Micropole TRADITION as a component of the concept "Holiday", the main components of the main concept are highlighted in order to identify those TG (thematic groups) of the micropole TRADITION that are included in this concept. Accordingly, four TG micropoles Tradition as a component of the Holiday concept are considered: 1) "elements of social and cultural heritage"; 2) "norms of behavior"; 3) "sustainability"; 4) "keepers of traditions".

Keywords: Russian language worldview, concept, cultural concept, holiday, tradition, traditional, proverbs, sayings

For citation: Zhang Yufan The TRADITION micropole as a component of the conceptual field "Holiday" in the Russian linguoculture. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 188 – 195.

Received: August 6, 2023; Revised: October 8, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Золотухина О.Ю., кандидат филологических наук, доцент,
Сибирский государственный институт искусств имени Д. Хворостовского*

**Утверждение христианских идей в развитии темырая и ада
в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека»**

Аннотация: в статье обосновывается идея о том, что рассказ «Сон смешного человека» является философской притчей, в которой Достоевский отразил христианское понимание жизни человека и человечества на планете Земля. Доказывается, что категории альтруизма и эгоизма – основополагающие категории для интерпретации данного рассказа. Утверждается мысль о том, что рай другой Земли является обществом, в котором чистые души представляют собой единый взаимосвязанный организм и пребывают в постоянной альтруистической (христианской) любви друг к другу и к миру в целом. В описаниирая можно увидеть художественную реализацию идеи Достоевского о том, что рай возможен только в том случае, если каждый человек по своим душевным качествам будет подобен Христу. Доказывается, что другая Земля, вследствие грехопадения принявшая эгоистическую модель жизни, становится подобной Земле смешного человека. Утратив в эгоистической модели любовь друг к другу, веру в Бога, люди утратили и связь с Богом и превратили свой мир в ад – мир страданий, лишенный Божьей благодати. Обосновывается идея о том, что при всей фантастичности фабулы в данном рассказе дано реалистическое изображение нашей грешной Земли, осмысление проблем которой ведется в христианском контексте, и предлагается единственно возможный вариант их решения, соответствующий христианскому миропониманию: изживание грехов и создание идеального общества на Земле, т.е. преображение мира и превращение его в рай, возможно только в случае духовного преображения человечества, которое заключается в преодолении каждым человеком своего эгоизма и уподобления по своим душевным качествам Христу. На примере преображения главного героя, осознавшего свою греховность вследствие столкновения с результатами собственного зла, Достоевский показывает необходимую для преображения мира эволюцию человеческой души: от эгоизма до альтруизма – служения Богу деятельной любовью.

Ключевые слова: Достоевский, «Сон смешного человека», рай, ад, альтруизм, эгоизм, христианская идея, преображение души и мира

Для цитирования: Золотухина О.Ю. Утверждение христианских идей в развитии темырая и ада в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 196 – 205.

Поступила в редакцию: 6 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 2 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Рассказ «Сон смешного человека», опубликованный в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1877 года, содержит в себе практически все основные темы творчества Достоевского, что было особенно подчеркнуто некоторыми учеными [1, 7, 9]. Все темы и идеи «Сна смешного человека» связаны с христианским мировоззрением писателя, однако в самом рассказе, на первый взгляд, нет ярко выраженной религиозной проблематики и христианских образов. Это дало основание некоторым исследователям [1, 15] сделать вывод о том, что данный рассказ, в отличие от многих других произведений Достоевского, не имеет отношения к христианству. Многие исследователи не согласились с этим и написали работы, посвященные выявлению христианских смыслов рассказа [2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16]. Приняв во внимание их доводы, рассмотрим темурая и ада, одну из основных в рассказе «Сон смешного человека», и докажем, что ее развитие также связано с христианским миропониманием Достоевского и служит утверждению основных христианских идей данного произведения.

Развитие темырая в рассказе «Сон смешного человека» начинается сразу после того, как главный герой, покончивший с собой и взятый из могилы неизвестным существом в космическое путешествие, прибывает на двойник Земли. Мир другой Земли, на которую попадает смешной человек, абсолютно альтруистичен и этим отличается от эгоистического, грешного мира планеты героя, что он понимает сразу же по прибытии: «О, я тотчас же, при первом взгляде на их лица, понял всё, всё! Это была земля, не оскверненная грехопадением <...> вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем» [6, с. 112]. Достоевский подчеркивает, что люди другой Земли жили, по сути, по христианским заветам, согласно христианскому миропониманию, хотя о христианстве и даже просто о Боге в описаниирая другой Земли ничего не говорится.

Лишь только увидев людей другой Земли, герой проводит аналогию их с детьми, так называя и их самих: «Дети солнца, дети своего солнца, – о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблеск красоты этой» [6, с. 112]. Данная аналогия проводится Достоевским на протяжении всего описания рая: «...в словах и голосах этих людей звучала детская радость» [6, с. 112]; «Они были резвы и веселы как дети» [6, с. 113]; «Они любили слагать песни друг о друге и хвалили друг друга как дети» [6, с. 114]. Очевидно, что авторская аналогия жителей рая с детьми является аллюзией к фразе Христа: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Мф. 18:3]. Так Достоевский показывает, что в раю другой Земли жили люди, соответствующие критерию Иисуса Христа о тех, кто сможет войти в Царство Небесное, а значит, их рай в символическом плане и являлся тем самым Царством Небесным, путь в который Христос пришел проложить на Земле смешного человека.

Описывая рая другой Земли, Достоевский подчеркивает, что люди на ней жили в любви друг с другом и в гармонии с природой и Вселенной. Они общались с деревьями и звездами, любили животных и никогда никого не убивали и ничего не уничтожали ради выживания: «...они питались легкою пищею, плодами своих деревьев, медом лесов своих и молоком их любивших животных. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка» [6, с. 113]; «Они славили природу, землю, море, леса» [6, с. 114]. Аллюзия жителей земного рая Достоевский подчеркивает тем, что они жили именно совместно, находя радость друг в друге и общей деятельности, не имея никаких разногласий: «Их дети были детьми всех, потому что все составляли одну семью» [6, с. 114]; «По вечерам, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры» [6, с. 114]; «Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая» [6, с. 114]. Достоевский особо подчеркивает, что своей любовью жители рая другой Земли сразу же одарили и смешного человека, хотя он был чужим для них, и они часто не могли его понять, но это не мешало им любить его: «Эти люди, радостно смеясь, теснились ко мне и ласкали меня <...> им хотелось согнать поскорее страдание с лица моего» [6, с. 112]; «О, эти люди и не добивались, чтоб я понимал их, они любили меня и без того» [6, с. 113]; «...они видели это и давали себя обожать, не стыдясь, что я их обожаю, потому что много любили сами» [6, с. 113]. Таким образом, в раю другой Земли царила та самая любовь, которую заповедовал Иисус Христос: «Сия заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» [Ин. 15:12].

Смешной человек отмечал отсутствие у людей другой Земли грехов, которые всегда были столь распространены на его Земле и во многом были присущи ему самому: «...никогда я не замечал в них порывов того жестокого (здесь и далее в цитатах курсив автора – О.З) сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества» [6, с. 113]. «Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит» [6, с. 113-114]. Это также свидетельствует о том, что на другой Земле жили безгрешные люди с чистыми душами, что соответствует христианскому идеалу.

Важно подчеркнуть, что Достоевский, описывая рай на Земле, показывает, что этот рай не был без Бога. Хотя само понятие «Бог», возможно, и не было знакомо людям другой Земли, но они все же жили именно с верой в Него и в свое посмертное существование. Провожая в путь умерших, они не плакали, а светло улыбались: «Скорби, слез при этом я не видал, а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь <...> земное единение между ними не прерывалось смертию. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса. У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной» [6, с. 114]. Очевидно, что под «Целым вселенной» понимается Бог-Творец, и свое единение с ним люди другой Земли чувствовали, живя в гармонии с природой и в любви друг к другу. Провожали они умерших так, как это принято и у христиан, ведь согласно христианскому миропониманию нельзя чрезмерно скорбеть и плакать об ушедшем, ибо всякая смерть происходит по воле Божьей, а чрезмерные страдания могут помешать душе уйти к Богу. То, что вопросы героя о вечной жизни были непонятны людям другой Земли, свидетельствует о том, что их вера в посмертное существование и высший смысл жизни была гораздо сильнее, чем у смешного человека и большинства людей его Земли. Возможно, для жителей другой Земли это была даже не вера, а знание. Достоевский подчеркивает, что у них не было науки, но они в науке и не нуждались: «...знание их восполнялось и питалось иными проникновениями, чем у нас на земле <...> они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать ее, потому что их жизнь была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится познать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить» [6, с. 113]. Таким образом, автор показывает, что жители другой Земли знали, в чем состоит смысл жизни, и это знание делало их жизнь спокойной и восполненной.

Концепты «спокойствие» и «восполненность» неоднократно встречаются в характеристике людей другой Земли: «Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием» [6, с. 112]; «...всякому из них хотелось успокоить меня» [6, с. 112]; «Они не желали ничего и были спокойны» [6, с. 113]; «...была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного» [6, с. 114]. Герой подчеркивает, «что стремления их были тоже совсем иные» [6, с. 113], чем у людей его грешной Земли. Всё это свидетельствует о том, что люди другой Земли познали смысл жизни, поэтому они были спокойны, в отличие от людей грешной Земли, и не стремились постоянно удовлетворять свои низменные желания, потому что просто их не имели. Их жизнь была восполнена более высоким смыслом, который почувствовал и сам смешной человек, находясь рядом с ними: «От ощущения полноты жизни мне захватывало дух, и я молча молился на них» [6, с. 115]. Достоевский четко не прописывает, в чем был этот смысл, но из описания рая другой Земли становится абсолютно очевидным, что смысл жизни людей альтруистического мира заключался в том, чтобы любить других, отдавать свою любовь другим. Они любили друг друга, смешного человека, животных, деревья, звезды, и сила их любви была настолько велика, что смешной человек, даже проснувшись, продолжал чувствовать эту любовь: «Но ощущение любви этих невинных и прекрасных людей осталось во мне навеки, и я чувствую, что их любовь изливается на меня и теперь оттуда» [6, с. 112-113]. Очевидно, что даже не называя Бога «Богом» и не строя храмы, люди альтруистического мира жили именно по Божьим Заветам, так как «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» [1 Ин. 4:16]; «Бога никто никогда не видел: если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» [1 Ин. 4:12]. Жизнь в любви и в отдаче любви друг другу давала людям другой Земли полноту жизни и возможность ощущать жизнь как блаженство: «Они радовались являвшимся у них детям как новым участникам в их блаженстве» [6, с. 113]. Слово «блаженство» является аллюзией к евангельским заповедям блаженства, а характеристика людей другой Земли как невинных, прекрасных, подобных детям, соотносится также с понятием «кротости», что дает отсылку к конкретной заповеди блаженства: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» [Мф. 5:5]. Данная заповедь подразумевает, что кроткие наследуют Землю после того, как она станет Новой Землей. Аллюзия к данной заповеди еще раз подчеркивает, что Достоевский на примере другой Земли показал возможность устройства рая на Земле при условии всеобщей альтруистической любви безгрешных людей друг к другу, к природе и в целом ко Вселенной.

Тема ада в рассказе «Сон смешного человека» вводится описанием грехопадения альтруистического мира другой Земли, причиной которого стал сам герой: «Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться – не знаю, но помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиной грехопадения был я» [6, с. 115].

Далее Достоевский подробно описывает процесс разложения мира и превращения его из альтруистического в эгоистический, т.е. подобный Земле, с которой пришел смешной человек. Первым грехом невинных людей становится ложь: «Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи» [6, с. 115]. Достоевский подчеркивает, что после того, как жители другой Земли познали ложь, между ними начинается разлад и они отдаляются друг от друга. Причиной этого становятся именно те грехи, отсутствие которых в душах людей альтруистического мира ранее отмечал герой: «Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность – жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже друг против друга. Начались укоры, упреки» [6, с. 116]. Достоевский акцентирует, что пороки, которые появились в душах людей, способствовали очень сильному росту их эгоизма и утрате любви по отношению друг к другу и к природе, к животным: «Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разных языках» [6, с. 116]. В последней фразе очевидна аллюзия к библейской истории о Вавилонской башне, которую люди возводили, также исходя из своих эгоистических желаний.

Достоевский описывает постепенный процесс превращения мира другой Земли в эгоистический, и в этом описании очевидно противопоставление эгоистической модели жизни другой Земли прежней, альтруистической, и сходство эгоистической модели с моделью Земли смешного человека. Важно отметить и дуализм данного описания: получив пороки, человечество другой Земли начинает обращаться к добродетелям, совершая преступления, ищет и способы их избегания. Так, вместе с укорами и упреками человечество другой Земли узнало стыд и честь; вместе со злобой появились идеи братства и гуманности; преступления вынудили людей изобрести справедливость и придумать кодексы с гильотиной; вера и единение с «Целым вселенной» заменились на «религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве» [6, с. 117]; появилась наука, основанная на рационализме и поставившая «знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни <...> знание законов счастья – выше счастья» [6, с. 116]. Достоевский отме-

чает, что появились праведники, которые пытались вразумить эгоистов: «Явились праведники, которые приходили к этим людям со слезами и говорили им об их гордости, о потере меры и гармонии, об утрате ими стыда. Над ними смеялись или побивали их камнями. Святая кровь лилась на порогах храмов» [6, с. 116-117]. Здесь очевидна аллюзия к описанию гонений библейских пророков и самого Христа: «Тут опять Иудеи схватили камень, чтобы побить Его» [Ин. 10:31]. Важно отметить и то, что над праведниками смеялись. Это означает, что альтруисты, не потерявшие в себе образ Божий и не принявшие правила эгоистической модели, стали для эгоистов смешными людьми.

Таким образом, другая Земля, принявшая эгоистическую модель жизни, становится подобной грешной Земле смешного человека с ее социальными институтами: наукой, религией, законами. Но социальные институты не принесли людям счастья. Достоевский подчеркивает, что в эгоистической модели Земли люди познали страдание и даже полюбили его: «Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением» [6, с. 116]; «Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдание в песнях своих» [6, с. 117]. Воспевание страдания и любовь к нему явно свидетельствуют о том, что люди другой Земли совершенно отошли от альтруистической модели, в которой жили ранее, и даже, возможно, почти совсем забыли о ней, что подчеркивает и сам автор: «Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой» [6, с. 116]. Страдание воспевается ими в связи с тем, что в эгоистической модели, где кто-то кого-то всегда подавляет, жить без него невозможно, и поэтому оно идеализируется как необходимый компонент жизни. В альтруистической модели не было место страданию, потому что там никто никого не подавлял, люди жили в абсолютной любви друг к другу, и их жизнь уже этим одним была наполнена. И, разумеется, они абсолютно не нуждались в страдании как в очищении, потому что их души были чисты. Люди эгоистической модели с порочными душами уже стали нуждаться в страдании как в очистительной силе. То, что люди другой Земли начали нуждаться в страдании, свидетельствует и о том, что по уровню душевного развития они стали подобны смешному человеку до его прибытия на их Землю. Ведь когда смешной человек подлетал к другой Земле, то он жаждал мучений и не мог отделить от них любовь: «Есть ли мучение на этой новой земле? На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви. Я хочу мучения, чтоб любить» [6, с. 111-112]. Тогда еще герой не знал, что бывает мир без страданий, основанный на взаимной альтруистической любви, и любовь без страданий возможна, но только при условии более высокого духовного развития общества.

Противопоставление альтруистической и эгоистической модели Земли играет очень важную роль для понимания рассказа Достоевского. Очевидно, что такие качества, как братство, гуманность и честь, были присущи людям-альтруистам и до их грехопадения, но они не выделяли их особо, так как никто не имел качеств, им противоположных. Стыда тоже не испытывали, но лишь потому, что не совершали постыдных поступков. Важно отметить и то, что люди в альтруистической модели мира не нуждались в социальных институтах, которые появились в эгоистической модели. Значит, социальные институты появились как необходимые именно в обществе, где правит грех, чтобы регулировать отношения людей-эгоистов, но счастья им не принесли. Из альтруистической модели мира было очевидно, что счастья можно достичь лишь восполненностью души, которая возникает при альтруистической любви к другим, основанной на отдаче, жертве. Но такая любовь стала невозможной для людей-эгоистов. При этом Достоевский подчеркивает, что эгоизм все более возрастал: «...каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других, и в том жизнь свою полагал. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогли им давить еще слабейших, чем они сами» [6, с. 116]. Очевидно, что формула эгоизма: «Каждый возлюбил себя больше всех» явна противоположна формуле альтруизма, выраженной в заповеди Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22:39]. Именно по этой заповеди жили люди-альтруисты, и следование ей помогало им достичь счастья.

Однако люди-эгоисты не потеряли стремление к счастью, не желая при этом отказываться от эгоизма: «Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе» [6, с. 117]. Из этого, конечно, ничего не получается, так как это противоречит Божьим законам мироздания, основанным, согласно христианскому миропониманию, на Божественной любви.

Важно подчеркнуть, что, желая счастья, люди эгоистической модели Земли не хотели возвращаться к альтруистической модели: «И однако, если б только могло так случиться, чтоб они возвратились в то не-

винное и счастливое состояние, которое они утратили, и если б кто вдруг им показал его вновь и спросил их: хотят ли они возвратиться к нему? – то они наверно бы отказались» [6, с. 116]. О.А. Донских находит причину этого в том, что, «потеряв невинность, человек *не хочет* к ней вернуться. Потому что *тогда он теряет свою свободу*. А это означает, что человек *в принципе* не может жить в раю. Он, в конечном итоге, разрушит любой рай, потому что у него в душе есть место для и склонность ко лжи, сладострастию и свободе» [3, с. 17]. С этой мыслью сложно согласиться, так как стремление к свободе не только не мешает человеку жить в раю, но и является необходимым условием его попадания туда. Христос сказал уверовавшим в Него: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» [Ин. 8:32]. Под Истиной же Он понимал Себя и Свой путь, а под свободой – свободу от греха: «Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха; Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно; Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» [Ин. 8:34-36]. Таким образом, свободный человек – это тот, кто уверовал в Бога и выбрал путь Христа, а значит, путь альтруиста, способного на жертвенную любовь, и стал свободен от греха. Только люди, подобные Христу, и могли, по мысли Достоевского, создать рай и жить в нем. В рукописном наброске романа «Бесы» Достоевский писал: «Из Христа выходит та мысль, что главное приобретение и цель человечества есть результат добытой нравственности. Вообразите, что все Христы, – ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм? Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в Христе и не христианин. Если б люди не имели ни малейшего понятия о государстве и ни о каких науках, но были бы все как Христы, возможно ли, чтоб не было рая на земле тотчас же?» [4, с. 192-193]. Из этого можно сделать вывод, что в рассказе «Сон смешного человека» Достоевский как раз и показал, что в альтруистической модели мира жили люди, по своим душевным качествам подобные Христу: они были способны на альтруистическую любовь по отношению друг к другу и были свободны от греха. У них был настолько высокий духовный уровень развития, что им были не нужны никакие насильно внедряемые социальные институты для управления, потому что они сами умели управлять данной им от Бога свободой выбора между злом и добром.

Истинной причиной нежелания возврата к альтруистической модели жизни для людей, познавших грехопадение, явился именно их эгоизм. Они не желали перестать любить себя более других и начать любить других, как себя, а желали оставить всё, как есть. Происходило это и вследствие их разобщения, чрезмерной индивидуализации, и вследствие их неверия в Бога: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердный судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно» [6, с. 116].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс грехопадения, изменив на другой Земле альтруистическую модель жизни на эгоистическую, превратил её мир в ад. Ад в православном контексте понимается как разрыв общения с Богом, при этом не Бог отказывается от человека, а человек сам не принимает дара Божия – Его любви. Разрыв с Богом есть наказание для человека, так как «человек сотворен по образу и подобию Божию, и именно это является глубочайшим смыслом его существования» [14]. В альтруистическом мире люди жили в любви друг к другу, а значит, и в любви к Богу, в свете Божьей благодати, ибо Бог есть любовь. Утратив в эгоистическом мире любовь друг к другу, веру в Бога, люди утратили и связь с Богом и, по сути, превратили свой мир в ад – мир страданий, лишенный Божьей благодати, в котором причиной своих скорбей явились они же сами, подавляющие друг друга вследствие слишком сильно возросшей в их душах гордыни.

Описав падшую Землю, Достоевский убедительно показал, что никакие социальные институты, своды законов с гильотиной, понятия чести и справедливости не сделают людей лучше и не помогут создать идеальное общество на Земле, пока на ней будет доминировать принцип эгоизма: возлюби себя больше других. В рабочих тетрадях к «Дневнику писателя» 1875-1877 годов Достоевский писал: «*Я хочу не такого общества научного, где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам* (выписка из “Подростка”, *Атеизм*)» [5, с. 162]. Очевидно, что именно таким, как хотел Достоевский, общество было на другой Земле до грехопадения, пока еще каждый живущий на ней был подобен Христу. Достоевский считал, что рай на Земле будет возможен только при условии, что все будут, как Христы, т.е. уподобятся Христу, а значит, станут подобными Богу. Ведь Христос называл себя Сыном Божьим и говорил: «Я и Отец одно» [Ин. 10:30].

Развитие темы ада в рассказе связано и с образом смешного человека, развратившего безгрешных людей другой Земли. Автор принципиально подчеркивает, что герой не хотел этого и что превращение другой Земли в грешную Землю было для него мучительно: «Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними» [6, с. 117]. Ад – это состояние души, и можно утверждать, что грехопадение другой Земли повергает героя в

ад его душевных переживаний за планету, на которой из-за него появилось горе. Данный поворот сюжета является логичным в аспекте осмысления наказания героя за самоубийство.

Достоевский не обозначает причин, по которым произошло грехопадение планеты. Подчеркивается только то, что герой этого не хотел и не ожидал. Общение смешного человека с людьми другой Земли до их грехопадения было проникнуто любовью, акцентируется благотворное влияние безгрешных людей на героя. Однако при всей любви и хороших отношениях, установившихся между смешным человеком и безгрешными людьми, Достоевский подчеркивает, что они не понимали друг друга. Концепт «непонимание» является в описании их взаимоотношений доминирующим: «О, я тотчас же понял, даже тогда, что во многом не пойму их вовсе» [6, с. 113]; «Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них» [6, с. 113]; «О, эти люди и не добивались, чтоб я понимал их, они любили меня и без того, но зато я знал, что и они никогда не поймут меня, а потому почти и не говорил им о нашей земле» [6, с. 113]; «Иных же их песен, торжественных и восторженных, я почти не понимал вовсе. Понимая слова, я никогда не мог проникнуть во всё их значение. Оно оставалось как бы недоступно моему уму, зато сердце мое как бы проникалось им безотчетно и всё более и более» [6, с. 114]. То, что герой почти ничего не рассказывал о своей Земле, является доказательством того, что безгрешные люди не могли соблазниться моделью жизни чужой планеты, чтобы впоследствии воспроизвести ее на своей. Значит, причина их грехопадения заключалась в другом. Сердце героя, которое отзывалось на песни безгрешных людей без их рационального понимания, свидетельствует о том, что его душа на безгрешной планете ожила и начала чувствовать мир иначе, он стал душою уподобляться безгрешным людям: «Да, когда они глядели на меня своим милым проникнутым любовью взглядом, когда я чувствовал, что при них и мое сердце становилось столь же невинным и правдивым, как и их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их» [6, с. 114-115].

Однако очевидно, что эгоизм все-таки оставался в смешном человеке, а непонимание им безгрешных людей являлось свидетельством того, что он так и остался чужим для их мира. Их альтруистический мир представлял единый организм, где все были связаны искренней любовью. Смешной человек оказался чужеродной клеткой в этом мире, содержащей в себе не только светлую, но и темную информацию. Из этой чужеродной клетки развился очаг болезни, который в итоге привел к разрушительной трансформации всего организма. Не случайно герой уподобляет себя трихине и атому чумы: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [6, с. 115]. К.А. Степанян выразил сомнение в том, что рай, в который попал герой, был по-настоящему идеальным обществом, поскольку смешной человек сумел так легко развратить его обитателей: «При внимательном чтении этого рассказа обнаруживается целый ряд <...> парадоксов и недоумений. Если изображенное бытие людей на “планете Солнца” есть действительно идеал, то насколько же он непрочен, коль один “смешной” петербургский чиновник сумел разрушить его. И почему не они, “дети Солнца”, преобразили своего гостя, несмотря на всю их взаимную любовь, а он развратил их всех?» [15, с. 263-264]. На наш взгляд, здесь нет никакого парадокса. Достоевский показывает, насколько сложным является в земном мире взаимодействие добра и зла и что зло настолько сильно, что достаточно даже атома зла, чтобы сделать темной целую светлую планету. Можно предположить, что люди безгрешной Земли так легко сумели заразиться злом, потому что не имели духовного иммунитета. Если другая Земля действительно была изначально безгрешной, то ее люди не смогли отторгнуть зло, потому что внутренне еще не победили его, просто его не зная. В таком случае здесь раскрывается очень важный философский аспект взаимодействия добра и зла: чтобы выбрать добро, нужно, познав зло, это зло отвергнуть, возвыситься над соблазном, благодаря определенному духовному усилию. Это объясняет обилие зла на Земле и допущение его Богом по людским грехам – чтобы одержать духовную победу над злом, люди должны выбрать добро, но для этого надо познать и то и другое и преодолеть зло внутри себя. Источником зла в человеке является эгоизм, заставляющий человека любить самого себя больше других, что приводит его к разладу с другими людьми и отдаляет от Бога.

Очень важно, что после грехопадения планеты герой начинает винить во всем себя и сострадать падшим людям и в этом сострадании он постепенно избавляется от эгоизма и приходит к альтруистической любви. На своей грешной Земле смешной человек не замечал в себе зла и видел зло лишь в других, в гордыни отвергая столь несовершенный мир. Познание чистого мира без зла и понимание того, что именно он принес зло на другую Землю, дало ему осознать свою греховность в полной мере, в чем, очевидно, и заключалась промыслительная цель прибытия смешного человека на чистую планету. Таким образом, именно со столкновения с результатами собственного зла и с осознания своей греховной сути и начинается преобразование души героя и превращение его из эгоиста в альтруиста.

Кульминацией данного преобразования становится желание героя быть распятым на кресте: «Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтоб в этих муках пролита была моя кровь до капли» [6, с. 117]. Данная фраза содержит аллюзию ко Христу и конкретно к его распятию, которая свидетельствует о желании смешного человека подняться до уровня Христа. Очевидно, что смешной человек, в отличие от падших жителей другой Земли, обладает уникальным знанием о подвиге Христа и чувствует, что только этот подвиг может их спасти. Вероятно, герой начинает осознавать, что для возвращения планеты в райское состояние нужно, чтобы все стали, как Христы, а значит, нужно показать людям путь Христа. Но Христа нет, Он не приходил на эту планету, и тогда герой во имя любви к жителям падшей планеты решает показать им этот путь – проявить высшую форму альтруистической любви, выраженную в словах Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин. 15:13]. Это свидетельствует и о том, что в переживаниях за людей, которые стали грешными из-за него, смешной человек приближается к пониманию подвига Христа, а значит, и к вере в Бога. Таким образом, смешной человек, желая погибнуть, чтобы спасти людей другой Земли, как когда-то Христос погиб для спасения грешных людей его планеты, пытается стать подобным по душевным качествам Христу и преобразуется.

После увиденного во сне и совершившегося душевного преобразования, герой находит смысл своей жизни в проповеди. Люди смеются над ним, не принимая его идей, но это не останавливает героя: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются» [6, с. 118]. Здесь мы снова видим концепт «непонимание», который был доминирующим в описании взаимоотношений героя с безгрешными людьми альтруистического мира, но только сейчас уже самого героя не понимают грешные люди его Земли.

Очевидно, что сюжет о пребывании героя-эгоиста в альтруистическом мире другой Земли является зеркальным по отношению к заключительному сюжету о герое-альтруисте в эгоистическом мире нашей Земли. Вновь следует подчеркнуть, что, если на другой Земле хватило атома зла, чтобы ее развратить, то на грешной Земле альтруистическая проповедь героя вызывает во многих людях смех и отторжение. Происходит это по причине нежелания людей отказаться от своего эгоизма, гордыни: «А они так гордятся!» [6, с. 118]. Они пытаются убедить героя, что всё, что он видел, было бредом и галлюцинацией, и что такого не может быть на Земле, и делают это лишь потому, что не хотят альтруистического мира так же, как не хотели его возвращения падшие люди другой Земли. Так герой вновь становится чужеродной клеткой в цельном организме, только на безгрешной Земле он был темной клеткой среди светлых и вызвал их заражение тьмой; на своей грешной Земле он становится светлой клеткой, и темный организм пытается нивелировать его как опасный для него элемент. Христос знал, что земной грешный мир устроен именно так и что поэтому Он, как воплощение самого яркого Божественного света, был обречен на гибель, так как был не от мира сего. О подобной участи Христос предупреждал и своих учеников, которые должны были продолжать Его дело: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» [Ин. 15: 18-19]. Достоевский ничего не говорит о ненависти людей к смешному человеку, ограничиваясь лишь тем, что они смеялись над ним, но явно, что этот смех недобрый, подобный тому, каким смеялись падшие люди другой Земли над праведниками, а после побивали их камнями. Здесь стоит отметить, что такое неприятие происходит именно в эгоистическом мире по отношению к альтруисту – в альтруистическом мире по отношению к эгоисту, как было показано во сне смешного человека, никакого неприятия не было, чужеродность героя не мешала безгрешным людям любить его.

Однако смешной человек, вопреки насмешкам, продолжает проповедовать, и проповедует он именно формулу альтруизма: «Главное – люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую миллиард раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» [6, с. 119]. Проповедуя альтруизм, герой рассказывает людям об альтруистическом мире, который видел сам, отмечая при этом, что не всё он может передать словами: «Но как устроить рай – я не знаю, потому что не умею передать словами. После сна моего потерял слова. По крайней мере, все главные слова, самые нужные. Но пусть: я пойду и всё буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видел воочию, хотя и не умею пересказать, что я видел» [6, с. 118]. Это свидетельствует о том, что альтруистический мир, увиденный во сне героем, находится по сравнению с эгоистическим миром на более высоком уровне. Мир, в котором все люди, как Христы, явно отличается от грешного земного мира и имеет не только те особенности, которые описал герой, вспоминая свой сон, но и те, которые невозможно выразить земными словами и сделать понятными земным людям. Это нечто

непознанное, которое станет для земных людей понятным лишь после перехода их на более высокий альтруистический уровень бытия.

Важно отметить, что герой проповедует рай вопреки собственной уверенности в том, что раю на Земле все же не бывать: «Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), – ну, а я все-таки буду проповедовать» [6, с. 118-119]. Это замечание также свидетельствует о том, что герой поднялся понимания Истины, образцом которой для Достоевского был Христос. Ведь если Божьему Сыну не удалось проповедью и чудесами превратить грешный земной мир в альтруистический, то обычному человеку, пусть и преображенному, это тем более невозможно.

Здесь очень важно отметить, что даже после жертвы Христа эгоистический мир не стал альтруистическим лишь вследствие того, что свобода выбора между добром и злом всегда есть у каждого человека. В связи с этим для преображения мира крайне важным становится преображение всякого, живущего на Земле. Только при условии, что альтруистом станет каждый человек и на планете не останется даже атома зла, возможно установление на ней рая. Именно это и понимает смешной человек, говоря о необходимости преображения для всех, но каждый должен этого действительно захотеть: «Если только все захотят, то сейчас всё устроится» [6, с. 119].

То, что смешной человек, понимая, что рая на Земле не будет, продолжает его проповедовать, свидетельствует о том, что он идет по пути Христа и несет людям Божью Истину. Причем, делает он это не из корыстных побуждений, а из любви к людям, а значит, он работает не ради себя, а ради Бога. Очень важным является намерение смешного человека способствовать созданию рая на Земле. Даже если этот рай невозможен, само намерение смешного героя свидетельствует о чистоте его помыслов и высокой цели, а «Бог ценит дела по намерениям их» (Марк Подвижник) [Наставления] и всегда даст человеку по его сердцу [Пс. 19:5]. То, что после проповедей смешного человека мир не станет раем и большинство так и будет смеяться над ним, еще не означает, что надо прекращать проповедовать. Ведь важен выбор каждого, и кто-то из людей наверняка услышит смешного человека, поймет его и тоже пойдет по пути преображения, превратившись из эгоиста в альтруиста, а значит, одной светлой клеткой в организме тьмы станет больше. Очевидно, что проповедь героя, а также его добрые дела: «А ту маленькую девочку я отыскал...» [6, с. 119] – свидетельствуют о том, что он служит Богу деятельной любовью, ибо «вера без дел мертва» [Иак. 2:20]. Рассказ заканчивается двумя повторяющимися глаголами: «И пойду! И пойду!» [6, с. 119], что подчеркивает намерение героя действовать во имя распространения Истины, которую он познал, и акцентирует, насколько он воодушевлен своим проповедническим служением и что это служение наполняет его жизнь высоким смыслом.

Таким образом, рассказ «Сон смешного человека» является философской притчей о судьбах человека и человечества на планете Земля. Осмыслять данную притчу необходимо в христианских категориях. Развивая в рассказе «Сон смешного человека» тему рая и ада, Достоевский в фантастическом сюжете данного произведения реалистически изобразил эгоистическую модель жизни Земли (ад), актуальную как для его эпохи, так и для нашего времени, а описав альтруистическую модель жизни другой Земли (рай), наметил тот идеал, к которому наша Земля должна прийти в результате преображения на ней человечества, которое заключается в преодолении каждым человеком своего эгоизма и уподобления по своим душевным качествам Христу. На примере изменения главного героя Достоевский показывает необходимое для преображения мира преображение человеческой души: от эгоизма до альтруизма – служения Богу деятельной любовью. Принципиально важно, что преобразиться должен каждый, ведь даже один эгоист в альтруистическом мире способен его извратить и превратить в эгоистический, что и произошло со смешным человеком: именно он, не изживший свой эгоизм и не преобразившийся, стал причиной грехопадения альтруистического мира. Изобразив безгрешную Землю, Достоевский, на наш взгляд, создал вариант Новой Земли, описанной в Откровении Иоанна Богослова, где, однако, еще остаётся смерть, но она воспринимается легко, как переход к другой форме жизни. Очевидно, что Достоевский описал идеал жизни земного человечества, в достижение которого он верил, и эта вера звучит в словах смешного человека: «...я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» [6, с. 118].

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
2. Буданова Н.Ф. «Чтобы не умирала великая мысль» («Сон смешного человека» // Достоевский: материалы и исследования. 2016. Т. 21. С. 81–91.
3. Донских О.А. Странный рай Достоевского (По мотивам «Сна смешного человека») // VOX. 2008. Вып. 4. С. 1 – 22. URL: <https://vox-journal.org/content/vox4donskih.pdf> (дата обращения: 23.08.2023)

4. Достоевский Ф.М. Бесы. Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 11. С. 58 – 308.
5. Достоевский Ф.М. Записи к «Дневнику писателя» 1876 года. Из рабочих тетрадей 1875-1877 годов // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 24. С. 66 – 314.
6. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 25. С. 104 – 119.
7. Касаткина Т.А. «Сон смешного человека»: личность как рычаг преобразования мира // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 16 – 44. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-16-44>
8. Катасонов В.Н. Религиозные аспекты рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Достоевский и мировая культура / Альманах. М., 2013. № 30, часть I. С. 191 – 216.
9. Кибальник С.А. «Братья Карамазовы» и «Сон смешного человека» (к вопросу об автоинтертекстуальности у позднего Достоевского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 62 – 70. <https://doi.org/10.31857/S241377150014008-1>
10. Кибальник С.А. Мой «Анти-Бахтин» (к вопросу о научной интерпретации фантастического рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека») // Известия Российской академии наук. Серия: литература и язык. 2022. Т. 81. № 1. С. 65 – 73. <https://doi.org/10.31857/S160578800018924-2>
11. Клюкина Л.А., Золотухина Е.Н. Апология христианства в фантастическом рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // *Studia Culturae*. 2017. № 33. С. 15 – 31.
12. Маццола Е. Богословие Достоевского. О воплощенной Истине: опыт перевода фантастического рассказа // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 16 – 49. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-16-49>
13. Наставления Марка Подвижника о духовной жизни. 200 глав о духовном законе. 184 // Церковь Иоанна Богослова. URL: <https://omolenko.com/biblio/dobro1-mark.htm?p=3#book10> (дата обращения: 23.08.2023)
14. Представления об аде в христианстве // Правмир. 30 октября 2015 г. URL: <http://www.pravmir.ru/ad> (дата обращения: 23.08.2023)
15. Степанян К.А. Идеал у Достоевского и Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 262 – 271. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.25>
16. Сыромятников О.И. Православная сотериология в художественном творчестве Ф.М. Достоевского. На примере произведения «Сон смешного человека» // Богословский вестник. 2017. Т. 24-25. № 1-2. С. 414 – 434.

References

1. Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1972. 470 s.
2. Budanova N.F. «Chtoby ne umirala velikaja mysl'» («Son smeshnogo cheloveka»). Dostoevskij: materialy i issledovanija. 2016. Т. 21. S. 81–91.
3. Donskih O.A. Strannyj raj Dostoevskogo (Po motivam «Sna smeshnogo cheloveka»). VOX. 2008. Vyp. 4. S. 1 – 22. URL: <https://vox-journal.org/content/vox4donskih.pdf> (data obrashhenija: 23.08.2023)
4. Dostoevskij F.M. Besy. Podgotovitel'nye materialy. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30-ti t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1974. Т. 11. S. 58 – 308.
5. Dostoevskij F.M. Zapisi k «Dnevniku pisatelja» 1876 goda. Iz rabochih tetradej 1875-1877 godov. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30-ti t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1982. Т. 24. S. 66 – 314.
6. Dostoevskij F.M. Son smeshnogo cheloveka. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30-ti t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1983. Т. 25. S. 104 – 119.
7. Kasatkina T.A. «Son smeshnogo cheloveka»: lichnost' kak rychag preobrazhenija mira. Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2019. № 2 (6). S. 16 – 44. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-16-44>
8. Katasonov V.N. Religioznye aspekty rasskaza F.M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka». Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Al'manah. M., 2013. № 30, chast' I. S. 191 – 216.
9. Kibal'nik S.A. «Brat'ja Karamazovy» i «Son smeshnogo cheloveka» (k voprosu ob avtointertekstual'nosti u pozdnego Dostoevskogo. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2021. Т. 80. № 1. S. 62 – 70. <https://doi.org/10.31857/S241377150014008-1>

10. Kibal'nik S.A. Moj «Anti-Bahtin» (k voprosu o nauchnoj interpretacii fantasticheskogo rasskaza F.M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka»). Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija: literatura i jazyk. 2022. T. 81. № 1. S. 65 – 73. <https://doi.org/10.31857/S160578800018924-2>
11. Kljukina L.A., Zolotuhina E.N. Apologija hristianstva v fantasticheskom rasskaze F.M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka». Studia Culturae. 2017. № 33. S. 15 – 31.
12. Maccola E. Bogoslovie Dostoevskogo. O voploshhennoj Istine: opyt perevoda fantasticheskogo rasskaza. Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2019. № 4 (8). S. 16 – 49. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-16-49>
13. Nastavlenija Marka Podvizhnika o duhovnoj zhizni. 200 glav o duhovnom zakone. 184. Cerkov' Ioanna Bogoslova. URL: <https://omolenko.com/biblio/dobro1-mark.htm?p=3#book10> (data obrashhenija: 23.08.2023)
14. Predstavlenija ob ade v hristianstve. Pravmir. 30 oktjabrja 2015 g. URL: <http://www.pravmir.ru/ad> (data obrashhenija: 23.08.2023)
15. Stepanjan K.A. Ideal u Dostoevskogo i Shekspira. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. № 4. S. 262 – 271. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.25>
16. Syromjatnikov O.I. Pravoslavnaja soteriologija v hudozhestvennom tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Na primere proizvedenija «Son smeshnogo cheloveka». Bogoslovskij vestnik. 2017. T. 24-25. № 1-2. S. 414 – 434.

*Zolotukhina O.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dmitry Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts*

The approval of Christian ideas in the development of the theme of paradise and hell in F.M. Dostoevsky's story "The Dream of a Ridiculous Man"

Abstract: the article substantiates the idea that the story "The Dream of a Ridiculous Man" is a philosophical parable in which Dostoevsky reflected the Christian understanding of human life and humanity on planet Earth. It is proved that the categories of altruism and egoism are the fundamental categories for the interpretation of this story. It is argued that the paradise of another Earth is a society in which pure souls are a single interconnected organism and live in constant altruistic (Christian) love for each other and for the world as a whole. In the description of paradise one can see the artistic realization of Dostoevsky's idea that paradise is possible only if each person is like Christ in his spiritual qualities. It is proved that another Earth, which, as a result of the fall, adopted an egoistic model of life, becomes like Earth of a ridiculous man. Having lost love for each other and faith in God in the egoistic model, people also lost their connection with God and turned their world into hell – a world of suffering deprived of God's grace. The idea is substantiated that, for all the fantastic of the plot, this story gives a realistic image of our sinful Earth, the understanding of the problems of which is conducted in a Christian context, and offers the only possible solution corresponding to the Christian worldview: the elimination of sins and the creation of an ideal society on Earth, so the transformation of the world into paradise, perhaps only in the case of the spiritual transformation of mankind, which consists in overcoming each person's selfishness and assimilation in their spiritual qualities to Christ. Using the example of the transformation of the main character, who realized his sinfulness as a result of a collision with the results of his own evil, Dostoevsky shows the evolution of the human soul necessary for the transformation of the world: from selfishness to altruism – serving God with active love.

Keywords: Dostoevsky, "The Dream of a Ridiculous Man", paradise, hell, altruism, egoism, Christian idea, the transformation of the soul and the world

For citation: Zolotukhina O.Yu. The approval of christian ideas in the development of the theme of paradise and hell in F.M. Dostoevsky's story "The Dream of a Ridiculous Man". Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 196 – 205.

Received: August 6, 2023; Revised: October 2, 2023; Accepted: November 24, 2023.

Лукьянова В.В., соискатель,
Дальневосточный федеральный университет

Синтаксический фразеологизм *то еще N1*

Аннотация: в статье рассматривается устойчивое выражение *то еще N1*. Исследуется толкование *то еще N1* в лексикографических источниках, сочетаемость и синтаксические употребления. Устанавливается, что для *то еще* характерна сочетаемость с отвлеченными существительными, которые можно классифицировать с точки зрения типа оценки на три группы: существительные с положительной оценкой, существительные с отрицательной оценкой и безоценочные существительные. Выявлены три основных синтаксических употребления *то еще*: в двусоставных предложениях со структурными схемами ($N1 - \text{то еще } N1$, $\text{Inf} - \text{то еще } N1$), в пояснительных конструкциях, в тексте. Результаты исследования уточняют значение *то еще* в сочетании с тремя группами существительных и определяют значение *то еще N1* в трех синтаксических употреблениях. Исследование проведено на языковом материале из Национального корпуса русского языка. Перспектива начатого исследования состоит в необходимости изучения всех форм выражения *то еще N1*: *то (та, то, те) еще N1*, а также таких выражений как *еще то (то, та, то, те) N1*, их сочетаемости и синтаксических употреблений.

Ключевые слова: частица, существительное, сочетаемость, оценка, синтаксическое употребление, текст

Для цитирования: Лукьянова В.В. Синтаксический фразеологизм *то еще N1* // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 206 – 212.

Поступила в редакцию: 3 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Предметом данной статьи является устойчивое выражение «то еще N1», получившее распространение в конце 20 века и в 21 веке: его значение, сочетаемость и синтаксические употребления.

Слово *еще* в одних лексикографических источниках характеризуется как наречие и как частица [1, 8, 10], в других определяется как частица во всех употреблениях [4, 12]. Мы придерживаемся второй точки зрения. Основанием для этого является квалификация этой единицы в специальных исследованиях [3, 7].

В монографии «Лексикографические портреты служебных слов» Е.А. Стародумова определяет *еще* как частицу, не относя ее к каким-либо разрядам, и отмечает 10 значений [3, с. 28-40]. В Словаре русских частиц Э.Г. Шимчук, М.Г. Щур *еще* определяется как указательная, усилительная, выделительная и модальная частица. Среди 16 значений отмечается одно значение *еще* в качестве наречия (*Последствия этой катастрофы будут ощущаться еще несколько столетий* [долго]) [12, с. 43, 61-65].

Отличительной чертой частицы *еще* является синтагматическая активность, с ее участием образованы разного рода сочетания, среди которых можно выделить два основных типа: сочетания с сочинительными союзами (*а еще, еще и, и еще, да еще, да еще и, не только-но еще и, мало того, что-но еще*) и многочисленные устойчивые сочетания с другими частицами, местоименными словами и др., выражающие различные экспрессивные значения (*вот еще!, еще бы!, еще как!, да еще как!, еще какой (какая, какое, какие)!, да еще какой (какая, какое, какие)!, еще чего, это еще что, еще тот (та, то, те), еще ничего!*).

Материал исследования – языковые факты, представленные в Национальном корпусе русского языка (всего 113 фактов). Примеры зафиксированы в основном корпусе, газетном и устном подкорпусах. Несмотря на то, что *то еще* в сочетании с существительными является разговорным выражением, в устном подкорпусе имеется только один пример с этим сочетанием. Приведем примеры употребления *то еще*:

Это то еще впечатление, когда в борт твоего самолета вливается пулеметная очередь! [Ольга ГРУШКО. Северяне мастерят «живых» кукол и путешествуют на машине времени // Комсомольская правда, 18.06.2008]

Чтобы не нарушить укладку, они спят полулежа, положив голову на специальную деревянную подставку. То еще удовольствие. Но игра определенно стоит свеч. [Александр Сидоров. В гостях у гейши // lenta.ru, 14.07.2017]

Сидеть одному в четырех стенах — то ещё испытание. [Юлия Шигарева. Пока все дома. Как волонтеры помогают людям в условиях изоляции // Аргументы и факты, 2020.04.07]

Обратимся к значению *то еще N1*. Первое описание значения сочетания *то еще* зафиксировано в 1992 году в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. *Тот (та, то, те) еще* определяется как выражение многозначительной оценки кого-нибудь, чего-нибудь как плохого или

сложного, затруднительного. *Это тот еще работник!* (т.е. плохой). *Та еще задача!* (трудная) [7, с. 631]. Аналогичное определение приводится в Русском орфографическом словаре под редакцией В.В. Лопатина и в Большом универсальном словаре русского языка под редакцией В.В. Морковкина [4, 5].

В Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи В.В. Химика дается следующее определение: *тот/та/то/те ещё* (*Еще тот...*) используется в функции сказуемого, неодобрительное, выступающее в значении «о том, кто или что обладает отрицательными качествами в высшей степени» [10, с. 403].

С. Друговейко-Должанская в статье «То еще выраженьице» выделяет две функции сочетания *тот/та/то/те еще* (*еще тот...*): функция определения, когда выражается абсолютное несоответствие ожиданиям, предположениям, не то, каким должен быть, исключительно плохой (*Роскошь была та ещё, тем не менее Иван Дмитриевич отметил, что вряд ли сюда вольно захаживают всякие мокрехвостки с Апраксина рынка* [Леонид Юзефович. Дом свиданий (2001)]; *Сопеля, компаньон и одноделец, кретин и бездельник, — гундосит, водку уже пьет, — словом, тот ещё напарник...* [Владимир Высоцкий. Роман о девочках (1977)]) и функция усилительной частицы в сочетании с существительными негативной оценки и при выражении высокой степени обладания качествами, свойственными определяемому понятию (*Но сахар в кармане нашли. Очевидно, тот ещё был приступ! Врасплох захватил* [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]).

Наиболее адекватным мы считаем одно из определений С. Друговейко-Должанской – такой, который абсолютно не соответствует ожиданиям, предположениям, не то, каким должен быть, и определение В.В. Химика.

Для уточнения определения значения *то еще* необходимо рассмотреть сочетаемость с существительными, входящими в формулу *то еще NI*. В таблице приводятся количественные данные существительных, с которыми сочетается *то еще*.

Таблица 1

Удовольствие	27
Испытание	22
Зрелище	20
Шоу	7
Развлечение	3
Мучение, кино, приключение, веселье, местечко	По два примера
Испытаныице, ощущение, чувство, впечатление, впечатленьице, название, побоище, сборище, счастье, излишество, место, уродство, гадание, исполнение, сокровище, поле, заседаныице, пополнение, государство, словцо, задание, сочетание, христианство, начало	По одному примеру

Для *то еще* характерна сочетаемость с отвлеченными существительными, которые можно классифицировать с точки зрения типа оценки на три группы.

- Существительные с положительной оценкой: *удовольствие, развлечение, веселье, счастье, сокровище*.

То еще в сочетании с существительными первой группы создает отрицательную оценку. Это ирония, которая создается употреблением существительного в не соответствующем ему значении.

Потому что покупать не для себя — то еще удовольствие, это вам не туфли выбирать, «пришел, увидел, померил, купил». [Н. Митина. Дизайн интерьера (2012)]

И в-третьих, процесс получения компенсации — то еще развлечение: придется часами стоять в очереди, если вы хотите вернуть свои деньги побыстрее. [Ольга Сенаторова. Ставки сделаны // lenta.ru, 15.09.2014]

Мой брат в пятилетнем возрасте, проведя после операции всего неделю один в детской клинике, потом 15 лет лунатил – ловил «зеленые гробики», залезал под кровать, увидев в ночи «черную руку» и прятался в шкаф от «синей бороды». То еще было веселье! А еще приятельницы рассказывают, что это целая история – сводить ребенка ночью в туалет. [Александра МАЯНЦЕВА. Папа – на рыбалке, мама – за вышивкой, дочка – в саду на пятidineвке // Комсомольская правда, 13.02.2013]

*Жуткие разговоры с тетушкой, голос которой действует на нервы похлеце скрипящей пилы, разбавлены комическими диалогами героев с матерью двух сестер (Наталья Павленкова). Ее, судя поговору, режиссер записал в одесские еврейки. А еврейская мама для незамужних дочерей – **то еще** счастье.* [Страсть и долг Фарятьева // Известия, 29.09.2016]

- Существительные с отрицательной оценкой: *уродство, зрелище, побоище, мучение, излишество*

В сочетании с существительными второй группы *то еще* акцентирует отрицательную оценку:

*Нашли же деньги на машину, на «ракушку» – и за нее же платят! Уродство **то еще** эти «ракушки»!* [Юрий ГЕЙКО. Мобильник – друг, но жизнь дороже // Комсомольская правда, 22.03.2001]

*– За это время было снято, как они пресекли несколько массовых драк, урегулировали более сотни семейных разборок... Поверьте, это **то еще** зрелище! Впрочем, попытки вносить в реальность корректировки создатели реальности всё-таки предпринимали.* [Полицейские «за стеклом» // Известия, 29.09.2016]

*Поэтому смотреть ролики на iPhone X – **то еще** мучение.* [Влад Массино. Плач колхозника // lenta.ru, 03.11.2017]

*Пусть киносеансы высокой четкости в машине – **то еще** излишество, но в любом случае хозяин авто с такой игрушкой будет неимоверно горд, а пассажиры несказанно рады.* [ЕКАТЕРИНА ЛЮЛЬЧАК. Навигатор с Blu-ray // РБК Daily, 27.04.2009]

В сочетаниях с *то еще* встречаются существительные с оценочными суффиксами, которые выражают пренебрежительность, уничижение, отрицательную оценку: *впечатленьице, испытаныице, заседаныице, сборице, словцо, местечко.*

*Только в сорок пятом, перед вступлением в Германию, нас проинструктировали насчет реактивных «мессеров» – а там и пришлось с ними встречаться пару раз. Впечатленьице **то еще**, но не будем отклоняться от темы.* [А. А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник) (2015)]

***То еще** испытаныице: трубный баритон, сбивающийся на истерический визг.* [Сергей Дигол. Старость шакала // «Волга», 2012]

*[Мякишев (муж, инженер-конструктор)] У начальника главка сегодня совещались три часа... **То еще** заседаныице! Как мы работаем?! [М. М. Рошин. Спешите делать добро (1979)]*

*Тем более ваши спутники – **то еще** сборице моральных уродов, за которыми нужен глаз да глаз.* [Максим Зарецкий. Конченые мрази // lenta.ru, 22.11.2016]

*То же самое произошло и с фразой, которую произносит в фильме персонаж Раневской: “Муля, не нервируй меня” (**то еще** крылатое словцо), и со многими другими.* [Общий “телеком” // Ведомости, 2006.12.21]

*«Лента.ру»: Как родилась идея отправиться в Либерию? (...) Местечко-то **то еще**? [Беседовал Роман Уколов. «Это действительно ад» // lenta.ru, 28.09.2014]*

• Безоценочные существительные: *кино, шоу, ощущение, чувство, впечатление, название, место, гадание, исполнение, поле, пополнение, государство, задание, сочетание, христианство, начало, приключение, испытание.*

В сочетании с безоценочными существительными *то еще* может участвовать в выражении положительной оценки: *Мне в школе нравится: двухмесячный летний отпуск, работа творческая, интересная, детки в рот заглядывают – тоже **то еще** чувство!* [Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри) (2011)]

Но в большинстве случаев *то еще* создает отрицательную оценку:

*Мой процесс – это тоже, кстати, **то еще** кино было! Кинокомедия! И эта комедия была куда занятней, чем то, что описала Вигдорова. Самое смешное, что у меня за спиной сидели два лейтенанта, которые с интервалом в минуту, если не чаще, говорили мне – то один, то другой: «Бродский, сидите прилично!», «Бродский, сидите нормально!», «Бродский, сидите как следует!», «Бродский, сидите прилично!» [Соломон Волков. Аресты, психушки, суд // Литературная газета, 10.09.1997]*

***То еще** шоу – читать детский стишок, как призыв на баррикады.* [Наталья ШАРАЙ. Как я училась красиво говорить // «Комсомольская правда» в Беларуси, 10.03.2011]

*В день мы проходили по пустыне несколько километров пешком, а ночью никто не мог заснуть, потому что в кромешной тьме был слышен топот насекомых. Ощущение **то еще**!* [Как потомок Кутузова стал «дальнобойщиком» // Аргументы и факты, 2002.09.30]

*Это **то еще** впечатление, когда в борт твоего самолета вливается пулеметная очередь!* [Ольга ГРУШКО. Северяне мастерят «живых» кукол и путешествуют на машине времени // Комсомольская правда, 18.06.2008]

Таким образом, сочетаясь с существительными трех основных типов, *то еще* создает или подчеркивает отрицательную оценку, редко создает положительную оценку.

Обратимся к синтаксическим употреблениям. Для сочетания *то еще N1* характерно три основных синтаксических употребления: в двусоставных предложениях со структурными схемами (**N1 – то еще N1, Inf – то еще N1**) – 55 примеров, в пояснительных конструкциях – 5 примеров, в тексте – 53 примера.

В двусоставных предложениях со структурной схемой N1 – то еще N1 оценивается ситуация, выраженная существительным-подлежащим.

На самом деле такое поведение Рубика осуждать ни в коем разе нельзя. Четвертная контрольная — то еще испытание. Поэтому каждый выживает, как умеет. [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)]

А в доме нарастает напряжение. Уборка новогодней ёлки то ещё испытание. Но и из этой ситуации можно выйти победителем. [Как правильно избавиться от новогодней ёлки // Парламентская газета, 2019.01.09]

Пусть киносеансы высокой четкости в машине – то еще излишество, но в любом случае хозяин авто с такой игрушкой будет неимоверно горд, а пассажиры несказанно рады. [ЕКАТЕРИНА ЛЮЛЬЧАК. Навигатор с Blu-ray // РБК Daily, 27.04.2009]

Киркоров, метущий московские улицы, – то еще зрелище! [Юлия БАНИШЕВСКАЯ. («КП» – Ростов-на-Дону). Звезда с метелкой // Комсомольская правда, 25.06.2004]

Представьте, кафе рядом с центральным вокзалом – то еще место. [Русский хозяин югославского бара // Аргументы и факты, 2003.12.25]

В двусоставных предложениях со структурной схемой Inf. – то еще N1 / То еще N1 – inf. / Inf. – N1 то еще оценивается действие, ситуация, выраженные инфинитивом с распространителями.

Ежедневно вручную закрывать огромные грязные лопухи – то еще удовольствие. [Дмитрий Великовский. Борозды не испортит // «Русский репортер», 2014]

...Спать на кушетке – это, я вам доложу, то ещё удовольствие. [Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)]

Без такой справки получить выплату по страховке – то еще приключение. [Сергей Лютых. Без бумажки ты... // lenta.ru, 20.10.2017]

Да и пробираться сквозь толпу у метро, которая остановилась «затянуться на дорожку» – испытание то еще. [Павел САДКОВ. Всех не повыкуриваете! // Комсомольская правда, 04.06.2007]

Да, отправлять отпрысков в первый класс – то еще мучение. [Мария РЕМИЗОВА, Елена ЛАПТЕВА. Дочке Абдулова доверили первый звонок, а семья Лазаревых опоздала на линейку // Комсомольская правда, 02.09.2013]

Особенно интересным представляется употребление *то еще* в пояснительных конструкциях в простом предложении и в бессоюзных сложных предложениях с пояснительным значением: *то еще* находится в первой, поясняемой части конструкции.

То еще в сочетании с существительным *испытание* в следующих примерах оценивает ситуацию как сложную:

Финалисту юбилейного 10-го конкурса "Щелкунчик", организованного телеканалом "Культура", предстоит то еще испытание – сольное выступление с оркестром в зале имени Чайковского. [«Щелкунчик» собирает вундеркиндов // Vesti.ru, 06.11.2009]

«Спартак-Нальчик» – команда, которой едва ли не каждый год предрекают вылет. Не слишком оптимистичным положение нальчан выглядит и сейчас – 15-е место и четыре очка отставания от спасительной 14-й строчки. При этом календарь приготовил дружине Юрия Красножана то еще испытание: на стыке кругов ее ждут поочередно «Москва», «Рубин» и «Спартак»! [Пряхин С. Главный тренер «Спартака-Нальчика» Юрий Красножан: Жезус думает о переходе к нам // Советский спорт, 24.07.2009]

В следующем примере тоже создается оценка ситуации как сложной, но существительное с оценочным суффиксом добавляет оценку пренебрежительности и подчеркивает, что эта ситуация воспринимается как нечто неприятное:

Крик охранника Санду был достопримечательностью кишиневской тюрьмы. Нечто подобное выпадало, должно быть, жене диктора Левитана в пылу семейной ссоры. То еще испытание: трубный баритон, сбивающийся на истерический визг. [Сергей Дигол. Старость шакала // «Волга», 2012]

В предложении с *то еще зрелище*, ситуация оценивается как неожиданная, захватывающая:

- Помню, на одном из смотров художественной самодеятельности даже отхватила первый приз. Исполняла «Танец комбайнеров». То еще зрелище: на сцене пляшут одни ребята и с ними наша Сарья!

[Динара НАЖИПОВА. «Стоило ей только появиться, парни в штабеля укладывались» // «Комсомольская правда», 26.01.2011]

То еще в сочетании с существительным *зрелище* в следующем примере оценивает ситуацию как неэстетическую, некрасивую:

Говорят, зрелище было то еще: сидят на барже четверо полуголых мужиков и орут под гитары что-то тогда еще непонятное. [Леонид ЗАХАРОВ. «Гориллы» без роду, без племени // Комсомольская правда, 06.04.2001].

В тексте *то еще* *NI* оценивает ситуацию, выраженную в предшествующем законченном высказывании или в предшествующей части высказывания.

Молодая и безработная часть отдыхающих проводит свой досуг тут же, у выходов из метро. То еще удовольствие. Самый щадящий маршрут – быстрый проход через парк с детскими площадками, аллеями и бассейном с оранжевей тропических растений. [Алексей Тарханов, Алексей Асланянц, Дмитрий Бегляров. Париж (2015)]

Или как в сказке: мой меч – твоя голова с плеч... То еще зрелище... Голова в каске откатилась к обочине, из обрубка шеи, я видел, ударила кровяца, мотоцикл бросило вправо, он уперся в кусты метрах в пятнадцати от нас и заглох. [А.А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник) (2015)]

Журналистская братия знает, что театр вовсе не с вешалки начинается, а со сбора труппы, который сам по себе то еще шоу. [Анна БАЛУЕВА. Олег Табаков: «Бабочки на меня еще летят!» // Комсомольская правда, 30.08.2013]

Когда в начале концерта на сцену, старчески семеня, вышли американские джентльмены старшего пенсионного возраста с ослепительными идиотскими улыбками, казалось, что шоу будет то еще. [Американский цирюльник // Коммерсант, 20.08.2001]

Мы покатались со смеху. Это было бы то еще зрелище!!! – А... а... а... – не унималась Манька, – представь, что мы в таком виде исполняем на сцене какую-нибудь сонату ми минор для скрипки и фортепиано??? [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)]

То еще NI нередко употребляется в качестве вставки или в составе вставки.

Лидочка же пока крутится внутри пропедевтического клизменно-уточно-инъекционно-пальпаторно-перкуссионно-десмургического** цивилизованного круга и дальше Слободки – тоже то ещё местечко – не выезжает.* [Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)]

Минут за 10 до конца собравшиеся стали откровенно поглядывать на часы (конечно, протестовать на холоде – удовольствие то еще), а ровно в 18.00 Ника, которая Славченко, с широкой улыбкой объявила: «Всем спасибо!» [Сергей ЗЕЛЕНИН. Борцы с Лукашенко отстояли «от сих до сих» // Комсомольская правда, 27.03.2012]

Реален большой риск потерять время и силы и в связи с парапсихологической проблематикой (то еще минное поле!). [Александр Крушанов. Научный поиск: сумеречная зона // «Знание - сила», 2011]

Британская и американская пресса осуществила такой информационный вброс сразу после первого боевого вылета русских «Сушек». Саудовская Аравия (то еще секулярное государство!) пролоббировала призыв нескольких стран прекратить российские авиаудары, поскольку они «бьют не туда». [Вкус халвы // Известия, 04.10.2015]

То же самое произошло и с фразой, которую произносит в фильме персонаж Раневской: “Муля, не нервируй меня” (то еще крылатое слово), и со многими другими. [Общий “телеком” // Ведомости, 2006.12.21]

Если не иметь в виду революцию (которая есть то еще удовольствие), порочный круг представляется неразрывным. [Максим Соколов. Возможная польза от депутатов // Известия, 08.10.2009]

Финалистов не стали рассаживать на сцене, расположили в первом ряду (это, кстати, правильно, сидеть на сцене и «держат лицо» во время всего процесса – то еще испытание). [Без «Ненастья». «Большая книга»-2016: премии розданы под оглушительную музыку. Но диссонанс услышали // Новая газета, 09.12.2016]

Таким образом, в результате проведенного исследования нами были установлены три группы отвлеченных существительных, с которыми сочетается *то еще*. В сочетании с существительными *то еще* создает или подчеркивает отрицательную оценку, редко создает положительную оценку. Определено значение *то еще NI* в синтаксических употреблениях: в двусоставных предложениях со структурными схемами (**NI – то еще NI**, **Inf – то еще NI**), в пояснительных конструкциях, в тексте. Основное значение сочетания *то еще NI* – это экспрессивное отрицательное оценивание ситуации, выраженной существительным, инфинитивом, законченным высказыванием или частью высказывания.

Литература

1. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 1534 с.
2. Друговейко-Должанская С. То еще выраженьице. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=14.83> (дата обращения: 02.08.2023)
3. Стародумова Е.А., Шереметьева Е.С., Завьялов В.Н., Гускина Е.Н. и др. Лексикографические портреты служебных слов: монография / отв. ред.: Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов. Владивосток: изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. 322 с. ISBN 978-5-7444-5325-1. DOI <https://doi.org/10.24866/7444-5325-1>. URL: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/> (дата обращения: 12.08.2023)
4. Лопатин В.В. Русский орфографический словарь. М.: Русский язык, 1999. 832 с.
5. Морковкин В.В., Луцкая Н.В., Богачева Г.Ф. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2023. 1472 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.08.2023).
7. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 169 с.; изд. 2. М.: УРСС, 2005. 168 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
9. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. 799 с.
11. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Санкт-Петербург: Норинт, 2004. 762 с.
12. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Берлин: Peter Lang, 1999. 147 с.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar'. Gl. red. S.A. Kuznecov. Sankt-Peterburg: Norint, 2001. 1534 s.
2. Drugovejko-Dolzanskaja S. To eshhe vyrazhen'ice. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=14.83> (data obrashhenija: 02.08.2023)
3. Starodumova E.A., Sheremet'eva E.S., Zav'jalov V.N., Guskina E.N. i dr. Leksikograficheskie portrety sluzhebnyh slov: monografija. отв. red.: E.A. Starodumova, E.S. Sheremet'eva, V.N. Zav'jalov. Vladivostok: izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2022. 322 s. ISBN 978-5-7444-5325-1. DOI <https://doi.org/10.24866/7444-5325-1>. URL: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/> (data obrashhenija: 12.08.2023)
4. Lopatin V.V. Russkij orfograficheskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1999. 832 s.
5. Morkovkin V.V., Luckaja N.V., Bogacheva G.F. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka. M.: AST-Press, 2023. 1472 s.
6. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: <http://ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 26.08.2023).
7. Nikolaeva T.M. Funkcii chastic v vyskazyvanii (na materiale slavjanskih jazykov). M.: Nauka, 1985. 169 s.; izd. 2. M.: URSS, 2005. 168 s.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: AZ##, 1996. 928 s.
9. Rogozhnikova R.P. Tolkovyj slovar' sochetanij, jekvivalentnyh slovu: Okolo 1500 ustojchivyh sochetanij russkogo jazyka. M.: Astrel': AST, 2003. 416 s.
10. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. T. I. Pod red. D.N. Ushakova. M.: Gosudarstvennyj institut «Sovetskaja jenciklopedija», 1935. 799 s.
11. Himik V.V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj jekspressivnoj rechi. Sankt-Peterburg: Norint, 2004. 762 s.
12. Shimchuk Je., Shhur M. Slovar' russkih chastic. Berlin: Peter Lang, 1999. 147 s.

*Lukyanova V.V., Postgraduate,
Far Eastern Federal University*

Syntactic phraseological *to yeshe NI*

Abstract: the article deals the stable expression of *to yeshe NI*. The interpretation of *NI* in lexicographical sources, compatibility and syntactic usage are investigated. It is established that *to yeshe* characterized by compatibility with abstract nouns, which can be classified in terms of the type of assessment into three groups: nouns with a positive assessment, nouns with a negative assessment and non-evaluative nouns. Three main syntactic uses of *to yeshe* have been identified: in two-part sentences with structural schemes (*NI to yeshe NI*, *Inf to yeshe NI*), in explanatory constructions, in the text. The results of the study clarify the meaning of *to yeshe* in combination with three groups of nouns and determine the meaning of *to yeshe NI* in three syntactic uses. The study was conducted on language material from the National Corpus of the Russian Language. The prospect of the initiated research consists in the need to study all forms of expression *to yeshe NI*: *tot (ta, to, te) yeshe NI*, as well as expressions such as *yeshe to (tot, ta, to, te) NI*, their compatibility and syntactic uses.

Keywords: particle, noun, compatibility, evaluation, syntactic usage, text

For citation: Lukyanova V.V. Syntactic phraseological *to yeshe NI*. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 206 – 212.

Received: August 3, 2023; Revised: October 5, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Огорокова В.Б., доктор филологических наук, профессор,
Попова М.П., доктор филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

Тенденции развития современной якутской литературы

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы развития современной якутской литературы на рубеже XX-XXI вв. Современная якутская литература находится в русле художественных поисков отечественной литературы постмодернизма. Она интенсивно ищет новые пути своего развития, перед ней стоят проблемы художественного метода, темы, героя и обогащения жанровыми формами. Появляются новые имена и новые произведения, определяющие современное состояние и тенденции развития якутской литературы. Целью данной статьи является исследование тенденций развития современной якутской литературы на рубеже XX-XXI вв. Оно актуально потому, что литература данного периода только начинает осмысливаться и не стала еще предметом анализа в конкретно-историческом аспекте.

Ключевые слова: современная якутская литература, метод, герой, жанр и жанровые разновидности, темы и проблемы, молодые писатели

Для цитирования: Огорокова В.Б., Попова М.П. Тенденции развития современной якутской литературы // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 213 – 217.

Поступила в редакцию: 3 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Целью данной статьи является исследование тенденций развития современной якутской литературы на рубеже XX-XXI вв. Оно актуально потому, что литература данного периода только начинает осмысливаться и не стала еще предметом анализа в конкретно-историческом аспекте. Современная якутская литература находится в русле художественных поисков отечественной литературы постмодернизма. Она интенсивно ищет новые пути своего развития, перед ней стоят проблемы художественного метода, темы, героя и обогащения жанровыми формами.

Начало изменений в литературе берет с перестроечных времен, с 1985 года. Перестройка литературы во всей стране проходила болезненно и заняла довольно длительное время. Русская литература выживала за счет печатания запрещенной в свое время т.н. «диссидентских» произведений и русской зарубежной литературы. Затем начали появляться новые имена, определившие новый этап в литературе – Л. Улицкая, З. Прилепин, В. Пелевин, А. Иванов и др. В этом периоде своего развития национальные литературы испытывали трудности, а некоторые из них впали в глубокий кризис. В бурятской литературе до сих пор сокрушаются о том, что издание книг заглохло. В якутской литературе, наоборот, писатели начали интенсивно писать, чему опорой стало развитие книгоиздательской деятельности в Якутии. Якутская литература в 90-ые годы пережила свой новый расцвет, как в 20-х и 50-60-х годах XX века.

Современную якутскую литературу рубеж веков разделил на два этапа. Первый – это путь литературы постперестроечного времени конца XX века, когда происходили глобальные перемены в обществе и искусстве. В якутской литературе наступили времена творческой свободы, она, высвобождаясь от жестких канонов соцреализма, начала поиски новых путей отражения действительности. Начали появляться произведения романтического, авангардистского направления. Но в основном якутская литература придерживается реалистического принципа в отображении мира. Таким образом, с одной стороны, якутская литература освободилась от принципов социалистического реализма, с другой, открывала новую страницу своей истории [3, с. 5]. На этом этапе создавали свои произведения в основном маститые народные писатели якутской литературы – С.Данилов, Н.Якутский, Далан, И.Гоголев, Н.Лугинов, Е.Неймохов и др., обогатившие литературу новыми жанрами и новыми темами. В начале XXI века в литературу вступают молодые писатели, ставящие цель создания новой литературы. Они экспериментируют в плане художественного метода, жанра и поэтики.

Основными проблемами перед обновленной литературой стояли вопросы художественного метода, темы и героя, жанров и жанровых разновидностей.

Проблема героя в литературе всегда была одной из основных, так как «новый герой определял новый этап литературы» [6, с. 24]. Из-за нового героя в литературе происходили горячие дискуссии. Так в 60-х годах XX века в якутскую литературу вошел «маленький» человек, против которого ополчились многие критики, не допускавшие, как говорили, «принижения» советского человека и нарушения канонов соцре-

лизма... Не были восприняты и образы «чудаков» Валентины Гаврильевой, в частности, автора обвиняли в протаскивании буржуазных идей. На современном этапе в произведениях якутских писателей выступают различные типы героев. Якутская литература под влиянием традиций русской литературы критического реализма началась с показа «маленького» человека. Но ему в литературе соцреализма не было места, господствовал усредненный герой, писатели, с одной стороны, создавали образ обычного человека в рутинной жизни повседневности, с другой – героя времени, образ коммуниста. Героем современной якутской литературы вновь становится «маленький» человек, задавленный обстоятельствами жизни. Такой герой стал актуален потому, что обстоятельства действительности 90-х годов, как периода безвременья в жизни общества, не давали человеку поднять голову. Таковы герои Э.Соколова, И.Гоголева и др. Например, в повестях Э.Соколова «Одинец» (1994), «Виноватый» (1994) герои не могут найти в современном обществе социальной справедливости и погибают в неравной схватке в борьбе за нее. В романе И. Гоголева «Богиня милосердия» (1993) главный герой – Кулусун, отвергнутый обществом человек т.н. «застойного» времени, вместе с ним в романе много героев, ищущих в этом мире своего места, но так и не нашедших его. В романе охватывается вся эпоха советской жизни, начиная с гражданской войны, коллективизации, репрессий, войны и до «застойного» общества, в которых изображаются трагические судьбы людей. Писатель выход из такой ситуации видит в обращении к традициям исконно народной жизни, и утверждает о том, что только живительная сила верования может поднять человека.

С другой стороны, начало 90-х годов – это время роста самосознания народа, возникновения государственного суверенитета и национального самоопределения. В связи с чем в якутской литературе писатели ищут образ сильной исторической личности, изменяющей мир. Образы Манчаары, Тыгына, Чингисхана волнуют многих писателей, им они посвящают свои произведения.

Вместе с тем новое время дает новые жизненные материалы для художественной обработки, поэтому возникают новые для якутской литературы образы суперменов, мистических оборотней и в произведениях авторов также проникают новые типы современной действительности – торгашей, бизнесменов, бандитов и т.д. Герои И.Ойуура в повестях «Буря», «Ньургун», «Ньургуйаана», «Убай» – это «новые» люди современного общества, не только ищущие свое счастье, но и утверждающие новые принципы бытия. У них разные взгляды на действительность и разные позиции в жизни, кто ищет честный путь обогащения, а кто готов ради наживы и богатства идти на различные махинации, но в целом писатель создает мир современных людей.

В новое время особенно актуальной как никогда становится тема произведения. В советской литературе большинство тем из жизни общества были запретными, а разрешенные были социальным заказом – показать трудовой подвиг народа. Современные писатели открывают новые темы – т.н. «белые пятна» в истории советского общества, проблемы репрессии, войны, древней истории народа и др. Вместе с тем становятся популярными документальные, исторические произведения, жанры очерка, эссе и воспоминаний. Например, Далан написал роман-эссе «Судьба моя» (1994), Неймохов исторический роман «Алампа» (2007, 2009), Харысхал документальный роман «Дорогами минувших лет» (2021), в которых авторы ставили цель воссоздания забытых страниц и личностей XX века.

Большинство романов якутской литературы написаны в 90-ые годы – это время можно назвать эпохой романа. Проза в ней занимает лидирующее место.

Основоположником исторического романа стал Далан – «Глухой Виллой» (1983), «Тыгын Дархан» (1993). В первом романе писатель показывает время родовых распрей, где многие роды в ходе жесточайших сражений и в силу суровых обстоятельств природы исчезли с лица земли. В романе «Тыгын Дархан» Далан показывает время, когда шел процесс консолидации якутского народа, стоявшего перед созданием своей государственности. Дела минувших дней и образ Тыгына стали созвучны современности.

Н. Лугинов написал исторический роман в трех книгах – «По велению Чингисхана» (1997-2005), где исследует жизнь и борьбу великого полководца и создателя могущественной империи. Писатель связывает древнюю историю своего народа с ним, считая, что великие события того времени не могли не отразиться на судьбе якутского народа, оказавшегося на краю земли. То есть писатель предполагает о том, что якуты, часть тюркского народа, оказались оторванными от своих корней и оказались на Севере именно в силу событий времен Чингисхана.

Е. Неймохов в романе в двух книгах «Алампа» (2007, 2009) впервые достоверно и глубоко показывает трудную жизнь и трагическую судьбу якутского писателя-классика А.И. Софронова-Алампа.

Далан стал известен как писатель-романист [1, с. 7]. Кроме исторических романов, он написал социально-психологические – «Взойдем, друг, на зеленый холм», «Крылатые мечты» (1991). В романах писатель показывает трудные для всего народа и интеллигенции 50-ые годы.

Вершиной художественных достижений современной литературы стал философский роман – это романы И.Гоголева «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1998). В первом романе писатель показывает, как система советского общества не давала человеку свободу и счастье, оторвав его от коренной основы жизни народа и повела по ложным путям. В роман-поэме «Третий глаз» И.Гоголев показывает пути спасения народа в его вере и обращении к народным традициям. Писатель задумывается не только над смыслом бытия, но ищет пути самосохранения и развития народа в столь сложные времена.

Интересно, что молодые авторы также берутся за роман. С.Маисов написал роман в четырех книгах – «Рассказы матери...» (2009-2013), где впервые в якутской литературе показывает трагические времена в жизни народа во время войны. Также роман С.Маисова отличает богатство поэтических средств изображения природы и богатый, сочный язык.

В последнее время развивается женская проза, где плодотворно работают Айысхаана, Куорсуннаах, Т.Находкина, Даана Сард, Г. Нельбисова, Венера, Сайа и многие другие.

Айысхаана пишет для детей и разрабатывает тему молодежи. В повести «Ядовитая игла» (2003) она рассматривает проблемы городской молодежи, в основном предоставленной самой себе и погибающей в сетях соблазнов современного мира. В романе «Ростки на ветру» (2012, 2015) Айысхаана показывает трудные пути становления молодой личности из сельской молодежи. Автор со знанием дела изображает жизнь школы и деревни, раскрывает конфликт отцов и детей. Ее роман в двух книгах «Ростки на ветру» стал новаторством в якутской литературе, так как автор впервые создал крупный жанр о жизни молодежи.

Венера в своих повестях ставит острые проблемы современной действительности, когда человек ощущает себя изгоем общества. Тема выбора молодежи выходит на первый план. Некоторые читатели считают, что в ее произведениях краски жизни слишком сгущены, автор концентрирует свое внимание на темных сторонах жизни.

Современная якутская драма представлена именами Сиэн Екер, Харысхала и Д. Наумова. В драмах последних авторов воссоздается историческая эпоха прошлого, писатели раскрывают тему «белых пятен» в истории народа и служат восстановлению честных имен лучших сыновей своего народа. Представителем авангардизма в якутской драме стал Сиэн Екер. Он в своих драмах-абсурда показывает обреченность современного человека перед действительностью. Писатель показывает невозможность бытия и конфликт между сложившимися обстоятельствами и маленькими людьми. Но абсурдизм его художественного метода выражается не только в тематике и сюжете его драм, но прежде всего в его поэтике.

В якутской литературе в последней четверти XX века появилась плеяда прекрасных, талантливых женщин-поэтов [7, с. 92]. Среди них, несомненно, первенство принадлежит Варваре Потаповой (1946-1979). Вслед за ней в якутскую поэзию уверенно вошла Наталья Харламьева, они обе творили в 70-х годах и начали женскую поэзию. В 80-х годах стали известны имена С. Гольдеровой – Саргы Куо, А. Григорьевой – Сандаарыйа. А начало 90-х годов ознаменовано появлением на горизонте якутской поэзии новых имен – О.Корякиной – Умсууры, Н. Михалевой – Сайа, В. Петровой – Венеры, А.Парниковой – Сабарай Илгэ и многих др. И на современном этапе ряд пишущих женщин пополняется множеством новых имен. Новаторство поэтесс в том, что они создали новое стилевое течение в якутской литературе и внесли огромный вклад в развитие якутской поэзии.

Стремительное развитие женской поэзии вызывает к ней огромный интерес, как со стороны читателей, так и со стороны критиков, литературоведов. Но вместе с тем отношение к ней со стороны критиков, писателей и читателей двоякое. В основном женская поэзия вызывает восхищение, многие высказываются о ярком даровании девушек и о том, что она на современном этапе затмила собой мужскую поэзию. Но с другой стороны, она в некоторой степени теряет своих читателей, мужская аудитория все чаще недовольна ее содержанием («вечно об одном и том же – о любви!») [5, с. 15].

С другой стороны, само выделение женской поэзии находит своих противников, утверждающих о том, что «в литературе нет деления по половому признаку». Но вместе с тем творчество поэтесс – это реальное лицо современной литературы и отличается именно своей женской сущностью, раскрытием женского видения мира и особенностью её психологического склада ума, богатства и красоты внутреннего мира.

Истоки женской поэзии лежат в устном народном творчестве. В материалах, собранных ссыльными исследователями – И. Худяковым, В. Ионовым в XIX-XX веках, находятся и женские песни. Исследователи отмечают то, что якутские женщины любили петь, умели выражать свои чувства. Оказалось, что женщины в своих песнях чаще говорили о сильнейшей страсти к любимому человеку, в которой сочетались сильные чувства с эротическим текстом.

Н.Харламьева, как наставница молодых писателей, ясно видит, что нового вносят они в литературу. Об оригинальной поэзии Умсууры она замечает: «Она ставит целью удивить читателя. Любит эпатаж. Её особенность в том, что она пишет об интимных отношениях мужчины и женщины. И при этом очень в нацио-

нальном стиле – иронически, находит удивительно точные сравнения и присущие только ей детали» [8, с. 36]. О популярной поэзии Сайа говорит: «Она идет по пути традиционной поэзии, опираясь на исконные идеалы якутского человека. Она в своих стихах одновременно скромная и острая на язык, нежная и смелая, тихая и бойкая... Из этих противопоставлений выткана вся её поэзия. Иногда – это песня счастливой, умиротворенной матери семейства, а в другой раз – шаловливой, смелой девушки...» [8, с. 37]. О загадочности и таинственности поэзии Сабарай Илгэ пишет: «Она не заботится о восприятии читателя, мысли и чувства её льются свободно, вольготно... Именно в её поэзии мы находим выражение истинно якутского менталитета. Её лирическая героиня своевольна, таинственна, она не договаривает, оставаясь до конца непонятой, все свои страдания держит при себе. Она еще заявит о себе...» [8, с. 41]. О зрелой поэзии Саргы Куо: «Она немногословная, спокойная, словно витающая высоко над обыденным... Но в её стихах возникает образ современной женщины, которая словно муравей, не знает покоя. И в то же время это женщина со зрелым взглядом на мир, умеющая слагать красивым слогом размышления о судьбе, жизни, любви и о вечном... Когда я вижу её читающей свое стихотворение, вспоминается мне японская пословица: «Спелый рис держит голову низко». И поэзия Саргы Куо также течет в спокойном, величавом русле» [8, с. 45].

При этом оказалось, что классика не стареет, в произведениях А. Кулаковского, А. Софронова, П. Ойунского и др. был раскрыт национальный характер и воссоздан мир народа, авторы решали вечные философские темы бытия, которые актуальны всегда. Но в советское время отношение к художественному наследию было суровым, произведения классиков не печатались и к ним был прикреплены ярлыки «буржуазных националистов», «врагов народа». Наступило время, когда многие современные писатели заново открывают для себя их творчество и обращаются к их произведениям, продолжая их традиции. В стиле Кулаковского, который писал о судьбе маленького народа и искал выходы из безвыходной ситуации, обращаются многие писатели, которые также задумываются о будущем родного народа – например, Уххан, Умсуура, Куорсуннаах, Арчы Уола и др. Творчество А.Софронова, боровшегося за свободу слова и справедливость, также волнует современных писателей, которые находят в его лирике созвучные им самим темы и идеи. Как и классиков, современных писателей волнует проблема сохранения национальных традиций: «Актуальная проблема литератур народов Якутии – борьба за выживание, с постановки которой началась якутская литература и продолжается в произведениях современности. Идея выживания народа всегда выходит на первый план потому, что народы Якутии являются малочисленными этносами, перед которыми стоит угроза исчезновения языка, культуры, в целом, народа» [6, с. 116].

Современная якутская литература XXI века ищет новые пути и художественные ориентиры к своему восхождению. Это связано не только с новыми временами, но и с тем, что в якутскую литературу активно входит новое поколение молодых писателей, вносящих ощутимый вклад в развитие литературы и представляющих собой новое стилевое течение в современной литературе. Такое явление, когда поток молодых сил изменял состояние литературы, наблюдалось в истории якутской литературы 20-х и 50-60-х годов. Имена таких молодых писателей, как Арчы Уола, Хабырыыс-Ондороос, С.Маисов, Куорсуннаах, Айааны и др. становятся широко известными среди читателей.

В новое время у молодых писателей меняется голос, настроение и в целом видение мира. В художественном отображении современности преобладает жесткое изображение всех сторон действительности. Авторы в своих произведениях открыто ставят актуальные проблемы современного общества: повальный и ранний алкоголизм, наркоманию, бесчеловечность в отношениях современных людей, жестокость молодых, сложные отношения поколений и др.

Таким образом, в современной якутской литературе первенствующее место занимает проза, в которой созданы крупные романы. Исторические жанры и на современном этапе развиваются более других, велик интерес писателей к далекому прошлому народа с тем, чтоб видеть его будущее. Большим достижением современной якутской литературы является философский роман, в котором писатели осмысливают жизнь народа и общественных отношений. Увлекательные сюжеты и полнота национального характера, образы великих людей вызывают интерес и у читателей. Таковы романы И. Гоголева, Н. Лугинова, Далана, Е. Неймохова, С. Маисова, Куорсуннаах и др. Повести и рассказы также актуальны, в которых раскрываются новые имена. Художественные поиски молодых авторов в области жанра привели к появлению произведений в форме фантастики, фэнтези, мистики, то есть авторы часто обращаются к традициям устного народного творчества. И в поэзии много имен молодых, активно пишущих авторов.

Современная якутская литература избрала своим основным методом художественного отображения действительности реализм, что особенно глубоко выразилось в крупных произведениях прозы. Модернизм, авангардизм, романтизм проявляются в произведениях поэзии и драматургии. Это видно прежде всего в поэзии русскоязычных авторов – Софрона Осипова, Августа Мурана, Айсена Дойду и в поэзии якутских

авторов – Уххана, В.Власьева, Умсууры, Венеры, Сабарай Илгэ. В драматургии произведения Сизн Окор отечественными критиками признаны как драмы абсурда.

Но несмотря на то, что современные писатели встречаются со многими трудностями: нет гонораров и в целом государственной поддержки для писателей, волнуют и проблемы исчезновения родного языка – якутская литература на современном этапе не только не сдает своих позиций, но как никогда находится в расцвете своих творческих сил и активном поиске воплощения своих возможностей.

Литература

1. Васильева Д.Е. Далан. Якутск: Изд-во ЯНЦ. 1995. 247 с.
2. Гачев Г. Национальный образ мира. М.: Советский писатель, 1988. 446 с.
3. История якутской литературы / Под ред. Тобурокова Н.Н. Якутск: Изд-во ЯНЦ, 1993. 186 с.
4. Литература Якутии. XX в. Якутск: Изд-во ЯНЦ, 2005. 560 с.
5. Огорокова В.Б. Жизни дивный вкус... Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2013. 116 с.
6. Огорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. Ч. 2. Якутск: Издательство ЯГУ, 2001. 128 с.
7. Попова М.П. Современная якутская поэзия. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. 117 с.
8. Харлампьева Н.И. Стихов моих берег иной. Якутск: Бичик, 2007. 256 с.

References

1. Vasil'eva D.E. Dalan. Jakutsk: Izd-vo JaNC. 1995. 247 s.
2. Gachev G. Nacional'nyj obraz mira. M.: Sovetskij pisatel', 1988. 446 s.
3. Istorija jakutskoj literatury. Pod red. Toburokova N.N. Jakutsk: Izd-vo JaNC, 1993. 186 s.
4. Literatura Jakutii. XX v. Jakutsk: Izd-vo JaNC, 2005. 560 s.
5. Okorokova V.B. Zhizni divnyj vkus... Jakutsk: Izd.Dom SVFU, 2013. 116 s.
6. Okorokova V.B. Puti razvitija prozy v literaturah narodov Jakutii. Ch. 2. Jakutsk: Izdatel'stvo JaGU, 2001. 128 s.
7. Popova M.P. Sovremennaja jakutskaja poezija. Jakutsk: Izd-vo JaGU, 2007. 117 s.
8. Harlamp'eva N.I. Stihov moih bereg inoj. Jakutsk: Bichik, 2007. 256 s.

*Okorokova V.B., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Popova M.P., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov*

Trends in the development of modern Yakut literature

Abstract: the article deals with the problems of the development of modern Yakut literature at the turn of the XX-XXI centuries. Modern Yakut literature is in line with the artistic search for Russian postmodern literature. It is intensively looking for new ways of its development, it faces the problems of artistic method, theme, hero and enrichment with genre forms. New names and new works are appearing, defining the current state and trends in the development of Yakut literature. The purpose of this article is to study the trends in the development of modern Yakut literature at the turn of the XX-XXI centuries. It is relevant because the literature of this period is just beginning to be comprehended and has not yet become the subject of analysis in a concrete historical aspect.

Keywords: modern Yakut literature, method, hero, genre and genre varieties, themes and problems, young writers

For citation: Okorokova V.B., Popova M.P. Trends in the development of modern Yakut literature. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 213 – 217.

Received: August 3, 2023; Revised: October 5, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Попова М.П., кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

Гендерная идентичность лирической героини в поэзии Венеры

Аннотация: в статье рассматривается проблема гендерной идентичности лирической героини в поэзии В. Петровой-Венеры. В якутской литературе женская поэзия представлена именами талантливых поэтесс, одной из которых является Венера. Актуальность анализа ее философской лирики состоит в том, что у нее особый взгляд на роль женщины в обществе и на свое место в нем. Тема освобождения для автора становится главной. А душевные муки из-за раздвоенности внутреннего мира, противопоставления внутреннего и внешнего миров лирической героини являются предметом анализа в ее поэзии. Проблемы гендерного исследования актуальны в современном литературоведении. В статье ставится цель исследования художественных особенностей поэзии одной из известных, загадочных якутских поэтесс В.Петровой-Венеры.

Ключевые слова: якутская литература, женская лирика, Венера, лирическая героиня, гендерная идентичность, архетип

Для цитирования: Попова М.П. Гендерная идентичность лирической героини в поэзии Венеры // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 218 – 222.

Поступила в редакцию: 2 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 1 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

В связи с тем, что в современной якутской поэзии появилось множество женских имен, стали говорить о женской литературе, в частности, о женской лирике, как об особом стилевом течении в поэзии. В якутском литературоведении женское творчество не рассматривается как продукт жизненного опыта женщины, не ставятся проблемы гендерного исследования. Лишь отмечается такая особенность женской поэзии как женственность и особое видение мира, что поэтессы тонко и нежно передают внутренний мир якутской женщины. Также не изучено и творчество женщин-прозаиков, как отдельное стилевое течение, хотя они вносят свой вклад в развитие якутской литературы. Проблемы гендерного исследования актуальны в современном литературоведении как выявление нового аспекта в научной интерпретации женского творчества. В статье ставится цель исследования художественных особенностей поэзии одной из известных, загадочных поэтесс В. Петровой-Венеры.

Женская литература XX века развивалась в творчестве таких известных женщин-прозаиков, как А. Неустроева, А. Сыромятникова, В. Гаврильева и др. В поэзии женские имена появлялись в 20-40-х годах XX века, но лишь с 70-х годов XX века начали полностью звучать женские имена. Их творчество привлекало читателей, поэтессы открывали новые страницы в якутской литературе. Первые творческие личности – Варвара Потапова, Наталья Харлампьева были талантливыми поэтессами, в стихах которых раскрывался женский мир.

Если в литературных кругах России в начале появления первых поэтесс отношение к пишущим женщинам было противоречивым, то в якутской литературе не отмечается подобных отношений. Хотя положение женщин в якутском обществе было наитяжелейшим: она не считалась за человека и не владела правом голоса и владения имуществом. Но и в таких условиях бытия к женщине якуты относились уважительно. Как отмечает философ Б.Н.Попов, якутская женщина в своей семье была скрытым лидером, так как она вела домашнее хозяйство [7, с. 53]. В мифологии народа саха рядом с мужскими божествами существуют и женщины-распорядительницы, которые принимали непосредственное участие в судьбе людей и были полновластными хозяйками земли и природы. Например, Дух-хозяйка Земли, владычица видимого и невидимого пространства, Айыысыт, дарящая человеку жизнь, Иэйэхсит, покровительница человека, заботящаяся об его безопасности в течение всей его жизни. В героическом эпосе олонхо якутов не только действовали женщины-богатыри и удаганки, но и становились главными героями олонхо. Во всем этом П.А.Ойунский видел отголоски матриархального мира [5, с. 136]. В последующем господствовало патриархальное общество со своими жестокими законами в отношении к женщине.

XX век во всем мире считается веком освобождения женщины и рождения ее как творческой личности.

В эпоху перестройки вслед за именитыми поэтессами в литературу вошло новое поколение якутских поэтесс. Ощувив запах свободы, они были более дерзкими, открытыми и вместе с тем и таинственными, загадочными. Саргы Куо, Сайа, Умсуура, Сабарай Илгэ и др. завоевали сердца читателей. Среди них выделяется Венера – Венера Петрова (1964 г.р.). Первый сборник стихов «Освобождение» вышел в 1993 г. Крити-

ки ее стихи окрестили непонятными, сложными для восприятия читателей. Н. Герасимов писал: «С первого прочтения их не поймешь» [4, с. 5]. А ученый-философ Б. Попов отметил: «На первый взгляд, стихи Венеры кажутся очень простыми, но углубившись в ее мир, убеждаешься, насколько глубоко и загадочно их содержание...» [8]. Р. Багатайский характеризует ее поэзию как «горе от ума», то есть считая, что в своих стихах поэтесса увлекается умозаключениями [1, с. 93].

Более всех близка к истине А. Борисова, когда пишет: «Говорят о стихах Венеры по-разному, кое-кто считает даже, что это поэзия XXI века, другие же иронично бросают: «Авангард... Однодневка». Но и те, и другие сходятся в одном: Венера талантлива, необычна, ее стихи узнаваемы, их не спутаешь ни с чьими» [2].

В якутском фольклоре и литературе женский образ является одним из главных, создан портрет якутской женщины, мужчины ей преклоняются как символу красоты, женственности, уюта и мира. Но «заговорили» сами женщины, раскрывающие загадочный внутренний мир женщины, и это привлекает к ним большой интерес читателей. Ранние якутские поэтессы 70-80-х годов Н. Харламьева, Саргы Куо были рады раскрыть свою женскую суть, изливая боль своей израненной души, они говорили на языке любви.

Традиционно в якутской жизни главное место отводится мужчине как главе патриархального мира. В японской культуре таких традиций придерживаются до сих пор, но при этом у них бытует поговорка «Мужчина – голова, женщина – шея...» Женщина патриархального мира в советское время начала «интегрироваться в общественную жизнь и производство» [3, с. 7]. Современные якутские женщины стремятся становиться личностью, самоутверждаться в своих возможностях, предпочитая карьеру роли жены и матери. Такое положение дел никого не удивляет в современном обществе, более того, как утверждают социологи, современные якутские женщины становятся чиновниками, бизнесменами, банкирами, занимают руководящие посты, часто переходят и на чисто мужские профессии и т.д.

Венера также смелая женщина, предпочитающая свободу, недаром ее первая книга называется так символично – «Освобождение».

*Я – женщина,
Слабая потому,
Ты – мужчина,
Сильный пол...*

Но... («Слабость и сила». Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи).

Женщина – существо с тонкой душевной организацией, плетущая хитрые сети в отношениях с противоположным полом, и в борьбе с мужчиной у нее свой арсенал оружия, потому иногда она может и одержать победу над ним. Венере нравится изображать войну между мужчиной и женщиной, где они как равные имеют попеременный успех. Но гораздо хуже обстоят дела, когда их отношения бывают загнаны под рамки приличий или традиций. Лирическая героиня так воспринимает эту борьбу:

*Почувствовал ты себя победителем,
Преодолев мое сопротивление.
А вдруг я стану выше тебя,
Когда решишь вернуться ко мне... («Выигрышная игра»).*

Лирическая героиня не согласна с тем, что ей уготована роль женщины – «не мужчиной я родилась – это несчастье мое». Она говорит о том, что неужели, чтоб прослыть якутской женщиной ей надо быть «скромницей, ходящей с потупленным взором?» Но она – женщина, и должна нести свой крест:

*До последнего вдоха я женщина –
Потому всегда виноватой буду
И грешницей назовусь.
Вечный победитель – мужчина,
Все в твоих руках,
Вся наша судьба в твоей воле.. («Да грешница я...»)*

Но общество и сегодня сурово для одиноких женщин. Лирическая героиня признается в том, что без сильной половины женская доля горька:

*Сиротой оказывается
Свободная женщина,
Мученицей зовется
Одинокая женщина... («Живая игрушка»)*

В женщине ценят красоту. Поэтесса сама загадочно красива, но страдает из-за избытка интереса к ней, что на нее смотрят как на куклу и не хотят познать ее внутренний мир.

Зачем бесконечно любуются мной,

Лучше б заглянули в мой бездонный мир... («Позабыли б, что я женщина...»)

Но освобождение у автора имеет не только такой прямой смысл, имеется и иносказательный подтекст. Прежде всего, это освобождение от общества и возможность быть самим собой. Она вслед за японским писателем Кобо Абэ, показавшего своего героя в поиске собственной идентичности и писавшего о том, что «Через новое чужое лицо – выходит в мир новых людей», говорит о том, что все люди ходят в масках, а истинного лица человека не видеть.

Хожу, обрядившись в серое,

В подобной массе толпы,

И затерялась я

Средь холодных людей... («Вы можете заглянуть в глаза человека?»)

Она выступает бунтарем духа, и в молодой поэтессе много максимализма, она не хочет поддаваться унылому течению жизни:

Как я стану чужой

Могучей серой массе,

Но согласишься ли я

Быть побежденной ей? («Во власти серого...»)

Лирический герой разрывается в борьбе кажущегося с истинным, противопоставляя свой внутренний мир с внешним и создавая между ними непреодолимую границу, но сама не готова выйти из своего мира: «Вряд ли я выйду в мир». Молодая лирическая героиня пытается понять себя, но ей это не всегда удается, поэтому она хочет взглянуть на себя со стороны. Кто она? Кем ее воспринимают окружающие?

Поэтесса говорит, что солнечный день – это мираж, дневная истина – это лишь сказка. И лишь в темной ночи есть истина. Но жизнь так сложна, что человек даже ночью, оставшись один на один с собой, не в силах высказать правду о жизни, о себе. То есть она обманывает даже саму себя и рада обманываться. Признаваться в своих ошибках, недостатках любому человеку трудно. И она жалеет себя и признается, что ее может любить только она сама. Здесь нет самолюбования, нарциссизма, хотя заикленность на своей личности и наводит на такую мысль. Просто, чтоб полюбили человека, он прежде всего сам должен себя понять, воспринимать и любить, и в этом есть его смелость.

Под освобождением поэтесса также понимает и творческий процесс – ее гнетут скопившиеся мысли, чувства, а когда они выливаются в стихи, наконец чувствует облегчение. Муки творчества сродни болезни, а когда стихи обретают самостоятельную жизнь, автор как бы освобождается от сковывающих ее пут. Поэтому она говорит:

Мысль необлеченная в строку – тень,

Образ упущенный сегодня – утрата... («Хвала вещам...»).

Она, воспринимая себя как творца, чувствует себя счастливым человеком. А если она творец, то становится наравне с мужчиной, а многих даже и выше. Сначала во времена инквизиции Бог, властвуя единолично, спорил с мужчиной, не признавая в нем творца и предстывая себя единственным Творцом. Затем мужчины не хотели видеть в женщине творца. Но женщина доказала, что она является таким же человеком со своими способностями и правами, как и он.

Молодая поэтесса создала философскую лирику, в которой жизнь представлена игрой, а она сама исполняющей в ней разные роли. Она создает глубокие рассуждения о жизни:

В этом мире нет ничего нового,

И понятий нет новых,

Новое – подзабытое прошлое,

Бытие – предопределено давно... («Жизнь – игра?»)

Филиппов Г.Г., специалист языка, изучающий стилистику якутских писателей, пишет: «Писатель должен быть не только знатоком родного языка, но и должен обогащать и расширять его возможности» [10, с. 17]. Венера с самого начала своего творчества в стихах создает систему философских категорий, что стало новым в якутском языке. «Буолуу» – бытие, «эргиир» – повторяющиеся явления (жизнь), «босхолонуу» – освобождение, «арыйыы» – открытие, «арыллыы» – явление...

Откройся, тайна бытия!

Явись, красота мира внутреннего! («Хвала вещам...»)

Или:

Кажется, бытие это –

Предопределенность,

Тогда жизнь наша –

Освобождение?... («Жизнь – игра?»)

Такие образы как «глаза», «окно», «зеркало» у нее становятся основными. Через глаза она проникает во внутренний мир человека, в окно видит окружающий мир, а в зеркале – свое отражение, истинную себя. Лирическая героиня не только сама ходит в маске, но и дом для нее становится крепостью, где она скрывается от мира, а на мир созерцает только через окно. Зеркало всегда рядом с ней, с ним она делится своими мыслями, иногда хочет заглянуть через него и очутиться в другом мире.

Как Марина Цветаева, Венере нравится игра слов и их загадочность, она также повторяет однокорневые слова:

Иһийбит хоһуи иһигэр (В тиши моей тихой комнаты)

Баарбынан барыны баһыйыам. (Собой затму все)

Хоһуйбут мин чуумпум биһигэр (В колыбели мной воспетой тишины)

Сотору суохпунтан сонньуйуом... (Усмехнусь своему забвению...)

(«Одиночество»).

В ее стихах часто встречается антонимический ряд слов, противопоставляя слова-понятия, автор старается достичь истины – бытие и небытие, свет и тень, старое и новое, прекрасное и безобразное и т.д. Например, она рассуждает о том, сегодняшняя явь перейдет в небытие, ведь она сегодня властвует в своей комнате, но ее в ней скоро не будет... И никто не видел границу между ними, как осуществляется этот переход? И жизнь человека – это мгновенное озарение между тьмой и небытием. И конечно, в ее поэзии нет ярких красок, серый цвет у нее властвует во всем: серая толпа, серые люди, серая сама и серая жизнь. Преклоняющаяся перед свободой духа поэтесса свободна и от поэтических условностей, она пишет в верлибре.

Сложная поэзия известной якутской поэтессы Венеры воспринимается таинственной, вместе с тем сложным предстает и сам характер автора, представленный в ее стихах. Все в ней бушует – это борьба противоположностей в ее душе, борьба мужчины и женщины противопоставление тьмы и света, истины и лжи, яви и кажущегося, бытия и смерти, внутреннего мира и саму себя в целом миру и т.д. Все это рождает философскую лирику Венеры. «Известны архетипы анима (прообраз женского начала в мужской психике) и анимус (след мужчины в женской психике)» [9, с. 95]. И в личности Венеры, как у творца, сильно проявление мужских начал. И вместе с тем в лирике Венера отражает мир современной якутской женщины, жизнь которой не проста и не легка. Поэтесса, раскрывая свой сложный внутренний мир, идентифицирует себя со всем современным миром. Лишь талантливый поэт вобрать в себя весь мир и его проблемы. Возможно, и к ней придет мудрая зрелость, которая примирит все стороны ее бытия. Но поэзия – это всегда процесс, борьба чувств и дум.

Литература

1. Багатайский Р. Певчие птички наших светлых лугов (на якут.яз.) // Багатайский Р. Полное собрание сочинений. Якутск: Бичик, 2013. Т. 7. С. 75 – 100.
2. Борисова А. Утренняя звезда на небосклоне поэзии (на якут. яз.). Якутия. 1996, 17 августа.
3. Винокурова Л.И. Гендерные исследования в Якутии: региональный опыт и перспективы // Женский мир в научном дискурсе. Исследовательские стратегии. Новосибирск: Наука, 2010. С. 6 – 18.
4. Герасимов Н. Навстречу наступающей заре... (на якут яз.) // Петрова В. Венера. Босхолонуу. Сунтаар, 1993. С. 5 – 6.
5. Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Ойунский П.А. СС в 7 т. Т.7. Якутск: Якутское книжное издательство, 1962. С. 128 – 204.
6. Огорокова В.Б. Песни идущие от сердца. (на якут. яз.) Якутск: Бичик, 2001. 140 с.
7. Попов Б.Н. Культура семейного воспитания народов Севера: прошлое и настоящее. Якутск, 1993. 148 с.
8. Попов Б.Н. Новые песни (на якут. яз.) // Утро Лены. 1996, 25 июля.
9. Попова М.П. Современная якутская поэзия (1980-2000-е гг.). Якутск: Издательство ЯГУ, 2007. 117 с.
10. Филиппов Г.Г. Медь и золото художественного слова. (на якут. яз.) Якутск: Бичик, 2008. 160 с.

References

1. Bagatajskij R. Pevchie ptichki nashih svetlyh lugov (na jakut.jaz.). Bagatajskij R. Polnoe sobranie sochinenij. Jakutsk: Bichik, 2013. T. 7. S. 75 – 100.
2. Borisova A. Utrennjaja zvezda na nebosklone poezii (na jakut. jaz.). Jakutija. 1996, 17 avgusta.
3. Vinokurova L.I. Gendernye issledovanija v Jakutii: regional'nyj opyt i perspektivy. Zhenskij mir v nauchnom diskurse. Issledovatel'skie strategii. Novosibirsk: Nauka, 2010. S. 6 – 18.
4. Gerasimov N. Navstrechu nastupajushhej zare... (na jakut jaz.). Petrova V. Venera. Bosholonuu. Suntaar, 1993. S. 5 – 6.

5. Ojuskij P.A. Jakutskaja skazka (olonho), ee sjuzhet i sodержanie. Ojuskij P.A. SS v 7 t. T.7. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. S. 128 – 204.
6. Okorokova V.B. Pesni idushhie ot serdca. (na jakut. jaz.) Jakutsk: Bichik, 2001. 140 s.
7. Popov B.N. Kul'tura semejnogo vospitanija narodov Severa: proshloe i nastojashhee. Jakutsk, 1993. 148 s.
8. Popov B.N. Novye pesni (na jakut. jaz.). Utro Leny. 1996, 25 ijulja.
9. Popova M.P. Sovremennaja jakutskaja poezija (1980-2000-e gg.). Jakutsk: Izdatel'stvo JaGU, 2007. 117 s.
10. Filippov G.G. Med' i zoloto hudozhestvennogo slova. (na jakut. jaz.) Jakutsk: Bichik, 2008. 160 s.

*Popova M.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov*

The gender identity of the lyrical heroine in the poetry of Venus

Abstract: the article deals with the problem of gender identity of the lyrical heroine in V. Petrova's poetry-Venus. In Yakut literature, women's poetry is represented by the names of talented poetesses, one of whom is Venus. The relevance of the analysis of her philosophical lyrics lies in the fact that she has a special view of the role of women in society and their place in it. The theme of liberation becomes the main one for the author. And the mental anguish due to the bifurcation of the inner world, the juxtaposition of the inner and outer worlds of the lyrical heroine are the subject of analysis in her poetry. The problems of gender research are relevant in modern literary studies. The article aims to study the artistic features of the poetry of one of the famous, mysterious Yakut poetesses V.Petrova-Venus.

Keywords: Yakut literature, female lyrics, Venus, lyrical heroine, gender identity, archetype

For citation: Popova M.P. Gender identity of the lyrical heroine in the poetry of Venus. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (11). P. 218 – 222.

Received: August 2, 2023; Revised: October 1, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Сидорова К.С.,
Пильникова А.Ю., ассистент,
Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

Свадебные причитания в северо-русской традиции: функционирование жанра

Аннотация: статья посвящена исследованию функциональной специфики самобытного жанра свадебного причета в северо-русской певческой традиции. В данной работе дано определение жанра причета, изучены его характерные особенности бытования в среде северо-русской свадьбы. Вместе с тем, рассмотрен северный тип свадебного ритуала и его отличия от свадьбы центральной части и юга России. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что наряду со всеми жанрами северо-русской традиции, жанру причета ученые и этномузыкологи уделяли меньше внимания, вследствие чего жанр оказался мало изучен, а его характерные особенности очерчены выборочно и показаны на небольшом числе примеров. Целью работы является выявление функциональных особенностей жанра свадебного причета в северо-русской традиции. Таким образом, для достижения цели решены следующие задачи: изучение научных трудов в данной области музыковедения, определение роли и места причета в свадебном ритуале на русском севере.

Базовой теоретической основой стали труды Б.Б. Ефименковой, В.Я. Проппа, а также работа В.П. Кузнецовой «Причитания в северо-русском свадебном обряде» [3]. Индуктивный метод исследования позволил перенести основные и значимые положения работы с конкретных регионов на общую картину развития жанра на всей территории русского севера.

Результатом работы является определение и осмысление того, что функциональная особенность жанра причета в северо-русской свадьбе напрямую зависит от целей и задач самого свадебного обряда. Углубляясь в изучение необычного, самобытного, наполненного мифологическими и ритуальными аспектами северо-русского типа свадьбы, становится совершенно ясно, что этот обряд не может существовать и двигаться без жанра причета. Причетная традиция становится основополагающим элементом в свадебном ритуале русского севера, сопровождая важнейшие элементы ритуала, без которых не состоялось бы свадебного действия.

Ключевые слова: жанр, традиция, причитания, фольклор, функция, северо-русская традиция

Для цитирования: Сидорова К.С., Пильникова А.Ю. Свадебные причитания в северо-русской традиции: функционирование жанра // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 223 – 226.

Поступила в редакцию: 2 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 1 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Начало изучения обрядового фольклора можно датировать XIX веком, когда перед учеными встал вопрос о происхождении и значении ритуалов словесного искусства. А. Н. Веселовский выдвинул теорию о том, что поэзия находит свои корни в обрядовом фольклоре. Что впоследствии было не раз доказано, выявлено, что жанр и многие сюжеты связаны с ритуалом на глубинном уровне [1].

Книга В.Я Проппа о волшебной сказке является одним из крупнейших и важнейших трудов, в котором жанры фольклора изучаются неразрывно с обрядом. Ученый показывает, как бытовал миф в обстановке обряда: «Через образы волшебной сказки в упрощенной для восприятия форме отражается само обрядовое действие вместе с ценностными ориентирами» [4].

Еще один значимый труд в этой области это работа Б.Б. Ефименковой «Севернорусская причеть». Данная работа является первым опытом изучения и публикации локальной традиции причета. Вместе с тем автор делает картографическое исследование, структурирует и дает типологическое описание [2].

Можно сказать, что работа В.П. Кузнецовой является уникальной в том плане, что в ней изучается семантика образной системы и сюжеты причетов [3]. Большое внимание в работе уделяется мифологическому аспекту. Как отмечает К.В. Чистов: «Главным признаком развитости причетной традиции русского севера является именно бытование свадебных причетаний» [6, с. 104-105]. Причитания представляют собой маркирующий элемент свадьбы русского севера. В данной статье предпринята попытка выявления характерных особенностей и функций жанра в свадебном ритуале северо-русской традиции.

Среди всех песенных традиций, традиция русского севера занимает одно из самых древних, архаичных, самобытных и уникальных положений. Поэтому естественно, что традиционная народная культура людей,

живущих на этой территории, полна характерными особенностями, которые не найдешь ни в одном другом локусе. К таким особенностям можно отнести уникальный этнографический комплекс, а именно невероятное развитое устное народное творчество: традиция исполнения былин, множество сохранившихся сказок и преданий, исполнение виноградий, которых нет ни в одной другой традиции [7]. В целом на этой территории необычайно полно и в больших количествах сохранены архаичные формы фольклора. Также уникален тот факт, что, в то время, как в других традициях причетные жанры стали исчезать из бытования, здесь они все еще имели спрос и были очень широко распространены.

Одним из центральных и характерных музыкально-фольклорных жанров русского севера является жанр причета [10]. Причитания (прйчеть, причет, плач) – древнейший жанр фольклора, генетически связанный с похоронным обрядом [8]. Это напевно исполняемая поэтическая импровизация, связанная с выражением горя, скорби [2]. Принято считать, что причитания это жанр всегда связанный с импровизационным началом, ведь вопленица, каждый раз исполняя причет, создавала новое произведение. Но вместе с тем, исполнение причета в рамках обряда сформировало определенный строй, приемы и образное содержание причетных текстов, поэтому вопленица в своей импровизационности и индивидуальности, никогда не выходила за строго очерченные рамки традиции [1].

В отличие от других восточнославянских этнических групп, в художественном творчестве людей, живущих на территориях русского севера, причет выходит за рамки обряда и становится источником некоторых коренных ветвей русской песенной культуры. Так, традиционные прощальные девичьи свадебные песни, песни невесты-сироты, женские песни о разлуке с домом, выросли из причитаний и сохранили их образный строй. Именно причитания стали основным фольклорным жанром для свадьбы северорусского типа [6].

Северорусская свадьба представляет собой особый тип свадьбы – свадьба-похороны, когда невеста как бы умирает в роли молодой девушки и принимала статус замужней женщины. В такой свадьбе доминирующим является инициационный переход невесты [9]. Соответственно и драматургия всего свадебного действия строится с резким контрастом двух составляющих его частей. Для первой части характерны процессы отчуждения невесты от своего рода и социовозрастной группы, обычно она проходит в доме невесты. Вторая часть более спокойная, в ней нет такого объема обрядов, поэтому зачастую она сводится к застолью в доме жениха [6].

Сольные причеты играют роль музыкального языка невесты, указывая на ее особый переходный статус. Это же относится и к ее ближайшим родственницам, чей статус также меняется вместе с ее переходом в новую семью. Они вступают с невестой в плачевный диалог, единственный способ общения на данном этапе [5]. Связь со старой половозрастной группой подчеркивается групповыми причитаниями, которые исполняются подругами невесты, а иногда и вместе с ней. Пропп В.Я. отмечает: «Сольные и групповые голошения противопоставлены в ритуале по тембру, манере интонирования, невеста как бы больше плачет, а подруги поют, тесситуре и другим признакам, даже в том случае, когда они интонируются одновременно и на один напев» [4, с. 26].

Свадебный обряд в основе своей выполняет функцию изменения социального статуса жениха и невесты, а также их родственников, иначе говоря, свадьба, подчиняясь традиционным нормам и схемам, создает новую социальную общность. Однако, до того, как этот процесс завершится, жених с невестой отделяются от старой социальной структуры, какое-то время находятся в пограничном положении между старым и новым, и, в конце концов, получают новый статус и входят в новую социальную структуру. То есть, учитывая такую форму обряда, свадьба является одним из примеров обряда перехода.

Главная функция этапа свадьбы, во время которого звучат причитания, это отделение невесты от своего дома, рода, девичества. Невеста приобретает свойства «пороговой личности». Ритуализованная речь, то есть причитывание, это и есть указание на особый переходный статус. На этапе сепарации зачастую вместо невесты причитала свадебная причитальщица. Это можно объяснить и тем, что невеста уже приобрела признаки смерти, она неживая, а значит, не может говорить. В таком случае причитывать могли разными способами, например, Пропп В.Я. пишет: «Причитальщица произносила слова причитания на определенный мотив, а невеста повторяла их уже на свой мотив, близкий к плачу, или невеста плакала навзрыд под ее слова или молчала» [5, с. 19].

Свадебная причитальщица играла большую роль в обеспечении правильного совершения обряда. Факто того, что она выступает от имени невесты и произносит слова «голосом невесты» говорит о значимости словесного текста причитаний и их содержания в обряде.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сказать о том, что функции причитаний в севернорусском свадебном обряде стали ясны. Характерные особенности этого жанра в первую очередь тесно связаны с целями и задачами обряда. Поэтому, так как в свадьбе северного типа на первый план выходят обряд-

ды инициации, то причитания играют функцию музыкального языка невесты, указывая на ее особый статус. Причет олицетворяет переход невесты на другую сторону, символизирует ее смерть в прежнем статусе и помогает воскреснуть в новом положении замужней женщины. Этот момент подтверждается тем фактом, что причет исполнялся на определенных этапах свадьбы, в основном эти этапы указывают на отделение, сепарацию, пограничное положением невесты.

Переходное состояние невесты, которое маркирует ее временную смерть, становится основополагающим элементом, по которому северно-русская свадьба относится к особому типу свадьбы свадьба-похороны. В таком положении невеста как бы теряет свой голос, потому что голос имеют только живые существа, и за нее причитает вопленица или причитальщица, либо сама невеста могла говорить, но только особым языком причитаний. Причитания нельзя рассматривать, как нечто отрешенное, этот жанр является целостным, это особый способ отражения действительности. Реальность и действительность могут быть представлены с социальной, психологической, бытовой точки зрения и не зависят от акциональных и мифологических аспектов. Возможно даже соотнести обряды, в основе которых лежит переход. Например, свадебный обряд имеет сходные структурные конструкции с обрядами рождения, инициации, проводов на военную службу, похороны и другие ситуации в жизни человека и общества.

Литература

1. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. Москва: Наука, 1998. 401 с.
2. Бачинская Н., Попова Т. Русское народное музыкальное творчество. Москва: Музыка, 1974. 297 с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Ленинград, 1940. 648 с.
4. Ефименкова Б.Б Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги. Москва: Сов. композитор, 1980. 392 с.
5. Кузнецова В.П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 175 с.
6. Пашина О.А. Народное музыкальное творчество. Санкт-Петербург, 2009. 568 с.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1986. 365 с.
8. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. Москва, 1998. 352 с.
9. Чистов К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов: (некоторые итоги и проблемы). Москва, 1982. 115 с.
10. Щуров В.М. Жанры русского музыкального фольклора: учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. Москва: Музыка, 2007. Ч. I. 400 с.

References

1. Zueva T.V., Kirdan B.P. Russkij fol'klor. Moskva: Nauka, 1998. 401 s.
2. Bachinskaja N., Popova T. Russkoe narodnoe muzykal'noe tvorchestvo. Moskva: Muzyka, 1974. 297 s.
3. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika. Leningrad, 1940. 648 s.
4. Efimenkova B.B Severnorusskaja prichet': Mezhdurech'e Suhony i Juga i verhov'ja Kokshengi. Moskva: Sov. kompozitor, 1980. 392 s.
5. Kuznecova V.P. Prichitanija v severno-russkom svadebnom obrjade. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 1993. 175 s.
6. Pashina O.A. Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo. Sankt-Peterburg, 2009. 568 s.
7. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Leningrad, 1986. 365 s.
8. Propp V.Ja. Pojetika fol'klora. Moskva, 1998. 352 s.
9. Chistov K.V. Prichitanija u slavjanskih i finno-ugorskih narodov: (nekotorye itogi i problemy). Moskva, 1982. 115 s.
10. Shhurov V.M. Zhanry russkogo muzykal'nogo fol'klora: uchebnoe posobie dlja muzykal'nyh vuzov i uchilishh. Moskva: Muzyka, 2007. Ch. I. 400 s.

*Sidorova K.S.,
Pilnikova A.Yu., Assistant Professor,
Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Russian Federation,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*

Wedding lamentations in the Northern Russian tradition: the functioning of the genre

Abstract: the article is devoted to the study of the functional specifics of the original genre of wedding prichet in the Northern Russian singing tradition. In this paper, the definition of the genre of the wedding is given, its characteristic features of existence in the environment of the Northern Russian wedding are studied. At the same time, the northern type of wedding ritual and its differences from the wedding of the central part and the south of Russia are considered. The relevance of this study is due to the fact that, along with all genres of the Northern Russian tradition, scientists and ethnomusicologists paid less attention to the genre of the preacher, as a result of which the genre was little studied, and its characteristic features were selectively outlined and shown on a small number of examples. The aim of the work is to identify the functional features of the genre of wedding dress in the Northern Russian tradition. Thus, to achieve the goal, the following tasks were solved: the study of scientific works in this field of musicology, the definition of the role and place of the wedding ceremony in the wedding ritual in the Russian north.

The basic theoretical basis was the works of B.B. Efimenkova, V.Ya. Propp, as well as the work of V.P. Kuznetsova "Lamentations in the Northern Russian wedding ceremony" [3]. The inductive method of research allowed us to transfer the main and significant provisions of the work from specific regions to the overall picture of the development of the genre throughout the Russian north.

The result of the work is the definition and understanding of the fact that the functional feature of the genre of the wedding in the North Russian wedding directly depends on the goals and objectives of the wedding ceremony itself. Delving into the study of an unusual, original, filled with mythological and ritual aspects of the Northern Russian type of wedding, it becomes quite clear that this rite cannot exist and move without the genre of the prichet. The tradition of the wedding becomes a fundamental element in the wedding ritual of the Russian north, accompanying the most important elements of the ritual, without which the wedding action would not have taken place.

Keywords: tradition, lamentations, folklore, function, Northern Russian tradition

For citation: Sidorova K.S. Wedding lamentations in the Northern Russian tradition: the functioning of the genre. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 223 – 226.

Received: August 2, 2023; Revised: October 1, 2023; Accepted: November 24, 2023.

*Асанова З.А., кандидат филологических наук, доцент,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова*

Лексема *кьол / эль* 'рука' в составе неоднословных лексических единиц, передающих невербальное поведение человека

Аннотация: в статье на материале крымскотатарского языка рассматриваются неоднословные лексические единицы с опорным компонентом *кьол / эль* 'рука', отражающие невербальное поведение человека. В ходе исследования установлено, что в произведениях крымскотатарских писателей значительная доля жестов приходится именно на различные движения рук. Отдельные жесты многозначны: их значение может усиливаться либо означать противоположное в зависимости от направления (от себя/к себе) и взаимодействия с другими частями тела. Невербальное общение, передаваемое движением рук, сопутствует речи, дополняя его, выполняя функцию уточнения информации, а иногда и вовсе заменяя слова. Лексема *кьол / эль* 'рука' в составе неоднословных лексических единиц в качестве опорного компонента используется в не менее десяти часто используемых словосочетаниях и несет более 15 значений.

Новизна данной работы заключается в проведении анализа неоднословных лексических единиц с опорным компонентом *кьол / эль* 'рука', описывающих невербальное поведение (на примере крымскотатарских произведений).

Выводы. Найденные и проанализированные нами примеры позволяют отметить, что жесты являются знаковыми единицами невербального общения, и анализ неоднословных лексических единиц, в составе которых используется лексема *кьол / эль* 'рука', способствует изучению невербального поведения крымских татар.

Практическая значимость заключается в применении материалов исследования в практике изучения крымскотатарского и других тюркских языков.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, лексические единицы, неоднословные лексические единицы, невербальное общение, жесты, художественные произведения

Для цитирования: Асанова З.А. Лексема *кьол / эль* 'рука' в составе неоднословных лексических единиц, передающих невербальное поведение человека // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 11. С. 227 – 231.

Поступила в редакцию: 2 августа 2023 г.; Принята в доработанном виде: 4 октября 2023 г.; Одобрена для публикации: 24 ноября 2023 г.

Актуальность темы

Художественные произведения на крымскотатарском языке являются источником анализируемых примеров активного использования различных жестов. Лексические единицы при помощи, которых описывают жесты, являются неотъемлемой частью формирования образа персонажа. Анализ невербальной лексики является востребованным, т.к. остаётся недостаточно изученным в крымскотатарском языкознании. Менталитет народа довольно часто исследуют путем обращения к лексическим единицам, с помощью которых описывают невербальные средства общения.

Жесты являются знаковыми единицами невербального общения, указывающими на их соответствие установленным нормам в определенной ситуации. К жестам рукой можно отнести такие неоднословные лексические единицы, как *махать рукой, пожимать руку* и т.д. (данные жесты дополняют речь). Художественные произведения содержат целый ряд единиц, которые применяются для описания жестовых движений рук и они помогают раскрыть особенности их функционирования.

Анализ исследований и публикаций

В трудах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [5], Жэнь Фэй [8]; Ю.В. Дмитриевой [6, 7]; Т.А. Чеботниковой [11] и др. освещены вопросы, связанные с изучением невербальной лексики либо коммуникации (на материале художественных текстов). Данные исследования могут служить основой для исследований невербальной коммуникации крымских татар [2, 3].

Целью данной статьи является выявление неоднословных лексических единиц с опорным компонентом *кьол / эль* 'рука', отражающих невербальное поведение человека (на материале крымскотатарских художественных произведений).

Лексема *кьол / эль* 'рука' в составе неоднословных лексических единиц довольно часто используется в крымскотатарских произведениях. Данные неоднословные лексические единицы позволяют ярче передать

эмоцию, состояние, настроение персонажа. Анализ наиболее часто встречающихся неоднословных лексических единиц с лексемой *кьол / эль* 'рука' позволит описать более точно невербальные жесты крымских татар, изучение которых способствует более полному пониманию вербального языка.

В ходе исследования были выделены следующие лексические единицы с опорным компонентом *эль / кьол* 'рука': *элини ськьмакъ* 'пожать руку', *элини кьакъытмакъ* 'руку трясти', *элини омузына / кокреги устюне кьоймакъ* 'руку положить на плечо / грудь', *эллерины салламакъ* 'помахать рукой', *эллерины узатмакъ* 'протянуть руку' и др. Далее рассмотрим, какие значения передают данные лексические единицы.

Неоднословная лексическая единица *кьолларны / эллерины кьоймакъ* 'положить руки' используется в различных значениях в зависимости от того, на какую часть тела положить руку:

– положить на плечи – приветствовать: *Бурханнынъ омузына эллерины кьойып, селямлашты*: – *Хош кельдинъыз, огълум. Бизим эвимизни озь эвинъыз киби билинъ* (Положив / опустив руку на плечо Бурхана, поздоровался: – Добро пожаловать, сын мой!) [4];

– положить на плечи – приободрить, поддержать: *Командир, Садыкъны башындан аягына кьадар козьден кечирди, сонъ онынъ кениши омузына элини кьойып*: – *Бар, ама, бакъ, сакът ол!* (Командир с ног до головы окинув взглядом Садыкъа, положив руку на его широкое плечо, сказал: – Иди, но, будь осторожен!) [4];

– положить на грудь – защитить: *Кьадын босагъа янында токътап, кьолларыны кокреги устюне кьойды* (Женщина, остановившись возле порога, руки положила на грудь) [10];

– положить на грудь – благодарить: *Элини кокюсине кьойып*: «*Рахмат*», – *деди Алимеге* (Положив руку на грудь сказал Алиме «Рахмат») [12];

– положить / приложить руки к какой-либо части тела, часто указывает на боль / недомогание: *Алиме элини баланынъ манълайына кьойды. Сыджакъмы, сувукъмы, бир шей анъламады* (Алиме приложила руку ко лбу ребёнка. Горячий ли, холодный ли, ничего не поняла) [12].

Эллерины бетини сыйпамакъ 'руками проводить по лицу' данный жест руками используется мусульманами после молитвы: *Юртумыз тынч, бала-чагъаларымыз сагъ-селямет олсунлар. Аллаху акбар, – деди. Эллерины бетине сыйпады* (Пусть на родине будет спокойствие, а дети будут здоровы. Всевышний велик, – сказал. Руками провёл по лицу) [12].

Кьолларны / эллерины салламакъ 'руками размахивать' – наиболее активно используемая неоднословная лексическая единица в произведениях. В основном применяется для описания эмоционального состояния при объяснении либо рассказывании / пересказывании: *Алманнынъ, эллерины сагъгъа-солгъа саллап, де Джеваирни, де арабадакилерни косьтергенинден Алиме баягъы бир шейлер анълады* (Алиме смогла многое понять, глядя на немца, который размахивал руками влево-вправо, указывая то на Джеваир, то на находящихся в араба) [12];

– при выражении радости: *Кой сокъакълары тена эди. Бираздан балачыкълар багъырышып, кьолларыны авада саллап, о якъкъа-бу якъкъа чаптылар* (Улицы села были укромны. Чуть погода дети шумя, размахивая руками, пробежались туда-сюда) [10];

– позвать кого-либо: *Асан элини саллап, оны тышкъа чагъырды* (Асан помахав рукой, позвал его наружу) [9]; *Бир дакъкъа сонъ чыкъып бакъынып, керу бурулып, эль саллап чагъырып* (Выглянув через минуту, повернулся обратно, махая рукой, позвал) [9].

Эллерины узатмакъ 'протянуть руки' – в значении обратиться с просьбой / молитвой: *Рустем тапыл-маса, мен дели олурым, – деди Тензиле. – Ялварам сизге, Мевлюд агъа! – Бедбахт кьадын тизлери устюне чёкти, эллерины кокке узатты* (Если не найдется Рустем, я сойду с ума, – сказала Тензиле. – Прошу вас, Мевлюд агъа! – Несчастливая женщина опустила на колени, и протянула руки к небу) [1].

Эллер кьалтырай 'руки трясутся' в основном от страха / переживаний либо от голода:

– страх / переживание: *Дуду кьоркъыб уянды. Онынъ юреги чапалана, эллери кьалтырай, башы агъыра эди* (Тётя проснулась от испуга. Ее сердце застучало быстро, руки тряслись, голова болела) [4];

– голод: *Кьадыны онынъ айрыджа бир ашыкъчанлыкънен ашагъаныны ве атта кьоллары кьалтырагъаныны корип*: – *Заваллы, ачдан ольген. Ёкъса дагъда ашамагъа аш тапмайсынъызмы?* – *деп сорады* (Увидев, как она быстро ест, и ее трясущиеся руки, спросила: – Бедняжка, с голоду умирает. В горах не находите что поесть?) [4].

Кьолны тутмакъ 'держат руку' – оказать поддержку: *Теслиме енге, устюне, санки бир кьопкъа салкъын сув, тёкюльген киби титреди. О, шашкъанындан, тургъан еринде уякъ, буюкъ чевирильди ве теляшлы козьлерини кьудасына тикди. Пенне онынъ кьолуны тутып*: – *Абдырама, абдырама, гъариб, кельдилер...* (Теслиме енге так дрожала, как будто на неё вылили ведро холодной воды. От неожиданности, стоя на месте, она вертелась туда-сюда, глаза, полные паники, устала на сватью. Пемпе держа её руку: – Не вздра-

гивай, не вздрагивай (от испуга), бедняжка, пришли...) [4]; *Эсма да оларнынъ янына етди. Егор Фомич онынъ къолуны тутаракъ:* – Сонъ, техник, окъувлар насыл кете? – деп сорады (И Эсма их догнала. Егор Фомич держа её руку, спросил: – Итак, техник, как продвигается учеба?) [4].

Къолны алмакъ ‘взять руку’ – у крымских татар обычай целовать руку пожилым людям в знак уважения к ним при приветствии, а также в значении пожать руку при рукопожатии:

– здороваться: *Къапусы азбаргъа ачылгъан биринджи эвде Заиднинъ къызы, узун сачлы, ал янакълы, орта бойлы, тендириш Шасне, Абдураимнинъ къолуны алды* (В первом доме, в котором дверь открывается наружу, дочь Заида длинноволосая, с алыми щеками (румяная), среднего роста, стройная Шасне, взяла руку (т.е. поцеловала) Абдураима) [4].

В том же значении используется неоднословная лексическая единица **элини опъмек** ‘поцеловать руку’: *Сонъра Энвернен экиси буюканаларынен селямлашты, оны къучакълады, элини опътилер* (Потом вместе с Энвером поздоровались с бабушками, обнялись, поцеловали руку) [12].

И обратное значение имеет неоднословная лексическая единица **къолны алмамакъ ‘не взять руку’** – не поприветствовать, не уважить: *...бунынъ ичюн де, олар къапуны ачыб эвге киргенде, реиснинъ, еринден туруп, дерсинъ буюк бир севинчен онъа узаткъан къолуны алмады* (...и поэтому, открыв дверь и войдя в дом, они не пожали руку председателя, вставшего с места и подавшего её, вроде с радостью) [4].

Къолны котермек ‘поднять руку’:

– при прощании / приветствии: *Поезд суръатыны арттырды, кондуктор Чаушларнен сагълыкълашыр киби, сары байрачыкъны туткъан къолуны котерди* (поезд набрал скорость, кондуктор как бы прощаясь с семьей Чауш, поднял руку державшую желтый флажок) [1];

– для привлечения внимания: *Кой советининъ реиси, индже, чубар, эслидже къадын бир къолунен столгъа таяныб, дигер къолуны юкъары котерди. Бу – «яваш олынъыз, башлаймыз» демек эди. Шамата кесильди* (Председатель сельского совета, стройная женщина в возрасте, одной рукой оперлась на стол, другую руку подняла. Как бы говоря «успокойтесь, начинаем». Шум прекратился) [4]; *Дефтерине нелердир язип къойгъан Рустем салмакънен еринден турды, залдаки шаматаны токътатмакъ ичюн къолуны котерди* (Писавший что-то в тетрадь Рустем встал с места и, с целью остановить царивший в зале шум, поднял руку) [4].

Неоднословная лексическая единица **къолны / элини сыкъмакъ** ‘пожать руку’, **къол тутушмакъ** ‘пожатие руки’, в основном передают значение «приветствие». Например: *Хош кельдинъ, муаллим! – деди энъ четте отургъан сарышын Адиль бай... къуру мучесини бираз огге беререк, эки къоллап оджанынъ элини сыкъты* (Добро пожаловать, учитель! – сказал сидевший в стороне светловолосый Адиль бай... подавая сухую конечность вперёд, пожав двумя руками руку учителя) [1]; *Биз къол тутуштыкъ* (Мы пожали руки) [1].

Къолны / элини къакъытмакъ ‘трясти рукой’ в значении «отодвинься, уйди»: *Сонъ Джеваирге чевирильди, сен бар, ишинъни девам эте бер, деген киби, элини къакъытты* (Потом повернулся к Джеваир, и как бы говоря, ты иди, продолжай делать свою работу, помахал рукой) [12].

Выводы

В произведениях крымскотатарских писателей активно используются неоднословные лексические единицы с опорным компонентом **къол / эль** ‘рука’. Невербальное общение сопутствует речи, дополняя её, выполняя функцию уточнения информации, а иногда заменяя слова. Лексема **къол / эль** ‘рука’ в составе неоднословных лексических единиц в качестве опорного компонента используется в не менее десяти часто используемых неоднословных лексических единиц и несет более 15 значений.

Литература

1. Алядин Ш. Сайлама эсерлер. Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 1999. 640 с.
2. Асанова З.А. Лексические единицы, выражающие молчание, в произведениях Шамиля Алядина // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 1 (37). URL: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.22>. DOI: 10.18454/RULB.2023.37.22
3. Асанова З.А. Неоднословные лексические единицы с опорным компонентом къашлар ‘брови’ // *Современная наука. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. № 12-3. С. 72 – 74. DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.05
4. Алядин Ш., Дерменджи А., Шемьи-заде Э.Баарь эзгилери // *Сборник*. Ташкент: УзССР Девлет нефис эдебият нешрияты, 1957. 324 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // *Вопросы языкознания*. 1981. № 1. С. 36 – 47.

6. Дмитриева Ю.В. Аспекты невербального поведения с точки зрения языкового выражения // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. С. 168 – 174.
7. Дмитриева Ю.В. Национально-культурная специфика словесного отражения невербального поведения (на примере английской, немецкой и русской этнолингвокультуры) // Амурский научный вестник. 2023. № 1. С. 16 – 27.
8. Жэнь Фэй Невербальная коммуникация и её отражение в художественном тексте (на материале произведений А.П. Чухова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Киров, 2016. 191 с.
9. Ипчи У. Сайлама эсерлер. Симферополь: КъДжДММ «И. Гаспринский адына Медиамеркез», 2018. 464 с.
10. Паши И. Джанлы нишан: роман, повесть. Симферополь, 1998. 208 с.
11. Чеботникова Т.А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 300 с.
12. Эдемova У. Айдын геджеде: роман. Акъмесджит: Таврия, 2005. 340 с.

References

1. Aljadin Sh. Sajlama jeserler. Simferopol': K#yrym devlet ok#uv-pedagogika neshrijaty, 1999. 640 s.
2. Asanova Z.A. Leksicheskie edinicy, vyrazhajushhie molchanie, v proizvedenijah Shamilja Aljadina. Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). URL: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.22>. DOI: 10.18454/RULB.2023.37.22
3. Asanova Z.A. Neodnoslovnye leksicheskie edinicy s opornym komponentom k#ashlar 'brovi'. Sovremennaja nauka. Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. № 12-3. S. 72 – 74. DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.05
4. Aljadin Sh., Dermendzhi A., Shem'i-zade Je.Baar' jezgileri. Sbornik. Tashkent: UzSSR Devlet nefis jedebijat neshrijaty, 1957. 324 s.
5. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. O svoeobrazii otrazhenija mimiki i zhestov verbal'nymi sredstvami (na materiale russkogo jazyka). Voprosy jazykoznanija. 1981. № 1. S. 36 – 47.
6. Dmitrieva Ju.V. Aspekty neverbal'nogo povedenija s točki zrenija jazykovogo vyrazhenija. Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki. 2019. S. 168 – 174.
7. Dmitrieva Ju.V. Nacional'no-kul'turnaja specifiķa slovesnogo otrazhenija neverbal'nogo povedenija (na primere anglijskoj, nemeckoj i russkoj jetnolingvokul'tur). Amurskij nauchnyj vestnik. 2023. № 1. S. 16 – 27.
8. Zhjen' Fjej Neverbal'naja kommunikacija i ejo otrazhenie v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij A.P. Chuhova: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Kirov, 2016. 191 s.
9. Ipchi U. Sajlama jeserler. Simferopol': K#DzhDMM «I. Gasprinskij adyna Mediamerkez», 2018. 464 s.
10. Pashi I. Džhanly nišan: roman, poevst'. Simferopol', 1998. 208 s.
11. Chebotnikova T.A. Rechevoe povedenie lichnosti v diskurse hudozhestvennogo proizvedenija: roli, maski, obrazy: monografija. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2011. 300 s.
12. Jedemova U. Ajdyn gedzhede: roman. Ak#mesdzhit: Tavrija, 2005. 340 s.

*Asanova Z.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov*

Khol/el 'hand' token as part of non-word lexical units transmitting nonverbal human behavior

Abstract: the article on the material of the Crimean Tatar language considers non-verbal lexical units with a reference component khol/el 'hand', reflecting non-verbal human behavior. In the course of the study, it was established that in the works of Crimean Tatar writers, a significant share of gestures falls on various hand movements. Individual gestures are ambiguous: their meaning can increase or mean the opposite depending on the direction (from yourself/to yourself) and interaction with other parts of the body. Nonverbal communication transmitted by hand movement accompanies speech, complementing it, performing the function of clarifying information, and sometimes completely replacing words. The khol/el 'hand' lexeme as part of non-word lexical units is used as a reference component in at least ten commonly used phrases and carries more than 15 meanings.

The novelty of this work is to analyze non-verbal lexical units with the reference component khol/el 'hand', describing non-verbal behavior on the example of Crimean Tatar works.

Conclusions. The examples found and analyzed by us make it possible to note that gestures are significant units of non-verbal communication and the analysis of non-verbal lexical units, which use the khol/el 'hand' token, contributes to the study of non-verbal behavior of the Crimean Tatars.

Practical significance lies in the application of research materials in the practice of studying Crimean Tatar and other Turkic languages.

Keywords: Crimean Tatar language, lexical units, nonverbal lexical units, nonverbal communication, gestures, fiction

For citation: Asanova Z.A. Khol/el 'hand' token as part of non-word lexical units transmitting nonverbal human behavior. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (11). P. 227 – 231.

Received: August 2, 2023; Revised: October 4, 2023; Accepted: November 24, 2023.